

**РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА**

XI международные
историко-педагогические чтения
Часть I

Екатеринбург
2007

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА

**XI международные
историко-педагогические чтения
Часть I**

Екатеринбург
2007

УДК 370
ББК Ч 31
Р 68

Редакционная коллегия

Г.Е. Корнилов

доктор исторических наук, профессор (главный редактор)

З.И. Гузненко

кандидат исторических наук, доцент

В.Н. Земцов

доктор исторических наук, доцент

И.М. Клименко

кандидат педагогических наук, доцент

Г.А. Кругликова

кандидат исторических наук, доцент (отв. за выпуск)

**Роль исторического образования в формировании истории
М 77 чского сознания общества: сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-
т. - Екатеринбург, 2007. – Часть I. – 298 с.: табл., схемы.**

ISBN 5-7186-0328-6

В сборник включены доклады и сообщения, представленные на XI Международные историко-педагогические чтения, состоявшиеся на историческом факультете УрГПУ 22-23 марта 2007 г.

В публикуемых материалах отражены актуальные проблемы отечественной и региональной истории, теории и методики профессионального исторического образования, методологические проблемы школьных курсов истории и обществознания, воспитательного потенциала исторического образования.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории, теории и методики обучения и воспитания.

УДК 370
ББК Ч 31
Р 68

© Уральский государственный
педагогический университет, 2007

Содержание

Пленарное заседание

Днепров С. А. (Екатеринбург) О сущности исторического сознания.....	7
Баженова Н.Н., Корнилов Г.Е. (Екатеринбург) Формирование исторического сознания населения СССР в условиях 1930-х годов.....	10
Огоновская И.С. (Екатеринбург) Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по истории: дифирамбы и со- мнения.....	16
Смирнов С.В. (Екатеринбург) Историки Китая и проблемы интерпретации «новой истории» страны.....	24

Раздел 1. Актуальные проблемы отечественной истории в контексте современного исторического образования и формирования исторического сознания

Араи М. (Чиба, Япония) Антирелигиозное движение и изменение культурных основ в ураль- ской деревне в годы первой пятилетки.....	30
Баранов Е.Ю. (Екатеринбург) Архивные источники по аграрному развитию Урала в период сплошной коллективизации: вопросы внутренней и внешней критики (постановка научной проблемы).....	40
Бочкарева Е.С. (Екатеринбург) Развитие горной промышленности на Южном Урале в XVIII в. (на при- мере заводского хозяйства Лугининых).....	46
Булавин М.В. (Нижний Тагил) Религиозность уральских школьников на рубеже 1920–1930-х гг.....	49
Власов В.В. (Донецк, Украина), Клименко И.М. (Екатеринбург) Что такое Голодомор и откуда он появился.....	54
Воробьев С.В. (Екатеринбург) Моральный облик и должностные преступления уральских управлен- цев в начальный период НЭПа.....	60
Горин И.Н., Менщиков В.В. (Курган) Культурно-исторические символы и историческая память.....	67
Дашкевич Л.А. (Екатеринбург) Становление духовного образования на Урале.....	71
Жук А.В. (Екатеринбург)	

Проблема изучения военного фактора в истории Урала XX в.....	74
Захаровский Л.В. (Екатеринбург) Начальное профессиональное образование среди детей-спецпереселенцев в Уральской области (начало 1930-х годов).....	79
Ильиных И.В. (Нижний Тагил) Ритуалы «политического послушания»: чистки советского аппарата на Урале на рубеже 1920-1930-х гг.....	82
Козлов С.А. (Тюмень) Теория вожества в контексте скифской истории (На материалах VII – начала IV вв. до н.э.).....	87
Кориков Д.Г. (Екатеринбург) Противосектантское направление вероисповедной политики Российской империи в 1861 – 1904 гг.....	91
Крайнов Г.Н. (Бирск) Методология изучения современной многопартийности в аспекте политической модернизации России.....	95
Кругликов В.В. (Екатеринбург) Города Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект.....	106
Кругликова Г.А. (Екатеринбург) Международное сотрудничество в сфере охраны культурного и природного наследия.....	115
Лаврова И.А. (Сургут) Борьба с детской беспризорностью и законодательное регулирование преступности несовершеннолетних в 1930-е годы.....	123
Мельников Н.Н. (Екатеринбург) Внедрение конвейерно-поточного метода производства на заводах наркомата танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны.....	128
Мельникова Н.В. (Екатеринбург) От УФАНа к УНЦ: предпосылки и условия развития.....	134
Мирошкин М.А. (Екатеринбург) Налогообложение крестьянства в похозяйственных книгах Урала 1930-х годов.....	141
Михалев Н.А. (Екатеринбург) Население Ямала в начале XX в.: некоторые особенности демографических процессов.....	146
Мишенин С.Е. (Кемерово) Советская пресса как фактор формирования и поддержки «Смуты» в сознании граждан в годы «Перестройки» (1985 – 1991гг.) (по материалам многотиражной газеты «Железнодорожник Кузбасса»).....	156

Мосунова Т.Г. (Екатеринбург) Потенциал Свердловской области в осуществлении этнической политики: исторический опыт и современная практика.....	160
Мошкин В.В. (Нижевартовск) Становление подсобных хозяйств спецпереселенцев на Обь – Иртышском Севере в начале 1930 – х годов.....	164
Огоновская А.С. (Нижний Тагил) Роль музейной педагогики в формировании исторического сознания и самоактуализации личности обучающихся.....	169
Пименов К.А. (Екатеринбург) Труд заключенных в сфере реализации исправительной политики советского государства 1917 – начала 1930-х годов.....	173
Побережников И.В. (Екатеринбург) Пространственные аспекты российских модернизаций.....	176
Попп И.А. (Екатеринбург) Становление мировой юстиции в Пермской губернии (1873–1893 гг.): организационный аспект.....	183
Прохорова Г.А. (Курган) Роль историографического знания в формировании исторического сознания старшеклассников.....	189
Ряпусова Д.Н. (Екатеринбург) Свердловская киностудия в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.....	194
Сапожникова Т.В. (Оса) Краеведы-исследователи Осинского Прикамья.....	199
Семячкова В.В. (Екатеринбург) Ученичество и Русско-японская война (1904-1905 гг.).....	202
Сibaгaтoвa C.Ф. (Екатеринбург) Особенности русского религиозного сектантства на Среднем Урале в конце XIX – начале XX вв.....	206
Сперанский А.В. (Екатеринбург) Системный кризис в СССР начала 1980-х: нарастание негативных тенденций в советской экономике.....	211
Суржикова Н.В. (Екатеринбург) Реалии плена 1914-1817 гг. в контексте трансформаций власти и общества (на материалах Уральского региона).....	219
Сурина М.В. (Екатеринбург) Состояние и перспективы исследования этнических процессов на Урале во второй половине XX века.....	225
Сухоносова С.В. (Екатеринбург) Проблема сохранения Екатеринбургской городской лесной дачи в конце XIX — начале XX вв.....	235

Сушков А.В. (Екатеринбург) Первая интрига Л.И. Брежнева в высшем руководстве СССР: смещение Н.И. Беляева с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана в 1960 г.....	239
Тараканов М.Ю. (Нижний Тагил) Миграционное движение населения города Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны.....	247
Филиппова О.С. (Нижний Тагил) Реконструкция личности историка как компонент историографического исследования.....	264
Чаплыгин В. Ю. (Екатеринбург) Отечественная историография развития высшего педагогического образования в 1930-е гг. в СССР.....	267
Черноухов Э.А. (Екатеринбург) Социальная инфраструктура Нижнетагильского горного округа накануне отмены крепостного права.....	270
Чернышёва Е.В. (Челябинск) К типологии мемуарных источников (по материалам воспоминаний земских деятелей).....	275
Шведов В.В. (Екатеринбург) Становление и развитие научно-технических подразделений в системе органов внутренних дел Уральской области (1924 – 1931 гг.).....	280
Шумкин Г.Н. (Екатеринбург) К вопросу о роли казенных горных заводов в механизме ценообразования на рынке вооружений России в конце XIX – начале XX вв.....	284
Ярков Ю.М. (Екатеринбург) Актуальные проблемы современного развития многопартийной системы в России.....	290
Яркова Е.И. (Екатеринбург) «Красный бандитизм» как фактор социально-политического кризиса общества «военного коммунизма» (на примере Екатеринбургской губернии).....	294

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Днепров С. А.
(Екатеринбург)

О сущности исторического сознания

Сознание – объект исследования самых различных наук, отраслей знаний и видов деятельности. До середины XX в. оно интересовало только философов, а затем оказалось в поле зрения этики, социологии, психологии, экономики, юриспруденции, физиологии, кибернетики, искусствоведения и педагогики. Религиоведение, политология, этика, эстетика, педагогика и история в качестве предмета исследования имеют конкретные формы общественного сознания. Предметное изучение как обыденного, так и научного исторического сознания до сих пор является принципиально новым для отечественной науки.

Рассмотрение сознания в качестве необходимой и главной предпосылки, а также важнейшей стороны человеческой деятельности, направленной на изменение и преобразование предметного мира, позволило включить его в систему основных связей и факторов общественно-исторического процесса. В соответствии с новой трактовкой возможного разрешения противоречия историческое сознание не только «отражает», изучает свершившиеся события, но и во многом «определяет» их сущность, структуру и содержание. При этом нельзя забывать, что творит, преобразует не само сознание, а человек, наделенный сознанием. Такая методологическая посылка позволяет многое переосмыслить в историческом образовании.

Коренным образом меняется роль учителя, педагога. Из пассивного участника, «созерцателя» исторического процесса он превращается в его активного творца, но только при условии наличия у него развитого научного исторического сознания. Соответственно меняется и место образования в мире. Из второстепенной отрасли человеческой деятельности, призванной передавать из поколения в поколение «отраженный образ действительности» и обслуживать материальное производство (подлинного «преобразователя» сознания в методологии марксизма), способной лишь давать такому производству «трудовые резервы», образование превращается в важнейший фактор социально-экономического прогресса. Оно становится творцом истории. Ведь именно благодаря ему преобразуются все формы общественного сознания, а вместе с ним и весь окружающий человека мир – появляется ноосфера. Формируя и совершенствуя научное историческое сознание у родителей, учителей, студентов педагогических вузов и колледжей – будущих педагогов, мы получаем реальную возможность развивать и преобразовывать не только их сегодняшнюю, так и предстоящую деятельность.

На формирование гражданского общества в современной России активно влияют эмпирические знания, житейские представления, свойственные обыденному историческому сознанию, под которым мы понимаем способность человека к восприятию, пониманию и осмыслению общественно-политических событий во времени и себя в них на основе представлений, знаний, установок и стереотипов, свойственных повседневному опыту людей и доминирующих в социальной общности, к которой они принадлежат. В результате историческое сознание следует за общественным развитием, а для того, чтобы его созидательный потенциал использовался в полной мере, оно должно носить опережающий характер. Обыденное историческое сознание способно отражать бытие, но творить новую событийную реальность может только научное историческое сознание – способность человека к восприятию, пониманию, осмыслению и предвосхищению общественных событий во времени и себя в этом процессе на основе представлений, знаний, установок, базирующихся на изучении свойств, законов и закономерностей возникновения и развития явлений.

Учения, созданные на основе обыденного исторического сознания, в основном объясняли и толковали различные события, но они оказались не в состоянии сформировать целостный взгляд на историю и на этой основе предопределять ее развитие. Сегодня требуются метатеории, которые способны разрешить назревшие проблемы в науках и на этой основе реализовать опережающее общественное развитие. Метатеории могут быть разработаны только на основе научного исторического сознания. Обыденному сознанию доступно лишь вероятностное предсказание. Обоснованным прогнозом развития событий становится только благодаря научному сознанию. Задача науки состоит в том, чтобы найти способы постепенного преобразования «реального мира» через образование (преобразование) как отдельной личности, так и целых групп – коллективов, классов, поколений. Таким образом, разница в подходах к изучению сознания состоит в том, что философия изучает преимущественно общественное, а педагогика, психология и история – индивидуальное сознание. Причем философия исследует сознание в основном в его развитых формах, а истории надо прежде всего стремиться исследовать и процесс его генезиса: появления, развития и становления, а также принципы, методы, средства, формы и условия формирования.

Образование представляет собой тот «мостик», при помощи которого совершается переход от общественного сознания к индивидуальному и, наоборот, от индивидуального – к общественному. Первый путь – это путь школьного образования, а второй – творческий путь преобразования общественного сознания на основе индивидуального. История Геродота, механика Ньютона, протестантское учение Лютера, педагогика Коменского были глубоко индивидуальны по своему происхождению, и эта индивидуальность запечатлелась в их трудах настолько, насколько это допускает научно-логическая форма фиксации и изложения материала. Однако они воспроизводятся последующими поколениями людей

не как явления индивидуального, а как составные части общественного сознания. Человек не является просто точкой приложения действия внешних сил, а, будучи существом сознательным, интериоризует эти образцы, делая их достоянием своего внутреннего мира. Уже усвоенные, они в свою очередь также начинают влиять на поведение человека, образуя систему «внутреннего принуждения», т.е. воли. Обыденное историческое сознание воспроизводится в форме общественного сознания, а научное – в виде индивидуального.

Несмотря на все многообразие исторического сознания у различных людей, можно выделить определенные типы и виды, которые будут присущи большим группам. Даже в обыденной жизни мы замечаем, что профессиональная принадлежность накладывает отпечаток на человека, его мышление, поведение, отношение к миру, на его сознание вообще и на историческое в частности. Мы не исследовали историческое сознание только с точки зрения профессиональной деятельности, поскольку любой индивид обладает таким сознанием либо на обыденном, либо на научном уровне. Как одна из форм общественного сознания историческое сознание присуще всем людям.

В центре внимания научного исторического сознания должен находиться его генезис – происхождение и последующий процесс развития, приведший к современному состоянию, определяющий сущность, структуру, содержание, функции, уровни развития и факторы формирования события. Даже предварительные исследования генезиса научного исторического сознания показали, что обыденное сознание развивается спонтанно, а научное – целенаправленно формируется. Однако историческое образование пока не соответствует филогенезу и онтогенезу научного исторического сознания. На уроках истории учитель делает попытку сразу же сформировать интеллектуальную сферу исторического сознания (причем в основном – память), а эмоциям и чувствам, мотивам, нравственности и воле уделяется мало внимания. Как преодолеть эти недостатки? Для этого прежде всего необходимо системное рассмотрение генезиса научного исторического сознания: происхождения, развития и становления в филогенезе, а затем – современного состояния: сущности, структуры, содержания, функций, уровней развития и факторов формирования в онтогенезе. Системообразующим элементом исследования научного исторического сознания является определение его сущности, которое позволит добиться целостного анализа исторического сознания.

Сущность (то, что скрыто от непосредственного восприятия на основе эмпирических методов исследования и постигается только при помощи теоретического анализа) выявляется путем поиска отличий исторического сознания от родственных явлений: исторического мышления, исторического памяти, исторического мировоззрения, исторического культуры, а научного исторического сознания – от обыденного. Эти явления либо отождествлялись с научным историческим сознанием, либо противопоставлялись ему, либо научное историческое сознание рассматривалось как их составная часть.

На основе сведений о сущности научного исторического сознания можно исследовать его структуру – устойчивые связи между важнейшими составными частями, обеспечивающие целостность; отношения зависимости между составными частями и уровни развития – совокупность признаков, характерных для определенной стадии педагогического сознания, а также факторы формирования: основные причины его развития. Такие исследования позволяют разработать образовательную систему, чтобы добиться формирования научного исторического сознания вначале у будущих учителей, а затем – с их помощью и у их учеников. Его формирование в процессе образования должно как можно больше соответствовать филогенезу и онтогенезу, т.е. вначале следует развивать эмоционально-чувственную сферу, затем – мотивационную сферу, на ее основе – интеллектуальную, нравственную и волевою сферу научного исторического сознания. Научное историческое сознание, развитое на научном уровне, поможет вчерашним школьникам подготовиться к «со-творению» новой социальной реальности. Формированию научного исторического сознания способствует раскрытие в процессе занятий практической ценности научных знаний, представленных в виде системы понятий и категорий.

Сущность исторического сознания заключается в отличающих его от исторического мышления, памяти, мировоззрения и культуры совокупности смыслов и значений общественно-политической деятельности, функционирующих в виде представлений, понятий и категорий и отраженных в мотивах, ценностных ориентациях и поведенческих установках. Как в быденном, так и в научном историческом сознании эмоционально-чувственная сфера филогенетически и онтогенетически детерминирует развитие мотивационной, а та, в свою очередь, – интеллектуальной сферы. В быденном историческом сознании волевою сферу детерминирует эмоционально-чувственная, реже – мотивационная, еще реже – интеллектуальная. Историческое сознание оказывает определяющее воздействие на развитие исторического мышления, памяти, мировоззрения, деятельности и культуры.

**Баженова Н.Н., Корнилов Г.Е.
(Екатеринбург)**

Формирование исторического сознания населения СССР в условиях 1930-х годов*

Ситуация в российском обществе начала XXI столетия настоятельно требует от каждого гражданина уяснить социальное содержание исторического процесса, осмыслить характер преобразований. Это осмысление невозможно без всестороннего анализа социопознавательной деятельности общества как субъекта истории, без рассмотрения генетической связи исто-

рического прошлого с историческим настоящим и прогнозируемым будущим. В условиях социокультурных переходов и кризисов историческое сознание выступает в качестве одного из факторов социальной стабильности, выполняющего функции интеграции, консолидации различных поколений, социальных групп и индивидов. В переходный период отечественной истории историческое сознание призвано дать анализ исторического опыта, учесть уроки и ошибки прошлого, пересмотреть многие устоявшиеся концепции.

В советский период понятие и сущность исторического сознания разрабатывались философской наукой. Впервые философы обратились к этой теме в конце 1960-х годов (1). Главное внимание они концентрировали на гносеологической природе исторического сознания, на его взаимосвязи с исторической наукой, закономерностях формирования и генезиса, на его социальной природе. Актуализируется проблема в конце 1980-х годов, исследователи обращаются к теории исторического сознания в контексте проявления его в переходный период отечественной истории; выделили два уровня исторического сознания: стихийный и как знание и представление о пройденном пути и цель движения. А.С. Ахиезер исследовал механизмы социокультурных изменений в истории России через призму становления и смены системы нравственности – от вечевой, соборной и авторитарной, утилитарной и либеральной до её гибридных форм, в частности, «псевдосинкретической», положенной в основу новой российской государственности 1917 года. Он показал, как попытки избавиться от социокультурных противоречий реализуются в сознании и деятельности «расколотов» личности, в массовых процессах. В работах А.И. Панюкова сознание исследуется с учётом кризисных явлений в России, распад исторического сознания в перестроечный и постперестроечный периоды привёл к разделению моноплюралистического исторического сознания на самостоятельные подсистемы: фрустрированное сознание, консервативное критическое сознание, национальное сознание, демократическое космополитическое сознание, демократическое национально – нейтральное сознание, патерналистское сознание и др. Были выделены характерные черты исторического сознания в контексте российской действительности в условиях кризиса – мифологизм, политизация, идеологизация, инверсия ценностей, преобладание психологических моментов над теоретическим, неустойчивость.

Одним из первых предпринял попытку решить проблему сущности исторического сознания И.С. Кон. Он определил историческое сознание как «осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим» (2). Эту позицию разделяют и Ю.А. Левада, Б.Г. Могильницкий, А.И. Панюков, И.А. Гобозов. Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего, а настоящее как результат предыдущего развития,

оно и будущее воспринимает как проекцию реальных, совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшей ступени развития общества. Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономное пространство, они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены одним субъектом исторического действия – влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» (3).

Историческое сознание представляет собой сложное и многогранное духовное явление. Под историческим сознанием в науке понимается система идей, концепций, посредством которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций формируется представления о своём происхождении, важнейших событиях в своей истории и выдающихся деятелей прошлого, о соотношении своей истории с историей других общностей людей и всего человеческого сообщества. Тем самым общности людей, осмысливая своё прошлое, могут воспроизвести его в пространстве времени во всех трёх его состояниях: прошлом, настоящем и будущем, способствуя тем самым связи времени поколений, осознанию индивидом его принадлежности к определённой общности людей.

Историческое сознание является неотъемлемой структурообразующей частью общественного сознания и важнейшей категорией его анализа. В сфере общественного сознания рельефно обнаруживается социально-воспитательная функция и прагматика исторической науки, реализуется её мировоззренческий потенциал, познавательная и практическая ценность, задействуются механизмы её влияния на развитие общества и его отдельных групп. И, наоборот, главным образом через ситуацию, складывающуюся в общественном сознании и общественном мнении, через формирующиеся в их рамках стереотипы восприятия, уровни понимания и доверия, критерии полезности, идеальные образы и горизонты ожидания осуществляет детерминирующее воздействие социокультурного контекста на современное историческое знание и перспективы развития исторической науки.

Процесс формирования исторического сознания, зависящий от получения и осмысления исторической информации, в 1930-е годы в Советском Союзе имел специфические особенности. Формирование исторического сознания в значительной степени зависело от возможности технического обеспечения государством всех подконтрольных ему средств массовой информации (радио, газеты, журналы), от способности государственной власти держать под контролем институты, влияющие на формирование исторического сознания (музеи, кино, литература, театры, библиотеки и т.д.), от контроля всего процесса прохождения исторической информации от производителя до потребителя. Анализ исторических документов (4) показывает, что возможности советского государства как по массивированию, так и по фильтрации информации расширялись на протяжении 1930-х годов. Первые – за счет

постоянного роста материального потенциала и технических возможностей, вторые - благодаря неуклонной практике контроля за содержанием и формой подачи информации, жесткой кадровой политике, включавшей в себя репрессивные меры. В 1930-е годы сложилась многоступенчатая, неоднократно дублируемая жесткая система контроля за информационным потоком. Эта система действовала на всех этапах прохождения информации (планирование, производство, тиражирование, распределение), обладала высокой степенью эффективности. Она полностью выполняла поставленную задачу – обеспечение населения огромной страны заранее определенной суммой информации, содержавшей разрешенные идеи, отфильтрованные мысли и простые способы их подачи.

В определенном смысле в 1930-е годы были созданы благоприятные условия для формирования исторического сознания советского народа в нужном для властей духе и направлении.

В формировании исторического сознания населения советские власти особое место отводили исторической науке и образованию. Мощный толчок развитию исторической науки и исторического образования дало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (5). Было восстановлено преподавание истории в вузах и школах, снова открылись исторические факультеты в университетах. Произошло изменение в идеологических установках – от интернационализма к национальной истории, развернувшее весь горизонт исторического прошлого в русло продолжения имперской политики в сталинском варианте.

Властям удалось добиться от старой профессуры формального признания большевистской идеологии. В этом внешнем переходе ученых на марксистские позиции решающую роль сыграл фактор насилия, а вовсе не внутренняя убежденность. Власти последовательно осуществляли политику репрессий по отношению к гуманитариям старой школы. Верно подметила Е.В. Гутнова, поколения историков сталинской эпохи жили «в тисках страха, с одной стороны, и под прессом вечного, ничем не искупаемого общественного долга, - с другой» (6).

Восстановление исторических и историко-филологических факультетов должно было обеспечить выполнение постановления от 16 мая 1934 г. В той его части, где говорилось о подготовке новых кадров историков-специалистов. Среди основных проблем высшего исторического образования выделялась прежде всего нехватка учебников и пособий. Другой болевой точкой было положение с кадрами преподавателей, особенно в периферийных вузах.

Во главу угла в решении проблемы преподавания истории в школе встал вопрос о школьном учебнике. Если отсутствие вузовского учебника могли в той или иной степени заменить профессорские лекции, то в школе вопрос о

типе и характере учебников по истории стал основным в деле всей перестройки исторического образования. Использование опыта дореволюционного учительства, изменение кадрового состава педагогов из-за притока новых выпускников вузов, а также общая привычка средней школы к выполнению руководящих указаний привели к постепенной приживаемости новых концепций в стенах школ страны. Но решающую роль сыграло появление школьного учебника по истории под редакцией А.В. Шестакова.

В конце 1930-х годов были созданы условия для «нового прочтения» истории большевизма, служившей значительным фактором воздействия на массовое сознание. Изучение и преподавание истории ВКП(б) претерпели существенные изменения в 1930-е годы. Для И. Сталина было жизненно необходимо создание новой истории ВКП(б), в которой его главенство в партии и стране было бы логически обосновано и закономерно подтверждено. История партии служила для диктатора и оружием в борьбе с соперниками. К факторам, способствовавшим установлению нового взгляда на историю партии в 1930-е годы, следует отнести низкий уровень культуры и грамотности населения, относительная локальность во времени и пространстве событий и фактов, непосредственно относящихся к истории коммунистической партии. Новые концепции истории партии усиленно внедрялись в историко-партийную науку и партийное образование. Массовое сознание испытывало не меньшее влияние со стороны власти. Искусство послушно разрабатывало темы «двух вождей», приоритетов борьбы с врагами и уклонистами во всей партийной истории. Утверждению сталинской концепции были подчинены все звенья и структуры, влиявшие на процесс формирования исторического сознания.

Какова же степень проникновения новой концепции на все уровни исторического сознания общества?

Научная работа в сфере древней, средневековой, в сфере истории СССР периода феодализма проводилась в минимальной зависимости от властных директив, но и от господствующей идеологии. Как подчеркнуто в монографии «Очерки истории отечественной исторической науки XX века», это парадоксальным образом привело к реабилитации «старых» историков, репрессированных в начале 1930-х годов, а также возврату к конкретно-историческому материалу, освоенному предыдущими поколениями дореволюционных историков (7). Новая история освещалась в 1930-е годы практически в рамках официальной концепции и методологии, испытывая сильное влияние 1920-х годов, заглушавшее непрочные традиции дореволюционного периода. В истории СССР по мере хронологического приближения к современности и теоретического приближения к злободневным интересам власти профессионализм все сильнее приносился в жертву пропаганде. Изучение советской истории в 1930-е годы проходило по сути на обыденном уровне.

Высшее образование, которое более тесно, чем среднее, соприкасалось с наукой, быстрее ощутило произошедшие перемены. Учебный процесс на истфаках к концу 1930-х годов входил в нормальное русло. В средней школе положения учебника Шестакова не стали еще господствующими, влияние дореволюционных учителей и учебников, последствия марксистских экспериментов 1920-х годов сказывались на формировании исторического сознания школьников.

Интерес массового исторического сознания был обращен в большей степени к истории страны. Это совпало со стремлением власти осветить отечественную историю в необходимом ракурсе. Художественные произведения концептуально также находились в рамках официоза, поскольку были предназначены для всего населения, выпускались в свет под жесткой цензурой, историческая правда зачастую приносилась в жертву современной целесообразности. Неуклонно проводимая политика подавления альтернативных источников информации, репрессии пробуждавшие чувство самосохранения, сводили к минимуму открытое проявление несогласия с официальной линией, либо сомнений в ее верности.

Особенно массивно проходило внедрение в массовое сознание идей «Краткого курса истории ВКП(б)». В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «Краткий курс» был официально объявлен «энциклопедией марксизма-ленинизма». Исторический материализм в версии «Краткого курса» стал методологической основой советской исторической науки (8). Кампания, связанная с его выходом, проходила по традиционной для того времени схеме: посыл сверху – усердное исполнение массами под руководством среднего и низшего звена партийно-государственных управленцев при поддержке средствами пропаганды и агитации – перегибы – предостережение сверху – постепенное установление приемлемых форм и методов выполнения принятого решения. Пример пропаганды «Краткого курса» доказывает единство методов управления обществом, невзирая на то, относятся ли принимаемые меры к экономическим, социально-политическим или идеологическим сторонам жизни этого общества. С помощью этих методов постулаты «Краткого курса» были прочно закреплены в сознании большинства советских людей.

Таким образом, формирование исторического сознания советского общества в 1930-е годы – сложное и многоплановое событие советской истории. Ведущую роль в этом процессе традиционно играл фактор активного государственного влияния. Однако источники исторического сознания, передаваемые из поколения в поколение явились залогом устойчивого состояния исторического сознания, теми каплями истины, которые в конце концов точат камень лжи и фальсификации. Однако в рассматриваемый период силы этих двух сторон одного процесса были явно не равны.

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-7455.2006.6.

1. Лебедев Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 187-197; Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. №12. С. 42-52; Маклаков В.Т. Историческое сознание: природа, формы бытования, язык. Свердловск, 1987; Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989; Ракитов А.И. Историческое сознание. Системно-гносеологический подход. М., 1982; Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития (методологический анализ). Автореф. ... к.ф.н. Красноярск, 1995; Гобозов И.А. Введение в философию истории. М., 1999; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998; и др.
2. Кон И.С. Проблемы истории в истории философии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 4. Томск, 1986. С. 15.
3. Ясперс К. Осмысление и назначение истории. М., 1991. С. 135.
4. Общество и власть. Российская провинция. 1917-1941. Свердловская область. Документы и материалы / Отв. ред. А.А. Капустин, Г.Е. Корнилов. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 477-701; Общество и власть. Российская провинция. 1917-1945. Челябинская область. Документы и материалы / Отв. ред. Н.М. Рязанов, А.Н. Сахаров. Челябинск, 2005. Т. 1. С. 257-398; Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953 / Сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006. С. 131-146, 158-168; и др.
5. К изучению истории. Сборник. М., 1946.
6. Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 300.
7. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 320.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Часть III. 1930-1954. М., 1954. С. 316-332.

**Огоновская И.С.
(Екатеринбург)**

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по истории: дифирамбы и сомнения

2 февраля 2007 г. Совет Федерации внес изменения в ряд законов, связанных с образованием. И, к радости одних и сожалению других, с 1 января 2009 г. единой формой государственной аттестации выпускников станет ЕГЭ (1). 331 миллион рублей в год планируют сенаторы на проведение ЕГЭ. Сумма немалая, хотя и явно заниженная, ведь к государственным расходам добавляются и денежные вливания со стороны региональных властей. К примеру, проведение ЕГЭ по математике в Свердловской области в 2006 г. обошлось региональному бюджету в 53 рубля на один человекоэкзамен. С учетом того, что в этом экзамене участвовали 27 тыс. выпускников, общая

сумма расходов составила около 1,5 млн руб. (2). Заметим, что это расходы на проведение только одного экзамена.

Основные затраты на ЕГЭ в целом приходятся на оплату труда разработчиков заданий, экспертов, тиражирование материалов и бланков, информационную поддержку проекта, разработку программного обеспечения для баз данных и обработки бланков, статистический анализ и написание аналитических отчетов, подготовку специалистов (организаторов, экспертов, тьютеров), частичную поддержку деятельности различных структур (Федеральный центр тестирования, Федеральный институт педагогических измерений и др.).

Эксперимент по введению единого государственного экзамена по таким предметам, как математика, русский язык, литература, физика, химия, биология, география, история России, обществознание, иностранные языки, начался еще в 2001 г. Тогда только пять субъектов России приняли участие в ЕГЭ по истории (около 100 человек). В 2003 г. свои силы в знании истории России попробовали представители 25 регионов (26, 7 тыс.). В 2004 г. таких территорий было уже 38, и 41,5 тыс. выпускников выбрали данную форму итоговой аттестации по предмету. В 2006 г. экзамен по истории в формате ЕГЭ сдавали учащиеся 54 регионов (51 тыс. чел.) (3).

Начавшиеся с началом эксперимента по введению ЕГЭ споры его сторонников (идеологов) и противников (ученых, преподавателей вузов, учителей) не смолкают до сих пор, однако время, прошедшее с 2001 г., дало (дает) возможность осмыслить данное нововведение в целом.

Рассмотрим аргументы той и другой стороны.

Инициаторы ЕГЭ объясняют его введение целым рядом обстоятельств: необходимостью выровнять шансы выпускников столичных, городских и «провинциальных» школ при поступлении в вузы, стандартизировать требования и упростить процедуру поступления в высшие учебные заведения, снять с выпускников «двойной стресс» во время выпускных и вступительных экзаменов, исключить элемент субъективности на экзамене, сэкономить родительские деньги и нервы в период пребывания «чада» на вступительных испытаниях в другом городе, искоренить репетиторство, взяточничество и др. Отметим и еще один плюс ЕГЭ: выпускники проходят аттестацию по всему содержанию предмета в отличие от устного экзамена, на котором выпускник (абитуриент), по сути, участвуют в лотерее: его судьба (отметка) зависит от выбранного билета.

Возражений против этого нет. Бесспорно, лишний стресс детям не нужен, шансы выпускников должны быть равными, экзаменаторы должны быть беспристрастными, экзамен не должен быть лотереей, каждый абитуриент должен получить то, что заслужил. Но вот решает ли ЕГЭ все эти проблемы? Попробуем сформулировать мнение противников ЕГЭ, а также собственные сомнения в виде вопросов:

- равны ли шансы выпускников сельской и городской (столичной) школы, если представители последней в гораздо большей степени имеют возможность посещать подготовительные курсы, заниматься с репетитором, покупать последние новинки литературы (в том числе многочисленные издания по подготовке к ЕГЭ), посещать библиотеки, пользоваться Интернетом и т.д.?

- так ли уж необходимы стандартизированные условия проведения экзамена, ведь он не учитывает индивидуальные особенности учащегося (темперамент, характер, способности воспроизводить материал и др.)?

- не нарушает ли унифицированная процедура экзамена право учащихся на выбор формы предъявления результатов обученности?

- не попадает ли ученик в стрессовую ситуацию, приходя на экзамен в чужую школу, к «чужим людям», к «чужим стенам»?

- благом ли для выпускника является совмещенный экзамен, если он, выпускник, не имеет возможности улучшить свой результат в этом же году, ведь за год после неудачно сданного экзамена в жизни человека могут произойти огромные изменения, и он может потерять возможность вновь участвовать в экзамене?

- можно ли считать, что ЕГЭ способствует социализации личности в отличие от традиционного экзамена и в чем это заключается?

- исключает ли ЕГЭ элемент субъективности, ведь задания к экзамену подбирают конкретные люди, под конкретные учебники, которые не всегда и не во всем соответствуют требованиям ГОСа?

- насколько одинаково объективны будут эксперты Камчатки и Свердловской области при проверке заданий части С?

- почему выпускник, не сдающий историю в вуз, но выбравший ее в качестве выпускного экзамена по выбору, должен сдавать ее в форме ЕГЭ, а не в виде собеседования с педагогами?

- соответствуют ли предлагаемые контрольно-измерительные материалы всем необходимым нормам, и сколько времени еще потребуется их разработчикам для доведения их до совершенства?

- как быть с коммуникативной составляющей образованности, ведь она оказывается невостребованной на итоговой аттестации в формате ЕГЭ? Как проверить навыки устной речи, ведь в реальной жизни они более важны, чем умение вычислить правильный ответ в тесте?

- может ли компьютер, при помощи которого обрабатываются материалы, или абстрактный эксперт не только оценить степень гражданской зрелости выпускника, но и порадоваться этому?

- исключает ли ЕГЭ возможность утечки информации?

- не станут ли выпускники заложниками ситуации, когда результаты экзамена не будут в силу различных обстоятельств обработаны вовремя и не смогут быть представлены в экзаменационные комиссии вуза до зачисления?

- не получится ли так, что абитуриент, разославший свидетельство с баллами ЕГЭ во многие вузы, окажется в конечном итоге зачисленным в тот, где менее всего хотел бы учиться?

- насколько правдивы заявления о том, что поступившие по результатам ЕГЭ в вузы абитуриенты более успешны по сравнению с теми, кто сдавал экзамены в традиционной форме, ведь есть мнение и противоположное этому?

- не станет ли ЕГЭ единственной меркой оценки труда учителя и школы в целом, ведь уже сейчас известны случаи, когда педагогов «наказывают» за недостаточно высокие показатели учеников в ЕГЭ: лишают премий, понижают квалификационную категорию и др.?

Перечень вопросов можно продолжать до бесконечности, и это свидетельство того, что идеология экзамена не продумана до конца и требует тщательного осмысления, анализа и корректировки.

Перейдем к проблеме ЕГЭ по истории. Точнее, к самому «слабому звену» этого экзамена – контрольно-измерительным материалам (КИМам).

В прошлом году выпускники Свердловской области участвовали в ЕГЭ по математике, и наши коллеги, преподаватели математики, убедились в том, что данный формат может быть использован при итоговой аттестации обучающихся, так как адекватно отражает картину подготовки выпускников по предмету. Можно только порадоваться за коллег, ведь они получили убедительное, зафиксированное в письменном виде, подтверждение своим мыслям и выводам по поводу проблем преподавания математики. Но это все-таки математика. Точная наука, которая всегда имеет точные ответы. 2 + 2 всегда будет четыре, независимо от экзаменационной методики. С историей в данном случае гораздо сложнее. Даты, факты еще можно замерить при помощи тестов, но вот ответов на дискуссионные вопросы может быть множество: разных, противоположных. Как их замерить? Заменяет ли знание чужих мнений, оценок, версий собственные убеждения, взгляды, пристрастия?

Обратимся к контрольно-измерительным материалам по истории, авторами которых выступают известные ученые, педагоги, методисты. Отдадим им должное и скажем, что с каждым годом эти материалы становятся все более «удобоваримыми». Задания части С помогают увидеть несовершенство применяемых учителями методик и техник, отсутствие у учащихся определенных умений и навыков, которые выпускники должны предъявить при работе с историческим источником, различного рода информацией, при применении операций анализа, классификации, сравнения и др.

Разработчики КИМов утверждают, что учитывают при составлении заданий требования к выпускникам и базовый минимум содержания образовательных программ, заложенные в ГОСе по истории, а также содержание всех существующих учебников по предмету. Данное утверждение представляется

сомнительным, ибо очевидно, что сделать это просто-напросто невозможно. Проиллюстрируем это на простом примере. В ГОСе по истории (2004) не выделены персоналии, поэтому в различных учебниках их подбор отличается друг от друга (за исключением правящих и руководящих особ). Поэтому в учебнике А. Левандовского и Ю. Щетинова (М.: Просвещение, 1999) в теме «Внутренняя политика самодержавия в конце XIX – начале XX в.» встречаются фамилии С.В. Зубатова, Е. Азефа, М. Натансона, а в учебнике Н. Загладина (М.: Русское слово, 2003) они даже не упоминаются. И наоборот: в учебнике Н.В. Загладина есть сведения о П. Святополк-Мирском, А. Путилове, П. Рябушинском, а в учебнике Щетинова и Левандовского этих фамилий нет. В победившем на всероссийском конкурсе учебнике Н.В. Загладина, С.И. Козленко, С.Т. Минакова, Ю.А. Петрова (М.: Русское слово, 2004) встречаются фамилии Зубатова, Путилова, Коковцева, Боголепова, но отсутствуют фамилии Святополк-Мирского, Азефа и др. При таком разнообразии подходов авторов ученик становится заложником ситуации, ведь прочитать все существующие учебники ему не под силу (впрочем, как и учителю), а, следовательно, в предлагаемых на ЕГЭ заданиях он может столкнуться с персоналиями, о которых вообще ничего не слышал.

Вслед за этим возникает проблема объективности. Если просмотреть выходящие в настоящее время учебно-тренировочные материалы по подготовке к ЕГЭ, то невооруженным взглядом видно, что в большинстве своем авторы заданий составляли их под свои учебники или методические материалы. Таким образом, очень четко проявляется проблема субъективности авторов при выборе персоналий, версионных и оценочных сюжетов и даже обозначенных тем.

Серьезной критике можно подвергнуть и предлагаемые авторами задания части С. Даже в том варианте, который на тысячу раз проверен его создателями, встречаются множество несуразностей, ошибок, неточностей, некорректностей и др. К примеру, задание из демоверсии 2007 г.: Прочтите отрывок из речи российского монарха, произнесенной на торжественном обеде в Москве в 1856 г., и напишите имя этого монарха (далее на полстраницы текст речи). Совсем не понятно, зачем нужна сама речь, когда выпускник сразу может определить имя Александра II, который правил в 1855 – 1881 гг. Другой пример: соотнесите деятеля культуры и произведение. Названы Солженицын, Пахмутова, Бондарчук, Глазунов, а также продукт их деятельности: роман, фильм, песня, картина. В данном случае трудно не догадаться, что автором «Песни о тревожной молодости» является А.Н. Пахмутова.

Вызывает сомнение и необходимость целого ряда заданий типа: сравните систему управления Древнерусским государством при первых русских князьях (Олеге, Игоре) и при Ярославе Мудром. Так ли уж это важно для

современных школьников? Кроме того, тексты учебников и не позволяют выпускникам выполнить эти задания.

Еще один пример из демоверсии 2007 г. Авторы задания С7 предлагают выпускникам сравнить основные идеологические установки, подходы к партийному строительству и к методам политической борьбы большевиков и меньшевиков в период 1907 – 1916 гг. Возникает вопрос: почему выделен именно этот хронологический период, ведь расхождения во взглядах большевиков и меньшевиков обозначились еще в 1903 г.? Кроме того, в целом ряде учебников, даже учебнике-«победителе», данный аспект подробно вообще не рассматривается. Если же обратиться к указаниям к оцениванию, что можно увидеть, насколько неточно, неглубоко и непрофессионально сформулированы элементы ответа (создание революционной партии – это что: идеологическая установка, подход или метод? И разве такая задача не была уже решена?; различия во взглядах на буржуазию сложились у большевиков и меньшевиков разве только после 1907 г.? разве споры по Уставу партии начались в 1907 г.?; отношение к Первой мировой войне – это идеологическая установка, подход к партийному строительству или метод политической борьбы?).

Этот пример подтверждает мысль о том, что самое «слабое звено» КИ-МОВ – сами «ключи». Как быть, если в ключе названы три определенные причины того или иного события или явления, а выпускник указал другие? Что делать, если предложенные учащимся выводы не предусмотрены в ответах? Как быть, если выпускник предлагает версии, оценки, которые разработчики заданий не заложили в предлагаемую матрицу ответов? Говорят, что в международной практике принято проверять подобного рода задания только в соответствии с ключами. Может быть. Но где же тогда объективность? И как быть с сомнениями «в пользу ребенка»? И не случится ли так, что эксперты из Калининградской области будут проверять задания в соответствии с предлагаемыми несовершенными измерителями, а самостоятельные в своих оценках эксперты Свердловской области эти ключи откорректируют, и только потом будут проверять ученические работы. Ведь в таком случае может получиться так, что выпускники Свердловской области получат более высокие (или, наоборот, более низкие) баллы в сравнении со школьниками из других субъектов РФ.

Еще раз обратимся к Государственному образовательному стандарту по истории. В части требований к выпускникам помимо требований знать основные даты, персоналии, виды исторических источников присутствуют и следующие требования: показывать на исторической карте территории расселения народов, границы государств, объяснять свое отношение к наиболее значительным событиям и личностям, использовать знания об историческом пути и традициях народов России и мира в общении с людьми другой культуры, национальности, религиозной принадлежности, анализировать исто-

рическую информацию, представленную в разных знаковых системах, участвовать в дискуссиях и др. Представлены ли в КИМах задания в соответствии с данными требованиями? К сожалению, нет. Учебно-тренировочные материалы к ЕГЭ-2007 практически не содержат задания по работе с исторической картой, таблицами, графиками, диаграммами, в заданиях С 5 выпускникам предлагается воспроизвести различные (чужие) оценки тех или иных событий, подобрать аргументы и доказательства к ним, но совершенно не требуется высказывание собственного мнения. О возможности учащихся с кем-либо общаться во время экзамена вообще говорить не приходится.

Как, кстати, в учебниках представлены задания, при выполнении которых выпускники из года в год показывают низкие результаты (задания на сравнение, классификацию, систематизацию, оценки исторических событий и др.)? Если в учебнике Загладина, Козленко и других для 11 класса такие задания присутствуют, то во многих учебниках, особенно для выпускников 9 классов, таких заданий явно маловато. Из этого следует, что современные учебники по истории и в своей методической части еще далеки от идеала и не позволяют учащимся развить те умения и навыки, которые прописаны в качестве обязательных в Государственном образовательном стандарте.

Что еще бросается в глаза? Есть ощущение того, что разработчики КИМов уже изработались. Непростое это дело в течение 7 лет выдумывать задания в рамках одних и тех же тем да еще в десятках вариантов. Ну, сколько дискуссионных вопросов представлено в учебниках? Спор норманистов и антинорманистов, оценки декабристов, реформ Александров I, II, III, 1917 год... Круг этих вопросов и, соответственно, заданий исчерпаем. Можно сказать, что уже сегодняшний выпускник может просто-напросто «прорешать» все задания 2001 – 2006 гг. и быть спокойным: основная часть вопросов и заданий в той или иной мере повторится обязательно.

Продолжая разговор о ГОСе по истории и едином государственном экзамене, можно также сформулировать целый ряд вопросов:

- стоит ли изучать в школе всеобщую историю, если ЕГЭ проходит только по истории России? Может быть, целесообразнее посвятить два часа в неделю только отечественной истории?
- если изменять образовательный процесс в сторону практико-деятельностного подхода, то не следует ли сократить количество содержательных единиц в ГОСе по истории?
- прежде, чем вводить ЕГЭ по такому гуманитарному предмету, как история, может быть, следовало бы унифицировать подходы к содержанию школьных учебников?
- как быть с воспитательным потенциалом предмета истории, ведь ни одно задание формата ЕГЭ не обращено к ценностным ориентирам выпускников (да и замерить их как-то очень сложно)?
- какова роль в ЕГЭ краеведческой составляющей?

Тревожным и даже пугающим моментом в данной ситуации для нас, историков, является то, что при «начетническом» отношении к истории интерес ребят к ней будет снижаться. Мы уже сейчас видим, как выпускники все больше выбирают экзамен по обществознанию, и не столько потому, что это «социализирующий» предмет, а поскольку в истории надо больше запоминать, заучивать, читать. Странным представляется и решение некоторых гуманитарных факультетов вузов исключить экзамен по истории из числа вступительных. Может ли быть профессионалом политолог, философ, культуролог, журналист, не знающий глубоко истории своей страны? Впрочем, за этим стоит все-таки не отношение к конкретному предмету (истории), а желание вузов сохранить традиционную форму экзаменационного испытания. Поэтому и началась повсеместная замена экзамена по истории экзаменом по обществознанию.

Возвращаясь к ЕГЭ по истории, зададимся вопросом: как помочь учащимся достойно выйти из ситуации и показать себя (и учителя) на ЕГЭ с самой лучшей стороны, как «подстелить соломку», коли уж принят закон и избежать экзамена в формате ЕГЭ невозможно? Конечно, учителям необходимо систематически использовать форму тестирования в качестве промежуточной аттестации в различных модификациях (часть А, часть Б, часть С отдельно или в сочетании друг с другом). Бесспорно, настраивать ребят, что без знания дат, фактов, хронологических последовательностей, персоналий сдать экзамен будет очень сложно. Обязательно разнообразить формы деятельности на уроках, непременно работать с историческими источниками, почаще переводить текстовый материал в другие знаковые системы. Давать возможность учащимся больше писать. И писать аккуратно. Так выстраивать урок, чтобы ребята имели возможность оттачивать мастерство аргументации и доказательства. Только в этом случае выпускники будут иметь шанс на успех...

Никто в настоящее время не знает, как «всерьез и надолго» вводится ЕГЭ. Министр образования и науки РФ А. Фурсенко на заседании коллегии 25 октября 2006 г. заявил, что это «процесс безвозвратный» (4). Учителя и вузовские преподаватели надеются, что данный проект не просуществует долго. Инициаторы экзамена сулят ему жизнь вечную и счастливую. Выпускники пробуют себя. И выбор в любом случае будет за ними.

Но все-таки хочется спросить у идеологов ЕГЭ: не получится ли так, что выравнивание шансов приведет к резкому снижению качества образования по всей стране? Последние станут первыми не потому, что поднимутся до их уровня, а потому, что общий уровень опустится до неприличия. Не станут ли в конечном итоге и учащийся, и учитель винтиками бюрократической машины, отстраиваемой на месте системы образования? И, наконец, не означает ли введение ЕГЭ гибель гуманитарного образования в целом, ибо главное

в этом образовании – человек, причем человек думающий, говорящий, спорящий, дерзающий, ошибающийся, ищущий?

1. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2007 г. N 17-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена». Принят Государственной Думой 26 января 2006 г. Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2007 г. Подписан президентом РФ 12 февраля 2007 г. Вступил в силу 25 февраля 2007 г.
- 2 . Аналитический отчет ИРРО к коллегии Министерства общего и профессионального образования Свердловской области. 30.09.2007. Екатеринбург, 2007.
- 3 . Алексашкина Л.Н. и др. Учебно-тренировочные материалы для подготовки к единому государственному экзамену. История. М., 2005; Итоги проведения ЕГЭ в 2006 г. Единый государственный экзамен в 2007 г. // Преподавание истории в школе. 2006. № 10. С. 53.
- 4 . Итоги проведения ЕГЭ в 2006 г. Единый государственный экзамен в 2007 г. // Преподавание истории в школе. 2006. № 10. С. 53.

Смирнов С.В.
(Екатеринбург)

Историки Китая и проблемы интерпретации «новой истории» страны

Для историографии КНР исходной точкой нового времени в Китае традиционно считается первая опиумная война (1840-1842), положившая начало превращению страны в полуколониальную и полуфеодальную, или, как все чаще пишут современные китайские историки, обусловившая начало процесса модернизации. Соответственно новое время в Китае охватывает период 1840-1949 гг. – становления и развития капитализма в крайне сложных условиях полуколониального положения страны, а с 1949 г., победы «ново-демократической» революции, начинается период новейшей истории – строительства социализма в Китае. Между тем, развернувшиеся с конца 1970-х гг. реформы в КНР, «отцом» которых считается Дэн Сяопин, поставили на повестку дня необходимость определить форму общественного строя современного Китая и по-иному интерпретировать ключевые моменты предшествовавшего современности периода «новой истории».

В условиях широкомасштабного реформирования характер общественного строя постмаоистского Китая была обозначена в 1980-е гг. как «начальный период построения социализма», а в 1990-е гг. – как «рыночный социализм». «Рыночный социализм» (явление парадоксальное с точки зре-

ния ортодоксального марксизма), реабилитировавший рынок, частнопредпринимательские слои, возможность обогащения, не удовлетворяемый более теорией классовой борьбы, нуждался в более сложном теоретико-методологическом багаже. В 1980-90-е гг. теоретический багаж китайских историков обогатился идеями М. Вебера, концепциями модернизации и глобальной истории, постмодернистским «культурализмом».

Одной из первых проблем, к которой обратились китайские историки в конце 1970-х – 80-е гг., стала проводимая династией Цин политика «закрытых дверей». Изменение внешнеполитического курса постмаоистского Китая, связанного с переходом к политике открытости страны внешнему миру, повлекло за собой распространение негативной оценки политики «закрытых дверей» в исторических кругах КНР. Политика «закрытых дверей» стала рассматриваться как порождение абсолютистского феодального государства с его отсталой феодальной экономикой и обскурантизмом. Она явилась серьезным препятствием на пути поступательного развития китайского общества, препятствием для изучения и использования китайцами передовых достижений мировой науки, техники, идеологии, культуры. В целом, политика «закрытых дверей», говоря словами профессора Дай И, выступила политикой не самозащиты, как это интерпретировалось в 1960-70-е гг., а политикой медленного самоубийства (1).

В 1980-90-е гг. теория революции, классовой борьбы в китайской историографии отдала пальму первенства в качестве обобщающей теории в изучении новой истории Китая теории модернизации. Через призму модернизации стали оцениваться и интерпретироваться ключевые события китайской истории после первой опиумной войны: восстание тайпинов, движение за «самоусиление», реформы 1898 г., восстание ихэтуаней, Синьхайская революция. И здесь китайские исследователи, как отметил главный редактор журнала «Modern China» Филип (Цзунцзы) Хуан, оказались перед опасностью нескольких методологических «ловушек», в частности, «ловушек» западоцентризма и культурализма, включающего китаецентризм (2).

Западоцентристская «зависимость» выразилась, прежде всего, в понимании модернизации как процесса универсального, однолинейного, характеризующегося набором необходимых признаков, в «чистом виде» проявившихся на западном историческом материале. При всем многообразии содержания понятия «модернизация» оно должно было включать в себя по меньшей мере индустриализацию, демократизацию в политической сфере, открытость общества, модернизацию культуры и сознания людей. В данном случае ключевым вопросом для китайских историков стал вопрос об особенностях протекания модернизации на китайской почве, а точнее о причинах замедленности модернизации в Китае.

Сотрудник Института истории Хунаньской академии общественных наук Лю Юньбо выделил ряд обусловленных национальными особенностями

страны причин, благодаря которым модернизация в Китае шла «извилистым путем» (3). Во-первых, это отсутствие условий, достаточных для проведения модернизации, а именно: зарождающихся в недрах традиционного общества элементов капитализма (в экономике, общественном сознании и т.д.). При этом автор указывает на возникновение зачатков капитализма еще в эпоху Мин, которые, однако, не сумели развиваться вплоть до проникновения в Китай европейцев. Во-вторых, это отсутствие в обществе капиталистического, или «модернистского», сознания, презрительное отношение всех слоев китайского общества к «западным знаниям», отторжение всего западного. Однако самой важной национальной особенностью, сдерживавшей модернизацию в Китае, автор считает политическую систему феодального абсолютизма с высочайшим уровнем централизации власти, определявшей все стороны организации общества и все области общественного сознания, и ее культурно-идеологическую основу в виде конфуцианства. Таким образом, начавшаяся в 1860-е гг. в Китае модернизация в виде движения за «самоусиление», оказалась запоздалой, неподготовленной, преследовавшей узкопрактические цели сохранения династией Цин своей власти и противостояния варварам, что и обусловило ее извилистый путь. Прекращение движения «за самоусиление» после поражения Китая в войне с Японией (1895), способствовало выходу на политическую арену молодых буржуазных революционеров, которые начали реформы 1898 г., не имевшие классовой опоры и оторванные от прежнего движения за «самоусиление», а в дальнейшем инициировали столь же преждевременную Синьхайскую революцию.

Аналогичную точку зрения Лю Юньбо на причины замедленной модернизации в Китае высказывает сотрудник Гуанчжоуской социалистической академии Ван Есин (4). Первой причиной замедленности экономической модернизации в Китае, по мнению Ван Есина, было то, что страна несколько раз упускала благоприятные шансы в период с 1840 по 1919 г. Ни движение за «самоусиление», ни Синьхайская революция не сумели в достаточной мере реализовать программу необходимых преобразований. Второй причиной были особенности бюрократического управления страной в новое время, когда произошло соединение «капиталистической» алчности и неограниченной власти в руках чиновников. Китайская бюрократическая система не только не стала силой, ведущей по пути капитализма, но и помешала модернизации. Третья причина замедленности экономической модернизации – отсутствие в экономике движущих механизмов. Развитие капитализма в Китае в новое время происходило в узком пространстве между двумя силами – империализмом и феодализмом, что и определяло его слабость и уродливые формы. Основной же причиной замедленности модернизации в Китае, как считает Ван Есин, оказалось несоответствие «качества» китайского населения требованиям, предъявляемым модернизацией, что проявилось главным образом в трех сферах: психологии общества (построенной на строгом ки-

таецентризме и поклонении власти), структуре населения (с низкой численностью рабочего класса) и квалификации кадров (крайне ограниченное число специалистов).

Иначе говоря, открытость китайского общества, тесные связи с западным обществом являются главным условием успешной модернизации Китая. Как отмечает еще один китайский исследователь Хань Кэцин, «несомненно, тип развития [современного] Китая – это модернизация, и без связи с западным обществом не может быть и речи о “постмодерном состоянии”» (5).

«Ловушка» китаецентризма, несмотря на плодотворный в научном плане подход к Китаю с позиции его уникальности и необходимости изучения его традиции в присущих ей понятиях, заключается в стремлении если не отбросить, то, по крайней мере, свести к минимуму влияние Запада и западной традиции на процесс модернизации Китая. Работы такого плана близки концепции «early modern», отстаивающей незападный (оформившийся до прихода и без влияния европейцев) характер истоков модернизации в азиатских странах.

Типичной «китаецентристской» работой, по нашему мнению, является статья сотрудника Института гуманитарных и социальных наук при университете Цинхуа (Пекин) Ли Бочжуна (6). Ключевым вопросом для правильного понимания хода экономического развития Китая и роли в нем западных держав на протяжении нескольких предшествовавших 1840 г. столетий автор считает вопрос о том, сформировался ли в Китае до «опиумной» войны (1840-1842) единый национальный рынок. Как считает Ли Бочжун, европейская модернизация в ранний период нового времени выразилась в трех великих взаимосвязанных процессах: образовании национального рынка, возникновении капитализма и появлении национальных государств. Однако история Китая в ранний период нового времени отличалась от истории Европы. Прежде всего, в Китае задолго до 1500 г. завершилось формирование национального государства, но в то же время в период 1500-1840 гг. не наблюдалось быстрого развития капитализма. Зачатки капитализма в экономике страны играли крайне малую роль. Что же касается становления единого национального рынка, этот процесс шел весьма интенсивно в 1500-1840 гг. и, в целом, национальный рынок оформился к середине XIX в. Ли Бочжун выделяет произошедшие в Китае в начальный период нового времени перемены, создавшие основу для возникновения национального рынка. Это ослабление вмешательства государства в период династий Мин и Цин в экономическую жизнь; расширение сети водного транспорта и сухопутных дорог, интенсификация движение коммерческой информации; развитие местной специализации и разделения труда, ставшие основой экономического районирования; ускорение сосредоточения торгового капитала в руках крупных торговцев; коммерциализация деревни; усиление внутренней миграции населения и т.д.

По мнению автора, Китай в рассматриваемый период выступал в качестве центра восточноазиатской экономической системы, что перекликается с взглядами некоторых представителей «миросистемного подхода», в частности, Дж. Абу-Лукход и А. Г. Франка (7). Здесь Ли Бочжун не одинок. Другой китайский историк, Дэн Ган, считает, что деятельность Китая на море еще по достоинству не оценена и вплоть до 1900 г. Китай выступал морской державой (8). Торговля же со странами Запада до середины XIX в. не играла большой роли для Китая, и потому возможности влияния Запада на формирование китайского национального рынка были крайне ограничены, наоборот, развитие торговли с европейскими странами, приносившее стране большое количество серебра, стимулировало развитие национального рынка. Но если, по мнению Ли Бочжуна, Запад напрямую не влиял на становление национального рынка в Китае, то в XIX в. он выступил в роли его могильщика, сначала развитием опиумной торговли, а затем лишением Китая таможенной самостоятельности и прежних позиций во внешней торговле.

В аналогичном Ли Бочжуну ключе написана работа еще одного китайского историка Чжан Сюэмэна, посвященная проблеме зарождения рынка и рыночной экономики в Китае (9). Автор вполне в духе современного китайского «рыночного социализма» разводит понятия «рыночная экономика» и «капитализм», указывая, что рыночная экономика в Китае начала зарождаться в условиях феодального общества и прошла ряд этапов в своем становлении. В период Цинь и Хань наблюдалось зарождение традиционного рынка. С середины правления Тан до начала правления Мин продолжался этап развитого традиционного рынка. Довольно четко проявления рыночной экономики обнаружилось в середине правления династии Мин, особенно на территории провинций Цзянсу и Аньхуй, по берегам рек Янцзы и Хуанхэ. В XVI-XVIII вв. рыночная экономика в Китае сосуществовала с натуральным хозяйством, а зачатки капитализма с феодальными производственными отношениями. При этом ведущее место сохранялось за натуральным хозяйством, а господствующими оставались феодальные производственные отношения, что вело к крайне неоднозначным результатам развития. Рыночная экономика в Китае в данный период не смогла занять господствующее положение из-за целого ряда неблагоприятных условий: слабости денежной системы страны, недостаток сил у китайских торговцев для руководства рынком в силу существующих ограничений их деятельности, в том числе и правительственной политики «закрытости». Только с «открытием» Китая в середине XIX в. европейцами начался второй этап в развитии рыночной экономики в условиях становления капиталистической системы.

Как избежать методологических «ловушек», поджидающих исследователя периода, предшествовавшего новому времени, и новой истории Китая, когда соблазн, подогреваемый современным мощным экономическим прорывом страны, столь велик? Ответ на это пытается дать Ф. Хуан, американ-

ский китаевед китайского происхождения, отыскивая путь между крайностями господствующих теоретических подходов. Хуан, фиксируя западоцентристское происхождение понятия Modernity (западная форма развития, отождествляемая с новым временем и претендующая на универсальность), полагает, что это не может служить основанием для утверждения, будто данное понятие не уместно для анализа процессов общественного развития Китая. В то же время для Китая требуется «теоретическая автономия», новое мировоззрение, которое позволит ответить на вопросы, как можно быть «современным и одновременно китайским», как развивать современную цивилизацию, сохраняя национальное наследие, и «какой может быть сущность китайской цивилизации в современном мире» (10).

1. Ипатова А. С. Политика «закрытых дверей» Цинов: политика «самозащиты» или «самоубийства государства» (к постановке вопроса в современной историографии КНР) // Всемирная история и Восток: Сб. статей. М., 1989. С. 242-251.
2. Huang Ph. C. C. Theory and the Study of Modern Chinese History: Four Traps and a Question // Modern China. L., 1998. Vol. 24. № 2. P. 183-208.
3. Ермаченко И. С. Лю Юньбо. Модернизация в Китае и характерные национальные особенности страны // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2004. № 2. С. 213-224.
4. Ермаченко И. С. Ван Есин. Причины замедленности экономической модернизации в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2004. № 2. С. 213-224.
5. Милонов В. С. Хань Кэцин. Модерн, постмодерн и модернизация Китая // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2001. № 2. С. 12.
6. Ермаченко И. С. Ли Бочжун. Формирование национального рынка в Китае в период с 1500 по 1840 г. // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2001. № 2. С. 114-122.
7. Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // Время мира: Альманах современных исследований по теории истории, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 449-462; Франк А. Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад // Латинская Америка. 1993. № 2.
8. Ермаченко И. С. Дэн Ган. Деятельность на море и социоэкономическое развитие Китая с 2100 г. до н.э. по 1900 г. // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2000. № 1. С. 111-121.
9. Ермаченко И. С. Чжан Сюэмэн. Проблема зарождения рынка и рыночной экономики в Китае в XVI-XVII вв. // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 10. Китаеведение. 2000. № 2. С. 106-111.
10. Huang Ph. C. C. Op. cit. P. 191, 204.

РАЗДЕЛ I
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Араи М.
(Чиба, Япония)

Антирелигиозное движение и изменение культурных основ
в уральской деревне в годы первой пятилетки

Цель этого доклада – изучить великий переворот социальной системы в СССР, который называется «революция сверху», через рассмотрение культурной политики. Новая система, которая появилась в ходе этого поворота, уже имела характер, который до разрушения СССР сохранялся в советской системе власти. Существует много работ предшественников, которые изучали этот период и получили ощутимые результаты. Данное исследование основывается на их результатах.

Однако, с другой стороны, в большинстве этих исследований основное внимание сосредоточено на политико-экономическую историю, особенно на коллективизацию, но не изучали изменения самих крестьян. Вследствие этого, в данном исследовании рассмотрю этот период с другой стороны, то есть с культурного развития. Само собой разумеется, трудно изучать бытовые и духовные изменения крестьян. В этом исследовании я рассмотрю культурную политику в качестве намерения правительства и сопротивление крестьян этой политике.

В этот период культурная политика и распространение знаний тесно были связаны с социалистическим принципом. Это было не только умственное развитие, но и нравственное воспитание. «Культурная политика» понимается в очень широком значении: формирование системы в области образования, науки, искусства, быта и т. д. Из этих направлений я рассмотрю антирелигиозную политику. В дореволюционное время Русская православная церковь контролировала русский народ в сфере обычаев с рождения до смерти, образования, быта и т. д. Поэтому, чтобы управлять народами до уровня быта, новой революционной власти необходимо было уничтожить влияние религии, которое мешало проводить культурную политику власти. Борясь с религией и церковью распространялись социалистические знания, быт и новые обычаи. Поэтому, строительство социализма и антирелигиозная политика синхронно проводились. В этом исследовании будет исследована деятельность Союза безбожников, который играл главную роль в антирели-

гиозной политике.

В работах Т.А. Круглова, Н.И. Музафаровой, Л.П. Соколова, В.В. Хмелева, А.А. Чудиновских (1) исследованы в основном деятельность партийных организаций и комсомола Урала по атеистическому воспитанию трудящихся масс и выяснение хода «сверху» реформирования общества. Они подробно исследуют содержание, формы и методы антирелигиозной работы, но остаются некоторые проблемы – эффект политики на местах и соприкосновение крестьян этой политике. Эти проблемы необходимо изучить, потому что особенно в то время результат и реальности политики на местах отличались от цели советских властей.

Образование союза безбожников

На Урале, как в целом по стране, в изучаемый период появились многочисленные выступления не только из-за коллективизации, но и из-за наступления коммунистов на церковь. Многие крестьяне решительно сопротивлялись закрытию церквей и репрессиям священников, которые проходили одновременно при сплошной коллективизации. С января до апрель 1930 г. на Урале насчитывалось 27 выступлений крестьян. В них участвовали 4310 крестьян. Количество участников было большим, чем выступления против социализации (2).

С другой стороны, антирелигиозное движение среди крестьян не принуждалось односторонне сверху, а перед появлением единого общества, повсюду проходило и по инициативе самых крестьян. В 1921 г. в Воронеже впервые в СССР основалось общество безбожников (3). В 1922 г. в Москве началось издание еженедельной газеты «Безбожник» (до июля 1941 г.) и в связи с этим на местах были организованы кружки и организации безбожников. Осенью 1923 г. в Москве вокруг журнала «Безбожник у станка» образован Московский союз безбожников. На Урале в 1923 г. в Нижнем Тагиле первое объединение безбожников возникло (4). К январю 1925 г. в одном Ишимском округе насчитывалась 41 ячейка безбожников. В них насчитывалось более 2000 членов (5). Эти общества и кружки безбожников действовали разрозненно. В октября 1923 г. газета «Безбожник» впервые призвала к необходимости организовать центральную организацию, которая возьмет на себя объединенное руководство распространением организации и определит направление общего антирелигиозного движения. 27 августа 1924 г. организовано общество друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). В апреля 1925 г. проведен его первый съезд, на котором выбраны центральный совет и исполнительное бюро. Этот съезд принял резолюцию, которая сообщает, что все организации проводят антирелигиозную пропаганду. В июне этого года ОДГБ переименовалось в «Союз безбожников». В дальнейшем появились его низовые организации (областные и окружные конференции Союза безбожников). На Урале в декабре 1928 г. проведен первый съезд Союза безбожников

Уральской области. В области организованы 10 окружных организаций. До первого областного съезда организации безбожников не доходили до райо-
нов и их движение был инертным (6). 10 июня 1929 г. проведен Второй
всесоюзный съезд Союза безбожников, на котором он переименовался в
«Союз воинствующих безбожников» и решил повернуть прежнее направле-
ние управления организациями, в котором местной самостоятельности при-
давалось большое значение.

Подготовка актива

Таблица 1 свидетельствует, что между первым (дек.1928 г.) и вторым
(окт. 1930 г.) съездами Уральского союза безбожников резко увеличивалось
число ячеек и членов. Подготовка актива через курсы или кружки намеча-
лось вместе с ростом членов. Но таблица 2 свидетельствует, что сравнитель-
но с ростом ячеек и членов подготовка актива проведена недостаточно.

Таблица 1 (7)

Рост Союза безбожника по Уральской области

	1 дек. 1928 г.	1 июня 1929 г.	20 окт. 1930 г.	20 фев. 1930 г.
ячейки	552	1184	—	—
члены	11 629	32 080	127 000	145 684

Таблица 2 (8)

Подготовка активистов Союз безбожников на Урале (окт. 1928 г. – май 1929 г.)

округа	Курс	Семинар	Антирелигиозной кружок	Передвижная школа
Златоуст	52 чел.		621 чел.	
Пермь	21 чел.	72 чел.	315 чел.	75 чел.
Свердловск	22 чел.			
Челябинск	52 чел.			
Тагил		41 чел.		

Вследствие этого можно предположить, что членов, который получил
систематическое воспитание, когда вступил в Союз безбожников, мог орга-
низовать и руководить антирелигиозной работой, было очень мало. На пер-
вом съезде Союза безбожников Уральской области отмечался недостаток
личного состава, за один год планировалось принять в него 10 тысяч человек
(9). Вместе с этим отмечалось, что из-за увеличения членов работа в ячейке
стала безответственной, исчезали порядок работы, вместе с ростом надо
улучшить качество членов (10). Вследствие этого перевоспитание членов
через курсы или семинары и привлечение новых членов проводились одно-
временно.

Массовая работа

1. Наступление на церковь

Таблица 3 свидетельствует, что на 10 марта 1930 г. было закрыто по Уральской области 681 религиозное здание, в их числе и церкви, и часовни. Из них 280 зданий употреблялись под школы, избы-читальни, Красные уголки и т. д.

Таблица 3 (11)

Использование и закрытых религиозных зданий на 10 марта 1930 г. в Уральской области

округ	используемые	закрытые	в т. ч. употреблены с другими целями	в т. ч. не использовались
Верхне - Камский	-	9	6	3
Златоустовский	43	42	24	18
Ирбитский	Сведений нет			
Ишимский	158	10	9	1
Коми - Пермский	6	нет данных		
Курганский	158	13	8	5
Сарапульский	217	66	32	34
Пермский	640	29	21	8
Свердловский	231	54	-	-
Свердловск	-	18	4	14
Тагильский	261	58	-	-
Троицкий	151	25	9	16
Тюменский	75	289	149	140
Тобольский	54	43	-	-
г. Челябинск	6	6	4	2
Челябинский	сведений нет			
Шадринский	181	19	14	5
Всего:	2181	681	280	246

Уже в декабре 1925 г. в Ишимском округе по инициативе местных крестьян 2 часовни были приспособлены под школу (12). Но многие источники

отмечают, что закрытие церковей осуществлялось принудительной силой. Например, в Шадринском округе, когда решили закрыть церкви, на собрании формально отмечалось, что это шло по инициативе населения, но на самом деле было принуждение, как хлебозаготовки и коллективизация (13).

2. Агитация и пропаганда

В сфере антирелигиозной работы осуществлялось не только закрытие религиозных зданий, но и проводилась работа по распространению научных знаний через кружки, собрания, различные курсы и т. д. Чтобы уничтожить веру и страх к богу верующих, члены Союза безбожников пытались объяснять таинства и чудеса религии. Например, на озере, которое местные верующие считали святым, один из безбожников зажег икону на глазах у верующих, чтобы отрицать существование наказания бога, чуда и самого бога (14). В одной школе проведено занятие, на котором школьники должны с научной точки зрения объяснить ложь чуда, которую доказывал священник (15).

Такая агитация и пропаганда проводилась главным образом в культурных заведениях.

3. Культурные заведения

18 марта 1928 г. прошло восемнадцатое собрание секретариата Уральского областного комитета партии. Оно обсудило состояние антирелигиозной пропаганды по Уральской области, было отмечено, что клуб, изба-читальня, библиотека и все культурные заведения должны включиться в антирелигиозную работу в свой план деятельности (16). Количество культурных учреждений постоянно росло: клубов стало больше в 2 раза, избачитален – почти 1,5 раза.

Таблица 4 (17)

**Количество культурных заведений по Уральской области
(1925 г. – 1930 г.)**

	Культурные заведения			
	клуб	библиотека	изба-читальня	красный уголок
1 декабря 1925 г.	455	1738	1644	
1 декабря 1926 г.	423	1820	1700	
15 декабря 1927 г.	27	2165	1716	1917
1928/29 г.	88	1779	1736	
1932 г.	064	1583	2397	

Клуб

Результат обследования (18) 6 клубов, проведенный в 1929 г., свидетельствует, что в течение мая-июня 1929 г. в этих клубах проведено 14 докладов и 6 лекций, на них присутствовали 4112 чел. Их темы были следующими: «Контрреволюционная деятельность церкви»; «Устройство космоса»; «Жизнь и эволюция»; «Пьянство – враг социализма»; «Происхождение бога» и т. д. Следовательно, проводились не только антирелигиозные темы, но и естественно – научные и бытовые темы включались в антирелигиозную пропаганду.

Обследование заключило, что из-за недостатка помощи в антирелигиозной работе со стороны клуба и в квалифицированных организаторах, если же при клубах создана антирелигиозная ячейка, то он сразу разрушался и не мог вести постоянную работу в клубе.

Библиотека

Всего 5 библиотек, которые находятся в Шадринском и Свердловском округах области, в феврале 1929 г. имели 32252 книги. В их числе антирелигиозной литературы было 2052 экземпляра, или 6,4 %. Причина этого состояла в недостатке в антирелигиозной литературе. В среднем во всех этих библиотеках антирелигиозной литературы было 1 – 2 % от всего количества книг (19). В условиях недостатка книг и средств на их пополнение, использовалась читка книг. Библиотекарь, которая работала в Некрасовской библиотеке (Свердловск), отмечала, что читка – самая хорошая форма для антирелигиозной пропаганды.

Изба-читальня и красный уголок

Решение бюро Уралобкома от 20 августа 1929 г. «О массовой политической и культурной работе в колхозе» отметило, что изба-читальня должна быть в центре внимания каждого колхоза, поскольку является одним из активнейших организаторов работы по поднятию политического и общеобразовательного уровня колхозников (20). Избы-читальни, как фронт строительства новой деревни, во время первой пятилетки значительно развились. В 1929 г. в 20 районах обследовали, как проводят избы-читальни антирелигиозную работу, и получили следующие результаты: не проводят ее – 3 района; проводят ее без плана – 8 районов; есть развитие – 9 районов; проводят ее систематически – 4. Из 20 районов 13 районов хорошо проводили антирелигиозную работу, а только в 4 районах работали по плану. Среди форм антирелигиозной работы чаще всего проводились читки, беседы и спектакли. В антирелигиозных кампаниях часто привлекалась художественная самодеятельность. Самыми распространенными были спектакли и живые газеты (21). Их содержание имело политический характер. Например, живая газета «Оскорбление священника», которую деревенская самодеятельная художественная группа ставила, имела такое содержание. Один бездушный

священник, который обманывал верующих, сказал, что мне все равно, если здоровый верующий заразился гепатитом или сифилисом из-за поцелуя креста, проводил всякую контрреволюционную работу в деревне. Но он разочаровался в своем будущем, в конце концов сам стал отрицать существование бога (22). Такой спектакль пользовался популярностью среди крестьян, у которых развлечений было мало. Но избы-читальни почти не имели антирелигиозной литературы и нуждались в средствах на пополнение книг. При такой обстановке спектакль, беседа и читка, которые без книг могли проводить и привлекать к участию безграмотных, занимали главное место в антирелигиозной работе. Таким же образом вокруг изб-читален организовывались различные кружки и в них многие крестьяне принимали участие (23).

Деятельность религиозной организации

В 1927 г. на Урале существовали 4908 чел. религиозных руководителей, в том числе; а) тихоновщина, староцерковники – 306 чел., б) церковное обновленчество – 787 чел., в) старо-обрядчество (поповцы) - 191 чел., г) старообрядчество - 120 чел., д) мусульманское духовенство- 673 чел., е) католик - 5 чел., ж) протестант - 1 чел., з) еврейское духовенство – 3 чел., и) различные секты - 38 чел. (24)

Материальная база религиозных организаций после революции становилась все меньше и меньше. Причинами этого уменьшения являлись не только огромные налоги, которыми революционное правительство облагало религиозные общества, но и сокращения проведения религиозных обрядов. Так, в Чусовой проведение религиозных обрядов уменьшилось: крещений – на 65%, похорон – на 68%, церковных свадеб– на 9%. В Свердловской области один священник, характеризуя церковную деятельность, отмечал, что посещаемость церквей в последние пять лет стала в два раза меньше. В 1922 г. он по каждому воскресенью благословлял 120 пар, но в 1928 г. свадеб было 10 раз в месяц (25).

Таблица 5 свидетельствует об уменьшении прихода религиозных обществ.

Таблица 5 (26)

Денежные доходы религиозных обществ на Пермском округе в 1927 - 1928 гг.

Феодосьевский приход	1927 г.	9896 р. 77 коп.
	1928 г.	3797 р. 26 коп.
Приход поселка Балмотная	1927 г.	2112 р. 99 коп.
	1928 г.	975 руб.
Старообрядческий приход	1927 г.	918 р. 66 коп.
	1928 г.	676 р. 20 коп.

При такой обстановке как могли действовать религиозные общества? На местах среди священников и верующих было такое направление - притворяться, сделать вид, что идут на компромисс с советскими властями. Материалы архивов сообщают, что муллы часто пытались показать сходство между исламом и марксизмом, Мухаммедом и Марксом, исламскими законами и советскими законами. А один священник отмечал, что Христос был сын кустика и его происхождение являлось пролетарским (27).

Но, как выше указано, в деятельности Союза безбожников, который являлся незрелым в сфере организационной и материальной базы, религиозное общество имело возможность действовать. Оно проводило не только религиозную работу, но и антисоветскую пропаганду. С одной стороны, церковь и священники репрессировались, с другой стороны, секты все больше и больше увеличивались. То есть вера и религиозные поступки уходили из общественной жизни, прятались в индивидуальном нравственном мире.

Между антирелигиозной и религиозной пропагандой

До конца первой пятилетки, начиная с деятельности Союза безбожников, антирелигиозная пропаганда была недостаточной из-за недостатка актива и материалов. Но часть работы была переложена новыми вариантами развлечений массам, особенно молодежи.

Дьякон Фотиев (Пермский округ) сказал, что молодежь ходит в церкви, хотя они не молятся. А священник Анисимов отметил, что причинами непосещения церкви являются беседы или встречи с друзьями. Одинаковые случаи сообщает обследование об обряде пасхи в Уральской области в 1928 г. В пасху многие люди посещали церкви для того, чтобы только слушать хор, поэтому в течение обряда не прекращались беседы, и даже проповедь прерывалась шутками (28). То есть были некоторые люди, которые не за верой, а за развлечениями ходили в церкви. Напротив, в Златоустном округе молодой человек, которому отказали в приеме в комсомол, вошел в секту (29). Не могу сказать, что антирелигиозная пропаганда вызвала такую непоколебимую ситуацию, но при такой ситуации даже незрелый Союз безбожников мог привлекать на свою сторону некоторые массы, особенно молодежь, посредством проведения новых советских обрядов или предложения различных развлечений – спектакль, вечер, читка, бесед, кружок и т. д. – против религиозных праздников. Если массы считали мероприятия безбожников развлечением, на самом деле у них содержание носило крайне политический характер. В течение первой пятилетки через библиотеки и избы-читальни распространялись коммунистические мысли, в том числе через газеты, журналы, радио, кино, спектакли и т. д., и это было местом, в котором люди могли собрать и получить разъяснение коммунистической мысли через читки, беседы, кружки и т. д. Следовательно, местные крестьяне получили возможность знакомства с центральной политикой. Внутрипартийное положение широко становилось известным даже в уральской деревне. И в Перм-

ском округе даже один священник использовал внутривнутрипартийную борьбу в своей антисоветской пропаганде (30). В 1930 г. на Урале, как в целом по стране, после публикации в «Правде» статьи И. Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возлагал ответственность за перегибы коллективизации на местных руководителей, многие крестьяне, узнав об этом, вышли из колхозов. Этот случай говорит, что информация центральной политики широко доходила до уральской деревни. Основой этого были изменения культурных основ в деревне.

Заключение

В течение первой пятилетки в уральской деревне, как в целом по стране, быстрыми темпами проведена насильственная коллективизация и раскулачивание. В этой обстановке был организован Всесоюзный союз безбожников, чтобы распространять и утвердить коммунистическую мысль вместо религии. После второго съезда Союза безбожников (июнь 1929 г.), на котором был принят лозунг «Борьба с религией – борьба за социализм», связь антирелигиозной работы с строительством социализма стала еще крепче. Ячейки Союза безбожников активно работали в весеннюю посевную кампанию, которая прямо не связана с антирелигиозной работой (31). С одной стороны, количество членов этого союза быстро увеличивалось, но, с другой стороны, из-за быстрого увеличения членства и недостатка подготовки членов, актива, который мог руководить систематической и организованной работой, не хватало. Из-за этого в течение первой пятилетки антирелигиозная работа носила кампанейский и несистематический характер. Поэтому нужно сказать, что в этот период намерение центра, его решения не всегда доходили до мест. По сообщениям с мест, местный актив, ячейки часто совершали перегибы (32). В такой обстановке культурные заведения при проведении антирелигиозных мероприятий предложили крестьянам новые варианты развлечений. Крестьяне, которые не согласны были с проводимой политикой властей по различным причинам, вовлекались в нее, потому что крестьяне достигли знания центральной политики. Таким образом, в течение «революции сверху» в деревне не только осуществлялась постройка колхозной системы, но и параллельно продвигались культурные и идеологические новшества, причем не только по инициативе властей.

1. Круглова Т.А. Деятельность комсомола Урала по атеистическому воспитанию молодежи (1923-1927 гг.) // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1967; Музафарова Н.И. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917-1937). Иркутск, 1987; Соколов Л.П. Из истории борьбы Шадринской окружной партийной организации за атеистическое воспитание трудящихся (1923-1925 гг.) // История КПСС. Свердловск, 1963; Хмелев В.В., Чудиновских А.А. Атеистическое воспитание тружеников уральского села в предвоенные годы (1933-1941 гг.) // Развитие культуры уральской советской деревни 1917-1987 гг. Свердловск, 1990; Чудиновских А.А. Деятельность партийных

- организаций Урала по атеистическому воспитанию трудящихся (1933-июнь 1941 гг.). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Свердловск, 1981.
2. Плотников И.Е. Крестьянские волнения и выступления на Урале в конце 20-х – начале 30-х годов // Отечественная история. 1998. № 2. С. 84.
 3. Коновалов Б.Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. М., 1967.
 4. Музафарова Н.И. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917 – 1937 гг. / На материалах Урала / Автореф. дис. ... доктора истор. наук. Екатеринбург, 1992.
 5. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Свердловск, 1980. С.107-109.
 6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.8-10 об.
 7. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.669. Л.64.
 8. ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.12-22 об.
 9. Там же. Л.8-10 об.
 10. Там же. Л.39-41.
 11. ЦДООСО. Ф.4. Оп.9. Д.217. Л.86.
 12. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Свердловск, 1980. С.107-109.
 13. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.169. Л.9-10 об.
 14. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.169. Л.2-8.
 15. ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.12-22 об.
 16. ЦДООСО. Ф.4 Оп.7 Д.418 Л.4, 6-7.
 17. Составлено по данным: Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г. Свердловск, 1926. С. 46-47; Уральское хозяйство в цифрах 1927 г. Свердловск, 1927. С. 59-60; Уральское хозяйство в цифрах 1928 г. Свердловск, 1928. С. 70-71; Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. Свердловск, 1929. С. 62-63; Уральское хозяйство в цифрах 1930 г. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 106-107; Уральское хозяйство в цифрах 1931-32 г. Свердловск, 1933. С. 355.
 18. ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.48-53 об.
 19. Там же.
 20. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937 гг.). Свердловск, 1970. С.340.
 21. ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.48-53 об.
 22. Там же.
 23. Уральское хозяйство в цифрах 1929 г. Свердловск, 1929. С. 65.
 24. Антирелигиозник. 1927. №.3. С.41-42.
 25. ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.12 - 22 об.
 26. Там же.
 27. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.169. Л.2 - 8; Д.669. Л.106 - 106 об.
 28. ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.12-22 об.; Оп.6. Д.446. Л.26-29.
 29. ЦДООСО. Ф.4. Оп.7. Д.418. Л.12-22 об.
 30. Там же.
 31. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.669. Л.23-24; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.Р-233. Оп.1. Д.1278. Л. 1-13.
 32. Например, ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.169. Л.9.

Баранов Е.Ю.
(Екатеринбург)

Архивные источники по аграрному развитию Урала в период сплошной коллективизации: вопросы внутренней и внешней критики (постановка научной проблемы)*

Сегодня историкам, другим обществоведам и всем, кто интересуется историей, доступны огромные массивы архивных документов, в том числе ранее засекреченных, что позволяет претендовать на объективную и достоверную реконструкцию исторического прошлого советского государства. Это относится и к истории нашей страны в «переломную» эпоху сплошной коллективизации, когда произошла смена хозяйственного уклада деревни. Однако перед историками все чаще встает проблема наиболее оптимального использования документов в качестве источников научно-исторического исследования. В связи с этим возникает необходимость их систематизации, анализа информационного потенциала, выяснения достоверности сведений, содержащихся в документации различных видов, то есть требуется проведение специального источниковедческого исследования. В настоящей статье в рамках постановки научной проблемы предпринята попытка оценить информационный потенциал архивных источников по аграрному развитию Урала в период сплошной коллективизации, представить наш взгляд на проблемы классификации источников по теме и выяснения достоверности их сведений, то есть привлечь внимание исследователей к вопросам внутренней и внешней критики исторических источников.

Архивные источники по теме, выявленные в федеральных архивах, таких как Российский государственный архив экономики, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, а также в региональных государственных архивах Удмуртии, Башкортостана, Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Пермской, Курганской областей могут быть разделены на следующие группы: сельскохозяйственная статистика, нормативно-правовые документы органов государственной власти и ВКП(б), делопроизводственная документация партийных органов, советских учреждений и организаций, демографическая статистика.

Изучение статистики сельского хозяйства позволяет охарактеризовать уровень сельскохозяйственного производства, установить объемы продовольственной продукции. Сводные материалы статистических органов,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ проект № 06–01–00331а.

учетная документация, оперативная отчетность колхозов, совхозов, МТС, сохранившиеся в фондах центрального и местных статистических управлений, Госплана, сельскохозяйственных секторов обкомов ВКП(б), региональных плановых отделов исполкомов состоят из статистических данных по сельскому хозяйству и потреблению продовольствия. В документах имеются сведения о динамике и составе посевных площадей, севооборотах, урожайности, валовых сборах сельскохозяйственных культур, динамике численности мясомолочного и рабочего скота, птицы, заготовках и распределении продукции растениеводства и животноводства, проводимой агрикультурной работе, затратах человеческого труда, количестве тракторов, мощности тракторного парка, доходах хозяйств и их распределении, нормах потребления продовольственных продуктов; объемах оптовой и розничной торговли по основным видам продуктов питания (мука, мясо, молоко, овощи) и др. По этим показателям можно судить о ситуации, сложившейся в аграрном комплексе, определить наличие запасов сельскохозяйственной продукции в регионе, охарактеризовать уровень продовольственного обеспечения региона и его населения.

При изучении темы важное значение имеют документы органов партийно-государственной системы власти, отложившиеся в фондах Центрального и областных партийных комитетов, высших, центральных и местных исполнительных органов власти. Партийно-государственный аппарат с помощью законодательных и иных нормативно-правовых актов стремился всецело контролировать производственно-хозяйственное развитие страны, в том числе ход сельскохозяйственных и заготовительных кампаний, продовольственное и семенное обеспечение населения, оказание продовольственной и семенной помощи. Совместные постановления ЦИК, СНК СССР и ЦК ВКП(б) носили законодательный характер, постановления местных советов и партийных комитетов – распорядительный.

В федеральных и региональных архивах отложился значительный комплекс делопроизводственной документации партийных органов, советских учреждений, заготовительных и снабженческих организаций, содержащей сведения о проведении посевных, уборочных, хлебозаготовительных кампаний, неудовлетворительном снабжении населения, оказании продовольственной и семенной помощи хозяйствам, а также голодающим. Это организационно-распорядительные, плановые, учетные, контрольные, отчетные материалы и текущая переписка.

Организационно-распорядительные документы регламентировали проведение сельскохозяйственных кампаний, вопросы, связанные со снабжением населения, принятием мер по борьбе с заболеваниями, обусловленными недоеданием и голодом. Основным организационно-распорядительным документом являлось постановление. Уральский, Удмуртский, Башкирский обкомы ВКП(б) и облисполкомы принимали совместные постановления по годовым планам заготовок хлеба, овощей, мясомолочной продукции и воз-

врата продовольственной и семенной ссуд в разрезе районов, секторов и культур. Бюро обкомов партии утверждали месячные планы посевных, уборочных, заготовительных кампаний и агрикультурных мероприятий. Решения обкомов ВКП(б) об оказании продовольственной помощи и предоставлении семенной ссуды хозяйствам области, о продовольственном снабжении и др. также оформлялись в виде постановлений бюро или пленумов обкома.

Отдельную группу организационно-распорядительной документации составляют протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), протоколы и стенограммы заседаний бюро обкомов ВКП(б) и президиумов облисполкомов, совещаний работников партийно-государственного аппарата. В этих документах находится информация о ходе сева, уборки урожая, выполнении плана хлебозаготовок и снабжении населения. Стенограммы заседаний партийных и государственных органов предоставляют возможность рассмотреть механизм «определения виновных» в невыполнении планов, позволяют выяснить отношение местного партийного и советского руководства к задачам, поставленным центральной властью.

Особое значение при изучении темы имеет плановая документация по заготовительным кампаниям. Планы изъятия хлеба из уральской деревни могли корректироваться центральным и местным руководством, как в течение года, так и в границах одного месяца.

Главы местных властных структур – первые секретари обкомов партии, председатели облисполкомов – информировали центральное руководство о производственно-хозяйственном развитии региона. Докладные записки, письма, телефонограммы, телеграммы в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, в СНК СССР В.М. Молотову содержат отчетные, контрольные данные о ходе сельскохозяйственных и заготовительных кампаний, а также сведения о недостатке тягловой силы, недостаточном продовольственном снабжении населения, голоде, хищениях хлеба. Аналогичная информация направлялась в комитеты заготовок и резервов СТО, наркоматы снабжения и земледелия. В начале 1930-х годов отправленные в Москву документы заканчивались просьбами об оказании продовольственной и семенной помощи, пополнении тракторного парка, предоставлении заготовительных льгот отдельным районам и др.

В архивных фондах хранятся докладные записки секретарей райкомов партии, руководителей предприятий и организаций, колхозников, справки ОГПУ и прокуратуры, письма граждан, в которых содержатся сведения о трудностях в проведении сельскохозяйственных работ, продовольственных проблемах в городе и деревне, а также о голоде и его жертвах. Многие документы, имеющие грифы «Секретно», «Совершенно секретно», «Строго секретно», «Не подлежит оглашению», стали доступны исследователям только в 1990-е годы.

Боль и лишения простых граждан отражены в их письмах в Уральский обком ВКП(б), первому секретарю Уральского обкома партии И.Д. Кабакову

и генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину. Рабочие и крестьяне не понимали, почему они, сражавшиеся за революцию, работавшие на социалистических стройках, живут в нищете и страдают от недоедания и голода.

Демографическая статистика дает возможность рассмотреть влияние ситуации с продовольственным обеспечением на демографическое поведение, проследить потери населения Урала вследствие голода начала 1930-х годов. Данные о количестве рождений, смертей, браков, разводов в городской и сельской местности находятся в сводных разработках и справках статистических органов. Голод приводил к росту числа заболеваний, таких как туберкулез, брюшной и сыпной тиф, оспа, цинга. Статистика заболеваний отражена в документах органов учета и органов власти.

При выяснении достоверности сведений архивных документов устанавливаются авторство документа, место, время и цели его создания, определяются подлинность, способ воспроизведения текста, «каналы» получения информации, базовые источники создания документа (1), т.е. учитываются элементы внешней критики источника. Документы в основном машинописные, но есть и рукописи, последнее в особенности касается писем граждан. Наряду с подлинниками в архивах находятся копии, заверенные копии, отпуски без оригиналов. В большинстве документов указаны автор, время и место их создания. При выяснении достоверности учитываются пометы на документах, включая авторскую правку, делопроизводственные отметки, резолюции. Критическое отношение к содержанию документов требует проведения сопоставления, сравнения сведений различных документов, опубликованных и принадлежащих разным архивным фондам. Прежде всего, это касается статистической информации, когда встречается два, а иногда три или четыре значения одного признака. Такие состояния отмечаются для данных по валовым сборам, объемам заготовок, урожайности, количеству смертей, рождений и др. Имеет место и искажение статистики, в особенности сводной. Причиной этого могли быть ошибки в расчетах, различие методик учета и расчета данных, а также нельзя исключать влияние субъективных факторов, в том числе идеологии. Только сочетание внешней и внутренней критики источников позволяет воссоздать наиболее достоверную картину аграрного развития Урала в годы сплошной коллективизации.

С конца 1980-х годов историки и архивисты развернули активную деятельность по публикации документов, вовлекая в научный оборот прежде недоступные, в том числе ранее секретные, архивные материалы. В федеральном центре и регионах издаются сборники документов по истории советской деревни накануне и в годы сплошной коллективизации (2). В сборники вошли документы партийных, судебных органов, советских учреждений, прокуратуры, ОГПУ, содержащие сведения по ходу коллективизации и раскулачивания, методам их проведения, фиксирующие общественное мнение, отношение крестьянства к происходящим процессам и сопротивление форсированным темпам смены форм организации производства, админист-

ративному нажиму, насилию со стороны власти. В археографическом описании публикуемых документов отдельное внимание уделялось элементам внешней критики источника.

Особый интерес представляют две серии документальных материалов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» и «Советская деревня глазами ВЧК – ГПУ - ОГПУ – НКВД» (3). Они включают документы центральных архивов и архива ФСБ о насильственном проведении коллективизации в деревне, хлебозаготовках, в ходе которых из деревни изымалось нередко продовольственное и семенное зерно, продовольственных затруднениях и голоде в стране. В документальную серию «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» входят обобщающие документы партийных органов, государственных, колхозно-кооперативных учреждений, организаций, ОГПУ, содержащие сведения общесоюзного и республиканского значения по регламентации преобразований в деревне, описанию их проведения, и документы местных учреждений и отдельных советских граждан, показывающие осуществление решений коммунистической партии в регионах и реагирование на них населения. Сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД» также является уникальным изданием. В нем опубликованы циркуляры, обзоры, докладные записки, информационные доклады, сводки, спецсводки, почтотелеграммы, справки ОГПУ о ходе колхозного строительства, сельскохозяйственных кампаний, проведении репрессий, настроениях крестьян, антисоветских выступлениях, состоянии хлебного, мясного, сырьевого, мануфактурного рынка, борьбе со спекулянтами и частником на рынке и др. В сборниках представлены документальные материалы информационного и аналитического характера.

Значительную работу по вовлечению в научный оборот новых комплексов исторических источников путем публикации документов проводят уральские ученые. Что касается заявленной исследовательской тематики, то в первую очередь необходимо отметить сборник документальных материалов «Продовольственная безопасность Урала в XX веке» (4). Сборник был подготовлен в Институте истории и археологии УрО РАН под руководством профессора Г.Е. Корнилова и д.э.н. В.В. Маслакова. В этом издании впервые в рамках исторической науки ставится проблема продовольственной безопасности. Во втором томе данного издания содержатся письма крестьян, колхозников о перегибах при организации колхозов, докладные записки секретарей райкомов ВКП(б) в окружкомы ВКП(б), Уральский и Башкирский обкомы партии о ходе колхозного строительства, хлебозаготовок в регионе и возникших в связи с этим проблемах с продовольствием, информационные доклады, справки и письма областных исполнительных и партийных органов, ОГПУ о ходе заготовительных кампаний, состоянии торговли и снабжения населения, решения партийных и государственных организаций по продовольственным вопросам и проведению посевных, уборочных и заготовительных кампаний, а также другие материалы, характеризующие состоя-

ние сельского хозяйства и продовольственного обеспечения населения Урала в 1929–1930-е гг. Во многих документах имеются сведения о голодании населения в начале 1930-х гг. (5).

В 2005 г. издан сборник документов и материалов «Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.» (6). В него вошли документы, извлеченные из 2 федеральных архивов и 7 государственных архивов уральского региона. Опубликованные в сборнике информационные и аналитические материалы раскрывают процессы, происходившие в аграрном производстве, в т.ч. земледелии, животноводстве, материально-техническом обеспечении уральского села, методы проведения и объемы заготовок сельскохозяйственной продукции, продовольственное обеспечение горожан и продовольственное положение селян, голод на Урале, демографическую ситуацию. Документы фиксируют уровень продовольственного обеспечения, его структуры и механизмы реализации, которые находились в зависимости от сельскохозяйственного производства, перерабатывающих отраслей, торговли.

Обзор источниковой базы темы аграрного развития убеждает нас в сложности и масштабности поставленной научной проблемы. Охват подобного объема данных предполагает проведение глубокого источниковедческого исследования.

1. Г.Е. Корниловым выполнение этих процедур обозначено в качестве логического анализа источников, см.: Корнилов Г.Е. Источники по аграрной истории Урала. Екатеринбург, 1996. С.9–10.

2. См.: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927 – 1932 гг. Сб. документов / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930–весна 1931 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск, 1992; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.) / Отв. ред. В.В. Алексеев. Сост. Т.И. Славко, А.Э. Бедель. Екатеринбург, 1993; Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье (Материалы по истории Курганской области) / Отв. ред. В.В. Пундани. Сост. И.Е. Плотников. Курган, 1995; Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения / Отв. ред.-сост. Л. Виола, Т. Макдоналд, С.В. Журавлев, А.Н. Мельник. М., 1998; Раскулачивание в Зауралье (на материалах Тюменского, Ишимского, Ирбитского и Тобольского округов). 1928–1930 гг. Сб. документов / Под ред. Л.В. Алексеевой. Сост. И.Е. Плотников. Нижневартовск, 2004.

3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. Т.1; М., 2000. Т.2; М., 2001. Т.3; Советская деревня глазами ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т.1; М., 2001. Т.2.

4. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Документы и материалы. В 2 т. / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000.

5. Продовольственная безопасность Урала в XX веке... Т.2. С.16–141.

**Бочкарева Е.С.
(Екатеринбург)**

**Развитие горной промышленности на Южном Урале в XVIII в.
(на примере заводского хозяйства Лугининых)**

Возникновению и развитию горной промышленности на Урале посвящено множество исследований, но, несмотря на это остается еще множество белых пятен в истории российской промышленности в целом и уральской горнозаводской промышленности, в частности. Это касается и промышленного комплекса Южного Урала в период его возникновения и становления.

Существует ряд особенностей, сопутствовавших возникновению горной промышленности в южной части Урала. Она возникла в очень важную эпоху экономического развития России, в 50-60-е гг. XVIII в., на 50 лет позже, чем промышленность Среднего Урала. Пространства Южного Урала не были еще освоены по причине постоянной угрозы со стороны местного населения – башкир. Но одно из важнейших отличий состояло в том, что промышленность на юге создавалась частными капиталами, в то время как на Среднем Урале преобладали казенные предприятия (1).

Этому способствовала государственная политика, направленная на поддержку инициативы именно частных лиц, желающих приобрести или построить заводы на территории Южного Урала. Всем желающим и имеющим возможность предписывалось «...отыскивать в Оренбургской губернии руду, краски и камень на казенных и частных землях и учреждать заводы беспрепятственно, по сношению с местным начальством» (2).

Одним из виднейших представителей купеческого сословия, ставший в последствии владельцем крупного промышленного комплекса на Южном Урале был Ларион Иванович Лугинин. Заводское хозяйство Лугининых состояло из пяти заводов: Златоустовского, Троице – Саткинского, Кусинского, Артинского и Миасского (3). В отличие от таких заводчиков, как И. Твердышев, И. Мясников и Я. Петров, Л. Лугинин начал развивать свой промышленный комплекс не с постройки новых заводов, а с покупки действующих предприятий. В 1769 году основатель династии Ларион Иванович Лугинин приобрел сразу два завода: Златоустовский (4) и Троице – Саткинский (5).

Косотуровский чугунолитейный, железоделательный и медеплавильный Златоустовский завод был построен Мосоловым в 1760 году на реке Ай, притоке Уфы и оборудован одной домной, шестью молотами и шестью медеплавильными печами (6). И железные, и медные рудники находились поблизости от завода, разработка железных руд шла прямо с поверхности, а медные залежали тоже не глубоко (7). Западнее Златоустовского при слиянии

запруженных Большой и Малой Сатке бал выстроен в 1758 г. бароном Строгановым Саткинский (Троице - Саткинский) железный завод. Он имел две доменных печи и девять молотов, но из-за недостатка воды домны могли работать только летом. Железные руды богатого содержания находились недалеко от завода, а леса было вполне достаточно.

После покупки Златоустовского и Саткинского заводов, Ларион Лугинин принял решение расширить свое заводское хозяйство. В 1770 и 1773 годах он сообщил Берг-коллегии о своем намерении построить еще два завода на реках Кусе и Миассе. Заводчик получил разрешение, но от воплощения этих планов его отвлекли более насущные дела. Ларион Иванович занялся пополнением рабочих кадров. Для этого были куплены несколько заводов в Нижегородской губернии (Верхнее-Чугунский, Нижнее-Чугунский и Корельский), позднее эти заводы не были восстановлены, так как выполнили свою главную функцию – принесли Лугинину 414 душ мужского пола (8). На предприятиях Южного Урала проблема недостатка мастеровых и рабочих людей стояла еще острее, чем на Среднем Урале. Плотность населения была невелика, а к 50 годам XVIII в. все ближайшие к Оренбургской губернии села и деревни государственных крестьян были уже приписаны к казенным или частным заводам Северного и Среднего Урала. Самым надежным способом пополнения заводов рабочей силой была приписка государственных крестьян к заводам. Однако этот источник был доступен не всем. Лугинин же не вошел в число благодетельствованных казной заводчиков.

В 1777 г. Л.И. Лугинин завершил строительство Миасского или Петропавловского медеплавильного завода. Разрешение от Берг-коллегии на его постройку заводчик получил еще в 1773 году. Лугинин руководствовался тем, что наличие медеплавильных печей на доменных и передельных заводах имело существенные недостатки: печи большую часть времени бездействовали из-за недостатка воды, кроме того, чаще всего медные рудники располагались далеко от заводов. Таким образом, новый завод был построен в верховьях Миасса (притока Исети) в 30 верстах от реки Ай, по которому уже отправлялась продукция Златоустовского завода. Миасский завод заменил медеплавильное отделение Златоустовского завода, вместо 6 медеплавильных печей, на Миасском было поставлено 8. Таким образом, Миасский завод не представлял собой новое предприятие, а был только выделением с Ая на Миасс медеплавильных печей ближе к новым рудникам, открытым в 1770 г. Хотя печей стало больше лишь на 33 %, выплавка Миасского завода в 1782-1787 гг. была выше добычи меди на Златоустовском в 1766-1767 гг. в 1,5 раза. Но, несмотря на расширение заводского хозяйства, началось его постепенное угасание. Одной из главных причин этого было несвоевременное строительство завода, поскольку его необходимо было возвести еще в 1770 г., когда были открыты новые рудники на Миассе (9).

В 1787 г. был пущен Артинский завод. Разрешение на постройку завода на купленной у башкир – вотчинников земле в 1760 г. получил граф А. С. Строганов, но к строительству не приступил, а в 1769 г. продал землю Л. И. Лугинину (10). Завод строился Иваном Лугининым, внуком Л. И. Лугинина, по указу Пермского Наместнического правления от 22 декабря 1783 г. Были возведены 2 молотовых фабрики. Оборудование составляли 8 кричных горнов и 8 молотов, позднее были поставлены 2 кричных и 1 плющильный молот. Предполагалось построить еще и доменную печь, но найти по близости месторождение железных руд не удалось и пришлось ограничиться только железоделательным производством. Завод обладал значительными передельными мощностями, был хорошо обеспечен древесным топливом и гидравлической энергией, находился в 2 верстах от пристани на судоходной Уфе и мог отправлять продукцию удобным водным путем (11). Главными недостатками завода были: отсутствие чугуноплавильного производства, его оторванность от основных предприятий владельца Златоустовских заводов. Чугун для передела предприятие получало из Саткинского и Кусинского заводов, он доставлялся за 180-200 верст по зимнему пути гужевым транспортом, что значительно удорожало продукцию.

По указу Уфимской торговой палаты, на реке Кусе, впадающей в реку Ай, приток Уфы, в 24 верстах от Златоуста был построен Кусинский завод. Место на р. Кусе, удобное для строительства завода, было известно еще в начале 60-х гг. XVIII в. И на него претендовали Иван и Григорий Алексеевичи Мосоловы, которые хотели построить вододействующий железоделательный завод с достаточным количеством молотов. Их идею воплотил в жизнь один из наследников Л. И. Лугинина отставной капитан Иван Максимович Лугинин, который весной 1788 г. начал строительство завода с сооружения плотины. 15 января 1789 г. завод был пущен с одной домной и кричной фабрикой. Первое время предприятие сосредоточилось на выделке железа, получая чугун для передела с Саткинского и Златоустовского заводов (12). В 1790 г. на заводе имелось уже 2 домны, которые не действовали и считались запасными, а также 2 молота. 22 марта 1797 г. завод начал плавку чугуна, став, таким образом, чугуноплавильным и железоделательным. При этом чугуноплавильное производство стало главным, а железоделательное – второстепенным. В 1797 г. предприятие имело 2 домны (1 действующая, 1 запасная), 8 молотов.

Это лишь один из примеров успешного развития горной промышленности на Южном Урале. Конец XVIII в. – ее расцвет на том уровне технического развития, который был возможен на данном этапе исторического процесса. Причина этого кроется в наличии на Южном Урале трех неперемных условий успешного развития и функционирования промышленных предприятий: наличие рек, лесных массивов и месторождений железных руд и меди.

1. Вагина П. А. Заводы Южного Урала в 50-60-х гг. XVIII в: Дис....канд. ист. наук. Л., 1950. С. 1.
2. ПСЗ. Т. XIV. № 10244. С. 169.
3. Кашинцев Д. История металлургии Урала / Под ред. М. А. Павлова. М., Л., 1939.
4. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.
5. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д 886. Л. 14.
7. Любомиров П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. Л., 1937. С. 105.
8. РГАДА. Ф. Берг-коллегии. Кн. 340. Л. 6, 6 об.
9. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 89.
10. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.
11. Черноухов А. В. Единственный в стране: (история завода). Свердловск, 1987.
12. Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 182.

Булавин М.В.
(Нижний Тагил)

Религиозность уральских школьников на рубеже 1920–1930-х гг.

В течение минувших ста лет школа не раз оказывалась одним из центральных объектов религиозной политики государства. Любая смена официального курса в этом вопросе немедленно находила отражение в системе образования: советская эпоха началась с провозглашения отделения школы от церкви, в наши дни в обществе и правительственных кругах оживленно обсуждается вопрос о введении в систему школьного преподавания элементов религиозного воспитания.

Подобная взаимосвязь является глубоко закономерной – будучи одним из важнейших инструментов социализации личности, школа неизбежно воплощает государственный заказ в сфере идеологии. Государство всегда пристально следит за содержанием и направленностью образования школьников, так как по прошествии сравнительно недолгого срока они займут господствующие позиции в обществе. Внимание историка в этой связи привлекают «кризисные» эпизоды, когда заявленные цели государственной политики настороженно или враждебно встречаются значительной частью социума. Подобного рода коллизии как раз и были характерны для периода «великого перелома», когда официальный атеизм намеревался окончательно утвердиться в школьных стенах.

Стремясь добиться увеличения объемов антирелигиозной пропаганды в школе, партийно-государственные органы и руководство атеистического движения были заинтересованы, прежде всего, в точном определении уровня

религиозности учащихся. С этой целью в ряде уральских городов и сел в течение 1928 – 1929 гг. были проведены соответствующие обследования школьников, в ходе которых использовалось, в основном, сплошное анкетирование в определенных школах и группах (классах). Наиболее подробные их результаты нам известны применительно к Перми и Мотовилихе, Нижнему Тагилу, Первоуральску.

Необходимо отметить, что методика организации этих обследований позволяла получить результаты высокой степени достоверности. Через анкетный опрос пропускались все ученики, он проводился анонимно и, как правило, одновременно, «чтобы избежать внушения окружающих на ответы ученика» (1). В этом плане школа находилась в привилегированном положении. Господствовавший при опросах на предприятиях принцип добровольности возврата анкет не позволял получить надежные данные.

Полученные результаты оказались в значительной степени неожиданными и для профессиональных атеистов, и для школьных работников. До этого, в ходе повседневного наблюдения жизни школы у многих складывалось впечатление об небольшой значимости религии для учеников. Один из выступавших на Первом уральском областном съезде Союза безбожников свидетельствовал: «Если вы будете разговаривать с ребятами, начиная с самых младших групп, то у вас... может создаться впечатление, что вы разговариваете с маленькими безбожниками» (2). Однако после обработки анкет выяснилось, что по ряду школ и групп количество религиозно настроенных детей достигает 70 % (3). Даже в сравнительно «благополучной» Перми был выявлен 21 % школьников, которые сознательно верят в бога и исполняют религиозные обряды (4). Доля ребят, которых можно считать носителями неявной, латентной религиозности была, вне всякого сомнения, еще больше. Например, обследованием в Нижнем Тагиле обнаружено лишь 6 % детей, посещающих церковь, и 9 %, исполняющих религиозные обряды. Но при этом 44,7 % учеников признались, что «думают о боге и его святых» (5).

Полученные результаты вызвали серьезную обеспокоенность активистов атеистического движения. Обстановка в пермских школах комментировалась следующим образом: «Самое существенное... то, что 1/5 часть учеников советской школы... верует в бога и исполняет религиозные обряды без жалоб, без протестов, а, подчас, даже с удовольствием. Результат не дурной – для церковников» (6). Думается, однако, что серьезных оснований для паники не было. Согласно ориентировочным оценкам Антирелигиозной комиссии ЦК партии, в 1928 г. в стране насчитывалось не менее 80 % верующего населения – цифра, которая сегодня представляется даже несколько завышенной (7). Значительная масса школьников жила в условиях постоянного воздействия на них со стороны верующих членов семьи.

В этих условиях приходится удивляться, наоборот, большой скорости секуляризации в детской и молодежной среде. Во всяком случае, верующих

в массе школьников было заведомо и намного меньше, чем среди взрослого населения. Чрезмерно эмоциональная реакция на полученные результаты обследований объясняется во многом в корне неверным представлением тогдашнего антирелигиозного актива о закономерностях, скорости и конечных результатах процесса секуляризации общества.

Ситуацию, сложившуюся в уральской школе, нельзя охарактеризовать как победу религии над официальным атеизмом или, напротив, как окончательный и бесповоротный упадок религиозности. Речь должна идти о сложном переплетении различных тенденций, результате действия факторов разной природы и мощи. В частности, особенности самого школьного преподавания и всей жизнедеятельности школы в одних случаях содействовали подавлению религиозной веры в сознании учащихся, а в других – ее сохранению или даже актуализации.

Например, заметная научно-просветительская направленность преподавания в советской школе, безусловно, разрушала детскую религиозность, особенно при условии становления последней на основе наиболее архаических представлений, свойственных традиционной культуре. Пермские школьники часто описывали содержание религиозного воспитания в своих семьях следующим образом: «Мама меня водила в церковь и заставляла молиться богу, говоря, что богушко убьет громом или попадешь чертям в ад, которые будут вытягивать тебе язык каленой клюкой и будут жарить на сковородке»; или: «Жил я дома с бабушкой... она мне баяла – есть на небе бог. Загремит, бывало, гром, а она на ухо шепчет мне тихонько: «Слышь, Илья-пророк на карете ездит?» И застучало сердечко у меня – неужели в небе есть Илья?» (8).

Неудивительно, что в ответах на вопросы о причинах разрыва с религией ребята часто говорили о влиянии изучения школьных дисциплин и отдельных их разделов: «Когда я учился в младших группах, то я еще не твердо знал – есть или нет бог. Но когда стали проходить астрономию, то я стал твердо знать, что бога нет» (9).

С другой стороны, специфически антирелигиозная пропаганда на уроках, выходящая за рамки естественнонаучного просветительства, в конце 1920-х гг. все еще была редким явлением, а если и встречалась, то сплошь и рядом была малорезультативной. Причиной тому – низкая квалификация учительских кадров, неумение и боязнь касаться сложных мировоззренческих вопросов. Доже через несколько лет, по свидетельству представителя Урала в Центральном совете Союза воинствующих безбожников Козлова, мало что изменилось: «Начинается антирождественская кампания, антипасхальная кампания, педагоги начинают бегать к нам, говорят: дайте нам докладчика... зададут мне какой-либо вопрос, я не отвечу» (10).

Возникали и совершенно анекдотические ситуации. В 1929 г. несколько учеников школы-семилетки № 1 г. Свердловска обратились на радио с тре-

бованием «стукнуть аккордом по башке» учителя Сыромятникова, который рассказывал им «всякие сказки про богов и чертей». В результате разбирательства оказалось, что педагог пытался заниматься на уроках антирелигиозной пропагандой, но «дети, очевидно, не поняли назначения урока» (11). Чему содействовали подобные занятия – снижению уровня религиозности школьников или, напротив, его росту – сегодня сказать трудно.

Что же касается внеучебной воспитательной работы школы, то она совершенно однозначно была менее эффективной, чем влияние со стороны церкви и верующих родственников. Как известно, ребенок особенно чувствителен к эстетическому содержанию своей жизни, его психика требует включения в окружающую действительность красочного, необычного или прямо волшебного начала. И здесь возможности школы и церкви были несопоставимы. «И в самом деле, что мы даем детям? Концерты, аляповатые пьесы в дни религиозных праздников, надоевшие детям стихи и песни. Наши школы не могут конкурировать с церковью и внешним убранством, когда они большей частью неуютны, грязны» (12).

Следует помнить о том, что теория педагогики и практика воспитания в конце 1920-х – начале 1930-х гг. вовсе не способствовали вытеснению церковной обрядности и прочего «волшебства» из жизни ребенка за счет их вытеснения аналогичными светскими феноменами или «присвоения» официальной идеологией. До второй половины 1930-х гг. даже вполне безобидные народные и авторские волшебные сказки вульгарно и механистически оценивались в качестве «пережитков прошлого». В их отношении родителям давались такие рецепты: «Сказки с ведьмами мальчиками с пальчик, со всем чудесным, сверхъестественным должны быть изъяты из обихода ребенка» (13).

В итоге школа требовала упразднения рождественских и пасхальных подарков, вкусной, некаждодневной праздничной еды и, что особенно не по душе было детям, рождественских елок. Разумеется, все это удавалось плохо, и оставалось только сетовать: «Елку ребята не так охотно выживают из своего быта: свечи, побрякушки, подарки, зелень с приятным запахом леса сильно еще прельщают ребят» (14).

Воздействие религии на школьников, как мы уже видели, в основном осуществлялось через семью. Его длительность, постоянство, разнообразие, опора на сильные эмоции по отношению к близким родственникам оказывали в конечном итоге сильнейшее влияние на умонастроения ребят. Их мировоззренческие позиции изначально формировались в основном в русле тех взглядов, которые культивировались в семье. Отсюда – явная корреляция степени религиозности школьников и их социального происхождения.

Например, в Первоуральске церковь посещалась 46,2 % школьников, бывших детьми низкооплачиваемых рабочих, но только 35,7 % детей квалифицированных рабочих с высокой заработной платой и 9,1 % детей служа-

щих. Посещаемость храмов детьми кустарей и «нетрудового элемента» равнялась 100 % (15). В Нижнем Тагиле необходимость закрытия храмов категорически отвергли 6 % школьников из семей рабочих, в то время как противники закрытия церковей среди детей кустарей, пенсионеров и «нетрудового элемента» было, соответственно, 35 %, 44 % и 40 % (16).

Иногда ребенок оказывался в крайне противоречивой ситуации, когда школа и семья «растягивали» его сознание между противоположными мировоззренческими полюсами. Это приводило к серьезному внутреннему конфликту. Анкеты школьников содержали, например, такие жалобы: «Как тяжело жить, в школе говорят, что бога нет, а дома указывают, что он есть» (17). Правда, такие случаи были немногочисленны, так как жесткое принуждение к совершению религиозных обрядов было в целом нехарактерно даже для верующих семей.

Легко убедиться в том, что религиозная ситуация в уральской школе отражала общий сложный и противоречивый характер эпохи. С одной стороны, дети школьного возраста отошли от церкви дальше, чем любые другие группы общества. Но в то же время, попытки еще более форсировать этот процесс встречались с объективными и непреодолимыми на тот момент препятствиями. Практика показала, что идея превратить школу в «локомотив» антирелигиозного движения была явно неосуществимой. Падение религиозности школьников осуществлялось лишь по мере общей секуляризации советского общества. Несмотря на то, что уровень религиозных убеждений в молодежной среде был всегда ниже, чем в прочих социальных слоях, он, тем не менее, был связан с общими показателями и служил их верным индикатором.

Эти наблюдения представляются особенно актуальными для наших дней. Существует и становится все более влиятельным мнение о необходимости превратить школу в главный инструмент изменения религиозной атмосферы России. История, однако, свидетельствует о том, что этого не добиться без выраженного общественного консенсуса по главным мировоззренческим вопросам.

-
1. НТИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 11.
 2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 426. Л. 11.
 3. Там же. Л. 11.
 4. Сыренков Н. Религия и советский школьник // Просвещение на Урале. 1928. № 5. С. 15.
 5. НТИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 14 об.
 6. Сыренков Н. Указ. соч. С. 15.
 7. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125. Л. 2.
 8. Сыренков Н. Указ. соч. С. 15.
 9. Там же. С. 19.
 10. ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 102. Л. 117.
 11. Щепкин И. На штурм неба // Просвещение на Урале. 1929. № 7-8. С. 122.

12. Золотавин В. Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание // Просвещение на Урале. 1928. № 9. С. 67.
13. Флеров И. Детская книга на антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1929. № 2. С. 74.
14. Альбенский И. Антирелигиозное воспитание // Просвещение на Урале. 1929. № 3. С. 39.
15. Золотавин В. Указ. соч. С. 66.
16. НТИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 305. Л. 14.
17. Там же. Л. 14 об.

Власов В.В.
(Донецк, Украина)
Клименко И.М.
(Екатеринбург)

Что такое Голодомор и откуда он появился

18 ноября 2006 г. Палата представителей конгресса США одобрила законопроект, разрешающий правительству Украины поставить в Вашингтоне памятник-мемориал жертвам голодомора на Украине в 1932-1933 годах. В результате голодомора в 1932-1933 годах на Украине, по оценкам современных украинских законодателей, погибли от семи до десяти миллионов человек или от 10% до 25% населения. Еще в 1986 г. конгресс США назначил специальную комиссию, которая расследовала причины голода и пришла к выводу, что действия советских властей могут приравняться к геноциду. Два года назад по инициативе тогдашнего правительства Украины более 30 государств мира, включая США и Россию, подписали в ООН совместное заявление, посвященное памяти погибших в результате голода. "В бывшем Советском Союзе миллионы мужчин, женщин и детей стали жертвами жестоких действий и политики тоталитарного режима. Голодомор - великий голод 1932-1933 годов на Украине унес жизни от семи до десяти миллионов ни в чем не виновных людей и стал национальной трагедией для украинского народа", - говорится в тексте заявления.

Автор идеи совершить политическую спекуляцию на трагедии украинского народа, наверное, останется неизвестным. Но история сохранит имя человека, который получил наибольшие дивиденды, насаждая эту спекуляцию на межгосударственном уровне. Это – президент Украины Виктор Ющенко. Именно благодаря его усилиям, при активнейшей поддержке правительства США, голод 1931-1933 годов, от которого пострадали не только украинцы, но и все население Советского Союза был объявлен целенаправленным геноцидом именно украинцев, именно по этническому признаку, а

открытое общественное обсуждение альтернативных позиций запрещено в Украине государственным законом. Каждый, кто его нарушает, по мнению В. Ющенко, глубоко и последовательно ненавидит Украину и украинцев (!).

Добившись при помощи политических маневров включения в официальный документ ООН цифры в 7-10 миллионов, В. Ющенко теперь может больше не заботиться о точности цифр. Даже наиболее последовательные защитники идеи голодомора в самой Украине приводят иные цифры. Украинский историк [Станислав Кульчицкий](#) в своём исследовании, основывающемся на опубликованных результатах [Всесоюзной переписи 1937 года](#), а также на данных демографической статистики, попытался подсчитать возможное число жертв среди населения Украинской ССР в результате голода 1932—1933 годов. Прежде всего, он исходил из того, что, поскольку население [УССР](#) по [переписи 1937](#) года составляло 28 388 тыс., а по [переписи 1926](#) года - 28 926 тыс., то это означает, что за прошедшие десять лет оно уменьшилось на 538 тыс. Кульчицкий далее признавал необходимым при оценке людских потерь от голода исключить число смертей, соответствующее ожидаемой естественной смертности в [1933](#) году. Он предложил признать этот показатель равным среднему арифметическому от показателей смертности за 1927—1930 гг. Естественная смертность за годы, которые непосредственно предшествовали году массового голода, составила в среднем 524 тыс. в год. Исходя из откорректированного уровня рождаемости в 1933 году (621 тыс.), получается, что нормальный прирост численности населения в этом году составил лишь 97 тыс., что в пять раз ниже, чем в предыдущие годы (5. С.12-14).

Одновременно другой украинский исследователь голода - Г. Ефименко, опираясь, опять-таки на данные переписи, поддерживает расчеты С. Кульчицкого. Сравнение полученных показателей рождаемости и нормальной смертности за 10 лет межпереписного периода с данными об общей численности населения, полученными в ходе переписей [1926](#) и [1937](#) годов, позволяет определить единственный неизвестный показатель — смертность от неестественных причин в [1933](#) году. Поскольку естественный прирост за 1927—1936 гг., по подсчётам Кульчицкого, должен был составить 4043 тыс. человек, то, прибавив к этой величине снижение численности населения, зафиксированное переписью 1937 года (538 тыс.), получаем демографический дефицит в 4 581 тыс. человек.

Учёт механического движения населения (прибытия и выбытия), который осуществлялся [ЦУНХУ СССР](#) в течение 10 лет, показывает для Украины отрицательное сальдо в 1 343 тыс. человек. При этом следует иметь в виду, что данный вид учёта даёт менее точные цифры, чем учёт естественного движения населения (рождений, смертей, браков и разводов). При корректировке полученной величины демографического дефицита с учётом сальдо миграционного баланса, получаем 3 238 тыс. — цифру, которую, по мнению

Кульчицкого, и можно считать величиной прямых людских потерь от голода [1933](#) года. Определённая неточность этого подсчёта связана с погрешностями государственного учёта естественного, и особенно — механического движения населения (если принять во внимание неточность статистики, то можно говорить о диапазоне от 3 до 3,5 млн. человек). Некоторые историки отказываются принимать во внимание межреспубликанское сальдо миграционного баланса, указывая на невозможность его точного определения. При таком подходе оценки прямых потерь от голода автоматически увеличиваются до 4581 тыс.

Основываясь на данных демографической статистики, можно сделать вывод, что голод [1932](#) года на Украине стал причиной смерти 144 тыс. человек. Этот голод был следствием конфискации хлебозаготовок из урожая [1931](#) г., который прекратился летом 1932 года, то есть с новым урожаем. Голод 1933 года стал последствием очередной конфискации хлебозаготовок из урожая 1932 года. В отличие от 1931 г., в 1932 г., в случае отсутствия у крестьян зерна, проводилась конфискации незерновых запасов продовольствия. В результате этого превышение смертности над рождаемостью в украинских сёлах началось уже с октября 1932 года. Апогей Голодомора пришёлся на июнь 1933 года, когда статистические органы фиксировали десятикратно большую, чем обычно, смертность в сёлах (теперь также известно, что на самом деле было зарегистрировано не более половины случаев смерти). Кроме прямых потерь от голода Станислав Кульчицкий считает возможным говорить и о потерях опосредованных, выражающихся в падении рождаемости. Он указывает в связи с этим на снижение годового естественного прироста населения с 662 тыс. в 1927 году до 97 тыс. в 1933 году (без учёта умерших от голода) и до 88 тыс. в 1934 году. Если прямые потери в 1932 году составили, как указано выше, 144 тыс., то общие, включая неродившихся, можно оценить в 443 тыс. человек. Прямые и косвенные потери за 1932—1933 гг. вместе с демографическим «эхом» 1934 года составляют 4649 тыс. человек. Эти данные, по мнению Станислава Кульчицкого, и характеризуют демографические последствия Голодомора 1932—1933 гг. Российский исследователь Н.А. Ивницкий считает, что голод 1932-1933 годов унес 7-8 миллионов человеческих жизней на всем пространстве Советского Союза (4. С.64).

Неожиданное и массовое сопротивление крестьянства поголовной коллективизации заставило власть переменить свои планы. 2 марта 1930 года все советские газеты опубликовали знаменитую статью Сталина "Головокружение от успехов", в которой он осудил многочисленные перекосы и волюнтаризм при "приеме крестьян в колхозы". Реакция на статью последовала незамедлительно, только за один март больше пяти тысяч крестьян покинули колхозы. Беспорядки, связанные часто с насильственным возвращением средств производства и скота, продолжались. В течение всего марта ме-

сяца центральные власти получали ежедневно доклады ОГПУ о массовых выступлениях в западных областях Украины, в районах Черноземья, на Северном Кавказе и в Казахстане... Всего ОГПУ насчитало в этот критический месяц 6500 массовых выступлений, из которых 800 было подавлено с применением оружия. Во время этих событий было убито, ранено или пострадало 15000 работников ОГПУ. Число жертв среди восставших неизвестно, но это многие тысячи людей (3. С. 32-49).

В начале апреля месяца власть должна была решиться на новые уступки. Она направила местным властям циркуляры, устанавливающие снижение темпов коллективизации, поскольку существует "реальная опасность крестьянских войн" и возможность "физического уничтожения представителей советской власти". В апреле число крестьянских восстаний и стычек с властями понизилось, хотя все равно было зарегистрировано 1992 массовых выступления. Уменьшение числа выступлений постепенно произойдет летом: 886 в июне, 618 в июле, 256 в августе. В целом в течение 1930 года около 2,5 миллионов крестьян приняли участие в 14000 восстаниях, бунтах и манифестациях против режима. Наиболее беспокойным регионом была Украина, области на западе Украины, в частности, на границах с Польшей и Румынией, которые буквально вышли из-под контроля органов советской власти, некоторые районы Черноземья и Северный Кавказ.

Одной из особенностей этих выступлений была роль в них женщин, которых выставляли первыми в надежде, что их не тронут. Конечно, зрелище крестьянок, протестующих против закрытия церкви или против обобществления молочных коров, грозившего смертью их детям, произвело впечатление на власти, но это не значит, что между отрядами ОГПУ и группами крестьян с топорами и вилами не вспыхивали кровавые стычки. Сотни сельских Советов были разгромлены, крестьянские комитеты на несколько часов или даже несколько дней брали власть у себя в деревне, составляли списки требований, среди которых вперемешку шли требования о возвращении в собственность средств производства и конфискованного скота, роспуске коллективных хозяйств, восстановлении свободы торговли, открытии церквей, возвращении награбленных богатств кулакам, возвращении высланных крестьян, уничтожении власти большевиков и даже восстановлении "самостийной Украины" (1. С. 3-20.)

Если крестьянам и удалось в марте-апреле нарушить правительственные планы ускоренной коллективизации, успех их был недолог. В отличие от 1920-1921 годов, к концу 20-х они уже не могли создать настоящей организации, найти лидеров, объединиться хотя бы на региональном уровне. У них не было времени, не было руководителей, которые были утрачены во время гражданской войны, у них не было оружия, которое у них постепенно конфисковали на протяжении всех 20-х годов, крестьянские восстания постепенно затухали.

Репрессии были ужасны. В одном только приграничном округе на западе Украины "чистка контрреволюционных элементов" привела к аресту в конце марта 1930 года более 15000 человек. ОГПУ Украины арестовало в течение сорока дней с 1 февраля по 15 марта 1930 года 26000 человек, из которых 650 были приговорены специальными судами к расстрелу. Согласно данным ГПУ, только политическая полиция приговорила к смерти в 1930 году 20200 человек.

Существует огромное множество документированных фактов, которые говорят о преступном характере деятельности партийно-государственного аппарата на селе на территории Украины. Например, чрезвычайную продовольственную комиссию в Украине возглавлял В.М. Молотов. Опираясь на постановления ЦК КП(б)У от 18 сентября и СНК УССР от 20 августа 1932 г., почти идентичных по содержанию и под одинаковым названием – “О мерах по усилению хлебозаготовок”, комиссия отбирала не только «излишки» хлеба, но и «возвращала задолженность» за излишнее кредитование – более установленной нормы в 15% от фактического обмолота. Вводилась практика натуральных штрафов (мясом, картофелем и т.п.) при отсутствии зерновых. Ключевой среди репрессивных мер было разрешение райисполкомам пересчитывать в хлебозаготовку всех созданных в колхозах натуральных фондов – семенного, продовольственного и фуражного.

Села, имевшие наибольшую задолженность по хлебозаготовкам, заносились на «черную доску», что означало фактически голодную смерть без права получения любой помощи, без права выезда. Большое село Гавриловка вымерло почти полностью.

Первоначально продразверстка выполняла в государственном масштабе свою главную функцию – в 1930 году экспорт зерновых, по сравнению с предыдущим годом, вырос в 27 раз и достиг 298 млн. пудов. А в 1931 году достиг максимальной величины за весь послереволюционный период – 316 млн. пудов. Одновременно продразверстка вызвала прогрессирующий паралич сельскохозяйственного производства, резко уменьшила, в конечном счете, экспортные ресурсы страны.

Возможны различные подходы к оценке деятельности органов власти по отношению к Украине. С одной стороны, по данным ЗАГСов о национальной принадлежности умерших, на Украине люди гибли по признакам места жительства, а не национальности. Удельный вес погибших русских и евреев не высок, поскольку они жили в основном в городах, где функционировала карточная система снабжения продовольствием. Поляки или болгары гибли в таких же пропорциях, как украинцы, так как основная их часть тоже проживала в сельской местности. Срез общесоюзной картины голода определяется лидерством Украины и, в определенной мере — Северо-Кавказским краем. Если бы можно было бы выделить Кубанский округ, то его показатели приблизились бы к украинским.

Статистика смертности на Украине за 1933 г.			
Национальность	город (тыс.)	село (тыс.)	всего (тыс.)
украинцы	111,8	1440,4	1552,2
русские	33,2	51,8	85,0
евреи	20,1	6,9	27,0
поляки	2,8	17,9	20,7
молдаване	0,1	16,0	16,1
немцы	1,7	11,5	13,2
болгары	0,2	7,5	7,7
греки	0,7	1,8	2,5
другие	60,4	124,2	184,6
всего	230,9	1678,1	1909,0

С другой стороны, в двух поволжских краях, которые охватывают территорию современных пяти областей (Волгоградская, Оренбургская, Пензенская, Самарская и Саратовская) совокупной площадью 435 тыс. кв. км, от голода умерло, по расчетам пензенского историка В. Кондрашина, 366 тыс. человек. На Украине, площадь которой до 1939 года составляла 450 тыс. кв. км, от голода умерло 3 238 тыс. человек.

Поволжский голод 1933 года, на первый взгляд, напоминает украинский 1932 года. В обоих случаях у крестьян забирали все зерно — основной продукт питания. Тем не менее, в хорошо поставленных крестьянских усадьбах оставался домашний скот и птица, а также незерновые продовольственные продукты продолжительного хранения — сало, картофель, лук, свекла, сушенья и т. п.

Осенью 1932 года на Украине и на Кубани у тех, кто не выполнил хлебозаготовительного плана, то есть у подавляющего большинства крестьян, эти запасы продовольствия были конфискованы. В результате голод перерос в голодомор. Такой конфискации незернового продовольствия, то есть террора голодом, в других регионах СССР не наблюдалось. Итак, сталинское тоталитарное государство осуществляло массовые репрессии не только по социально-классовым, но и по национально-классовым признакам: исторически сложившееся единоличное землевладение и, как следствие, существо-

вание в этих регионах крепких хуторских хозяйств были, по сути, прямой угрозой Советской власти.

Вероятно, в тех странах, где нет запрета на научное исследование причин и последствий голода, следует более тщательно изучить документы и признать, что политические (но не этнические!) мотивы в действиях сталинского руководства по отношению к Украине и Кубани существовали. Во всяком случае, имидж сталинского режима от этого не пострадает, а только уточнится. Целью Сталина было не истребление украинского этноса, а уничтожение особого класса крестьян, который ситуативно имел определенную этническую принадлежность. Возможно, необходимо повнимательнее изучить и достаточно осветить позицию российских исследователей Владимира Бухарского и Кирилла Фролова. По их мнению вину за голодомор несут именно те лица, кто в двадцатых годах начал форсированную "украинизацию" бывших губерний юго-западной России, которая выражалась в искоренении русского языка и культуры и привела к гибели значительного числа представителей русской интеллигенции и духовенства. Один из наиболее активных организаторов "украинизации", председатель СНК УССР Влас Чубарь, подписывает постановление СНК Украины "О борьбе с саботажем на хлебозаготовках", сыгравшее зловещую роль в распространение голода. Среди лиц, чьи действия, привели к началу голода, был большой процент украинцев, участвовавших в политике насильственной "украинизации", поэтому маловероятно, что ими мог осуществляться преднамеренный геноцид этнических украинцев.

1. В.Н. Земсков. Кулацкая ссылка в 30-е годы. Социологические исследования. 1991. №10.
2. Ефименко Г. Всесоюзная перепись 1937 г. в Украине: документы и материалы. Киев, 2003.
3. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994.
4. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов. М., 1995.
5. Кульчицкий С. Демографические последствия голодомора 1933 г. в Украине. Киев, 2003.

**Воробьев С.В.
(Екатеринбург)**

Моральный облик и должностные преступления уральских управленцев в начальный период НЭПа

Одна из острых проблем периода новой экономической политики заключалась в том, что непрофессионализм представителей формирующегося

советского аппарата управления усугублялся низким морально-нравственным уровнем управленцев и служащих его наполнявших, склонностью части сотрудников к злоупотреблениям, должностным преступлениям. В морально-этическом плане они существенно уступали чиновничеству Российской империи, хотя последнее тоже не являлось идеальным образцом для подражания.

В начале 1920-х гг., когда советская система управления еще находилась в стадии становления, структурные подразделения, призванные осуществлять контрольно-надзорные функции, не справлялись с ними в полном объеме. Жесткая аппаратная вертикаль с контролем партийных органов за деятельностью органов управления также окончательно не оформилась. Подобное состояние советской системы управления признавалось на всех этапах властной пирамиды – от высшего эшелона управления до региональных руководителей. В декабре 1921 г. председатель Екатеринбургского губисполкома С.А. Новоселов следующим образом оценивал состояние административного аппарата исполнительной власти: «Все отделы существуют, аппарат налажен, но [...] хотя формально организационная работа закончена и выполнена, но практически многое еще не удалось провести. Дело тормозится сильно тем, что нет кадра опытных работников, которые могли бы правильно и умело вести работу, приходится их еще обучать и налаживать» (1).

В силу отсутствия действенного, эффективного механизма контроля не только не были изжиты «родимые пятна» прежней царской административной системы, такие как бюрократизм, неповоротливость, бездушные чиновники, коррумпированность, но в известном смысле они проявились более рельефно. Новоявленная советская управленческая «элита», не чувствуя над собой постоянного действенного контроля вышестоящих инстанций, вела себя зачастую вызывающе, нарушая этические нормы поведения, вызывая неудовольствие и возмущение со стороны рабочей и крестьянской общенности, интересы которой должна была бы обслуживать. Невысокие морально-нравственные качества ряда ответственных работников, рассматривавших свой пост как возможность получения материальных благ, также создавали благоприятные условия для коррупции.

Многие из тех, кто стремился попасть во властные структуры нового политического режима, рассматривали власть как источник улучшения собственного благосостояния, личной наживы. Власть как форма служения народу, проявления высокой гражданской позиции оставались для них пустым звуком. Борьба за высокие революционные идеалы, за светлые идеи коммунизма для многих новоявленных работников властных структур были плохо понятны и абстрактны, а блага, которые давала власть, вполне осязаемы и приятны. Такие люди не могли подняться выше примитивного, упрощенного понимания целей власти, ее предназначения. Как следствие этого неспособность и нежелание советских ответственных работников и рядовых сотруд-

ников решать проблемы и задачи, поставленные жизнью, коррумпированность, моральное разложение, злоупотребление властью. Коммунисты во властных структурах из революционных борцов начинают превращаться в обладателей «теплых мест» (должность для них становится самоценностью и самоцелью – личное обогащение, красивая жизнь). И. Нарский рассматривает такое стремление получить должность во власти как элемент стратегии выживания человека в тяжелый период российской истории, «когда в обстановке нараставшей нищеты мотив выживания отодвигал и парализовал все стимулы к социально одобряемому поведению» (2).

Подобная стратегия поведения получила благоприятную почву для развития в условиях новой экономической политики большевиков. В социальной структуре российского общества вновь возникает слой частных предпринимателей мелкой и средней руки, так называемых «нэпманов». Однако представители этого социального слоя не имели возможность вступить в коммунистическую партию, даже если у них возникало подобное желание. Партийное руководство занимало по этому вопросу однозначно жесткую позицию, заключающуюся в строгом соблюдении классовой чистоты партийных рядов пролетарской партии, ограждении РКП (б) от «мелкобуржуазного заражения». Не имея возможности напрямую отстаивать свои интересы через партийно-государственные и хозяйственные органы, предприниматели искали неофициальные пути решения своих вопросов, устанавливая неформальные личные отношения с представителями власти, от которых зависело принятие нужного для них решения. Эти доверительные отношения между ответственными работниками, служащими и нэпманами носили, конечно, не бескорыстный характер, а подкреплялись материальными стимулами со стороны последних.

В связи с этим в период нэпа негативные черты поведения молодого советского чиновничества стали проявляться особенно ярко. Возникла благоприятная среда, в которой эти пороки стали расцветать пышным цветом, возобладала мелкобуржуазная психология, начал разгораться алчный азарт стяжательства. В партийных документах этого периода для определения подобных явлений в среде представителей власти в обиход вводится выражение «припадание к нэпу». На практике это выражалось в злоупотреблении служебным положением, взяточничестве, казнокрадстве, т.е. бесконтрольном и нецелевом расходовании финансовых и материальных средств учреждений и организаций, как правило, на собственные нужды, ведение не советского, а фактически буржуазного образа жизни, который и не старались особо скрывать от окружающих. Обращает на себя внимание тот факт, что злоупотребления нередкие и в период «военного коммунизма» с началом нэпа начинают приобретать массовый характер, в них было вовлечено значительное количество должностных лиц, появляются целые преступные группы,

состоявшие из десятков и даже сотен сотрудников различных учреждений и организаций (3).

В условиях нэпа, предоставившего определенную экономическую свободу, возрастала роль и самостоятельность хозяйственных руководителей предприятий и организаций, так как они непосредственно распоряжались продукцией и финансовыми средствами предприятий. Нередко это приводило к злоупотреблению своим служебным положением, бесконтрольному расходованию средств в личных интересах. Советские служащие, в том числе и достаточно высокопоставленные, не обладали контролем над значительными финансовыми ресурсами, поэтому должностные преступления носили незначительный характер. Например, бывший начальник ГПУ Екатеринбургской губернии Храмцов был обвинен в присвоении казенной лошади, которая по документам была проведена как украденная (4). Милиционеры 5-го Алапаевского района, включая командный состав, покровительствовали кумышковарам (самогонщикам – *С.В.*), за что получали от них выпивку и взятки (5).

Хозяйственники же в отличие от других управленцев в силу своего особого положения могли совершать более серьезные по своим масштабам должностные преступления. На практике это проявлялось в злоупотреблении служебным положением, когда «хозяйственники, задерживая жалование рабочим, покупают за миллиарды технически ненужный автомобиль, когда они без нужды взвинчивают индивидуальные ставки, явно за счет рабочих, когда в обстановке огромной нужды устраиваются пышные банкеты и т.д.» (6). Весьма распространенным среди хозяйственных руководителей должностным преступлением являлась крупная растрата денежных и материальных средств предприятия. Уралбюро ЦК, осознавая политическую опасность отрыва хозяйственных руководителей от рабочих масс и от партии, пыталось воздействовать на ситуацию путем издания предупредительных директив, внушений провинившимся хозяйственникам.

Но не всегда постоянный и действенный контроль за деятельностью хозяйственных руководителей был возможен из-за удаленности предприятий (заводов, рудников, приисков, копей) от крупных городских центров. Здесь руководители предприятий были почти не досягаемы для Уралбюро ЦК и губкомов, а решения местных партийных ячеек они игнорировали. Так, на Кылтымском платиновом прииске администрация имела неограниченную власть: «она творит суд и расправу, увольняет и нанимает самостоятельно без биржи труда» (7). Приисковая партийная ячейка во главе с секретарем – членом партии с 1905 г., пыталась отстаивать интересы и права рабочих перед администрацией, но оказалась бессильной в этой борьбе и постоянно терпела фиаско, не находя поддержки со стороны рабочих. Работники прииска боялись администрации, во главе которой стоял «беспартийный спец – пьяница-дебошир» превратившийся фактически в местного «царька». Его

«царское» положение обеспечивало вооруженное подразделение, так называемая Горная охрана, «находящаяся на содержании администрации приисков, следовательно, и выполняющая слепо все ее приказания в какой бы то ни было форме» (8).

В некоторых случаях самовластие хозяйственных руководителей и уверенность в собственной безнаказанности приобретали крайние формы проявления. Так, назначенный в апреле 1922 г. директором Верхне-Салдинского металлургического завода бывший член РКП(б) К.С. Рукавишников повел себя как полновластный хозяин. Он позволял себе рукоприкладство в отношении рабочих, ругал их площадными словами. На заводе была создана система осведомителей, состоявшая «из отдельных лиц администрации, отдельных рабочих и даже партийцев, и горе тому, кто выражает плохое мнение о Рукавишникове, тот будет выброшен из завода или стеснен в чем-либо» (9). Рабочие не видели никакой разницы между управляющим бывшего владельца завода и советским директором – «управителем Средне-Уральского треста Рукавишниковым». Директор держал в страхе не только рабочих, но и завком, заводскую партийную ячейку, и даже волостной комитет партии, открыто заявляя: «всех коммунистов вышибу из завода» (10). В результате ни ячейка, ни секретарь ячейки, ни волком не пользовались у рабочих завода никаким авторитетом, так как не могли защитить их от произвола администрации. Рукавишников имел надежных покровителей в вышестоящих хозяйственных органах и, чувствуя свою безнаказанность, вел себя как настоящий барин: за счет казенных средств устраивал медвежьи охоты, покупал моторные лодки для прогулок, привлекая рабочих в качестве обслуживающего персонала.

Важно отметить, что опасность складывающейся ситуации состояла в том, что искушение нэпом испытали не только хозяйственные руководители, представители исполнительной власти и правоохранительных органов. Подобное явление стало наблюдаться также среди ответственных партийных работников разных уровней. Нравственной коррозией был затронут костяк формирующейся советской системы управления – коммунистическая партия. Сначала это были единичные случаи, но с определенного момента они стали приобретать системный характер. Постепенно такие «мелкобуржуазные привычки» как банкеты, прощальные вечера и другие подобные мероприятия, связанные с проведением различных съездов и конференций, становились нормой партийной жизни. Предпринимались даже попытки узаконить, легализовать подобные явления. Так, например, Кунгурский уком РКП(б) принял решение «признать банкеты в честь ответственных руководителей советских учреждений средством сближения партии с беспартийными» (11).

Такая морально-нравственная эрозия части партийного аппарата в условиях нэпа не осталась незамеченной со стороны нэпманов которые, исполь-

зую затруднительное материальное положение руководящих работников, предлагали им свое содействие в виде финансовой и иной помощи в надежде на ответную благосклонность и содействие. Подобное «сотрудничество» создавало благоприятную почву для злоупотребления властью, коррупции, усугубляло идейное и моральное разложение работников партийного аппарата, приводило к конфликтам внутри партийных организаций. Типичная ситуация сложилась осенью 1922 г. в Мраморской волости Екатеринбургского уезда, где некий екатеринбургский предприниматель С.Л. Стуркович начал отстраивать завод по производству искусственных жерновов и наждачных изделий. Стремясь обеспечить гарантии своему бизнесу, он стал налаживать тесные отношения с руководством местной партийной организации и действовал с таким напором, что «сумел, оделяя членов партии мукой и другими подарками, создать склоку внутри организации». Отмечая факты разложения внутри местной парторганизации, журнал «Уральский коммунист» констатировал: «Пришлось перебросить, вследствие этого, нескольких товарищей. Но эта мера не ликвидировала влияния Стурковича, он продолжает свою «мудрую» тактику и [...] устойчивость Мраморской организации еще колеблется» (12).

Образ жизни части партийной верхушки, не всегда отвечавший партийным идеалам и нормам коммунистической морали на фоне голода и общей тяжелой экономической ситуации на Урале, способствовал тому, что между партийными «верхами» и партийными «низами» накапливалась взрывоопасная «разность потенциалов». Простые коммунисты обвиняли партийное руководство в неспособности, а в ряде случаев и нежелании воздействовать на хозяйственников и нэпманов, говорили о классовой ненависти, возникающей у них по отношению к местному партийно-государственному руководству, в знак протеста стали выходить из рядов РКП(б) (13).

Формированию подобной коррупционной системы отношений способствовала, с одной стороны, неблагоприятная экономическая ситуация в уральском регионе, которая усугубляла затруднительное материальное положение советских управленцев и партийных работников. Официальное материальное вознаграждение было крайне низким, не обеспечивало минимальный прожиточный уровень управленца, не говоря о его семье. В еще более тяжелом материальном положении находились члены партии, не включая и ответственных работников. Как отмечает И. Нарский «вступление в партию еще в меньшей степени, чем устройство на работу в государственные структуры, создавало легальные каналы обеспечения материального благополучия. Оплата труда ответственных партийных работников [...] была номинальной и нерегулярной» (14). В то же время у партийных организаций практически отсутствовала возможность для оказания им существенной помощи. «Уралбюро наталкивается из-за этой невозможности материального обеспечения на огромнейшие трудности при перебросках из губернии в гу-

бернию. Переброшенные товарищи, как правило, оказываются без квартир и без продовольствия» (15).

Партийные инстанции, осознавая серьезную угрозу для авторитета власти и ее нормального функционирования, участвовавших в условиях нэпа фактов морального разложения и коррупции в системе управления, старались противодействовать таким негативным явлениям как взяточничество и «обуржуазивание» и т.п. среди партийных, советских и хозяйственных работников, пресекать их на корню. В результате чисток 1921 г. из рядов партии за взяточничество, вымогательство и другие злоупотребления были исключены около 17 тыс. человек (16). Вслед за этим осенью 1922 г. была объявлена компания по борьбе со взяточничеством, в рамках которой проводились показательные процессы над чиновниками-взяточниками и представителями частного капитала. На Урале отголоском этой компании стало создание в 1922 г. при Уралбюро ЦК РКП(б) областной комиссии по борьбе со взяточничеством. Она добилась определенных успехов в этом направлении, но не всегда ее усилия имели должный результат. В целом работа комиссии была малоэффективной, ее постановления о создании соответствующих подразделений в учреждениях и организациях зачастую игнорировались руководителями этих учреждений, ответственные работники не являлись на заседание комиссии» (17).

Одной из административных мер борьбы с должностными злоупотреблениями являлись частые служебные перемещения ответственных работников, в том числе и территориальные, которые производились для того, чтобы чиновники долго не засиживались на одном месте и не успевали обрастать связями. Далекое не всегда подобные формальные барьеры являлись эффективным препятствием для возникновения преступных кланов и групп, объединявших недобросовестных представителей советской власти. Начальный период нэпа дает нам многочисленные примеры неправомерных действий и серьезных должностных преступлений советских чиновников.

Таким образом, плохая материальная обеспеченность ответственных сотрудников и служащих партийно-государственных, советских властных структур (низкая оплата труда, необеспеченность жильем и продовольствием), усугубленная невысокими личными морально-нравственными качествами, подталкивала их к поиску дополнительных источников существования за счет использования своего служебного положения, т.е. создавала благоприятные условия для коррупционного поведения. Это влекло за собой неоднозначные последствия – с одной стороны, деформировало и искажало систему власти, но в то же время позволяло ей функционировать за счет физического выживания ее конкретных представителей.

1. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т.1. 1917-1945. Екатеринбург, 2006. С. 304.

2. Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 г. М, 2001. С. 444–445.
3. Там же. С. 449–450.
4. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.459. Л.26.
5. Общество и власть... Т.1. С. 348–349.
7. ЦДООСО. Ф.76. Оп. 1. Д. 473. Л. 3.
8. Там же. Ф.76. Оп.1. Д.475. Л.6.
9. Там же.
10. Там же. Л. 230 об.
11. Там же.
12. Там же. Д.473. Л.5.
13. Уральский коммунист. 1922. №4 (октябрь). С.30.
14. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.473. Л.4–5.
15. Нарский И. Указ. соч. С. 454.
16. ЦДООСО. 1494. Оп.1. Д.78. Л.119.
17. Борисова Л.В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. №1. С.84.
18. Общество и власть... Т.1. С.328–329.

**Горин И.Н., Менщиков В.В.
(Курган)**

Культурно-исторические символы и историческая память

Память о прошлом, вероятно, присуща всем живым организмам. У растений и простейших она существует в виде генетической памяти, у более сложных видов – в форме условных рефлексов, у млекопитающих в виде памяти, распространяющейся на индивидуальную жизнь. И только у человека она распространяется за пределы личной индивидуальности и существует в виде исторической памяти. Обращение к данному понятию не случайно. В самое последнее время можно говорить о формировании целого направления, по крайней мере, в западной историографии (Франция, Германия), ставящей в центр исследовательского интереса историков именно историческую память (1). «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти», – пишет Пьер Нора. Одной из важнейших причин этого исследователь считает, так называемое «ускорение истории» (2), которое ведет к эффекту «автономизации настоящего между непредсказуемым будущим и канувшим во тьму, непрозрачным для нас прошлым... Именно разрывом исторической и временной преемственности объясняется, на мой взгляд, новая актуальность памяти - прошлое перестало быть гарантией будущего, а потому память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности» (3). Таким образом, историческая память в современных условиях становится, чуть ли, не единственной основой утрачиваемой идентичности.

Определим историческую память, как сохраняющуюся и воспроизводимую в культуре информацию о прошлом общества.

Историческая память, во-первых, принадлежит не индивидуумам, а обществу, являясь существенной частью его культуры. Во-вторых, отражает не столько индивидуальные, а, сколько общие для членов сообщества события, существенно повлиявшие, в том числе, и на индивидуальные судьбы.

Очевидно, что существуют различные механизмы накопления и передачи исторических знаний, а соответственно и разные формы исторической памяти. Вероятно, самой древней формой исторической памяти является память поколений, передаваемая и хранимая в виде устной истории сообщества – исторического предания. Такая память весьма капризна: склонна трансформировать события, менять их последовательность, забывать «мелочи» или дополнять события новыми элементами. Сохранение и передача событий от поколения к поколению в неизменном виде обеспечивалась сакрализацией событий и, как следствие, превращение предания в миф. Миф, это не выдумка, не плод индивидуального или коллективного сочинительства. Это особая форма исторической памяти, освободив которую от архетипов, мы можем воспроизвести историческую подоснову. Однако, только подтвержденная артефактами, эта форма исторической памяти превращается в историческое знание.

Долгое время считалось, что мифы содержат только выдуманные элементы и «являясь сказанием о богах и героях» не могут нести в себе информацию о действительно происходивших когда-то событиях. Однако раскопки Г. Шлиманом Трои сильно пошатнули подобные представления. Он, основываясь на сведениях содержащихся в «Одиссее» Гомера, являющейся в большей степени литературной обработкой мифов древней Греции, сумел откопать легендарный город. Г. Шлиман был первым историком, который подобно Геродоту не только признал историческую основу мифа, но и превратил миф в источник исторического знания.

Следующей формой исторической памяти, доминирующей в настоящее время и претендующей на статус адекватного отражения исторического процесса, является научное историческое знание. Научное историческое знание возникает лишь тогда, когда разрозненные артефакты, порождаемые деятельностью субъектов исторического процесса и доступные эмпирической науке, преломляясь через ту или иную концепцию исторического процесса, превращаются в упорядоченную картину истории. Концептуальный аппарат позволяет выделить ключевые события, связав их не только хронологической последовательностью, но и закономерной связью. Ключевые события в научной картине исторического процесса не просто лишены случайности, они суть - проявление закона истории. Значение исторического знания для настоящего заключается в том, что через призму открытых (сформулированных и/или сконструированных) исторических законов люди

пытаются получить возможность объяснять события настоящего, и предсказывать на научной основе будущее.

Еще раз подчеркнем, ключевую роль в процессе научного познания играют не артефакты, а концепции исторического процесса – взгляды на то, что представляет собой история, в чем ее смысл, с чего начинается и чем заканчивается история человечества или отдельных народов. Именно от этого, прежде всего, зависит, какие артефакты исследователь принимает во внимание, а какие нет. Какие события он за ними увидит.

Концептуальный аппарат явно или неявно заимствуется историками первоначально из религиозной философии, однако постепенно лидерство переходит к философии и, наконец, уже в новейшее время к частным общественным наукам. Длительное время право на интерпретацию исторических фактов и построение «картины истории» принадлежало не историкам, а философам.

Достаточно наглядная зависимость различий в интерпретации исторического материала, в зависимости от концептуальной позиции автора, видна на примере взгляда на российскую историю С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Концептуальная позиция С.М. Соловьева, хотя и неявно опирается на макиавеллизм в изложении Феофана Прокоповича. В.О. Ключевский же опирается на концепцию естественных факторов Ш. Монтескье, искавшего различия в истории и психологии народов в зависимости от характера ландшафтов и особенностей природной среды. В результате мы имеем две не очень похожих версии истории России.

Наряду и одновременно с научной формой исторической памяти существует еще одна чрезвычайно важная ее форма, связанная с массовым сознанием – отражение истории в виде культурно-исторических символов. Эта форма исторической памяти возникает и развивается во взаимосвязи с научной формой, постоянно взаимодействует с ней, заимствуя из нее исторический материал. Но в тоже время – она относительно автономна от научного уровня отражения исторического процесса и не является его упрощенной копией, приспособленной для массового восприятия.

Культурно-исторические символы – это форма исторической памяти, основанная на преломлении событий истории через систему доминирующих в обществе ценностей и этико-культурных норм. Другими словами культурно-исторические символы – это события, явления, факты и герои прошлого, получившие в исторической памяти конкретной общности определенную значимость, ценностное содержание и трактовку. Культурно-исторические символы отражают представления людей о характере своей истории. Это понятие также корреспондирует с понятием «образ прошлого», активно используемым в современных исследованиях. Так, И.И. Глебова отмечает, что «образ прошлого, занесенный в социальную память, зафиксированный в ней, становится «некой общей идеей, понятием».., то есть обращается в средство

воспроизводства социальных связей» (4). Именно эта «некая общая идея», а точнее понятие, и может быть интерпретировано как культурно-исторический символ.

Отражение истории в системе культурно-исторических символов не является популяризированным слепком научного знания, хотя популяризация данных исторической науки играет важную роль в образовании культурно-исторических символов. Это самостоятельная форма исторической памяти, формирующаяся и функционирующая по собственным, отличным от научного знания законам.

Как форма исторической памяти культурно-исторические символы существуют во взаимной связи, образуя систему культурно-исторических символов. Система культурно-исторических символов представляет (репрезентирует) определенный отрезок истории или историю в целом.

Водораздел между научным историческим знанием и системой культурно-исторических символов проходит не по линии «сложный - простой» или «элитарный – массовый», а в отношении специфического способа организации исторических фактов. В науке исторический материал упорядочен не просто в соответствие с хронологической последовательностью событий, а в соответствие с причинно-следственной связью, выражающей исторические закономерности. Культурно-исторические символы находятся как бы вне времени и пространства, вне причинно-следственных связей. Такая структура пространства и времени характерна, например, для мифа. Благодаря этому эта форма исторической памяти в чем-то похожа на свой мифологический предшественник. Но только похожа, потому что архетипическая основа мифа уступает место более сложной связи между символами, опосредованной ценностями культуры. Культурно-исторические символы собственно и выражают доминирующие в обществе ценности, являются их носителями, в какой-то мере – их воплощением.

Важное отличие культурно-исторических символов от мифа заключается и в источниках данных. Мифологическая форма отражения истории базируется, на устном предании, культурно-исторические символы – в основном на данных научного исторического знания и в редких случаях на устной традиции. Наконец как мы помним, миф сакрален и сказочен. В отличие от него культурно-исторические символы не сакральны, хотя могут содержать элементы религиозных представлений (типичны, например, упоминания о знаменьях, предшествующих некоторым ключевым событиям) и не сказочны, хотя могут содержать элементы вымысла (как правило, это просто гипербола).

Система культурно-исторических символов – часть национального и гражданского самосознания, выражающая отношение соответственно к нации и стране. В последнем случае ее можно определить и как специфическую часть общественного сознания. А так же как особую форму общест-

венного мнения, репрезентирующего культурные и исторические особенности общества, интегрирующего его.

Поскольку система культурно-исторических символов выражает доминирующие в обществе ценности, то это определяет их роль в формировании и функционировании общественной идеологии, в социализации и воспитании личности. В конечном итоге система культурно-исторических символов формирует поведение действующих субъектов истории. Все это обуславливает необходимость теоретического и прикладного изучения феномена культурно-исторических символов, как в исторической науке, так и в других социо-гуманитарных дисциплинах.

-
1. Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006. С. 3; Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени: Реферат // Отечественные записки. 2004. № 5// www.strana-oz.ru.
 2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3 (40-41) // www.pz-online.ru; см. также: Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94-113 (по мнению Г. Люббе, «сокращение настоящего — это процесс укорачивания протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений»).
 3. Нора П. Указ. соч.
 4. Глебова И.И. Указ. соч. С. 7; см. также: Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.

Дашкевич Л.А.
(Екатеринбург)

Становление духовного образования на Урале

Истоки профессионального духовного образования в России уходят в XVII век, когда были созданы первые школы греко-славянского типа при монастырях и домах епископов, а в 1685 г. — славяно-греко-латинская академия. Для священнослужителей образование в те времена являлось делом личной воли, число образованных людей в церкви было очень ограниченным (1).

В начале XVIII в. задачу образования духовенства попытался решить царь-реформатор Петр I, который сумел провести ряд прозападных преобразований в сфере духовного образования. Соратниками царя в проведении школьных реформ было киевское духовенство, близкое к европейскому просвещению. Воспитанные в духе схоластики и западного богословия, киевские ученые монахи приносили в Московскую духовную школу европейские традиции. В 1700-1701 гг. по образцу протестантской коллегии была рефор-

мирована Славяно-греко-латинская академия. В начале XVIII в. появились первые латинские школы в провинции (в 1700 г. - Черниговская, в 1702 г. - Ростовская, в 1703 г. - Тобольская). Курс обучения в них был ориентирован на изучение латинского языка и схоластики.

Для того, чтобы содействовать распространению духовного образования, Петр I издал в 1721 г. указ, провозгласивший необходимость обязательного обучения для сыновей священнослужителей и причетников, необученные недоросли исключались из духовного сословия. Духовный регламент предписал каждому архиерею образовать при своем доме школу для обучения кандидатов священства. Школы эти создавались первоначально с элементарным курсом. Впоследствии, по мере возможности, в них вводились высшие науки: грамматика, риторика, философия, богословие (2). Более полный латинский курс, по образцу Киевской академии, в программу духовно-учебных заведений был введен в 30-е гг. XVIII в. Школы с полным курсом в 1737 г. причислили к числу семинарий, а оставшиеся, с одним только славяно-русским обучением - к низшим ступеням духовного образования (3). Семинарии были закрытыми сословными учебными заведениями.

Местные священники и архиереи встретили новую школу с недоверием. Священнослужители-великороссы с большой неохотой отдавали своих детей на обучение. Известно, что попытка вятского воеводы полковника Чаадаева, правившего в Хлынове в 1721-1724 гг., учредить школу при дворе епископа Дионисия не нашла архиерейской поддержки и фактически окончилась неудачно. Сменивший Дионисия на вятской епархии епископ Алексей также долгое время не открывал епархиальную школу. Лишь по настойчивому требованию «высшего правительства» в 1727 г. он взял в архиерейский дом до 30 мальчиков, но школьниками они показывались только в донесениях епископа Синоду, на самом же деле никакого обучения детей не производилось (4).

Положение изменилось только после прибытия в Хлынов (будущую Вятку) в 1733 г. нового епископа Лаврентия (Горки). Это был широко образованный по тому времени человек, сторонник реформ и преобразований, соратник знаменитого проповедника и государственного деятеля Феофана Прокоповича. Выпускник, а затем и профессор Киевской духовной академии, епископ Лаврентий был горячим поборником развития просвещения и культуры. Один из его биографов даже приводит известие о том, что само прозвание свое, Горка, епископ получил от императора Петра I. После беседы с Лаврентием, император назвал его «горкою учения» (5).

Уже через год после своего прибытия, в 1734 г. Лаврентий Горка открыл в центре Вятской земли славяно-греко-латинскую школу, собрав в нее около 400 мальчиков из семей церковнослужителей и посадских людей. Содержание ее было возложено на местные монастыри. Настоятелям монастырей епископ направил требование о поставке к нему двадцатой доли с приплодного монастырского хлеба. Для обучения школьников Горка пригласил

из Киевской академии профессора Финицкого, преподавателя Лещинского, а несколько позднее - крупного ученого Иоакима Богомедлевского (6).

Начинания Лаврентия Горки, однако, встретили сильное недовольство и противодействие местного духовенства и посадских людей. Вятский историк А. Андриевский сообщает о том, что однажды жители города даже подняли открытое возмущение и «с дубьем и кирпичем» напали на устроенную епископом школу. Лишь после вмешательства Синода сопротивление просветительской деятельности нового епископа прекратилось (как сообщается в одном из дореволюционных очерков, в Санкт-Петербурге состоялся суд над противниками Лаврентия, один из которых, архимандрит Александр, был казнен в тайной канцелярии!).

Первоначально вятская школа состояла из двух степеней. Одна из них была начальной школой, в ней дети овладевали грамотой, другая – школой повышенного типа, где будущие священники обучались латинскому и греческому языкам, основам гуманитарных наук и богословских знаний. Позднее школа была разделена на шесть последовательных классов, в которых обучалось до 500 человек. В 1758 г. вятская славяно-греко-латинская школа была преобразована в духовную семинарию. Размещалась она при архиерейском подворье - в двухэтажной деревянной избе, а также в трех избах меньшего размера. К 1744 г. эти избы обветшали, и епископ Варлаам принял решение перевести школу в келью Успенского монастыря. Там она и действовала до пожара 1752 г.

Восстановил Вятскую семинарию после пожара епископ Вятский и Великопермский Варфоломей (Любарский) (1758-1774 гг.). После проведения секуляризационных реформ епископ испытывал большие трудности в содержании школы. В 1765 г. он получил на эти цели из коллегии экономии всего 490 рублей, этих денег едва хватило на весьма скромное жалованье преподавателям. Варфоломей вынужден был почти на две трети сократить число обучающихся. Из семинарии было уволено 200 воспитанников. Закрылись и устроенные в 1759 г. духовные школы в Кунгуре и Соликамске. Положение несколько улучшилось в 1784 г., когда было назначено отпускать на семинарию 2000 рублей. В 1797 г. этот оклад был увеличен до 3500 рублей, но и его было недостаточно для нормального функционирования школы (7).

Несмотря на финансовые трудности, Варфоломею Любарскому удалось превратить Вятскую семинарию в одно из лучших духовных учебных заведений того времени. Для преподавания сюда были приглашены воспитанники Киевской Академии Хрещатицкий, Адорский и Петр Любарский. По предписанию епископа, для семинарской библиотеки были выписаны сочинения церковных писателей и классическая литература на латинском и греческом языках (расходы на пополнение библиотеки составили почти 1500 рублей – огромная по тем временам сумма!) (8).

Достоинным преемником Варфоломея Любарского стал архиерей Лаврентий (Баранович) (1774-1796 гг.). Как утверждают историографы Вятской

семинарии, просвещенный епископ старался подражать в своей деятельности Московскому митрополиту Платону (Левшину), любимцу Екатерины II, который был, пожалуй, самым выдающимся представителем русской церкви конца XVIII в. Знакомцем Лаврентия (Барановича) был известный деятель культуры Н.Н. Бантыш-Каменский. В беседах с ним епископ Лаврентий старался узнать о порядках, вводимых в московских духовных семинариях. Благодаря заботам архиерея, в конце XVIII в. была существенно пополнена семинарская библиотека, в ней появились не только произведения богословия и литературы на латинском языке, но и русские периодические издания. Ему же семинария обязана и устройством нового, достаточно удобного учебного помещения. Епископу удалось отыскать средства для возведения двух новых обширных каменных корпусов. Они были построены на территории Филимоновской архиерейской дачи, на берегу реки Лелюченки. Семинаристы и преподаватели переехали туда в 1795 г.

К концу XVIII в. Вятская семинария стала полноценным богословским учебным заведением. Она имела 8 классов, в которых обучали, помимо богословия и священной истории, и светским предметам: философии, всеобщей истории, географии, арифметике, рисованию, алгебре, геометрии, поэзии, риторике, латинскому, греческому, еврейскому языкам. С 1786 г. предметы общего образования преподавали по учебникам, введенным в главных народных училищах, философские и богословские - по учебникам, принятым в Троицкой семинарии, Московской и Казанской академиях. Учителями Вятской семинарии первоначально были воспитанники Киевской академии, а затем и собственные питомцы. Многие из них, после окончания Вятской семинарии, учились в столичных учебных заведениях. Известно, например, что преподаватели С.Г. Калачников, П.И. Малинов, М.М. Зубарев учились в Троицкой семинарии, А.И. Шестаков - в Санкт-Петербургской Александро-Невской семинарии, Н.Е. Тукмачев, С.И. Шестаков, С.И. Кулыгинский, Ф.С. Глазырин, П.Р. Орлов, Г.И. Пинегин - в Казанской академии, Г.Д. Осокин, В.В. Дьяконов, Г.Е. Мышкин - в Московском университете (9).

Выпускники Вятской семинарии пользовались заслуженной славой в крае. Один из исследователей истории семинарии приводит в своем очерке впечатления от первой встречи с местным духовенством епископа Серафима Глаголевского, направленного в отдаленный край в 1804 г. Епископ, по его собственным словам, был очень удивлен, встретив на Вятке среди духовенства «много людей образованных и честного поведения». Покинув Вятку, Серафим Глаголевский всегда с похвалой отзывался о здешнем духовенстве и считал его лучшим из всех, бывших под его управлением (10). Вятские семинаристы сыграли важную роль и в становлении светской общеобразовательной школы на Урале. Именно они стали ее первыми учителями.

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начал XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т.1. С.101; Козлов М. Духовное образование в России.

- XVII-XX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С.408.
2. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т.1. С.506.
 3. Козлов М. Указ. соч. С.410.
 4. Андриевский А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1900. Т.1. С.80.
 5. Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С.245.
 6. Эмаусский А.В. Вятка в первой половине XVIII века // Энциклопедия Земли Вятской. Киров, 1995. Т.4. С.122.
 7. Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1900. Т.2. С.583.
 8. Шишонко В. Указ. соч. С.31.
 9. Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии ... С.589-593.
 10. Там же. С.595.

Жук А.В.
(Екатеринбург)

Проблема изучения военного фактора в истории Урала XX в.

Историческая литература о мировых войнах XX века достаточно обширна и разнообразна. Заметное место занимает тематика уральского региона. Выдающаяся роль Урала, как кузницы оружия, предопределила повышенный интерес исследователей в первую очередь к изучению его социально-экономического потенциала.

Однако проблема функционирования Уральского региона в годы Первой мировой войны в последнее время не так часто становилось предметом специального исследования. Отдельные аспекты темы (история военных заводов, технико-технологическое состояние и динамика военного производства, геополитический фактор) нашли отражение в работах Д.В. Гаврилова (1), Н.Н. Попова (2), И.В. Лаптевской (3), В.Н. Ильченко (4), В.А. Ляпина (5), К.И. Зубкова (6), А.В. Жука (7), Г.Н. Шумкина (8) и других. Фрагменты динамики военного производства на металлургических заводах Урала имеются в вышедшей сравнительно недавно энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.» (9). Ряд статей, посвященных военным заводам и военному производству на Урале в годы мировых войн, имеется в «Уральской исторической энциклопедии» (10).

Выходящие работы по военному фактору в истории Урала не свободны от недостатков. Сборники статей зачастую фрагментарны. Не выработаны

общепризнанные концепции главных проблем истории Первой мировой войны.

Таким образом, вопросы общественно-политического, социокультурного, институционально-управленческого, территориально-административного развития края изучены недостаточно и требуют дальнейших изысканий. Кроме того, имеющийся историографический задел с позиций, произошедших в последнее время в исторической науке изменений, нельзя признать безоговорочно продуктивным. Основная масса этих трудов создавалась в условиях полного отсутствия плюрализма познания и господства до предела унифицированной методологии. Поэтому, в большинстве случаев, они вынуждалась, при всем богатстве фактологического материала, утверждать одни и те же основополагающие историософские догмы. В этой связи несомненный прогресс в оценках имеющихся работ представляет точка зрения, утвердившаяся в конце XX – начале XXI вв. и выдвинувшая в качестве главной меры, определяющей этапы в накоплении исторических знаний, плюрализацию познания. Ее уральские представители (В.С. Прядеин, А.С. Барсенков, М.Н. Потемкина, Н.П. Палецких, А.В. Сперанский и др.) с учетом наличия возможности для исследователей свободно выражать свои взгляды или отсутствия таковой, делят всю историографию военного времени на два основных этапа.

В отношении Второй мировой войны первый этап (1941 – 1985 гг.) характеризовался несомненным прогрессом в деле приумножения исторических знаний. Читательская аудитория получила литературу, охватывающую широкий круг проблем, связанных с развитием военной экономики Урала, формированием воинских подразделений и их участием в военных действиях. Среди проведенных в эти годы исследований, особую значимость имели монографии А.В. Митрофановой, Г.А. Морехиной, А.Ф. Васильева, Н.А. Мошкина, А.Г. Наумовой, И.А. Кондаурова, коллективные труды «Подвиг трудового Урала», «Урал – фронту», «Уральцы бьются здорово» и др. (11). Их главным достижением было выявление и фиксирование в открытой печати богатейшего фактологического материала, научная значимость которого представляется гораздо весомее конъюнктурно–стереотипных выводов, сделанных на его основании и нуждающихся сегодня в пересмотре.

Для второго этапа (1986 – до настоящего времени) характерен сложный переход к новому качеству исторической науки, вектор которого направлен от тоталитарной методологии к полному методологическому плюрализму. В последнее двадцатилетие наряду с объективным переосмыслением исторической трактовки накопленных знаний, в исследуемой проблеме обозначился отход от стереотипного восприятия уральского региона только как кузницы оружия и боевых кадров. Все интересующиеся историей военного периода, получили возможность познакомиться с интересными обобщающими научными изысканиями А.А. Антуфьева, Г.Е. Корнилова, В.П. Мотревича,

Н.П. Палецких, А.Н. Трифонова, А.В. Сперанского, М.Н. Потемкиной в которых на основе богатого фактического материала, с позиций сегодняшнего дня, дается анализ промышленного, аграрного, социального, духовного развития Урала в период военного лихолетья (12).

Однако современный уровень исторических знаний требует всесторонних обобщений и обуславливает необходимость интегративного анализа функционирования уральского региона в годы мировых войн XX века как целостной системы тесно взаимосвязанных между собой элементов. Поэтому комплексное изучение и сравнительный анализ определяющих направлений жизнедеятельности края в экстремальных условиях мировых войн должны стать существенным и логическим дополнением к работе, уже сделанной уральскими историками.

Теория модернизации, определенная современными историками Урала в качестве методологической базы намеченных исследований, ни в коей мере не ставит под сомнение диалектическую основу изучения и объяснения всех особенностей, закономерностей и перипетий развития Урала в годы мировых войн, поэтому определяющими методологическими принципами реализации проекта останутся историзм и научная объективность. Это даёт возможность анализировать весь комплекс региональных военных проблем в рамках конкретной исторической обстановки, с учетом условий их породивших, в контексте общемирового процесса.

Использование заявленных принципов позволит применить целую систему общенаучных и специальных методов исследования. Так, пропорциональное сочетание проблемного и хронологического подхода при рассмотрении процессов и событий даст возможность последовательно проследить все основные направления региональной политики руководства страны, эволюцию ее форм и методов на протяжении всех военных лет. Соразмерное совмещение ситуационного и ретроспективного подходов определит мотивацию решений, принимавшихся в условиях конкретной ситуации, выявит степень их декларативности, реального воплощения на практике и долговременности воздействия достигнутых результатов на развитие и укрепление уральского региона не только военного, но и послевоенного периода.

Заметную роль в исследовании общественно-политических, социально-экономических, институционально-административных, культурологических тенденций может сыграть сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить опыт работы организаций и учреждений различных направлений, духовные потребности общества на разных этапах войны, выявить общее и частное в региональном процессе. С помощью статистического метода, на основе научной обработки обширного цифрового материала, можно определить основные количественные характеристики уральского потенциала периода мировых войн XX века, показать его долю в масштабе России.

Обозначенные исторические методы исследования не отрицают возможности использования и методов социальной психологии, позволяющих анализировать категории морального состояния и политических настроений населения Урала в военные годы, определять психологическую мотивацию их поступков, устанавливать связь этой эмоционально–психологической сферы с общей ситуацией в стране.

Актуальность проблемы заключается в том, что рассмотрение в теоретическом и конкретно-историческом плане основных вопросов, связанных с жизнедеятельностью Урала в контексте с основными событиями мировых войн XX века позволяет обобщить и результативно использовать накопленный опыт в целях укрепления национальной безопасности Российской Федерации и противодействия экстремистским и деструктивным силам на современном этапе ее развития. Актуальность обозначенной проблемы обуславливается также важностью расширения базы военно-исторических знаний для непредвзятого осмысления военного прошлого российского государства, потребностью совершенствования системы патриотического воспитания в целях повышения ответственности населения за судьбу страны.

На наш взгляд, назрела необходимость в научном осмыслении и всестороннем освещении вклада Уральского региона в укрепление военного потенциала страны, демонстрации действенности и применимости накопленного в годы мировых войн опыта в борьбе с современными угрозами российской государственности.

Таким образом, глубокое изучение военного фактора в истории Урала XX века в контексте современного исторического образования и формирования исторического сознания в настоящее время представляется весьма актуальным.

-
1. Гаврилов Д.В. Влияние геополитического фактора на развитие военного производства на Урале (XVIII в. – 1917 г.) // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 93–97; Он же. Урал в геополитической стратегии Первой и Второй мировых войн // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 77–81; Он же. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – начале XX вв. // Модернизационные процессы металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 40–93; Он же. Завершение «промышленного переворота» на Урале: 80-е гг. XIX в. – 1918 г. // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 73–96; и др.
 2. Попов Н.Н. Время смут и катастроф // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 105–124.
 3. Лаптевская И.В. Социально-экономическое развитие казенной горнозаводской промышленности Южного Урала периода капитализма (1861 – 1917 гг.): Автореф. дис... к.и.н. Курган, 1995.
 4. Ильченко В.Н. Историография промышленности Урала в годы революции и гражданской войны. Дис... к.и.н. Екатеринбург, 1998.

5. Ляпин В.А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909–1913 гг. // *Промышленность Урала в период капитализма: социально – экономические и экологические проблемы*. Екатеринбург, 1992. С. 160–167; Он же. Ижевский оружейный завод // *Первые Татищевские чтения*. Екатеринбург, 1997. С. 42–44; Он же. Военный фактор в истории России // *Актуальные вопросы российской военной истории*. СПб., 2000.
6. Зубков К.И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890-е – 1920-е гг.) // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 1994. Вып.1. С. 76–92; Он же. Стратегическая ось военного перелома (К вопросу о геополитической роли Урала в Первой мировой войне) // *Урал в стратегии Второй мировой войны*. Екатеринбург, 2000. С. 223–243.
7. Жук А.В. Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы Первой мировой войны // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург, 2000. №5–6. С. 341–351; Он же. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны // *Экономическая культура в условиях развития рыночной экономики: отечественная практика и опыт международного сотрудничества*. Екатеринбург, 2001. С. 547–554; Он же. Металлургическая база военного производства на Урале накануне и в годы Первой мировой войны // *Уральский исторический вестник. Проблемы экономической истории России: региональное измерение*. № 9. Екатеринбург, 2003. С. 170–182; Он же. Частная промышленность Урала в годы Первой мировой войны // *Региональные модели исторического общего и профессионального образования*. Екатеринбург, 2004. Ч. 1. С. 57–61; Он же. Запасной эшелон обороны // *Урал индустриальный*. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 163–173; Он же. Техносфера уральской промышленности в стратегии национальной безопасности России в конце 1917–1918 гг. // *Война и российское общество: 1914–1945 годы*. Екатеринбург, 2005. С. 37–42.
8. См.: Шумкин Г.Н., Гаврилов Д.В. Роль малых войн в развитии военной промышленности на Урале перед Первой и Второй мировыми войнами // *Урал в стратегии Второй мировой войны*. Екатеринбург, 2000. С. 81–84. Шумкин Г.Н. Дефицит оборонных заказов как причина неустойчивой работы казенных заводов Урала во второй половине XIX – XX вв. // *Историческая наука и историческое образование на рубеже XX – XXI столетия*, 2000. С. 165–168; и др.
9. *Металлургические заводы Урала XVII – XX вв.: Энциклопедия*. Екатеринбург, 2001.
10. *Уральская историческая энциклопедия*. 2-е изд. Екатеринбург, 2000.
11. См.: Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1982; Мошкин Н.А. Все для Победы: трудовой подвиг рабочего класса Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1984; Морехина Г.А. Великая битва за металл. М., 1974; Наумова А.Г. Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1960; Кондауров И.А. Боевая доблесть коммунистов и комсомольцев Урала. 1941–1945 гг. Пермь, 1976; Подвиг трудового Урала. М., 1965; Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968; Урал – фронту. М., 1985; и др.
12. См.: Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Он же. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993; Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Вели-

кой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Он же. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики. 1941–1950 гг. Екатеринбург, 1993; Трифонов А.Н. Продовольственное положение на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны. (1938 – 1945 гг.). Екатеринбург, 1993; Он же. Кузница и щит России // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 343–348; *Он же*. Вклад трудящихся Урала в создание фонда обороны и вооружения Красной Армии (1941–1943 гг.) // Средний Урал в первый период Великой Отечественной войны: вклад в подготовку коренного перелома. Екатеринбург, 2002. С. 60–70; Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995; Она же. Трудармия на Урале в период Великой Отечественной войны // Вестник ЧелГАУ. 1998. Т. 27; Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Екатеринбург, 1996. Он же. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны: достижения и противоречия // Проблемы экономической истории Урала. Екатеринбург, 2006. С. 299–327; Потемкина М.Н. Эвакуация годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; и др.

Захаровский Л.В.
(Екатеринбург)

Начальное профессиональное образование среди детей- спецпереселенцев в Уральской области (начало 1930-х годов)

Масштаб уральской спецсылки определяет несомненную актуальность изучения специфики, форм и методов начального профессионального образования среди молодежной части её контингента. Только за 1930–31 гг. в “кулацкую ссылку” на Урал было отправлено 26854 семьи (1), уже на 1 октября 1930 г. в составе ссыльных находилось свыше 53,5 тысяч детей (2).

В соответствии с директивами правительства и Уралоблисполкома вся ответственность за состояние спецпереселенцев, в том числе их “хозяйственное использование” и культурно-бытовое обслуживание, возлагалась на Комендантский отдел под руководством ПП ОГПУ по Уралу. Оторванные от привычного жизненного уклада, находясь в крайне сложных бытовых и материальных условиях, спецпереселенцы тяжело приспосабливались к новой обстановке. Опыт их “хозяйственного использования” показал, что для эффективной работы раскулаченных в промышленности необходимы меры по переподготовке взрослых и обучению молодежи.

Раньше всего это осознали руководители хозяйственных организаций, непосредственно использовавших труд спецпереселенцев. В частности, управляющий Уралгосрыбтрестом Новиков в докладной записке начальнику областного Комендантского отдела от 2 марта 1931 года отмечал: “...подавляющее большинство переселенцев хлебопашцы, с ловом рыбы

незнакомы... переселенцы все время надеялись на возвращение к старым очагам и поэтому не поддавались учебе наводному делу” (3).

В то же время, хозорганизации пытались возложить затраты на развитие сети школ и ФЗУ для детей спецпереселенцев на самих ссыльных (из заработка которых удерживались 25% на культурно-бытовое обслуживание) и Уральский отдел народного образования, указывая на огромные расходы по строительству жилья для спецконтингента. Дискуссии между вовлеченными инстанциями замедляли процесс развития этого особого сегмента начального профобразования, но не могли остановить его.

Помимо самих переселенцев и хозорганизаций, важнейшей заинтересованной стороной в данном случае являлись органы власти, видевшие в профобразовании прежде всего наиболее эффективную форму пропаганды нового образа жизни, отказа от старых традиций, отрыва молодежи от неблагонадежных взрослых. В постановлении Уралобкома ВКП(б) в отношении спецпереселенцев прямо ставилась задача “их расслоения с противопоставлением, где это возможно, отдельных элементов молодежи остальной части кулачества...” (4). В этих условиях школы и учреждения начального профобразования становились одним из важнейших элементов системы трудового перевоспитания представителей “эксплуататорских классов”.

Не случайно, что именно в начале 1930-х власть уделяла развитию НПО пристальное внимание – только за 1931 г. Уралобком партии трижды рассматривал вопрос о школах ФЗУ. При этом совершенствование учебных планов и программ подразумевало в том числе и повышение уровня идейно-политического воспитания учащихся. Ключевая роль здесь придавалась изучению учащимися курса обществоведения и, особенно, советского периода истории страны. Кроме этого, большая часть учащихся были охвачены различными политическими кружками.

Таким образом, совпадение идеологических и экономических интересов органов власти и хозорганизаций предопределяло их искреннюю заинтересованность в развитии начального профобразования среди молодых спецпереселенцев – сети школ крестьянской молодежи (ШКМ), фабрично-заводских училищ (ФЗУ), дозаводского ученичества, являвшегося подготовительной ступенью для школ ФЗУ, школ ученичества массовой профессии (ШУМП), которые были отнесены к типу школ ФЗУ, курсов квалификации и т.д. И если в 1929 г. контингент школ ФЗУ на Урале составлял 13351 чел., то в 1931 г. - уже 69285 чел. (5).

Советская историография объясняла стремительный рост учащихся в школах ФЗУ и типа ФЗУ лишь остротой проблемы кадров: “Это решение [решение X-й областной партийной Конференции одобрить увеличение числа обучающихся в школах ФЗУ в 1930/31 учебном году на 3 тыс. человек – авт.] было вызвано тем, что с 1929 г. на предприятиях и стройках Урала особую остроту приобрела проблема кадров. Летом 1930 г. на 23 важнейших

объектах Урала (Магнитострой, Уралмашстрой...) общая потребность в рабочей силе составляла 153 тыс. человек, а фактически имелось 95 тысяч” (6). Не дискутируя с данным выводом, следует отметить, что на строительстве того же Магнитогорского комбината использовался труд многих тысяч спецпереселенцев и, значит, острота кадровой проблемы во многом определялась необходимостью их переобучения и “перевоспитания”.

Специфика НПО среди спецпереселенцев определяет особую историческую ценность материалов ОГПУ, характеризующих состояние спецссылки Урала. Их изучение показывает, что наиболее быстрое развитие профобразования происходило там, где вид “хозяйственного использования” переселенцев требовал специальных навыков и знаний, стимулируя руководство хозорганов прилагать усилия для создания учреждений НПО. В этом смысле специфика медеплавильной или рыбной отрасли существенно больше благоприятствовала развитию профобразования, нежели требовавшая на тогдашнем уровне технологического развития лишь приложения физического труда валка леса. Поэтому уже в 1932-33гг. спецпереселенческая молодежь в Карабаше (медеплавильный завод – 13 чел.) (7), Обдорске (рыбный промысел – 40 чел.) (8), Ивделе (трест Союззолото – 47 чел.) (9), обучалась в школах ФЗУ, в то время как в Ныробском районе (лесная промышленность) дети спецпереселенцев не могли посещать даже начальную школу. Всего же, на 1 марта 1932 года, показатели НПО среди спецпереселенцев выглядели так: ШКМ -304 чел., Дозавуч – 145 чел., ФЗУ – 206 чел., ШУМП – 192 чел., Курсы квалификации – 270 чел.

Эти обстоятельства имели далеко не второстепенное значение. Формировавшаяся сеть учреждений начального профессионального образования не только обеспечивала экономические и идеологические интересы государственной власти, но и создавала важнейшие предпосылки для реинтеграции переселенческой молодежи в советское общество через приобретение новой профессии и возможности дальнейшего повышения образовательного и профессионального уровня. Уже в 1935 году будет продекларировано восстановление права детей спецпереселенцев поступать в техникумы и ВУЗы на общих основаниях. При всех сохранявшихся на деле препонах и ограничениях, именно те тысячи молодых спецпереселенцев, которые в ссылке прошли обучение в учреждениях НПО, получили наибольшие возможности занять в пережившем сталинский вариант модернизации советском обществе, достойное место.

1. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-36гг.). Сб. документов. Екатеринбург, 1993. С.11.
2. ГАСО. Ф.Р.-88. Оп.21. Д.51. Л.173.
3. ГАТО. Ф.1785. Оп.5. Д.45. Л.12.
4. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.54. Л.106.
5. Уральское хозяйство в цифрах 1931-1932 гг. Свердловск, 1933. С.128.

6. Милостная Л.И. Деятельность партийных организаций Урала по развитию профессионально-технического образования в 1928-1932 годах // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования и культуры. Свердловск, 1978. С.23.
7. ЦДООСО. Ф.4. Оп.11. Д.198. Л.83.
8. ГАТО. Ф.1785. Оп.5. Д. 96а. Л.2.
9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.109. Л.44об.

**Ильиных И.В.
(Нижний Тагил)**

**Ритуалы «политического послушания»:
чистки советского аппарата на Урале на рубеже 1920-1930-х гг.**

На рубеже 1920-1930-х гг. партийно-государственное руководство страны для установления политического контроля над населением, наряду с организацией обязательных ритуалов «политического послушания» (участия в митингах, демонстрациях, отчетно-выборных собраниях, разучивания официального властного языка, усвоения необходимого минимума идеологической литературы) активно использовало и альтернативно-этические формы, выявляющие степень лояльности гражданина властям. Одним из наиболее распространенных ритуалов «со - участия» являлись чистки советского и партийного аппарата, связанные с «внедрением» в политический дискурс методов «идеологической критики» и самокритики.

Официальной мотивацией проводимых кампаний по чистке являлось стремление задать производственному коллективу или его отдельному представителю импульс для дальнейшего роста, акцентировав через призму общественного мнения внимание на их профессиональных, личностных, идейных недостатках. Руководство страны, в стремлении сформировать принципиально иную генерацию «строителей социализма», настаивало на том, что способность критиковать себя – неотъемлемая черта «нового человека».

Согласно «Обращению ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики» от 2 июня 1928 г., опубликованному в «Правде», кампании по чистке одновременно развивались на «советском, профсоюзном и партийном фронтах» (1). Партийно-государственное руководство, акцентируя внимание на негативных моментах в реализации социально-политического курса развития страны («бюрократизме государственного аппарата; его громоздкости, косности, волоките; сохранении остатков чиновничьего аппарата; недостаточно быстром втягивании населения в действительное управление государством и хозяйством») провозглашало основные цели проведения кампании, к которым относились: «вскрытие» и исправление недостатков и ошибок в партийной и советской работе, усиление

творческой активности масс, их коммунистическое воспитание и широкое привлечение к управлению государством (2). В реальности декларируемые цели кампании были существенно трансформированы под воздействием как объективных социальных и экономических условий, так и субъективных качеств участников политического диалога.

Законодательно решение о проведении чисток советского аппарата было обосновано в постановлении ВЦИК «О выборности и сменяемости советского аппарата» и постановлении пленума Уральского областного комитета ВКП(б) «О чистке советского аппарата», в которых с использованием специфической бюрократической лексики советской эпохи провозглашалась задача «чистки советского аппарата от чуждых элементов, не способных или не желающих проводить на деле генеральную линию партии», акцентировалось внимание руководителей на необходимости «приспособить весь государственный аппарат к потребностям социалистического строительства путем установления действительной постоянной неразрывной связи советского государственного аппарата с массами трудящихся» (3). Объявленная задача сводилась, в конечном итоге, к исключению из реального политического пространства той части руководителей и сотрудников аппаратов, которые не укладывались в своей деятельности в жесткие рамки требований, предъявлявшихся к государственной номенклатуре.

Реальные причины «вычищения» завуалировались общераспространенными идеологическими клише. Неудобных и провинившихся обвиняли в бюрократизме, волоките, растрате, половой и моральной распущенности, уклонении от генеральной линии партии, служебных и должностных преступлениях. Всего на январь 1931 г. по Уральской области из советских, хозяйственных, кооперативных органов был исключен 6921 сотрудник, в том числе из низового звена аппарата 4806 человек, взамен которых в советский аппарат было выдвинуто 1620 человек, в том числе рабочих с производства – 1100 (4).

Контроль за ходом чисток осуществляли партийные органы, ответственность же за успешное проведение чисток советского аппарата, в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 17 июня 1929 г. «О партийном руководстве чисткой советского аппарата», возлагалась на руководителей учреждений (5). В реальной практике это порождало тупиковую ситуацию: осознавая собственную «декоративную» роль при проведении чисток, региональные советские руководители пассивно относились к кампании, что служило новым предлогом для критики. Основным объектом проведения кампаний становились советские учреждения, где действовали специально созданные рабочие бригады по чистке, присылаемые с производства. К работе в этих группах активно привлекалась молодежь, по мнению руководства страны «не отягощенная грузом дореволюционного прошлого» (6). Согласно инструкциям о порядке проведения чистки, состав комиссий со-

действия (10-20 человек) должен был включать 75% рабочих от станка и не менее 40% беспартийных граждан, членов ВЛКСМ и женщин (7). Судебные органы и прокуратура, имевшие компрометирующий материал, собранный в ходе «ежедневного надзора над биографией», должны были предоставлять его в РКИ для переадресации членам комиссий содействия по индивидуальной проверке. Вторичными источниками сбора информации о сотрудниках советских учреждений, попавших под «огонь самокритики», являлись заявления, анкеты, автобиографии. Рабочим бригадам было дано четкое указание при составлении заключения о каждом работнике избегать клише («чуждый элемент», «извращает линию партии», «бюрократ»), а предоставлять его подробную характеристику на основании собранного материала.

На заключительном этапе кампании проводились производственные или общие собрания, на которых применялся так называемый метод критики или самокритики. Собрания по чистке сохраняли черты особого ритуала, в ходе их проведения использовался специфический язык, алгоритм и стилистическое оформление. Интересное сравнение самокритических выступлений с обрядами средневековой инквизиции приводят Б.Штудер и Б.Унфрид, отмечая, что главным отличием чистки от церковного ритуала исповеди, где главным результатом являлась не кара за содеянное богохульство, а обращение еретика в истинную веру, служил публичный характер кампании, а также «посюсторонность» верховного судьи, роль которого выполнял коллектив (8).

Поскольку чистки советского аппарата проходили в традиционной для советского государства форме массовых кампаний, то в полной мере отражали все их недостатки: формализацию процесса, бюрократизацию, ритуальность, идеологическую зашоренность. На страницах газет регулярно публиковались карикатуры, «высвечивающие» эти стороны кампании, препятствовавшие, по мнению партийных идеологов, повышению их эффективности.

Осознавая необратимость появления негативных общественных настроений партийно-государственное руководство пыталось акцентировать внимание на специально конструируемом феномене советской действительности - методе «самокритики». Для проведения массовой агитационной кампании необходимо было выяснить действительное отношение населения к возможности «самокритических обличений», для чего Уральским областным статистическим комитетом было проведено исследование, направленное на выявление отношения населения к самокритике. Анализ разосланных анкет, проведенный работниками комитета, позволял в целом говорить о распристраненности мнения о «полезности самокритики, вскрывающей большие места» (9). Условием ее успешности, по мнению респондентов, являлось участие в кампании всех рабочих. В этом случае, как отмечали сами анкети-

руемые, «уходила боязнь самокритических выступлений, все чувствовали за спиной твердую опору».

Выводы исследования, проводимого по специальному заказу Уральского обкома ВКП(б), изначально не могли быть репрезентативными, поскольку тематические блоки вопросов анкет были ориентированы на позитивную оценку проводимой кампании. Спорность итогового заключения исследования подтверждает также нерепрезентативность выборки и характер заполнения анкетных бланков. Так, на Верхнетуринском заводе, ВИЗе, было полностью оформлено только 5% присланных анкет. Точка зрения швейцара Уралмета, принесшего незаполненную анкету и прокомментировавшего свои действия словами: «возьми свою анкету, я ее заполнять не буду, мне служба дороже, а недостатки я нутром своим переживу и говорить о них не буду», была распространена и на других промышленных объектах области и может быть охарактеризована как типичная (10).

Анализ анкет позволяет определить и основные причины негативного отношения уральцев к кампании по «самокритике». Одной из основных предпосылок нежелания участвовать в мероприятиях являлась боязнь штрафных последствий (рабочие апеллировали к случаям «гонений», отмечаемым на Миньярском и Надеждинском заводах, «Уралсепараторе»).

Существенно влияли на отношение к кампании по самокритике слухи, распространяемые среди городского населения. Например, горожан циркулировало мнение, что хотя кампания и проходит под лозунгом самокритики, но если начнешь критиковать работу Совета, то попадешь в милицию, как гастролер - кукольник, спевший лишнюю песенку о Горсовете (11).

Социальная реальность периода первой пятилетки существенно трансформировала первоначальный замысел руководства государства. Изначально критика и самокритика презентовались как взаимообусловленные процессы, способствовавшие дальнейшему росту руководителя и советского служащего путем выявления недостатков с помощью привлечения общественного мнения. На деле эти кампании выступали удобным рычагом удаления самостоятельных и неблагонадежных «лиц», способом сведения личных счетов или собственного продвижения по карьерной лестнице за счет «низвержения» конкурентов. В кулуарных разговорах часто возникал ироничный вопрос: «Против кого сегодня будет направлена твоя самокритика?» (12).

По сути кампании по самокритике способствовали формированию тактики индивидуального выживания. Постепенно складывавшаяся подсистема страха формировала в качестве одного из составных элементов «Я-образа» появление ощущения социальной незащищенности перед режимом, неустойчивости своего положения. В интересах самосохранения следовало вовремя «разоблачить замаскированного врага», ибо отсутствие этого желанного грозило обвинением в пособничестве. В то же время чрезмерная активность была чревата политическими обвинениями, потерей имевшегося статуса.

Как отмечено в письме служащего железной дороги, присланного в «Рабочую газету», «чрезмерно активных» обвиняли в «невыдержанности»: «если добиваешься правды, то склочник и ходи без работы, если пьешь за столом, а не под одеялом в кровати, то это твоя болезнь, и если ты не способен преклоняться и молчать перед прохвостами, как беспартийными, так и партийными, то ты «невыдержанный» и точка» (13).

Обратимся к характеристике отношения населения к значению и содержанию чисток. Анализ протоколов собраний по чистке и материалов периодических изданий позволяет выявить целый спектр индивидуальных моделей поведения и вариантов личного восприятия кампаний по чистке, что не позволяет говорить о доминировании какой-то определенной линии общественного поведения и общественного мнения. В условиях перманентного политического контроля население было вынуждено постоянно балансировать при выборе определенной тактики поведения, часто меняя их и приспосабливаясь к политическому контексту.

Прежде всего, жители городов и заводских поселков воспринимали чистки как механизм индивидуального выживания, руководствуясь следующей моделью поведения: если ты не проявишь активность, ее проявят против тебя. На собраниях граждане старались продемонстрировать активность и лояльность, чтобы пресечь обвинения в собственный адрес. Для того чтобы застраховаться от возможных карательных санкций, получить от власти необходимый минимум прав, требовалось доказать собственную благонадежность. В то же время необходимо было выработать точную линию поведения, не «перегнуть палку», избежать «излишнего активизма», чтобы не быть обвиненным в «склочности и отсутствии пролетарской солидарности». В этом случае «соглашательская» стратегия была наиболее эффективна и часто использовалась населением, что прослеживается в воспоминаниях участников собраний по чистке.

Организация кампаний по чистке советского аппарата порождала замкнутую по своей динамике ситуацию: наказывая «виновников», которыми чаще всего становились руководители низшего ранга, власть, с одной стороны, удовлетворяла чувство «социальной справедливости», характерное для советского общества, но, с другой стороны, обостряла и без того напряженную социальную атмосферу, «вращивая» чувства общей подозрительности, недоверия, страха, закрепляя в поведении населения индивидуальные тактики выживания.

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1970). Изд.8-е, доп. и испр. Т.4 (1927-1931). М, 1970. С.94-98.

2. Там же. С.94-95.

3. Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1930. № 12-13. С.25-27; Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф.Р-21. Оп.1. Д.870. Л.6.

4. Отчет о деятельности Уралоблисполкома за 1927-1931 гг. Свердловск. 1931. С.168-171; Винниченко О.Ю. Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929-1941. Курган, 2001. С.123.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.8341. Оп.1. Д.20. Л.11.
6. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998. С.45.
7. НТГИА. Ф.Р-21. Оп.1. Д.1028. Л.3.
8. Ватлин А.Ю. – Б.Штудер, Б.Унфрид. Кадры сталинской партии. Практика и дискурс самоидентификации в Советском Союзе 1930-х годов // Вопросы истории. 2004. №6. С.174.
9. ГАРФ. Ф.5469. Оп.13. Д.609. Л.7об.
10. ГАРФ. Ф.5469. Оп.13. Д.609. Л.7.
11. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.Р-122. Оп.3. Д.4. Л.73.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф.4. Оп.7. Д.77. Л.120.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАС-ПИ). Ф.610. Оп.1. Д.195. Л.214.

**Козлов С.А.
(Тюмень)**

Теория вожества в контексте скифской истории (На материалах VII – начала IV вв. до н.э.)

В последнее время вырисовывается новая, в высшей степени сложная и многообразная панорама переходов от догосударственного состояния к раннегосударственному у самых разных народов, что побуждает и античников, и медиевистов вновь рассмотреть эту проблему на своём, казалось бы, давно и солидно изученном материале. Несомненно, поднятая проблема имеет общеметодологическое значение. Наша реконструкция, носящая сугубо гипотетический характер, продиктована интересом скифологов к проблеме становления государства у скифов. Ибо применительно к кочевым обществам проблема государства должным образом не прояснена и нуждается в новом обсуждении.

Вопрос о времени возникновения государства у скифов чрезвычайно дискусионен. Разработку этой темы начал *А.С. Лаппо-Данилевский*, который полагал, что скифы были народом варварским, но находившимся близко к цивилизации. *М.И. Ростовцев* считал, что уже в ранний период у скифов существовала мощная держава. Историки античности *В.Ф. Гайдукевич*, *С.А. Жебелёв* полагали, что государство у скифов возникло лишь в III–II вв. до н.э. Археологи *Б.Н. Граков*, *А.И. Мелюкова*, *М.И. Артамонов* и их последователи считали, что скифское общество до V в. до н.э. было военно-демократическим с преобладанием кочевых форм быта; в V в. до н.э. сложи-

лось царство с сильной деспотической властью, с ведущей ролью кочевых племён, подчинивших себе земледельцев. По мнению *А.И. Тереножкина* и *А.П. Смирнова*, государство у скифов возникло ещё до V в. до н.э. О том, что государство у скифов могло возникнуть ещё в VII в. до н.э., в переднеазиатский период истории скифов, писал *А.М. Хазанов* (1).

Выбор того или иного мнения в известной степени зависит от избранной методологии исследования. Так, с точки зрения *эволюционистского* подхода, господствовавшего в советской историографии, государство у скифов не могло сложиться в ранний, переднеазиатский период их истории. Современные концепции предполагают двойственный подход к характеристике кочевых политических образований (2). Исходя из этого, мы приходим к выводу, что переднеазиатская Скифия (ок. 70 гг. VII – начало VI вв. до н.э.) была основана на *консенсуальных связях* во внутренней политике, но выступала как специфическая *завоевательная ксенократическая государственно-подобная мультиполития* по отношению к соседним народам. Её цари, принадлежавшие, по крайней мере в эпоху наибольшего могущества царства, к одной династии, признавались равноправными партнёрами в сложных военно-политических взаимоотношениях государств того времени. В ней преобладали внешние межэтнические формы зависимости, основанные: 1) на прочном подчинении местного, в т.ч. земледельческого, населения; 2) на военной эксплуатации в виде набегов и грабежей (вплоть до Сирии и Египта); 3) на взимании регулярной дани с других государств (Мидия); 4) возможно, на получении платы за союз и военную помощь (Ассирия).

Политическая организация скифского общества претерпела в течение времени значительную трансформацию. Первоначально, в переднеазиатский период, Скифия представляла собой мощную державу, основанную на военной иерархии, в известной степени автократической власти скифского “царя”. Постепенно автократические связи в скифском обществе ослабевали. Причерноморская Скифия VI – начала IV вв. до н.э. представляла собой *протогосударственное, раннеклассовое общество* (3), политическую систему которого можно охарактеризовать как *вождество суперсложного типа* (4); структурную основу её составляла многоступенчатая родо-племенная организация. По Геродоту, Скифия, помимо βασιλῆαι – “царств-басилей”, подразделялась на νομοί – “номы”, округа (IV, 7, 62, 120). Дальнейшие подробности административно-политического устройства Скифии Геродот сообщает рассказывая о культе бога Ареса (*Herod.* IV, 62). Анализируя это сообщение Геродота, часть скифологов (С.А. Семёнов-Зусер, А.М. Хазанов и др.) полагали, что скифские номы входили в более крупные единицы – “архэ”. Однако Э.А. Грантовский, указав, что термин “архэ” появился в части переводов и изданий после конъектуры Г. Штейна, отметил, что “при обычном чтении в тексте упомянуты ‘архейоны’; тогда тут подразумевались бы

номовые власти, места их собрания, совета и т.п., как полагали многие учёные до поправки Г. Штейна и после неё (А.С. Лаппо-Данилевский и др.)” (5).

Поскольку в отечественной литературе вплоть до настоящего времени теория вожества имеет хождение в основном среди специалистов по политогенезу (г.о. ориенталистов и этнологов-антропологов), на данном вопросе мы сочли необходимым остановиться несколько более подробно.

Теория вожества (англ. *chiefdom*) принадлежит к числу наиболее фундаментальных достижений западной политантропологии. В рамках неэволюционистской схемы уровней социальной интеграции (локальная группа – община – вожество – раннее государство – национальное государство) вожество занимает среднюю ступень. В этой схеме вожество понимается как промежуточная стадия интеграции между акефальными обществами и бюрократическими государственными структурами (6).

Простые вожества представляют собой группу общин, иерархически подчинённую одному вождю; в свою очередь, сложные вожества – это иерархически организованная совокупность нескольких простых вожеств (7). Суперсложное вожество – это не механическая группа сложных вожеств. При простом объединении нескольких сложных вожеств в более крупные политии, последние редко оказываются способными справиться с сепаратизмом субвождей без аппарата власти (8). Принципиальным отличием суперсложных вожеств является появление механизма наместников, которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. Это ещё не аппарат власти, поскольку количество таких лиц невелико, но это важный структурный импульс к последующей политической интеграции (9).

Суперсложное вожество – это уже реальный прообраз раннего государства. Данные политические образования имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, взаимодействовали с соседними странами, заключали династические браки с правителями земледельческих государств и соседних кочевых объединений. Впоследствии, для них были характерны зачатки урбанистического и монументального строительства. С точки зрения соседей такие кочевые общества воспринимались уже как самостоятельные субъекты международных политических отношений.

Следует подробнее остановиться на способах поддержания структурного единства “кочевой конфедерации”: институтах *наместников и престижной экономики*. У скифов институт наместников представлен вождями племён, племенных объединений и иных этно-племенных группировок, т.е. тех единиц скифской общественной структуры, которые Геродот называет номами. Механизм, соединявший “правительство” степного объединения и племенных вождей, образовывал институты престижной экономики.

Политические связи между племенами и органами управления степного объединения не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в “кочевой конфедера-

ции” обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а, с другой стороны, правитель кочевой державы и его окружение гарантировали племенам определённую внутреннюю автономию в рамках объединения.

Судя по всему, население степных и лесостепных областей Северного Причерноморья, несмотря на некоторые различия в их культуре, входило в состав единого военно-политического объединения – Скифии, дальней восточной окраиной которой была территория Среднего Дона (10). Это был достаточно рыхлый конгломерат зависимых территорий. Границы её были крайне неустойчивы, не могли сложиться и чёткая система общегосударственного управления. Подчинение “царю” осуществлялось различным образом и в неодинаковой степени. Внутри больших “кочевых государств” находилась обширная “оседло-земледельческая периферия”, чрезвычайно важная для социального, политического и культурного развития Скифии. Роль племенных вождей в борьбе политических сил трудно переоценить, и нередко именно они оказывали решающее влияние на смену господствующей элиты.

Внутренняя слабость Скифии компенсировалась непрерывной широкой экспансией вовне. Ресурсы, необходимые для её правителей, поступали в большей мере из покорённых или зависимых территорий в виде дани, от племенных и других вождей, принужденных стать их вассалами. Когда же эти соседи получали военный перевес, сразу обнаруживалась “врождённая” непрочность этого объединения.

С первой половины IV в. до н.э. начинается новый этап государственной жизни скифского общества, который характеризуется: 1) интенсификацией седентаризационного процесса; 2) усилением имущественного и социального неравенства, идеологическим обособлением знати; 3) усилением центральной власти; 4) усилением зависимости лесостепного населения; 5) началом городской жизни в Скифии; 6) ростом торговли с греческими городами Северного Причерноморья и усилением эллинизации скифской знати (11).

1. Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности // ЗОРСА. Т. IV. СПб., 1887. С. 523; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925; Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934; Граков Б.М. Скифия. Київ, 1947; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 5; Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 88; Артамонов М.И. Скифское царство // СА. 1972. № 3. С. 62; Он же. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 143; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.

2. См., например: Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2002.

3. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алма-Ата, 2000. С. 455.

4. Крадин. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // ВИ. 2001. № 4. С. 25 сл.

5. Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 133.

6. Крадин. Империя Хунну... С. 241.
7. Он же. Общественный строй кочевников... С. 25-26.
8. Там же. С. 26.
9. Честь открытия этого механизма принадлежит американскому антропологу Р. Карнейро: Carneiro R. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000. По мнению Н.Н. Крадина, в наиболее развитой форме он характерен больше для номадических, чем для оседло-земледельческих обществ, см.: Крадин. Общественный строй кочевников... С. 26.
10. Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии // ВДИ. 2006. № 1. С. 190.
11. Хазанов. Социальная история скифов... С. 238.

**Кориков Д.Г.
(Екатеринбург)**

Противосектантское направление вероисповедной политики Российской империи в 1861 – 1904 гг.

Одной из актуальных проблем российской истории пореформенного периода является история взаимоотношений государства с неофициальными религиозными движениями, попадавшими в то время с официальной точки зрения под категорию сектантства. Характерное для настоящего времени возрастание удельного веса и значимости религиозных объединений невольно сказывается на характере их отношений с государством. Отсюда - необходимость понимания российского опыта разрешения “религиозного вопроса”, осмысления достоинств и недостатков различных принципов взаимоотношений государства с религиозными организациями.

В Российской империи вплоть до 1917 г. взаимоотношения государства с различными религиозными объединениями строились на конфессиональном принципе. Государство пыталось расположить эти объединения в некий иерархический ряд, в зависимости от близости к официальной идеологии. Принцип защиты единственно правильного вероисповедания и подавления любых других религиозных движений имел в рассматриваемое время давнюю традицию. Однако наравне с этой традицией существовал и начинал воплощаться совершенно противоположный ей либеральный, светский принцип государственно-религиозных взаимоотношений. Борьба этих двух принципов в сочетании с неудачной попыткой их примирения является характерной особенностью той эпохи.

Особенность эта достаточно сильно проявилась в попытках юридического решения проблемы старообрядчества и сектантства. Попытки эти начинаются с учреждения в 1858 г. Особого комитета из светских лиц для определения прав старообрядцев и сектантов. Деятельность его ограничилась подготовительными работами совместно с II отделением Собственной е. и. в.

канцелярии по сбору и систематизации данных о старообрядчестве и сектантстве. Тем не менее, комитетом были высказаны предложения о признании безвредными сект, признающих церковный брак и молитву за царя. Несмотря на скромный характер этих предложений, они подвели правительство к смягчению его вероисповедной политики, что разрушало лежащий в ее основе конфессиональный принцип.

Возобновление деятельности по урегулированию государственно-религиозных отношений относится к 1864 г., когда был создан новый Комитет под руководством В.Н. Панина, куда вошли уже не только светские, но и духовные лица. Главным вопросом, разбиравшимся здесь, была классификация сект. Было представлено три варианта их классификаций. Первые два варианта (выраженные министром внутренних дел П.А. Валуевым и II отделением Собственной е. и. в. канцелярии) носили относительно либеральный характер, так как допускали преследование только тех сект, в практике которых можно было усмотреть посягательство на жизнь человека (например, скопцов). Более консервативный вариант принадлежал Синоду, по которому критерий «более вредных» сект дополнялся рядом признаков из области вероучения. Признаки эти были следующие: 1. не признание Иисуса Христа Сыном Божиим; 2. допущение «человекообожания», т.е. чрезмерного религиозного почитания какого-либо человека (в особенности живого); 3. не признание церковных таинств и богоустановленности власти; 4. отвержение молитвы за царя; 5. отвержение брака или допущение временных супружеских союзов; 6. оскпление «на основании богохульного учения» (а не просто в силу возможности лишения жизни) себя и других (1). Именно этот консервативный вариант классификации сект и был утвержден. Данный факт свидетельствует о том, что консервативный принцип вероисповедной политики Российской империи мог воплощаться не только вопреки противодействию либеральной бюрократии, но так же вопреки государственным законам и экономическим интересам государства. Юридическое нарушение здесь было в противоречии той норме Свода законов, которая гласила, что «раскольники не преследуются за мнения их о вере» (2). Нарушение же экономических интересов здесь было в том, консервативный подход к классификации сект приводил к преследованию не только последователей так называемых сект, но и всех старообрядцев-беспоповцев. Однако умеренная часть беспоповцев традиционно занимала важное место в сфере торговли и стремилась нормализовать свои отношения с государством.

Такой путь решения проблемы сектантства был тупиковым. Консервативный принцип государственно-религиозных взаимоотношений в данном случае не доводился до конца. Либеральный же принцип был воплощен лишь в малой степени. Эта двойственность приводила к новой законодательной деятельности в религиозной области. В 1868 г. при министерстве внутренних дел была создана комиссия из представителей II Собственной е. и. в.

канцелярии, канцелярии Синода, министерств юстиции и внутренних дел для разработки и составления закона о браках сектантов и старообрядцев. Результатом ее работы стал закон от 19 апреля 1874 г. о метрической записи браков, рождения и смерти старообрядцев и сектантов. Ведение метрических книг возлагалось на полицейские управления (а не на духовенство, как было ранее). Доказательство прав представителей неофициальных религиозных направлений по происхождению и имуществу закон относил полностью к компетенции Министерства внутренних дел. Несмотря на свою светскую направленность, закон этот, однако, не привел к утверждению гражданских браков. Здесь в очередной раз была обнаружена двойственность вероисповедной политики российского государства. Тем не менее, сама эта двойственность становилась источником законодательных изменений. С принятием закона 1874 г. Государственный совет признал необходимым ускорить введение реформ в области «расколо-сектантства» (как было принято называть в то время различные неофициальные религиозные направления). С этой целью была создана Комиссия под председательством А.Б. Лобанова-Ростовского, состоявшая из чиновников различных ведомств. Центральное место в работе Комиссии вновь занял вопрос классификации старообрядческих толков и сект. Эксперт министерства внутренних дел П.И. Мельников отнес часть признаков «более вредных» сект, определенных Комитетом В.Н. Панина в 1864 г., исключительно к религиозной сфере и предложил не принимать их во внимание. Кроме того он не нашел фактов, подтверждающих существование сект, не признающих государственную власть. В результате, П.И. Мельников предложил отнести к категории «более вредных» сект только так называемых мистические секты (т.е. хлыстов и скопцов, как было принято тогда обобщенно называть различные неофициальные религиозные движения, отличавшиеся особыми экстатическими ритуалами и общей аскетической направленностью их образа жизни) и те секты, которые отвергали брак. Комиссия А.Б. Лобанова-Ростовского согласилась с доводами своего эксперта.

Позиция, занятая этой Комиссией, вызвала противодействие со стороны духовного ведомства. Синод привлек к решению данного вопроса свою группу экспертов, которые настаивали на сохранении старой классификации сект. Как и в случае с Комитетом В.Н. Панина здесь снова проявилась борьба двух мировоззренческих установок. Эта борьба имела не одно теоретическое значение. Противодействие Синода и православной иерархии тормозило процесс либерализации вероисповедной политики государства. Только в 1883 г. Александром III был утвержден закон, включавший большинство определений Комиссии А.Б. Лобанова-Ростовского. Однако этот закон по-прежнему не предусматривал признания старообрядческой иерархии (с вытекающими отсюда последствиями, как, например, разрешение старообрядцам строить свои храмы). Не разрешалось так же распространение каких-

либо неортодоксальных взглядов в печати. Либеральная тенденция проявлялась по-прежнему слабо.

Слабость либерального принципа в вероисповедной политике Российской империи отчетливо проявилась в отношении государства к так называемым рационалистическим сектам, к которым относили молоканство, духоборчество, баптизм, адвентизм, штундизм (под которым подразумевались различные протестантские течения, возникшие под влиянием немецких колонистов), толстовцев и последователей В.А. Пашкова. Консерваторы (в особенности обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев) рассматривали рационалистическое сектанство как чужеродное для России явление, результат влияния западноевропейской культуры. В силу этого Синод не делал по отношению к этой разновидности сектанства даже тех малых уступок, которые он делал старообрядцам. Вплоть до 1905 г. рационалистическое сектанство всячески ограничивалось и преследовалось. Это можно проследить, например, в истории религиозной деятельности английского проповедника Г. Редстока и В.А. Пашкова. В мае 1880 г. Комитет министров по настоянию К.П. Победоносцева принял меры по пресечению деятельности Общества духовно-нравственного чтения, созданного в 1876 г. и проповедавшего в духе протестантизма. Вдохновитель создания Общества Г. Редсток был выслан из России, а его сподвижник полковник В.А. Пашков отправлен в ссылку. Деятельность свою он, однако, не прекратил и в 1884 г. был выслан уже за границу. С разрешения Александра III он вскоре вернулся. Но в 1887 г. К.П. Победоносцев настоял на окончательном отъезде В.А. Пашкова из страны.

Помимо частных мер по борьбе с сектанством Синод при К.П. Победоносцеве пробовал подвести под свою деятельность надежную юридическую базу, т.е. пересмотреть закон 1883 г. Возможность этого пересмотра обуславливалась отсутствием закона о классификации сект. В результате Комитет министров в 1894 г. предоставил право министру внутренних дел по соглашению с обер-прокурором Синода объявить штундистов «особо вредной» сектой. Появившийся в этом же году циркуляр министра внутренних дел содержал определение штунды как секты, которая подрывает начала православной веры, не признает государственной власти и восстает против военной службы (3).

В данном случае создавался прецедент для возвращения вероисповедной политики к временам Николая I и полного торжества в ней консервативного принципа. Этого, однако, не произошло. Сам К.П. Победоносцев вынужден был признаться в своих письмах Н.И. Субботину, что дела о старообрядчестве и сектанстве встречали сильную оппозицию Сената, Государственного совета, а при В.К. Плеве – и министерства внутренних дел (4).

Подводя итоги, следует отметить, что наличие в вероисповедной политике Российской империи двух противоположных принципов приводило, как правило, к неудачной попытке их сочетания или к простому утверждению

консервативного принципа (что сопровождалось усилением отрицавшего религиозную свободу политического режима). В результате представители неофициальных религиозных движений, попадавших под категорию сект, вплоть до 1905 года не имели фактически никаких гражданских прав. Только последовательное утверждение принципа свободы совести могло стать выходом из этой проблемы. Но конфессиональный принцип, лежащий в основании государственной системы, не допускал этого.

1. В.В. Двадцать лет законодательных реформ // Христианское чтение. 1886. №3-4. С.486-487.
2. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т.14. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 60.
3. Кони А.Ф. Штундисты // Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 1912. Т.1. С.539-559.
4. К.П. Победоносцев – Н.И. Субботину. 30 декабря 1893 г., 30 апреля 1899 г. и 18 апреля 1903 г. // ЧОИДР. 1915. Кн. 1. С.590, 614, 615, 645.

Крайнов Г.Н.

(Бирск)

Методология изучения современной многопартийности в аспекте политической модернизации России

Политическая модернизация - это возрастание способности политической системы адаптироваться к новым образцам социальных целей и создавать новые виды институтов, обеспечивающих не только контроль над ресурсами, но и каналы для эффективного диалога правительства и населения, формирования гражданского общества. Одной из **характерных черт политической модернизации является** рост уровня участия населения в политике посредством предоставления и реализации избирательных прав, создания и деятельности политических партий (в том числе оппозиционных), способность политической системы аккумулировать претензии и требования различных социальных групп и создавать политические институты для регулирования протекающих общественных процессов (1).

Возникновение института многопартийности (институционализация) - один из важнейших признаков становления правового государства, гражданского общества и их **политической модернизации**. Если прибегнуть к аналогиям с экономикой, можно сказать, что **многопартийность играет в политической системе ту же роль, какую рынок играет в системе производства**. Подобно тому, как рынок создает механизм обратной связи

между потребителем и производителем, многопартийная система служит посредником между гражданином и государственной властью. Потребитель в лице социальных групп выходит на политический рынок, на котором ему предлагается соответствующий товар. В роли этого товара выступает тот или иной проект развития общества и решения актуальных общественных проблем. И как на рынке экономическом маркетинговые службы занимаются определением структуры спроса и в соответствии с ним предлагают те или иные товары, точно так же на рынке политическом партии обеспечивают предложение тех или иных идей, проектов общественного развития, рецептов решения насущных проблем общества. Другими словами, на обоих рынках потребитель вовсе не обязан четко осознавать свой интерес - за них это делают специальные институты: на экономическом рынке - маркетинговые службы, на политическом - партии. "Покупая" тот или иной товар на политическом рынке (путем голосования на выборах за представителей каких-либо политических сил), общество определяет курс, которого должна придерживаться государственная власть, - так же как потребитель экономического рынка, приобретая те или иные товары, опосредованно формирует структуру и стратегию развития производительных сил (2).

Главнейшей областью приложения сил политических партий является идеология, т.е. создание проектов общественного развития. Прибегая к услугам партий, потребитель политического товара нуждается именно в них. От того, насколько удачный (в том числе и учитывающий все нюансы конъюнктуры) товар сможет предложить та или иная партия, зависит и все остальное: удастся ли ей реализовать свои претензии на роль выразителя политических интересов определенной социальной группы, удастся ли ей рекрутировать достаточное число представителей активной части населения, чтобы образовать сколько-нибудь дееспособную организационную структуру и т.д. Если удастся, она станет полноценной политической организацией, если нет - останется политическим маргиналом или сойдет с политической сцены.

Прежде чем пытаться понять, каким образом многопартийность выполняет эту функцию и модернизирует общество, уточним, что представляет собой политическая партия. Краткое определение политической партии – это **организация, борющаяся за власть**. Можно дать другое определение: **политическая партия** – это организация единомышленников, представляющая интересы социальной группы и ставящая своей целью их реализацию путем завоевания государственной власти или участия в ее осуществлении (3). Попытка конкретизировать эти определения приводит к следующим выводам.

Во-первых, партия не входит непосредственно в систему государственной власти и объединяет своих членов на добровольной основе, которая подразумевает, прежде всего, единство преследуемых целей. Эти цели декларируются публично, и для их достижения используются исключительно

политические средства. Таким образом, за рамки понятия "политическая партия" выводятся группы давления, пытающиеся путем воздействия на власть повлиять на процесс принятия политических решений. (Состав и структура этих субъектов политики меняются в зависимости от поставленных целей, а сами цели являются в подавляющем большинстве случаев узкоклановыми и, как правило, не афишируются.)

Во-вторых, партия выражает политические интересы определенной социальной группы или, по крайней мере, претендует на это. Другими словами, она должна представлять еще кого-то, кроме собственных членов и непосредственно связанных с ними людей. Это выводит за рамки понятия "партия" организации клубно-сектантского типа.

В-третьих, интересы, выражаемые партией, должны носить общенациональный, а не узкокорпоративный характер. Это значит, что партия должна иметь четко сформулированную программную цель, предлагающую определенный проект развития общества. Разумеется, во главу угла могут ставиться интересы отдельной социальной группы, однако при этом проект должен учитывать интересы общества в целом (или хотя бы претендовать на это). Иначе мы имеем дело, в лучшем случае, с корпоративной организацией, если не просто с лоббистской группировкой.

Наконец, полноценная партия должна обладать разветвленной структурой, между различными частями которой существует строго оговоренное разделение полномочий и обязанностей. Партия должна иметь достаточное число активистов, сеть региональных отделений и выборные центральные органы. Таким образом, за рамки понятия "политическая партия" выводятся многочисленные карликовые организации, претендующие на активное участие в политической жизни, но не реализовавшиеся в качестве реальных субъектов публичной политики (4).

Эти условия реализуются в гражданском обществе - с дифференцированной, но одновременно единой социальной структурой, с формальным равенством отдельных членов и социальных групп, осознавших необходимость своего участия в политической жизни. (Так же как полноценный рынок подразумевает в качестве условия своего существования не натуральное хозяйство, а единый хозяйственный комплекс с глубоким разделением общественного труда.) Со своей стороны, государственная власть должна представлять собой открытую систему, формирующуюся и функционирующую под известным контролем общества. Для этого, в частности, она должна включать в себя в качестве необходимого звена представительные органы и независимую судебную власть. (Так же как рынок не может существовать в условиях, когда производитель диктует потребителю структуру его потребностей.) (5).

Политическим партиям характерны: определенная идеология, направленность на завоевание и осуществление политической власти, выражение и

отстаивание интересов определенных социальных групп общества, организационная структура, определенная социальная база и членство в партии, внутрипартийные отношения, партийно – политическое лидерство, наличие программных и уставных документов, особое конституционно – правовое положение партии и общенормативное регулирование их деятельности. В целом современным российским партиям в той или иной мере присущи все указанные признаки, и потому применение к ним традиционных категорий и понятий политической науки представляется вполне уместным.

Функции, выполняемые политической партией, можно разделить на **политические**, т.е. связанные непосредственно с реализацией властных отношений, и **общесоциальные**, касающиеся социализации и социальных отношений.

Из **политических функций** партии можно также выделить **следующие**:

- **политическое рекрутирование**, т.е. продвижение кандидатов в органы представительной и исполнительной власти. Иными словами, партии представляют собой то связующее звено, с помощью которого осуществляется формирование, селекция и последующая циркуляция политической элиты;

- **конституирующая функция**, которая заключается в установлении прочных двусторонних связей между политическими институтами и рядовыми избирателями, партия берет на себя задачу решать возникающие в обществе противоречия политическими средствами, т.е. выступает в роли "адвоката" социальных групп, она способствует преобразованию социальных интересов и ценностей в программы и действия политического характера;

- **организация борьбы за власть или в ее защиту**, определение форм, средств и методов этой борьбы в зависимости от меняющейся обстановки (легальные и нелегальные, революционные и эволюционно - реформистские и т.д.); в условиях реальной демократии такая функция осуществляется конституционными способами, через систему демократических выборов органов центральной и местной власти;

- **подготовка и проведение избирательных кампаний** по формированию высших и местных органов власти, выдвижение в них своих сторонников, организация контроля за их парламентской деятельностью. Реализуя эту функцию, партии выступают главными организаторами сохранения существующей государственной власти или ее замены. Именно они создают условия для мирной смены правительства;

- **формирование в парламенте партийной фракции**, служащей связующим звеном между партией и органами власти, рычагом партийного воздействия на государственную политику в центре и на местах. Фракция использует законодательные инициативы, депутатские запросы и др.

- для партии, проигравшей борьбу за власть, важной функцией является **организация парламентской оппозиции**, давления на государственные

органы. Партия обеспечивает связь населения с государственными структурами, осуществляет институционализацию политического поведения граждан, заменяет стихийные формы общественно-политической активности упорядоченными, находящимися под контролем организованными действиями (6).

Помимо политических, партии выполняют ряд не менее значимых социальных функций. Как наиболее важные следует отметить **следующие:**

- **политическая социализация граждан**, социально - политическое просвещение, сплочение и активизация граждан на основе общности их коренных интересов, отражение этих интересов в политической идеологии и программе развития общества, планах решения перспективных и текущих задач; постоянная забота о развитии, уточнении политической доктрины, разъяснение массам сложившейся ситуации и предлагаемой платформы действий, организация широкой поддержки программных требований со стороны населения; постоянная забота о расширении социальной базы партийной политики. В этих целях партия налаживает взаимодействие с профессиональными, экологическими, культурно - просветительскими и другими общественными организациями и движениями, участвует в формировании общественного мнения, политическом воспитании граждан;

- **инновационная функция** состоит в поиске и выработке новых - в том числе альтернативных - путей решения социальных, экономических и политических проблем. Эту функцию западные политологи иногда называют "функцией мозгового треста". Ее выполнение почти не зависит от численности партии и ее представленности в органах государственной власти. И, напротив, огромное значение приобретает интеллектуальный потенциал партийной элиты и работающих на него экспертно-аналитических служб, а также наличие возможности и способности довести свои разработки до сведения государственной власти и ее конкретных носителей, а равно и до общественного мнения.

В отличие от партийных документов программного характера, такие разработки содержат также указания на механизм реализации этих решений. Во внутривнутрипартийной организационной структуре происходит выделение экспертно-аналитических подразделений, создаются специализированные экспертные советы, научные институты, аналитические центры. В качестве примера можно привести Институт современной политики при Республиканской партии РФ, экспертный совет Партии экономической свободы, аналитический центр Демократической партии России и др. Показательно, что к работе в этих структурах привлекаются не только партийные функционеры, но и беспартийные профессионалы (политологи, социологи, экономисты):

- **аккумулятивная функция** состоит в усвоении, синтезе и последующем политическом выражении интересов социальных, этнических, возрастных категорий населения, чтобы превратить множество частных интересов

граждан в совокупный политический интерес. Аккумуляция, агрегирование, артикуляция социальных интересов является неременным условием совершенствования стратегии партии, залогом ее успешного функционирования. При решении этой задачи партия должна ориентироваться на реальные интересы крупных социальных слоев, производить коррекцию программных установок в соответствии со структурными изменениями общества;

- **интегрирующая функция** занимает ключевое место в структуре социальных функций, что обуславливается ее огромной социальной значимостью. В самом общем виде под интегрирующей функцией понимается деятельность политических партий по сплочению отдельных индивидуумов в единую общность (7).

Современным российским политическим партиям и движениям наиболее полно удастся выполнять те функции, в осуществлении которых задействованы в основном внутренние ресурсы организаций. В случае же, когда выполнение какой-либо функции возможно только при наличии развитой обратной связи с обществом и государством, успехи партий минимальны. В нынешних условиях наиболее полно выполняются политические функции, в меньшей степени - инновационная и аккумулярующая и в минимальной - конституирующая и интегрирующая.

Наиболее очевидным показателем того, насколько партия сумела реализовать себя, служит ее **представленность во властных структурах**. До декабрьских выборов 1993 г. в России не существовало механизма участия партий в формировании органов государственной власти, поэтому представительство во властных структурах партии получали не в результате выборов, а путем вербовки сторонников в рядах уже сформировавшегося политического истеблишмента. Кроме того, множество политических партий создавалось зачастую только в качестве внепарламентской базы поддержки того или иного лидера, и в связи с этим практически исключалась возможность действительного влияния политических партий на представлявших их парламентариев. Изменение в 1993 г. порядка формирования высших органов государственной власти вызвало соответствующие изменения в характере отношений между властью и партиями. Во-первых, переход от мажоритарной избирательной системы к смешанной способствовал структурированию депутатского корпуса нижней палаты Федерального Собрания по партийному признаку. Во-вторых, после декабрьских выборов 1993 г. были созданы новые партии, возглавляемые лидерами, ранее всячески подчеркивавшими свою внепартийность - произошла "партизация" правящей элиты. В-третьих, существенно изменился статус парламентских фракций, которые Регламентом Государственной Думы были наделены значительными полномочиями по определению плана законотворческой деятельности. В соответствии с принятым в 2001 г. Законом РФ «О политических партиях» и с учетом внесенных поправок увеличена минимальная численность общероссийских пар-

тий для регистрации до 100 тыс. членов, повышен барьер прохождения в Госдуму партий и избирательных блоков до 7 %, что значительно затруднит представленность небольших, кадровых партий во властных структурах.

Численность партии также является важным показателем ее политико-организационного потенциала. Однако официальная статистика фиксирует количество членов партии только на момент ее регистрации и не отражает изменений в динамике. Что же касается сведений на этот счет, предоставляемых руководством партии, то эти показатели, как правило, завышены и не пользуются доверием исследователей. Экспертные оценки, частично базирующиеся на анализе данных по регионам, дают только самую общую картину.

Почти все российские партии малочисленны: от нескольких десятков до нескольких тысяч членов. Исключением являются образованная в 2001 г. «Единая Россия» (самооценка более 1,2 млн. членов) и созданная в феврале 1993 г. Коммунистическая партия Российской Федерации - правопреемница КПСС и КП РСФСР (120-150 тыс. членов, самооценка - 570 тыс.), Кроме них существует ряд достаточно крупных (по российским меркам) партий с численностью более 5 тыс. человек: АПР, РКРП, ЛДПР, «Справедливая Россия». Еще одну группу образуют т.н. кадровые партии средней численности (от 2 тыс. до 5 тыс. чел.). Это Демократическая партия России (с начала 1995 г.), Социал - демократическая партия России, Республиканская партия РФ, Социалистическая партия трудящихся и др. И, наконец, подавляющее большинство партий имеет менее 2 тыс. членов.

Вместе с тем, при всей важности численности партии при оценке ее политико - организационного потенциала не следует абсолютизировать ее значимость - хотя бы потому, что массовость - признак, характерный прежде всего для массовых партий социалистической и особенно коммунистической ориентации. Функции, выполняемые этими партиями, несколько шире, нежели функции кадровых партий либеральных и консервативно - этатистских, а тем более националистических и фундаменталистских (массовость которых в подавляющем большинстве случаев является фиктивной). Партийное членство в них фактически означает принадлежность к числу активистов, им свойственно "раздуваться" в период проведения избирательных кампаний, референдумов и иных акций политической мобилизации, после окончания которых численность этих объединений снижается. В период между всплесками общественной активности политико - организационный потенциал этих партий определяется не столько численностью, сколько способностью сохранить в центре и на местах "кадрированные" организации в устойчивом и работоспособном состоянии.

Не менее важным признаком зрелости партии является наличие у нее сети **региональных структур**. Для абсолютного большинства российских политических партий характерна слабая развитость организационных структур

на местном уровне. Связано это не только с тем, что партии находятся в стадии своего политико - организационного становления, но и с обозначившимся в последнее время падением интереса к политике - особенно среди населения тех регионов России, социально-экономическое положение которых не зависит непосредственно от политической ситуации в центре. Численность региональных партийных организаций невелика и составляет, как правило, от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Кроме того, кадровый резерв в российских регионах крайне ограничен. "На региональной политической сцене вот уже в течение 5 - 6 лет мелькают одни и те же лица, в случае включения в административные структуры обычно теряющие связь со своими организациями..." (8).

Неразвитость региональной структуры, однако, не означает, что процесс партиобразования сосредоточивается в столицах, а регионы практически не затрагивает. Несмотря на явно кружковый характер, региональные парторганизации, тем не менее, способны активно влиять на региональные органы власти (например, в республиках Северного Кавказа, Поволжья, в ряде районов Сибири и Дальнего Востока, а также объединения казачества на Дону, Кубани, Северном Кавказе).

О развитии партии свидетельствует также наличие устойчивой **системы внутрипартийных отношений**, характеризуемой степенью организационной стабильности партии, разветвленности внутренней иерархии, а также тем, насколько деятельность рядовых членов партии определяется решениями, принимаемыми партией в целом.

В соответствии с наличием вышеописанных признаков можно выделить несколько наиболее распространенных **политико - организационных типов** российских политических партий.

Массовые политические партии (развитая сеть региональных отделений, большая численность, высокая степень активности членов партии, сильные и влиятельные руководящие органы, активно воздействующие на свое политическое представительство). Примером состоявшейся партии такого типа является «Единая Россия», Компартия РФ, отчасти - Российская коммунистическая рабочая партия. Опора на собственные структуры, достаточно прочная связь с социальной базой, сосредоточение "управленческого центра" в высших партийных органах обеспечивают этим партиям возможность не зависеть от участия или неучастия в избирательных кампаниях. Так, РКРП в 1993 г. бойкотировала выборы в Федеральное Собрание, а в 1995 г. сумела провести в Госдуму только одного депутата, близкого ей по взглядам, однако это не мешает ей являться одной из наиболее деятельных политических партий России.

Относительно крупные **кадровые партии** (развитость региональной инфраструктуры, как правило - внушительное представительство в органах законодательной власти, обычно структурированное во фракцию, высокая

профессионализация партийной деятельности, наличие развитого партийного аппарата и "мозгового центра"). Партии этого типа ориентированы прежде всего на участие в выборах, результаты которых во многом определяют их политические потенции. Политика таких партий в области межпартийных отношений нередко направлена на ассимиляцию мелких сегментов политического спектра. В качестве примеров кадровых партий можно привести Либерально-демократическую партию России, СПС, "Яблоко".

Номинальные партии, не получившие организационного развития, основная масса членов которых сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге, а малочисленные региональные организации московские лидеры используют как свои "опорные пункты" (9). Эти партии, в свою очередь, делятся на несколько **групп: 1) партии - "группы сознания"** (СДПР, РХДД, ХДСР и др.) - некоторые из этих партий (РХДД, СДПР) в прошлом имели немалый политический вес, но постепенно были оттеснены с политической сцены, чему способствовали внутривнутрипартийные разногласия или межпартийная конкуренция; **2) партии - секты**, которые, будучи немногочисленными, характеризуются жесткой уставной дисциплиной, высокой мобильностью партийного актива, развитостью внутривнутрипартийной иерархии, наличием лидера вождистского склада, пользующегося бесспорным авторитетом внутри своей группировки (НППР, "Память", Русская партия и др.) - в случае благоприятного стечения обстоятельств партии этого типа могут перерастать в крупные кадровые и массовые партии (ЛДПР); **3) "бизнес - партии"**, созданные частными предпринимателями (ПЭС - К. Боровой, Партия консолидации - А. Тихонов, Всероссийский союз "Обновление" - А. Вольский и А. Владиславлев и др.) - эти объединения могут распоряжаться значительными финансовыми ресурсами, которые, однако, принадлежат не партиям, а стоящим за ними финансово - промышленным группам; опыт парламентских выборов 1993 - 1999 гг. продемонстрировал неумение руководства "бизнес - партий" организовывать избирательный процесс, следствием чего стало разочарование части их лидеров в политике и утрата ими поддержки со стороны финансовых и промышленных кругов; **4) «постмодернистские партии»** («партии нового типа», «партии-головастики», «телевизионные партии», «картельные партии», «партии – предприятия», «электорально – профессиональные партии» и др.), которые в условиях постиндустриального общества и процесса глобализации во многом представляют западную технологическую модель партии.

Опыт последних лет свидетельствует, что утверждение многопартийности – это длительный и не лишенный противоречий процесс организационного и политического становления партий, поиск ими своего места в идейно-политическом спектре и обретение устойчивых связей с другими элементами гражданского общества и политической системы. Реформа партийной системы ведется нынешней властью в условиях «управляемой демократии»

по трем направлениям - освобождение политического поля страны от посторонних для него субъектов, структурирование этого поля с помощью закона «О политических партиях» 2001 г., нацеленного на создание стабильной малопартийной системы и создание потенциальной правящей партии.

При оценке перспектив отечественных политических партий высказывались (и высказываются) взаимоисключающие точки зрения. Приверженцы **первой** из них, возникшей на рубеже 1980 - 1990 гг. и выдержанной в духе т.н. "институционального романтизма", прочили молодым российским партиям роль основных выразителей интересов различных социальных групп, прежде всего - нарождающегося "среднего класса". **Противоположная** точка зрения, сформировавшаяся несколько позже, заключается в том, что в современной России отсутствует реальная многопартийность, а имеется «несистемная множественность партий». Приверженцы этого мнения (академик РАН А. Н. Сахаров, политологи В. А. Новиков, А. А. Мигранян и др.) указывали на слабость гражданского общества, кризис власти и системы социальных отношений, внепартийный, в основном, характер формирования органов государственной власти (10).

Еще несколько лет назад существовало мнение, что двухпартийная система уже существует в России в виде двух партий - коммунистов и некоммунистов (11). Тогда же высказывалось и опасение, что «попытки искусственного стимулирования в России двухпартийной системы закончатся или развалом уже существующих партий, или их бюрократизации и развалом в недалеком будущем» (12). Политолог А. А. Мигранян отмечал, что партийная система в России развивается в сторону полупартийной системы, и заявлял: «Вы можете иметь 100 партий, но никогда 99 партий не придут к власти, одна партия всегда будет побеждать, остальные 99 партий в разных сочетаниях будут ей оппонировать» (13).

Поскольку нынешняя власть склоняется к формированию полупартийной системы, то некоторые исследователи делают вывод, что последние думские выборы поставили крест на возможности существования в России двухпартийной системы. Эти ученые убеждены, что теперь предстоит формирование именно полупартийной системы при доминировании «партии власти» и опасаются установления моноцентрического политического режима вследствие «монополизации партийно - политического поля федеральной бюрократией и оттеснения на задний план спонсируемых крупным бизнесом партий» (14). Вместе с тем продолжает существовать точка зрения, что партийная система России будет эволюционировать в дальнейшем в сторону двух- или трехпартийной системы (15).

Политолог Б. Ю. Кагарлицкий видит в перспективе крах КПРФ, который «обернется внепарламентским сопротивлением, появлением новых радикальных сил и новых левых» (16). До недавнего времени в политологической литературе рассматривались три основных варианта развития российской мно-

гопартийности - создание системы с доминированием партии власти, формирование двухпартийной системы с учетом опыта других стран и сохранение сложившейся многопартийности, при которой для участия в выборах создаются крупные межпартийные блоки (17). Думские выборы 2003 г. и дальнейшие события (в частности, ослабление КПРФ вследствие раскола) показали, что создание модели многопартийности будет происходить по первому варианту - укрепление доминирующей «партии власти» («Единой России»). Правда, остается неясным вопрос - удержат ли единороссы свои позиции при смене президента, присягнув новому главе государства, или же их постигнет участь прежних «партий власти» - «Демократического выбора России» и «Нашего дома - России»?

В дальнейшем продолжится упорядочивание российской партийной системы со стороны власти, которая стремится ввести многопартийность в четкое правовое пространство. Свидетельством тому являются повышение барьера прохождения в Думу для партий и блоков до 7%, предложение Центризбиркома об избрании Думы исключительно по партийным спискам, поддержанное президентом, внесение поправки в Закон «О политических партиях», предусматривающей увеличение минимальной численности партии до 100 тыс. человек.

Прогнозируя перспективы развития партийной системы и парламентских выборов в декабре 2007 г., необходимо отметить потенциальные преимущества пропрезидентской партии «Единая Россия», перехватившей у коммунистов державно - государственнические идеи. Избиратели видят в единороссах выразителей своих интересов, а также носителей державности и патриотизма. Немалую роль в победе «Единой России» сыграл и учет ею особенностей менталитета россиян, стремящихся к твердой власти, обеспечивающей порядок и стабильность. "Еженедельный Журнал" прогнозирует, что новый состав нижней палаты парламента будет еще в большей степени подконтролен федеральному центру, называя и КПРФ центристами с левым уклоном (18). Можно также предположить, что дублером нынешней «партии власти» будет образованная в декабре 2006 г. «Справедливая Россия: Родина /Пенсионеры /Жизнь» во главе с председателем Совета Федерации РФ С. М. Мироновым, которая может еще более потеснить позиции КПРФ.

Главная задача всех либералов состоит в том, чтобы объединиться в новую политическую партию, обогащенную свежими идеями, и успеть раскрутить ее до думских выборов 2007 г. На первые роли среди правых пытаются выдвинуться новые демократические организации: движение «Свободная Россия» И. М. Хакамады, «Комитет - 2008: свободный выбор» (председатель Г. К. Каспаров), организация «Новые правые» (лидер А. Чадаев), обещающие соединить любовь к родине и любовь к свободе, а также небольшая группа прошедших в Думу либеральных депутатов во главе с В. А. Рыжковым, которые учредили клуб «Демократическая альтернатива». Необ-

ходимость объединения либеральных сил считает первостепенной Л.Ф.Шевцова и заявляет, что если либералы не смогут стать антисистемной альтернативой власти, то последует «скатывание страны к авторитаризму, а возможно, и к диктатуре» (19).

По всей вероятности, ЛДПР В. В. Жириновского будет и в дальнейшем продолжать свою привычную политику - сочетание игры в оппозицию и послушного исполнения воли Кремля и может надеяться на прохождение в Думу.

Таким образом, современная многопартийность является важным фактором политической модернизации России. Хотя партийная система переживает период своего становления, политические партии уже в состоянии выполнять ряд предназначенных им функций. Вместе с тем уровень связи российской многопартийной системы с обществом и органами государственной власти еще недостаточно высок, а политико - организационные формы незрелы. Что касается связи с обществом, то российские политические партии еще не способны взять на себя конституирующую и интегрирующую функции. Связь с властными структурами выражается пока в основном в участии партийных фракций в деятельности органов представительной власти, их влияние на исполнительную власть пока минимально. В организационном плане подавляющее большинство российских партий представляют собой малочисленные организации с неразвитой региональной сетью и ограниченным уровнем формализации внутрипартийных отношений.

1. См.: Крайнов Г. Н. Политическая модернизация Республики Марий Эл // Институционализация многопартийности и модернизация российского общества. Йошкар – Ола, 2000. С. 234.
2. См.: Коргунюк Ю., Заславский С. Некоторые теоретические и методологические аспекты изучения российской многопартийности. М., 2004. С. 4.
3. См.: Крайнов Г. Н. Политология. М., 2005. С. 188.
4. См.: Коргунюк Ю., Заславский С. Указ. соч. С. 4.
5. См.: Там же. С.4 - 5.
6. См.: Крайнов Г. Н. Политология. М., 2005. С. 186 - 187.
7. См.: Коргунюк Ю., Заславский С. Указ. соч. С. 10 – 11.
8. В.А.Колосов Формирование многопартийной системы в регионах России и выборы в недавнем прошлом и будущем. М, 1994. С. 2.
9. См.: Политические партии России: прошлое и настоящее. СПб, 2005. С. 374.
10. См.: Никитин В. А. Проблемы становления многопартийности в современной России // Политические партии России. М., 2000. С. 243 – 244.
11. Парламентаризм и многопартийность в современной России. К десятилетию двух исторических дат / Общая ред. и вступ. слово В.Н.Лысенко. М., 2000. С. 169-170.
12. Там же. С. 187.
13. Там же. С. 134.
14. Гомон-Голутвина О. В. Российские партии на выборах: картель «хватай-всех» // Полис. 2004. №1. С. 24-25.

15. См., напр.: Короткевич В. И. История современной России. 1991-2003. СПб., 2004. С. 157.
16. Кагарлицкий Б.Ю. Выборы прошли, политическая борьба начинается // Свободная мысль. 2004. № 1. С. 18-19.
17. См.: Воробьев К. А. Политология. М., 2003. С. 271.
18. «Еженедельный журнал». 2006. № 48. С.6.
19. Шевцова Л. Ф. Смена Режима или Системы // Полис. 2004. №1. С. 50.

Кругликов В.В.
(Екатеринбург)

**Города Свердловской области
в годы Великой Отечественной войны:
историко-демографический аспект**

Ведущим направлением социально-экономического развития Урала в предвоенный период стало форсированное освоение человеком его огромных богатств. Нарастание индустриального потенциала Урала при хроническом отставании сельскохозяйственного производства и сферы потребления существенно повлияло на социально-демографическое развитие региона. Структурные изменения в экономике в пользу индустриальных отраслей, объективно являвшихся градообразующими, стали решающей доминантой увеличения численности и удельного веса городского населения, возрастания роли городов в развитии общества.

Значимой характеристикой урбанизационного процесса, дополняющей динамику численности и удельного веса городского населения, является изменение источников этого роста. Абсолютно преобладающими источниками роста городского населения в СССР были миграция и преобразование сельских населенных пунктов в городские (т.е. по существу факторы экстенсивного роста). Мирные годы третьей пятилетки были отмечены завершением реконструкции народного хозяйства в СССР. Необходимо отметить, что на Урале в целом темпы роста горожан значительно превышали темпы роста жителей села. В ходе индустриального развития уральского региона увеличивалась численность и удельный вес городского населения. Практически в эпицентре этих процессов оказалась Свердловская область (1), население которой с 1926 по 1939 годы возросло более чем в 1,5 раза. Наибольшие количественные изменения произошли в городском населении, увеличившимся в 2,7 раза. Доля горожан по отношению ко всему населению области в указанный период выросла с 33,7% до 59,9% (2).

В предвоенные годы на территории Среднего Урала активно продолжали развиваться различные отрасли индустрии, расширялась экономическая и социальная база городской формы расселения.

Общая численность населения Урала за период с 17 января 1939 г. по 1 января 1941 г. возросла на 3,8%, тогда как по СССР этот показатель составил 4,9%. Доля населения Свердловской области в то же время увеличилась на 3,4% и в общей численности населения уральского региона составляла в 1941 г. 18,6% (занимая 3 место после Башкирской АССР и Челябинской области).

Численность городского населения Урала за период с 17 января 1939 г. по 1 января 1941 г. возросла на 10,1%, что в абсолютном выражении составило 5236,3 тыс. человек. По СССР за указанные годы количество горожан увеличилось на 8,1% (на 4,9 млн. человек). В Свердловской области увеличение городского населения к 1941 г. составило 5,1%. С 1939 г. по 1941 г. сельское население по Уралу увеличилось на 0,4%, по Свердловской области – на 0,9%. Доля городского населения Свердловской области в 1939 г. составляла 59,9% от общей численности; в 1941 г. – 60,8%. По Уралу этот показатель равнялся соответственно 35,3 и 37,5% (3).

Приведенные цифры указывают на то, что к началу Великой Отечественной войны городское население Среднего Урала уже преобладало над сельским.

Представленные данные свидетельствуют об опережающих темпах роста горожан Уральского региона по сравнению с аналогичными показателями других регионов страны. Такое положение было обусловлено форсированным развитием производительных сил Урала, обеспечивающих заметные сдвиги в народнохозяйственном комплексе в пользу градообразующих отраслей экономики. Вследствие этого удельный вес городского населения неуклонно увеличивался, тогда как доля жителей села сокращалась. К 1941 г. Урал занимал одну из лидирующих позиций в этой области, поскольку уровень урбанизации Уральского региона был выше, чем в среднем по СССР. Если по СССР доля городского населения в общей численности населения составляла 33,0%, то по Уралу она равнялась 37,5%, а по Свердловской области – 60,8%.

Великая Отечественная война оказала существенное влияние не только на движение населения, временно приостановив его рост, но и на все послевоенное демографическое развитие. Главной тенденцией динамики численности населения страны стало его существенное сокращение.

Несколько иные тенденции были характерны для районов глубокого тыла. В этих регионах страны, города которых превратились в мощный боевой арсенал Красной армии, численность городского населения не только не сократилась, но даже увеличилась.

Свердловская область относится к числу областей, экономика которых коренным образом изменилась за годы войны. В подтверждение приведем выдержки из исторической справки «Об изменениях в хозяйстве Свердловской области за годы войны», подготовленной Уполномоченным Госплана

при СНК СССР по Свердловской области И. Крутиковым в 1943 г.:

«Свердловская область является одним из главных районов на Востоке СССР, где в крупных масштабах осуществлен процесс восстановления эвакуированных предприятий. [...] Эвакуация промышленных предприятий в область приблизила промышленность к источникам сырья и способствовала быстрому развитию отраслей добывающей промышленности. [...] Многие отрасли машиностроения, представленные до войны предприятиями – уникальными, переместились в Свердловскую область. Это – турбостроение, химическое машиностроение, производство ряда электротехнических изделий, измерительных приборов и инструмента, шарикоподшипников. Предприятия черной и цветной металлургии, химической промышленности увеличили свои основные фонды за счет эвакуированного оборудования. Трубные заводы области стали основными поставщиками труб для всего Советского Союза. Заново выросла резиновая промышленность.

В корне изменилась за годы войны структура промышленности, структура топлива и электропотребления, железнодорожные перевозки; область по сельскому хозяйству из потребляющей превратилась в производящую. [...] Прирост валовой продукции в процентах к предыдущему году составил: за 1940 г. – 16,8%, за 1941 год – 61% и за 1942 год – 133%. [...]

В области сложились промышленные районы, с особенностями, как в специализации, так и в типах промышленных предприятий.

Город Свердловск превратился в крупный культурный центр с многими научно-исследовательскими учебными и культурно-просветительскими учреждениями. В 1943 г. Свердловск отнесен к числу городов республиканского значения.

Каменск-Синарский район – где основным является алюминиевый завод, ряд заводов авиационной промышленности, трубный завод.

Первоуральско-Ревдинский район – с преобладанием металлургической промышленности – трубные заводы, Нижне-Сергинский и Старо-Уткинский металлургический заводы, метизный завод, железные рудники, динасовый завод, а также заводы цветной металлургии «Средуралмедьзавод» и др.

Тагило-Кушвинский район – с мощной черной металлургией, представленной крупным Новотагильским металлургическим заводом, старым Нижне-Тагильским и Кушвинским заводами, коксохимическим заводом, мощными рудниками горы Высокой и горы Благодать, огнеупорными заводами. В городе имеются также крупные уникальные машиностроительные заводы. Например: Уралвагонзавод, ряд заводов боеприпасов, крупные предприятия пищевой промышленности – мясокомбинат и др. В прилегающих городах имеется ряд предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности: в Красноуральске – медеплавильный и химический завод, в Новой Ляле – Бумкомбинат, в Нижней Салде – металлургический завод, в Верхней Салде – машиностроительные заводы, в Кировграде – медеплавильный завод и хи-

мический завод, в Невьянске – цементный завод.

Серовско-Богословский район – также с мощной черной металлургией, представленной заводом им. Серова, богословскими железными рудниками и расположенными к северу Полуночным и Марсятским марганцевыми рудниками, с выросшей угольной промышленностью, строящимся алюминиевым заводом на базе местного, пользующегося мировой известностью месторождения бокситов «Красная Шапочка». В районе в крупном масштабе производятся заготовки леса, промышленная переработка которого производится на лесозаготовках в г. Серове и Сосьве.

Асбест-Березовский район – с развитой промышленностью по добыче асбеста и крупной золотопромышленностью. В городе Асбесте и районе за годы войны вырос ряд машиностроительных предприятий, выпускающих оборонную продукцию. В г. Пышме, западнее Березовска, расположен крупный медеэлектролитный завод.

Егоршино-Алапаевский район – с растущей угольной промышленностью (антрацитовые и газовые угли), заводом черной металлургии с собственными рудниками и крупным углевыжигательным хозяйством. В г. Егоршино имеется также завод угольного машиностроения и завод по изготовлению электроаппаратуры.

Ирбитско-Тавдинский район – с крупной лесопромышленностью, а также выросшими за годы войны машиностроением – Ирбитский завод автоприцепов, мотоциклетный завод и др.

Сухоложско-Камышловский район – с крупной цементной и шамотной промышленностью и рядом других предприятий промышленности стройматериалов – завод «Камизолятор», № 233 и др.» (4).

Осуществленный процесс эвакуации и восстановления промышленных предприятий можно назвать титаническим. Всего в область было эвакуировано полностью или частично, а также восстановлено около 150 заводов и фабрик, в том числе в г. Свердловске - более 70 (5).

В связи с этим на территорию Свердловской области хлынул огромный поток эвакуированного населения.

Ведущая тенденция развития процессов урбанизации в годы войны заключалась в быстром увеличении численности населения росте малых и средних городских поселений. На Урале увеличение количества населения городских поселений произошло повсеместно, особенно оно выросло в Свердловской (на 24,6%), Челябинской (на 26,2%) и Пермской (на 19%) областях. В этих промышленно развитых областях доля горожан к концу войны поднялась соответственно до 71,2; 73,1; 54,1% среди всего населения (6).

Несмотря на негативное воздействие войны уровень урбанизации на Урале, и особенно в выше перечисленных областях был значительно выше. Для сравнения доля городского населения в соседнем Западно-Сибирском регионе достигла 47,2%, а в целом по РСФСР не превышала 39,7% (7).

До революции на территории современной Свердловской области было всего семь городов; большинство из них насчитывало по несколько тысяч жителей. В годы первых пятилеток на месте небольших населенных пунктов выросли новые города: Каменск-Уральский, Первоуральск, Краснотурьинск, Асбест, Верхняя Пышма, Богданович, Сухой Лог, Карпинск, Кировград, Ревда и др. Основываясь на данных, опубликованных в сборнике «Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты» (8), в 1939 г. в Свердловской области существовало 22 города, в том числе 7 – областного подчинения; 56 – поселков городского типа. По данным послевоенной переписи 1959 г. количество городов в области достигло 39, в том числе областного подчинения – 23; поселков городского типа – 87.

В годы войны шел процесс расширения сети городов и поселков городского типа на Урале. Их число выросло с 226 до 282 (9). Рост численности городского населения региона шел за счет эвакуированных граждан, расширения сети городов и поселков городского типа путем их юридического преобразования из сельских населенных пунктов и широкого притока сельских жителей.

Среди тыловых районов первые места по масштабам капитальных вложений в промышленное строительство заняли Урал и Западная Сибирь. Тогда как в 1940 г. на Урал и Западную Сибирь приходилось 13,1% всех вложений в капитальное строительство, в 1942 г. эта доля поднялась до 38,7%, а в 1943 г. – до 39,5% (10).

На Урале в годы войны возникли 44 % новых городов от общей численности по СССР - 28 новых города и 44 поселка городского типа (к примеру, в Сибири 12 и 39 соответственно, в Поволжье - 7 и 22). Между тем в военные годы лишь 1 город был преобразован в поселок городского типа, а 6 рабочих поселков были «разжалованы» в сельские поселения (11).

Если взять все новые городские поселения Урала (т.е. 28 городов и 44 рабочих поселка), то резко выделяются три группы градообразующих отраслей: добыча (и в отдельных случаях обработка) полезных ископаемых, металлопромышленность (черная и цветная металлургия, машиностроение и металлообработка), лесоперерабатывающая промышленность, которые породили во время Великой Отечественной войны 85% всех новых городских поселений Урала (12).

На территории Свердловской области процесс возникновения городов и поселков городского типа выглядел следующим образом: к 1941 году насчитывалось 24 города областного значения и 45 рабочих поселков. Во время войны статус города получили следующие населенные пункты:

Таблица 1

**Населенные пункты Свердловской области,
получившие права города в 1942-1945 гг.***

	Населенный пункт	Дата статуса города
1	Ивдель	28.05.1943

2	Красноурьинск	27.11.1944
3	Нижние Серги	20.02.1943
4	Полевской	21.03.1942
5	Реж	05.02.1943
6	Североуральск	27.11.1944
7	Сухой Лог	05.02.1943
8	Талица	19.06.1942

* Константинов О.А. Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные зап. Ленинград. финансово-экономич. ин-та. Вып.12. Л., 1956. С.126.

Таблица 2

**Населенные пункты Свердловской области,
получившие права поселков городского типа
(рабочих поселков) в 1942-1945 гг.***

	Населенный пункт	Дата статуса поселка городского типа
1	Алтынай	20.08.1943
2	Аять	26.07.1944
3	Бисерть	02.10.1942
4	Большой Исток	29.04.1943
5	Висимо-Уткинск	12.12.1945
6	Калиново	26.07.1944
7	Лосиный	27.03.1942
8	Маслово	28.05.1943
9	Марсяты	26.07.1944
10	Натальинск	30.07.1943
11	Октябрьский	05.03.1943
12	Полуночное	28.05.1943
13	Пышма	20.02.1932
14	Старо-Пышминск	09.07.1943
15	Шаля	13.11.1942
16	Шамары	12.12.1945

* Константинов О.А. Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные зап. Ленинград. финансово-экономич. ин-та. Вып.12. Л., 1956. С.129.

Таким образом, в Свердловской области возникло 8 новых городов – это 28,6% от всех новых городов на Урале и 16 поселков городского типа - 36,4% от общей численности новых рабочих поселков Урала. К концу войны на территории области было 32 города и 61 поселок городского типа (13).

Городское население по уральскому региону выросло за 1941 г. на 22,7%. По Свердловской области этот показатель оказался выше и составлял 26,6%. Миграционный поток в городскую местность за первый военный год был значительным. В последующий 1942 г. прибыль городского населения в 120

Свердловской области составила всего 4% по отношению к 1941 г., а с 1944 г. начался процесс уменьшения числа городских жителей в связи с процессом реэвакуации. Тем не менее, если к началу войны доля городского населения в общей численности населения Свердловской области составляла 60,8%, то к концу войны она увеличилась до 71,2%.

Данный процесс был наиболее ярко выражен в административном центре области – г. Свердловске. За 1941-1942 гг. население города увеличилось на 25,6%, к началу 1943 г. достигло максимального количества в 548 тысяч человек. Это объясняется тем, что с началом войны в Свердловск было эвакуировано значительное число предприятий вместе с инженерно-техническими работниками, рабочими и членами их семей. Эвакуированное население стало основным источником пополнения населения города, несмотря на значительный отток мобилизованных на фронт.

Однако реэвакуация, начавшаяся с 1943 г. и усиливавшаяся по мере освобождения западных регионов страны, а также отрицательный естественный прирост, особенно в 1944 г., в конечном итоге привели к сокращению населения Свердловска. К лету 1945 г. оно сократилось по сравнению с 1943 годом на 10,7%, и составило к концу войны 489,4 тысяч человек, что, тем не менее, превосходило довоенные показатели на 8,7%.

Приведем динамику численности населения наиболее крупных городов Свердловской области.

Таблица 3

**Динамика численности городского населения
Свердловской области в 1941-1945 гг., тыс. чел.***

Свердловская область	1941	1943	1945
Городское население области	1579,9	2079,9	1951,0
В том числе города:			
Нижний Тагил	159,9	419,5	234,0
Асбест	33,8	33,8	33,0
Серов	64,9	81,3	76,3
Ревда	51,5	59,7	56,4
Ирбит	25,8	39,0	30,0
Первоуральск	44,2	56,2	50,2
Карпинск	41,8	79,6	26,6
Кировград	21,8	21,8	55,0
Красноуральск	35,8	37,4	34,5
Алапаевск	25,0	37,8	42,1
В. Салда	14,7	28,9	23,6
Каменск-Уральский		126,6	93,3

* ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.774. Л.59, 60, 61-61об.; Д.Д.776. Л. 45, 46, 47-47 об.; ЦДООСО. Ф.4. Оп.31. Д.371. Л.2-14; Д.702. Л. 3-26.

На основе методики расчетов, разработанной Б.Ц. Урланисом, возможно определить дефицит рождений в годы войны. Автор сопоставил число фак-

121

тически родившихся детей с числом младенцев, которые должны были появиться на свет, если бы не начались военные действия, при этом принималось во внимание обычное для мирного времени сокращение плодovitости (14).

Расчеты показывают размеры огромного урона демографическому развитию Урала, нанесенному войной.

Анализ фактических данных по рождаемости отдельных городов Свердловской области позволил нам выявить дефицит рождаемости в конкретно взятом городе:

Таблица 4

**Дефицит рождаемости в городах Свердловской области
в 1941-1945 гг., чел.***

Город	Год	Фактически родилось	Должно было ро- диться	Дефицит рождаемости
Свердловск	1941	15199	15199	0
	1942	10241	15199	4958
	1943	6434	15199	8765
	1944	6239	15199	8960
	1945	10739	15199	4460
	Итого	48852	75995	27143
Нижний Та- гил	1941	7508	7508	0
	1942	4667	7508	2841
	1943	3466	7508	4042
	1944	2669	7508	4839
	1945	4186	7508	3322
	Итого	22496	37540	15044
Асбест	1941	1416	1416	0
	1942	675	1416	741
	1943	327	1416	1089
	1944	272	1416	1144
	1945	485	1416	931
	Итого	3175	7080	3905
Ирбит	1941	1012	1012	0
	1942	657	1012	355
	1943	406	1012	606
	1944	324	1012	688
	1945	544	1012	468
	Итого	2943	5060	2117
Серов	1941	2813	2813	0
	1942	1407	2813	1406
	1943	955	2813	1858
	1944	919	2813	1894

	1945	960	2813	1853
	Итого	7054	14065	7011

* Составлено и подсчитано автором по: ГАСО. Ф.1813. Оп. 1 Д. 773. Л.68-68 об.; 70-70 об.; 71, 72-72 об.; Д.774. Л.59-59 об.; 60, 61, 62, 63; Д.775. Л. 64-64 об.; 65 об.; 66-66 об.; 67-67 об.; 68-68 об.; 69; Д.776. Л. 45-45 об.; 46-46 об.; 47-47 об.; 48-48 об.; 49; Д. 777. Л.74.; Д. 778. Л. 61-61 об.; 62-62 об.; 63, 64-64 об.; 65 об.; 66-66 об.; 67-67 об.; 68-68 об.; 69-69 об.; 70 об.

Таким образом, в Свердловске родилось в 1,6 раза меньше, в Нижнем Тагиле – в 1,7 раза; в Асбесте – в 2,2 раза; в Ирбите – в 1,7 раза; в Серове – в 2 раза.

В Свердловской области дефицит рождаемости составил 238,3 тыс. человек, т.е. количество рожденных детей в годы Великой Отечественной войны уменьшилось в 1,9 раза (15). Это явилось следствием многих факторов (уменьшением количества браков, сужением поля демографического равновесия, увеличением смертности населения) и др. Темпы увеличения и сокращения городского населения Свердловской области были связаны с конкретной социально-экономической обстановкой, которая складывалась на разных этапах войны. Мобилизация в армию, эвакуация в регионы, приток населения из деревни влияли на демографические процессы в городской местности, однако, основным фактором, предопределившим сокращение численности населения, стало резкое снижение рождаемости. Именно от этого, главным образом, зависели численность населения, его половозрастная структура, размеры естественного движения.

1. До 17 января 1934 г. Уральская область включала в себя нынешние Свердловскую, Курганскую, Пермскую, Тюменскую и Челябинскую области и часть Удмуртской республики.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С.288.
3. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С.22.
4. ЦДООСО. Ф.4 Оп.31. Д.393. Л.36, 56-58.
5. ЦДООСО. Ф.4 Оп.31. Д.393. Л. 38.
6. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С.23-24.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С.36-38; Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С.67.
8. Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты. Свердловск, 1984. С.22.
9. Константинов О.А. Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Научные зап. Ленинград. финансово-экономич. ин-та. Вып.12. Л., 1956. С.126-133.
10. Там же. С.97.
11. Там же. С.78, 94.

12. Там же. С.99.
13. Подсчитано автором по: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1967 года: Справочник. Свердловск, 1968. С. 6-13.
14. См.: Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С.22.
15. ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.774. Л.57, 58, 59; Д.775. Л.1, 2, 3; Д.776. Л.1, 3, 4; Д. 777. Л.2, 3, 4; Д.778. Л.1, 2, 3.

**Кругликова Г.А.
(Екатеринбург)**

Международное сотрудничество в сфере охраны культурного и природного наследия

Актуальной и социально значимой проблемой современности является культурная политика государства. На региональном, государственном и международном уровнях анализируются приоритетные политические дискурсы 1990-х годов, методология построения прогнозных и сценарных моделей культурной политики. Особое внимание уделяется проблеме освоения культурного наследия, тесно связанной с общими темами трансляции социокультурного опыта. Задачей представленных тезисов является обобщение накопленного опыта различных государств в этом направлении, международного сотрудничества, а также проблем культурной политики на современном этапе.

В апреле 1998 г. в Стокгольме состоялась Межправительственная конференция по политике в области культуры в интересах развития, на которой был разработан и принят План действий, включающий вопросы, касающиеся миссии культурного наследия в современном мире (1).

Одним из главных моментов является эволюция концепции «культурного наследия» с момента принятия в 1972 г. Конвенции о всемирном культурном наследии, обусловленная, с одной стороны, процессами глобализации, а с другой, - угрозой утраты народами мира специфических черт своей культурной идентичности. За последнее десятилетие в категорию охраняемого культурного наследия были включены (помимо материальных памятников ушедших эпох и цивилизаций) культурные ландшафты, священные места, ритуалы и верования, музыка, песни, исполнительское искусство, языки, формы обустройства общества, устный народный эпос, ремесленные и технические знания и умения и т.п.

В рамках ЮНЕСКО были разработаны нормативные документы по эффективной защите нематериального культурного наследия, инициированы программы «Коллекция традиционной музыки мира», «Всемирная память»,

«Живые сокровища человечества», «Шедевры устного и духовного наследия человечества». В 2001 г. с принятием на генеральной конференции ЮНЕСКО «Всемирной декларации о многообразии культур», призванной сохранить культурное многообразие в качестве живого наследия, возникла новая концептуальная платформа для сохранения культурного наследия. Декларация сосредоточена на связях между культурным многообразием и устойчивым развитием – фундаментальным вопросом для всего человечества. Исходя из расширенного понимания наследия, эксперты ЮНЕКСО разработали проекты: «Специфические знания и навыки коренных народов в современном мире» (LINKS), «Международная сеть исторических мест поклонения для сохранения многообразия природы». «Международная комиссия по охраняемым территориям» (WCPA) организовала Целевую группу по нематериальным ценностям (которая исходит из постулата: если материальные ресурсы охраняемых территорий вносят вклад в физические стандарты существования, то нематериальные ценности обогащают интеллектуальные, психологические, эмоциональные, творческие формы существования человека и, таким образом, содействуют повышению качества жизни).

Осознание на международном уровне необходимости сохранения связи людей со своими корнями способствовало активному вовлечению местных общин, коренного населения в процесс сохранения как культурного и природного, так и нематериального наследия.

В данной статье мы постараемся осветить наиболее значимые мероприятия в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия.

16-21 октября 2002 г. в рамках 13-й Генеральной ассамблеи ИКОМОС в Зимбабве прошел научный симпозиум «Место, память, смысл», на котором были озвучены новые подходы к пониманию культурного наследия. Участники обсудили и содержательные аспекты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия; уточнили критерии для включения объектов в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. На этом форуме ЮНЕСКО был сделан первый практический шаг в направлении сохранения нематериального наследия человечества (культурные ландшафты, пейзажные ценности, пути паломников, символические и мемориальные места, народные обычаи и ритуалы и т.д.) – в мае 2001 г. эксперты придали статус «шедевров устного и нематериального наследия человечества» китайской традиционной опере, японскому театру Ногаку, сицилийскому театру марионеток, андскому карнавалу в Оруро, грузинскому мужскому хоровому пению, укладу ведения хозяйства и сказаниям народа ифугао на Филиппинах, ярмарочному миру площади Джема-аль-Фна в Марракеше (2).

30-31 октября 2001 г. в Париже прошла XIII Генеральная ассамблея государств-сторон Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, на которой были подведены итоги деятельности Межправи-

тельствственного комитета по охране всемирного культурного и природного наследия, Центра всемирного наследия ЮНЕСКО. Участники обсудили принципы внесения объектов в Список всемирного наследия культурного и природного наследия ЮНЕСКО (3).

14-16 ноября 2002 г. в Венеции состоялся Международный конгресс, посвященный 30-летию принятия Конвенции ЮНЕСКО по охране всемирного наследия. В рамках этого была организована виртуальная конференция «Всемирное наследие в цифровой век» одновременно в 7 крупных городах мира: «Всемирное наследие: проблема децентрализации» (Париж); «Картография и управление всемирным наследием: ГИС (Географическая информационная система) и мультимедиа» (Александрия); «Архитектура, всемирное наследие и развитие туризма» (Пекин); «Образовательные программы всемирного наследия и новые информационные и коммуникационные технологии в Африке» (Дакар, Сенегал); «Управление городами – объектами всемирного наследия: комплексное использование и социальное равенство» (Мехико, Мексика); «Использование космического пространства в охране всемирного наследия» (Страсбург); «Великие реки всемирного наследия: от кризиса к культуре риска» (Тур, Франция) (4).

В рамках европейской программы «Культура-2000» Советом Европы на 2004 г. были запланированы меры по содействию музеям и сфере охраны памятников: оказание финансовой, организационной и информационной поддержки реализации 90 одногодичным проектам, в каждом из которых принимает участие не менее трех стран, и 12 многолетним (участвуют не менее пяти стран). При реализации проектов речь шла о музеях, исторических архивах, библиотеках, археологических раскопках, включая подводные, памятниках культуры, культурно-исторических ландшафтах. Гранты были выделены на реставрацию, консервацию памятников европейского значения в участвующих странах; на мероприятия переподготовки специалистов в плане обмена информацией и опытом при применении традиционных и современных техник реставрации и консервации или на мероприятия, цель которых – приобщить широкую публику, прежде всего, молодежь, а также группы населения со специфическими потребностями (например, инвалиды), к сохранению культурного наследия (5).

Активно обсуждаемой темой у научной общественности является ситуация в сфере культурного наследия Ирака в период вооруженного конфликта. Один из сотрудников Музея исламского искусства Германии отметил, что на том этапе не было принято соответствующих мер по защите и охране богатого культурного достояния страны и это привело к разрушению и разграблению музеев, исторических и археологических мест, научных учреждений. Уничтожались, расхищались и вывозились из страны исторические и художественные ценности не только из небольших неохраняемых или незарегистрированных памятных мест, но и из государственных национальных музе-

ев, библиотек, архивов. Во всем мире возрос интерес к иракским древностям, увеличилось число предложений о продаже ценнейших объектов, в том числе музейных экспонатов, на крупных международных аукционах. Об этой опасности предупреждали многие международные документы – такие, например, как Декларация Европейского Союза от 6 мая 2003 г., а также эксперты ЮНЕСКО. В этой связи в Германии прошла конференция «Нелегальная археология?» (23-25 мая 2003 г., Берлин), и последовавший за ней конгресс «Археология на ничейной земле» (Бонн), где прозвучали призывы к унификации законов, касающихся ввоза и вывоза культурно-исторических ценностей, разграблений исторических мест (6).

В этой связи необходимо затронуть и проблему этики в сфере музейной деятельности. Так, в 2002 г. одним кабульским врачом и художником были перекрашены акварельной краской в целях спасения от религиозных фанатиков 42 картины из Афганской национальной галереи. Встает вопрос: насколько этично изменение шедевров в целях их сохранения и может ли человек подвергать себя смертельной опасности для спасения произведений искусства?

К музейно-этической дилемме приводит необходимость бережно сохранять фонды, но в то же время предоставлять их для исследований. Особенно остро этот вопрос встает при недостатке финансовых средств. И в этом плане показателен пример Ассоциации британских музеев, которая разработала Кодекс профессиональной этики, включающий десять положений. В основе данного документа лежит одно из главных направлений деятельности музеев – на службу обществу, побуждение людей к использованию коллекций для вдохновения, обучения и удовольствия, развитие диалога музейных кураторов и общественности.

Поднимаются вопросы и эффективности использования недвижимого культурного наследия. В этой связи исследуется экономическая целесообразность использования недвижимого культурного наследия: способы повышения экономической отдачи недвижимого культурного наследия, организация его эффективного использования при активной поддержке государства (комплексно-целевой культурный проект памятника, порядок установления цен на входные билеты, маркетинговый подход, развитие дополнительных услуг). Экономическая эффективность эксплуатации памятников и ее последствия для местного развития является в современных условиях одним из главных критериев инвестирования в эту сферу.

Показателен пример Германии в сфере охраны памятников. В 2003 г. в рамках федеральной программы охраны наследия «Памятники национального значения» на сохранение исторической субстанции и реставрацию особо значимых в масштабе государства памятников, археологических мест и исторических садов и парков было выделено около 14 млн евро.

Одной из важных проблем, стоящей перед мировой общественностью, является обобщение накопленного опыта в подходах к защите культурного наследия в период природных катастроф (наводнения, пожары, землетрясения, извержения вулканов). Актуальный вопрос – это превентивная консервация культурных ценностей, в том числе музейных фондов, действия во время бедствий, ликвидация их последствий: анализ методик, выработанных специалистами разных стран на основе своего опыта. Важнейшим принципом в современных условиях является сотрудничество национальных и международных организаций в этой области.

30 июня 2003 г. в Вроцлаве прошла международная конференция по теме «Природные катастрофы и долгосрочное развитие регионов: защита от наводнений». Организаторами этого научного форума выступили Совет Европы, польское правительство и город Вроцлав. Цель конференции – на основе анализа последствий наводнений 2002 г. и существующих рекомендаций разработать меры по обеспечению сохранности культурно-исторического наследия.

Примером может служить ситуация в Чехии, где ущерб, нанесенный памятникам в результате наводнения в августе 2002 г. исчисляется миллионами чешских крон. В знаменитом барочном замке Велтрусы был затоплен нижний этаж, повреждена штукатурка с нанесенной на нееросписью, испорчены декорации выставочных залов; почти полностью уничтожена так называемая «орнаментальная ферма» в замковом саду (ущерб от повреждений только этого объекта был оценен в 194 млн чешских крон). В окрестностях замка Либехов вода поднялась до отметки 3,5 м – повреждена ценная настенная живопись, уникальные парковые насаждения, садовые скульптуры. На восстановление памятника требовалось 50 млн чешских крон. Пострадали от наводнения древние каменные мосты Богемии (готический мост в г. Писек и др.). Ущерб нанесен не только отдельным памятникам, но и примерно сорока историческим городам и деревням, некоторые из которых внесены в Список культурного и природного наследия ЮНЕСКО (Прага, Чески-Крумлов) (7).

Одной из центральных тем является проблема незаконной торговли культурными ценностями. Статистические данные о похищенных объектах из различных стран мира свидетельствуют о чрезвычайном положении в этой области. Институтом информации Гетти (Лос-Анджелес) разработан новый стандарт «Идентификация предмета», направленный на унификацию и упрощение описания произведения искусства и древностей с целью облегчения их поиска. В настоящее время ряд международных организаций – ЮНЕСКО, ИКОМ, Интерпол, Международный институт унификации частного права (Юнидруа), Межправительственная комиссия ЮНЕСКО по возвращению культурной собственности в страны ее происхождения определи-

ли полномочия каждой из них с целью эффективной работы в этом направлении (8).

В мае 2003 г. в Амстердаме прошла Международная конференция «Сочетая ценности всемирного и национального значения», участники которой обсуждали возможность применения подходов и концепции охраны наследия, выработанных на местном уровне, в одной какой-либо стране или регионе, в международном масштабе.

Одним из последних глобальных проектов в области охраны культурного наследия является подписание договора о сотрудничестве ЮНЕСКО и Европейского космического агентства (ESA) «Открытая инициатива», согласно которой спутники ESA будут использоваться также и для наблюдения за состоянием более чем 730 объектов, включенных в Список культурного наследия (9).

В России наиболее остро стоит проблема сохранения и возрождения исторических усадеб, многие из которых находятся в катастрофическом состоянии, возможность их приватизации. Необходимо объединение усилий государства, общественных организаций и частных лиц в деятельности по спасению русских усадеб на базе закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», принятого в 1992 г. и разрабатываемых подзаконных актов.

С 1994 г. действует Центр безопасности культурных ценностей Дирекции Музейного фонда РФ. В его функции входит участие в работе государственных и ведомственных комиссий по приему в эксплуатацию систем охраны новых и реконструируемых учреждений культуры. Организация осуществляет контроль за выполнением необходимых требований безопасности и условий хранения фондов; разрабатывает рекомендации по совершенствованию структуры охраны, рациональному использованию технических средств. В 2000 г. был организован Фонд возрождения русской усадьбы, который занимается созданием базы данных усадеб, поиск хозяев с предъявляемыми к ним требованиями общедоступности усадебного дома и парка, если они являются историческими, или организация в усадьбе музейной комнаты.

30 октября 2000 г. Президент РФ В. Путин посетил в Париже штаб-квартиру ЮНЕСКО и встретился с Генеральным директором ЮНЕСКО Коитиро Мацуурой. На этой встрече были подняты вопросы деятельности Российского комитета ИКОМОС, а также состояния, мер по сохранению российских культурных и природных объектов, включенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

3-8 декабря 2001 г. в Москве состоялась конференция «Культурное наследие для всех: новые технологии в музеях, галереях, библиотеках, архивах». Основными докладчиками на ней выступили представители Главного управления охраны памятников г. Москвы с вопросами научно-

методического обеспечения формирования и ведения информационных ресурсов охраны недвижимых памятников истории и культуры. Большой интерес вызвало сообщение представителя Нидерландов: «Электронная культура: достижения и перспективы», в котором были подведены итоги в создании музейных сетей, виртуальных музеев, технологические и пользовательские интересы посетителей подобных музеев. «Библиотека, музей, архив: кто более матери-истории ценен?» - под таким названием прозвучало выступление представителя Российской государственной библиотеки. В современных условиях все более возрастает потребность в создании мини-музеев, обусловленных развитием краеведения, растущая востребованность библиотекарей-музееведов указывают на необходимость постоянного обмена информацией, что в итоге приводит к росту информационной интеграции библиотек, музеев и архивов. Участники обсудили вопросы о роли новых информационных технологий и ресурсов по культурному многообразию России в сохранении современного культурного наследия, Интернет как средство сохранения и популяризации культурного наследия, электронный музей и взаимодействие «посетитель-компьютер». Представитель Европейской комиссии Б. Смит выступил с докладом «Координация национальных программ оцифровки культурного наследия» и вслед за ним представители Главного управления охраны памятников представили на обсуждение Концепцию развития информационной системы государственного органа охраны недвижимых памятников истории и культуры, основные положения автоматизированной технологии историко-культурной оценки территорий исторического города (10). Участники форума выразили надежду, что материалы конференции не только вызовут интерес, но и найдут практическое воплощение в деятельности органов, занимающихся выявлением, изучением и сохранением культурно-исторического наследия.

24 мая 2002 г. был принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в котором изложены правовые основы, сфера и формы реализации полномочий официальных органов охраны наследия, представлена классификация объектов историко-культурного наследия (11).

В 2003 г. вышел Приказ Министерства культуры РФ от 25.02.2003 № 195 «О предоставлении лицензий на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)», в приложении которого дан перечень юридических лиц, которым предоставлены лицензии на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия (12).

На государственном уровне утверждена Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 гг.)» (13), в которой особое внимание уделено развитию комплексного менедж-

мента объектов наследия, включающего как заботу собственно о памятнике, так и о публике (транспорт, отдых, питание и т.д.).

В 2005 г. утверждена концепция Федеральной целевой программы «Культура России (2006-2010 годы)», среди основных целей которой заявлена необходимость «сохранения культурного наследия России». В рамках достижения этой цели ставится задача стабилизации ситуации, касающейся сохранности культурного наследия, музейных и других фондов (реставрация, содержание и развитие инфраструктуры и др.). Особое значение уделяется формам и способам обеспечения сохранности наследия, определены объемы финансирования отрасли (14).

Решение проблем государственной охраны памятников должно проходить путем последовательного согласования интересов и возможностей РФ и ее субъектов, совершенствования действующего законодательства и организации согласительных процедур.

Таким образом, проводимые мероприятия на региональном, общегосударственном и международном уровнях должны способствовать общим задачам в сфере охраны культурного и природного наследия.

-
1. См.: Наследие и современность: Информ. сб. М., 1999. Вып. 7. С.145-159.
 2. Музейное дело и охрана памятников. Реферативно-библиографическая информация. М., 2005. № 5. С.54.
 3. Материалы XIII Генеральной ассамблеи государств-сторон Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия // Материалы ИКОМОС: Науч.-информ. сб. М., 2002. № 1. С.3-73.
 4. Новости всемирного наследия // Мировое наследие. 2003. № 5. С.64-67.
 5. Музейное дело и охрана памятников. Реферативно-библиографическая информация. 2005. № 2. С.53-54.
 6. Музейное дело и охрана памятников. Реферативно-библиографическая информация. 2005. № 2. С.54.
 7. Музейное дело и охрана памятников. Реферативно-библиографическая информация. 2004. № 1. С.64.
 8. Музейное дело и охрана памятников. Реферативно-библиографическая информация. 2004. № 4. С.60.
 9. Новости ЮНЕСКО // Мировое наследие. 2004. № 2. С. 34-35.
 10. EVA 2001 Москва. Культурное наследие для всех: новые технологии и музея, галереях, библиотеках, архивах: Материалы конф. (3-8дек. 2001 г.). М., 2001. 245 с.
 11. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Справочник руководителя учреждения культуры. 2003. № 1. С.74-84.
 12. Федеральные нормативные акты // Справочник руководителя учреждения культуры. 2003. № 6. С.97-106.
 13. Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 гг.)» // Федеральные региональные программы России: Информ. сб. М., 2004. Вып.1. С. 23-45.

Лаврова И.А.
(Сургут)

Борьба с детской беспризорностью и законодательное регулирование преступности несовершеннолетних в 1930-е годы

С конца 1920-х годов проблема детской беспризорности постепенно исчезает со страниц советской печати. Это было связано с политической установкой советского государства о завершении дела борьбы с беспризорностью. Тем не менее новые волны беспризорников, вызванные политикой раскулачивания и коллективизации, голодом 1932 – 1933 гг., политическими репрессиями, вновь заставили общественные и государственные структуры предпринимать шаги по анализу её причин и мер по её ликвидации.

В законодательных актах, текстах научных работ по педагогике, психологии, в средствах массовой информации происходило обсуждение тем беспризорности и безнадзорности, преступности несовершеннолетних, предлагалось, что необходимо делать государству и обществу, каким должен быть контроль над беспризорностью и преступностью несовершеннолетних подростков на уровне государственной социальной и уголовной политики.

Советская власть с первых дней официально определила заботу о детях одним из главных принципов социальной политики государства, а охрана детства закреплялась обязанностью многих центральных наркоматов и ведомств и их местных органов. Детским вопросом одновременно занимались Наркомпрос, Наркомсобес, Наркомздрав, Наркомюст, Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК РСФСР, ВЧК. Детская беспризорность провозглашалась главной категорией, определяющей социальную причину преступного поведения, она позиционировалась в идеологическом дискурсе как негативное, но отвратимое последствие глубокого политического и экономического кризисов, гражданской войны, иностранной интервенции, кровавого террора, засухи, неурожая и голода начала 1920-х годов. Контроль детской беспризорности и, следовательно, детской преступности принимает форму ликвидации и борьбы в чрезвычайных условиях.

Понятие «беспризорный ребёнок» было сформулировано в середине 1920-х годов. Е. Ливниц предложил следующее определение: «Это ребёнок, поставленный в такие условия, когда он сам содержит себя, а иногда не только себя, но и своих близких (братьев, сестёр, мать и т.д.). И не важно, есть ли у него койка, живёт ли он в «семье», основное то, что нет никаких

орудий производства, нет никакой собственности, что он вынужден сам прокармливать себя» (1).

В 1920-е годы развернулась дискуссия о причинах детских девиаций, она выявила два подхода к решению проблемы. Часть учёных, прежде всего педагоги и медики, выдвинула термин «детская дефективность», причисляя к ней беспризорников и преступников и связывая их девиантное поведение с врождённой дефективностью и психическими отклонениями. Они предлагали в первую очередь «лечить дефективных». С критикой выступали учёные П.П. Блонский, В.И. Куфаев и другие. Обследование ими семейного, экономического и социального положения несовершеннолетних преступников, путей, приведших к правонарушениям, показало, что врождённой преступности и моральной дефектности нет. Источником детских правонарушений были материальная и воспитательная заброшенность. Благодаря этим учёным было признано, что беспризорные дети – это, в большинстве, нормальные подростки, в силу социально-экономических обстоятельств вынужденные самостоятельно бороться за своё существование (2).

В нормативно-правовых документах 1920 – 1930-х годов юридического определения терминов «беспризорность», «безнадзорность» не было, а это затрудняло установление границ государственного вмешательства в сферу воспитания ребёнка. Отмечая многогранность понятия «детская беспризорность» и невозможность придать ему строго определённую форму, власти ограничились введением признаков, характерных для детской беспризорности:

1. Под эту категорию попадали дети, не имевшие родителей и не находящиеся на попечении учреждений или отдельных лиц и, следовательно, не имевшие присмотра.
2. Дети, хотя и имевшие родителей или попечение отдельных лиц и учреждений, но «присмотр и окружающая среда их таковы, что не может быть уверенности в правильном усвоении ими принципов морали и воспитания».

Только в 1930 г. беспризорные стали определяться «как несовершеннолетние, лишённые педагогического надзора и попечения и живущие в условиях, вредно действующих на их общественные проявления и здоровье». При этом беспризорными считали не только дети, потерявшие родителей (или опекунов), но и тех, чьи родители (или опекуны) «лишают детей пищи, грубо с ними обращаются, совращают их на преступления, разлагающе влияют собственным примером» (3).

Начиная с 1930-х годов акценты государственной политики в отношении детей, детства, детских правонарушений начинают изменяться. Если в первое десятилетие советской власти причины детской преступности связывались с беспризорностью вследствие чрезвычайных событий и утверждалась государственная ответственность за миллионы беспризорников в стране, то уже в 1930-е годы в качестве основной причины, определявшей пра-

вонарушение несовершеннолетних, провозглашалась безнадзорность. Впервые правовой термин «безнадзорность» в законодательной практике был применён в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (4). Безнадзорным считался несовершеннолетний, необеспеченный надлежащим надзором за своим поведением и образом жизни со стороны родителей или лиц их заменяющих, а также учреждений, на воспитании и содержании которых он находится. Некоторое время в официальных дискурсах нормативных актов, профессиональных педагогических журналов категории беспризорность и безнадзорность использовались одновременно. Анализ внутренних инструкций ведомств тех времён, как отмечают юристы, не позволяет провести содержательную разницу между двумя этими категориями (5).

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. зафиксировал нижний предел наступления уголовной ответственности лица в 14 лет. В случае осуждения подростков от 14 до 16 лет срок назначенного наказания подлежал сокращению наполовину, а в возрасте от 16 до 18 – на одну треть. УК РСФСР установил запрет применения к несовершеннолетним смертной казни. Тенденция к смягчению карательной политики связана с принятием правовых норм о рассмотрении судами дел по обвинению лиц в возрасте от 14 до 16 лет лишь в случаях, когда комиссия по делам несовершеннолетних (комонес) признаёт невозможность применения к данному подростку медико-педагогических средств воздействия. В 1929 г. возраст наступления уголовной ответственности был повышен до 16 лет и расширены права комонес по направлению участников преступлений в воспитательные учреждения (6).

В 1920-е годы сложилась определённая сеть учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Существовавшие до 1917 г. реформатории и земледельческие колонии для подростков до 18 лет были реорганизованы в трудовые дома и трудовые колонии. В 1924 г. был начат эксперимент по созданию нового типа исправительного учреждения для несовершеннолетних правонарушителей трудовых коммун ОГПУ. Первая была создана в Бояшево Московской области, второе в 1927 г. – трудовая коммуна имени Дзержинского. Для несовершеннолетних правонарушителей младшей возрастной группы, в силу малолетства не могущих быть субъектами уголовного судопроизводства, существовали – центральный карантинный распределительный детский пункт и сеть закрытых детских домов для детей дефективных и трудновоспитуемых.

1 августа 1933 г. ВЦИК и СНК утвердили новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. В нём указывалось, что для несовершеннолетних правонарушителей организуются особого типа школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). «Эти школы были призваны готовить квалифицированных рабочих для народного хозяйства, перевоспитать оступившуюся модель в активных участников социалистического строительства» (7). В деятельно-

сти этих школ главным являлось трудовое и нравственное воспитание юных правонарушителей. В 1934 г. школы ФЗУ из ведения Наркомата юстиции перешли в систему Наркомата внутренних дел СССР. Вскоре они были преобразованы в детские трудовые колонии.

В первой половине 1930-х годов руководство страны признало целесообразным усилить уголовно-правовые репрессии к несовершеннолетним правонарушителям. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» устанавливалось, что несовершеннолетние, начиная с 12-и летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания (8). В законе было отмечено обязательное смягчение наказания подросткам наполовину или на одну треть.

Ужесточение уголовного законодательства происходило в обстановке изменения структуры и компетенции государственных органов. Меры по предупреждению правонарушений несовершеннолетних стали осуществляться органами внутренних дел. В органах внутренних дел предусматривалось выделение в аппаратах уголовного розыска специальных работников по борьбе с преступностью несовершеннолетних, имевших оперативный стаж в опыте работы с детьми. Согласно приказу НКВД СССР № 115 от 28 июня 1935 г. в отделах (отделениях) милиции были образованы комнаты для привода детей.

Этот день является датой создания детских комнат милиции, которые действовали до 1977 г. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (9) были отменены положения нормативных актов о порядке рассмотрения комонес материалов о преступлениях подростков и эти комиссии были упразднены, а также был сокращён объём функций милиции по предупреждению правонарушений подростков. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. к группе преступлений, обозначенных в постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г., относились также действия несовершеннолетних (развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы различных предметов и т.д.), которые могли вызвать крушение поездов (10). За все остальные преступления Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. устанавливал уголовную ответственность с 14-летнего возраста (11). В постановлении от 31 мая 1935 г. акцент впервые делается на ответственности родителей за законопослушное воспитание детей.

Специальный IV раздел этого постановления определял обязанности родителей и опекунов по присмотру и надзору за поведением детей, уста-

навливал меры уголовной и материальной ответственности за правонарушения несовершеннолетних.

Введение в официальный дискурс новой категории безнадзорной и провозглашение основной социальной причины преступности несовершеннолетних не было случайным. Понять произошедшие дискурсивные изменения по вопросу преступности несовершеннолетних позволяет высказывание педагога А.С. Макаренко: «Беспризорные 1921 – 1924 гг. уже дано исчезли. Наш теперешний беспризорный это не продукт классового распада. Теперешний беспризорный это, прежде всего, ребёнок, потерявший семью. Причин тому много: более свободная форма семьи, отсутствие принудительного сожительства, более напряжённое движение человека в обществе, большая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий» (12).

Таким образом, в 1930-е наступает реакционный период в отношении беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей. В это время смещается акцент с государственной ответственности за воспитание детей на индивидуальную ответственность родителей ребёнка. Главной социальной причиной детских правонарушений называется безнадзорность как отсутствие контроля за поведением ребёнка со стороны его законных представителей. Политика контроля противоправного поведения характеризуется усилением карательной составляющей (криминализация поведения, репрессивность санкций). Работе с несовершеннолетними в условиях специальных учреждений задают направление педагогические идеи перевоспитания в коллективе и посредством коллектива, принимающие в условиях изоляции авторитарный и антигуманный характер.

1. Ливниц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925. С. 3.
2. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. М., 1979. Т. 1; Куфаев В.И. Беспризорные и правонарушители в 1923 году // Народное просвещение. 1924. № 9-10.
3. Чугунов А.М. Органы социалистического контроля РСФСР (1923 – 1934 гг.). М., 1972. С. 431.
4. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 32. Ст. 252.
5. Барило Т.С. Комиссии по делам несовершеннолетних. Киев, 1976. С. 21.
6. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. М., 1953. С. 314-317.
7. СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
8. Собрание законодательства СССР. 1935. № 19. Ст. 155.
9. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 – 1937 гг.). М., 1938. С. 351-352.
10. Там же. С. 409.
11. Там же. С. 412.

**Мельников Н.Н.
(Екатеринбург)**

Внедрение конвейерно-поточного метода производства на заводах наркомата танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны

В условиях войны одним из основных условий ее успешного завершения становится максимальное увеличение выпуска военной продукции. Первоначально увеличение продукции на танковых заводах шло в основном за счет роста количества рабочих, увеличения производственных площадей и станочного парка, удлинения рабочего дня, т.е. за счет количественных изменений. Это было возможно, главным образом, благодаря эвакуации оборудования, материалов и кадров западных предприятий, а также расширения местных мощностей. По мере восстановления и пуска производства эти возможности были исчерпаны, и увеличение выпуска военной техники в дальнейшем осуществлялось за счет лучшего освоения техники, совершенствования и упрощения технологии, перехода на более дешевые материалы, т.е. интенсификации производства.

Одним из основных организационно-технических мероприятий стал перевод танковой промышленности на конвейерно-поточный метод производства. При массовом выпуске военной продукции это явилось наиболее эффективным способом использования заводских резервов на нужды фронта, поэтому его организация стала предметом особого внимания правительства и партии. Внедрение конвейерного производства началось в 1942 г., и с середины 1943 г. оно стало основным источником повышения производительности труда в танковой промышленности.

До войны танкостроение не только в СССР, но и во всем мире было мелко- и среднесерийным. Производство танков носило штучный характер и требовало наличия в больших количествах рабочих высокой квалификации. В условиях войны необходимо было срочно найти альтернативный способ производства ввиду острой нехватки не только квалифицированных кадров, но производственных мощностей. Выход был найден в применении метода разработанного Генри Фордом для танкостроения, ранее использовавшийся только в автотракторном производстве. Советские танкостроители первыми в мире освоили крупносерийное производство боевых машин, используя и применив передовые методы автотракторной промышленности. В основу легла организация производства в цехах по принципу замкнутого выпуска агрегатов, узлов с применением поточных линий, и последующая сборка машин на конвейере.

Переход на поточный метод производства осуществлялся двумя путями. Во-первых, это организация механосборочных цехов по принципу законченного цикла работ: организация изготовления механизмов и узлов начиная с обработки деталей и заканчивая сборкой. Во-вторых, отказ от группового расположения станков, что крайне затрудняло планирование выпуска деталей. В процессе производства детали делали большие «петли» в цеховых грузопотоках, что требовало большого количества транспортных средств и рабочих.

Таким образом, поточные линии имели два периода своего развития:

1. 1942-1943 гг. – расстановка станков по технологическому потоку, создание прямоточных линий: сокращение пути прохождения детали по отдельным операциям, и дифференциация технологического процесса на небольшие операции для возможности использования рабочих низкой квалификации (см. схему).

2. 1944-1945 гг. – отладка линии на ритмичную работу по графику и установление наименьшего производственного цикла (1).

К концу 1943 г. на Уральском танковом заводе (УТЗ) действовало 59 поточных линий, к 1 июля 1945 г. их количество увеличилось до 144. На Уралмаше – 20, в 1944 г здесь действовало 47 поточных линий и шесть специальных участков. На Кировском заводе к февралю 1945 г. было создано 150 поточных линий (2). На заводе №76 за годы войны было создано 22 поточные линии (3).

Все производственные потоки «приводили» к основному сборочному конвейеру, где осуществлялась конечная сборка танков. Рассмотрим подробно работу основного сборочного конвейера на УТЗ №183 им. Коминтерна. Порядок работы конвейера на каждом заводе НКТП, а также количество узлов и агрегатов каждый месяц определялись специальным приказом народного комиссара танковой промышленности (4).

В строгом смысле этого слова конвейерное производство танков использовалось в танковой промышленности еще в довоенный период на харьковском заводе №183. Здесь сборка танков производилась на цепном конвейере, рассчитанном на мелкосерийный выпуск: основные механизмы танка подавались на конвейер сборочного цеха уже в собранном виде. Основной объем работ подгоночных и сборочных работ выполнялся уже непосредственно на машине, что значительно удлинял время ее нахождения на конвейере.

После эвакуации танкового производства в Нижний Тагил, работа в сборочном цехе Уральского танкового завода претерпела значительные изменения. Танки Т-34 выстраивались в две линии и рабочие, переходя с машины на машину, производили сборочные работы и подгонку. По мере готовности машины кранами переносились дальше. Такой метод обладал серьезным набором недостатков:

- а) множество встречных транспортировок, что вызывало задержку и перегрузку кранового оборудования;
- б) избыток рабочих, вызванный лихорадочностью и неравномерность объемов работ в начале и конце дня;
- в) большая теснота в собираемой машине, где рабочие мешали друг другу;
- г) транспортировка деталей и узлов на большие расстояния, так как, монтаж производился по всей линии;
- д) утеря деталей в процессе сборки, что вызывало срыв планирования и т.д.

Поэтому остро необходимо было найти иной способ организации производства, и он был найден в применении прерывающегося конвейера по типу вагонного производства УВЗ и внедрении поточного производства отдельных узлов и деталей.

На сборочном конвейере завода было организовано два подготовительных участка. На первом корпус Т-34 устанавливался на стенды, где производились все операции по его раскрытию, установке электрооборудования, баков, подвесок, трубок, установка кронштейнов под мотор. На втором корпус устанавливался на козлы, где осуществлялись операции по установке поддерживающих колес с балансиром, направляющих колес и передних подвесок. После завершения подготовительных работ корпус устанавливался на ленту конвейера. Все детали поступали из кладовой и располагались вдоль левой стороны линии, готовые к сборке.

По мере продвижения ленты производился монтаж бортовых передач, приводов управления, коробки перемены передач, мотора, топливной, масляной и воздушной системы, которые готовились к сборке вне линии основного конвейера. Большинство сборочных работ было механизировано (внедрены электрогайковерты, пневмомашинки и т.д.). На конвейере машины заправлялись топливом, маслом и водой, а после регулировки переводились на стенды, где проходили проверку. Закрытие машины и установка гусениц производились на сдаточном конвейере.

Таким образом, вся работа по сборке Т-34 на заводе №183 была разделена на 8 подготовительных узлов работ (на двух подготовительных участках) и 35 сборочных позиций (5).

Внедрение поточного метода производства на Уралмашзаводе обеспечило рост производительности труда за 10 месяцев 1943 г. на 65% при увеличении выпуска продукции на 60% (6), позволило сократить срок сборки корпуса на 70 часов и высвободить 500 кв. м производственных площадей. Кировскому заводу в 1943 г. удалось сократить трудоемкость изготовления дизельного двигателя на 42% по ручным работам и на 20% - по станочным, что равнялось труду 3 412 квалифицированных рабочих и работе более 500 станков (7).

Переход на поточную и конвейерную организацию производства позволил не только значительно сократить потребность в рабочих кадрах и облег-

чить их труд, но и снизить потребность в высококвалифицированных рабочих. Ранее наркомат неоднократно отмечал неспособность заводов ритмично работать по установленному графику, вследствие чего основной упор делался на последние дни, процветала штурмовщина в конце декады, месяца или года (8). После внедрения нового метода штурмовщина была изжита, и предприятия стали выпускать продукцию более ритмично, а выполнение графика производства стало нормой. Так если раньше, в начале войны, большая часть месячной программы выполнялась в третьей декаде, то к концу войны танкостроителям удалось наладить относительно ритмичный подекадный выпуск боевых машин

Однако, на практике внедрение конвейерно-поточного метода производства имело серьезное негативное последствие. При всех вышеперечисленных безусловно положительных моментах, очень долго существовала проблема качества изготавливаемых машин. Наиболее ярко этот вопрос раскрывается на примере Кировского завода.

Осенью 1943 г., т.е. уже после внедрения нового метода, на Кировском заводе начинается производство тяжелого танка серии «ИС» и самоходных артиллерийских установок (САУ) на его основе (9). Полученное в конце декабря 1943 г. правительственное задание выйти к апрелю 1944 г. на расчетный уровень производства 300 тяжелых машин в месяц завод начал успешно осваивать и в январе – феврале работал строго по графику. Однако уже в середине марта завод получил новое задание: общее увеличение программы и выход к июлю 1944 г. на выпуск 500 машин в месяц. Кировцы успешно справились с этим заданием и к июлю вышли на требуемый уровень выпуска 500 машин в месяц (10). Таким образом, налицо успешное освоение производства тяжелых танков и САУ

Но наркомат танковой промышленности СССР с самого начала организации серийного выпуска ИС-2 и САУ был серьезно обеспокоен состоянием производства. В приказе от 1 февраля 1944 г. нарком В.А. Малышев, отмечая низкое качество тяжелых танков и артсамоходов, предписал следующее. Конструкторским и технологическим бюро Кировского завода было запрещено вести разработку новых проектов, а все силы в период с февраля по апрель необходимо было сосредоточить на доводке танков и самоходных установок. Все силы опытного завода №100 на тот же период переключались на работу по совершенствованию тяжелых машин. Директор завода №100, одновременно являвшийся заместителем наркома и главным конструктором наркомата танковой промышленности, Ж.Я. Котин вплоть до полного освоения производства назначался на должность главного конструктора Кировского завода (11).

Принятые меры оказались недостаточными, качество выпускаемых машин продолжало оставаться низкого уровня на протяжении всего периода роста производства. В течение января – мая 1944 г. ни один танк не прошел

испытаний гарантийного пробега на 1 000 км, трехсот километровый пробег из 27 машин выдержали только 12. В июне на машинах военпредами обнаружено в среднем по 5-6 дефектов (на некоторых до 25). Вывод наркомата был однозначным: это результат нарушения технологической дисциплины и неудовлетворительной работы сборщиков и сдатчиков (12).

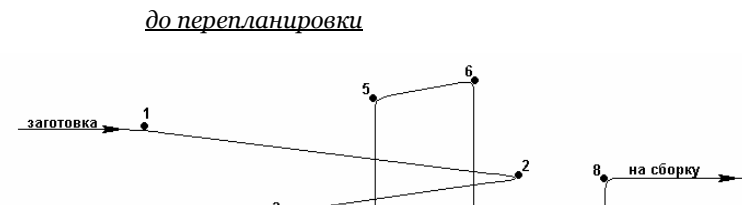
В.А. Малышев в приказе от 15 апреля 1944 г. указывал, что в случае непринятия мер по повышению качества выпускаемой продукции должностные лица Кировского завода будут привлечены к ответственности. Лишь в III квартале 1944 г. качество производимых машин существенно возросло, когда количество бездефектных машин, сдаваемых военпреду, увеличилось с 3% до 34% (13).

И только к концу года работа по доводке танков и самоходных установок ИС была завершена. Нарком танковой промышленности В.А. Малышев в своем приказе №690с от 3 декабря 1944 г. констатировал, что конструкция танка ИС-2 отработана, вследствие чего Ж.Я. Котин освобождался от должности главного конструктора Кировского завода и возвращался на прежние должности (14).

Основная причина такого неудовлетворительного качества машин серии ИС производства первой половины 1944 г. заключалась в том, что вместо концентрации внимания на качестве производства основной упор был сделан на скорейшее увеличение количества выпускаемых танков и артсамоходов. Постоянно наращивая выпуск танков и самоходных установок Кировский завод точно в намеченный срок (июль 1944 г.) вышел на расчетный уровень производства 500 машин в месяц, и только после этого начались серьезные сдвиги в улучшении качества машин.

Внедрение поточно-конвейерного метода производства потребовало осуществления ряда организационно-технических мероприятий, большой работы технологов, конструкторов, механиков и т.д. Более того, такая сложная система изготовления продукции не могла эффективно существовать без высокой культуры производства, дисциплины, оперативности и организованности на всех производственных участках. Малейшая заминка приводила к осложнению всего ритма работы не только отдельного производственного участка, но и всего завода. Часто нарушение производственного процесса на одном заводе сказывалось на других предприятиях, так как, все танковые заводы существовали в системе кооперации, которая после массового внедрения конвейерно-поточного метода только усложнилась.

**Схема
технологического потока детали 12.001-1 (балансир) до и после
перепланировки (15)**

после перепланировки

Средний путь прохождения детали – 42 м
Трудоемкость по участку – 19,3 ч/ч

-
- 1.История танкостроения на УТЗ №183. Т. 2. Кн. 1. 1946. С. 166-168, 176-177 // Коллекция документов музея УВЗ.
 - 2.Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 172; Средний Урал в Великой Отечественной войне. Свердловск, 1978. С. 103.
 - 3.Ефимова Т. И., Ардашева М.А. Турбомоторный: дела и судьбы. Свердловск, 1988. С. 149.
 - 4.См: ГАСО. Ф. Р-262. Д. 50. Л. 274; Д. 51. Л. 416-422, 618-619 и др.
 - 5.История танкостроения на УТЗ №183. Т. 2. Кн. 1. 1946. С. 177-178 // Коллекция документов музея УВЗ.
 - 6.Средний Урал в Великой Отечественной войне. Свердловск, 1978. С. 103.
 - 7.Антуфьев А.А., Батыров У.А. Борьба партийных организаций Урала за создание и развитие танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1982. С. 25-26.

8. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 24. Л. 45-48; Д. 25. С. 553; Д. 26. Л. 970 и др.
9. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 38. Л. 1258; Л. 1508; Коллекция документов музея ЧТЗ.
10. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 51. Л. 343, 362; Желтов И., Сергеев А., Павлов И., Павлов М. Танки ИС. М., 2001. С. 42-47; Валева Р.Р. Рекорды Челябинского тракторного завода // Военно-исторический журнал. 2003. №3. С. 13-15.
11. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 50. Л. 166-169, 170-172.
12. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 52. Л. 1005-1006.
13. Желтов И., Сергеев А., Павлов И. и др. Указ. соч., 60.
14. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 54. Л. 1543.
15. История танкостроения на УТЗ №183. Т. 2. Кн. 1. С. 167 // Коллекция документов музея УВЗ.

Мельникова Н.В.
(Екатеринбург)

От УФАНа к УНЦ: предпосылки и условия развития¹

К окончанию Великой Отечественной войны за Уральским филиалом АН СССР прочно закрепился статус крупнейшего и старейшего регионального филиала АН, научно-исследовательского учреждения союзного значения, играющего серьезную роль в развитии советской науки, в мобилизации богатств Урала на удовлетворение военных и народнохозяйственных потребностей страны. С этого времени стала оформляться идея преобразования УФАНа в комплексный научный центр, и ей предстояло пройти сложным путем трансформаций до окончательной реализации в конце 1960-х гг.

В 1945 г. в состав УФАНа входили четыре института: Горно-геологический, Химический, Металлофизики, металловедения и металлургии, Биологии, а также Ивдельский стационар. В числе штатных научных сотрудников состояли 3 члена-корреспондента АН СССР, 19 докторов и 38 кандидатов наук (1). Однако, создание научных основ для комплексного освоения природных ресурсов региона и обоснование наиболее эффективных способов их использования оставались еще не достигнутой целью. Филиал нуждался в серьезном укреплении. Среди проблем, тормозящих дальнейшее развитие УФАНа, назывались недостаток высококвалифицированных кадров, слабое привлечение к исследовательской работе молодежи, отсутствие прочных связей с отраслевыми институтами и производством. Кроме того, в соответствии с требованиями военного времени научные изыскания творче-

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ-7455.2006.6

ских коллективов институтов УФАИ приобрели характер прикладных технических новшеств, тем самым, в какой то степени, приближаясь к отраслевым институтам. Необходимо было восстановить, усилить основное назначение местных академических центров – разрабатывать глубокие фундаментальные научные темы (2).

Все эти проблемы предстояло решать, тем более, что за годы войны в территориальной структуре промышленного производства Урала произошли определенные изменения, которые нельзя было не учитывать. Промышленное производство за это время возросло в 3,6 раза (рост объемов производства происходил главным образом за счет машиностроения, являвшегося адресатом большего количества инвестиций) (3). Укрепились основы военно-промышленного комплекса: сектор уральской промышленности, специализирующийся исключительно на выполнении заказов министерства обороны, по сути являлся основным. Значительно увеличился выпуск валовой продукции в топливдобывающей отрасли, в электроэнергетике, в черной и цветной металлургии, в химической индустрии. В связи с перебазированием сотен предприятий из западных районов страны территориальная концентрация индустриального потенциала промышленности Урала превышала общесоюзную в 3 раза (4). За счет эвакуированного населения (общей численностью 2,2 млн человек (5) состав промышленных предприятий укрепился высококвалифицированными кадрами. Столь значительный рост экономического потенциала требовал соответствующего научного сопровождения конкретных производств и усиления комплексности в проведении исследований. Актуализировалась необходимость закрепления положительного опыта мобилизации научных сил страны.

С одной стороны, это соответствовало основным направлениям научно-технической политики, развиваемым АН СССР. Первое направление заключалось в необходимости «оптимального сочетания» фундаментальных и прикладных исследований. При этом акцент делался на самоценности науки, перспективы развития которой, как настаивал президент Академии наук С.И. Вавилов, «нередко значительно шире перспектив народнохозяйственных планов». Вторым главным направлением научной политики, по представлению Академии, являлось обеспечение «непрерывного научно-технического фронта». Эта формулировка, кроме прочего, включала и необходимость интенсификации процесса развития сети научных учреждений, в том числе в территориальном разрезе (6). Растущий авторитет Академии наук, связанный не в последнюю очередь с участием в работе над атомным проектом (важная роль в котором, как известно, отводилась Уралу), заставлял руководство страны прислушиваться к запросам Академии. Уже в марте 1947 г. Совет Министров СССР принял специальное решение о расширении масштабов строительства академических объектов, увеличении валютных ассигнований на закупку импортного оборудования и т.д.

Идея о наращивании научного потенциала, о создании новых академических учреждений, в том числе, и в регионах, исходила не только от центра. Необходимость этого чувствовали и на местах. В 1945 г. секретарь Свердловского горкома КПСС Д.И. Чесноков в докладной записке о работе УФАИ, адресованной в отдел школ Свердловского обкома ВКП(б), ставил вопрос о переводе отдельных институтов Академии наук СССР в Свердловск. «В целях комплексного изучения богатств Урала, не имеющих себе равных в мире, и в целях концентрации и более быстрого выращивания кадров высшей квалификации, – писал он, – переведение отдельных институтов Академии наук в Свердловск или создание Уральской Академии наук, было бы целесообразно. [...] Прецеденты к этому есть» (7). Однако, в конце 1940-х гг. планы создания новых региональных академических учреждений осуществить не удалось: не хватило ресурсов, чтобы выполнить все обязательства. Нужно было чем-то жертвовать, и Академии пришлось поступиться интересами развития сети периферийных учреждений. Наращивание потенциала Уральского филиала, таким образом, происходило в основном за счет действующих подразделений, укрепления сложившихся научных направлений. Согласно решениям Президиума АН СССР к числу приоритетных направлений УФАИ относились исследования в области физики металлов, металлостроения, металлургии и, естественно, в области геологического обследования территории, поиска полезных ископаемых. Существенно расширились, получили новое наполнение научные изыскания в области естественных наук, что было обусловлено потребностями Урала как одного из крупнейших промышленных регионов России.

Несмотря на то, что в Уральском филиале после войны не было развернуто крупномасштабное строительство, и вложения в материально-техническое оснащение не вполне соответствовали потребностям, Президиум АН СССР прилагал усилия к увеличению штата УФАИ (8). Например, в 1947 г. по ходатайству Президиума Академии наук Совет министров СССР выделил именно Уральскому филиалу наибольшее количество дополнительных штатных единиц по сравнению с другими академическими центрами, в 1949 г. все 37 единиц, предоставленных для Академии Советом министров, были отданы УФАИ. Подобным образом укреплялись и отдельные лаборатории. Однако все это не могло решить кадровый вопрос до конца: требовался, прежде всего, качественный рост. К середине 1950-х гг. научных кадров высшей квалификации было явно не достаточно. Из 37 лабораторий Филиала 16 руководили кандидаты наук, а не доктора, как это было необходимо. Подготовка кадров высшего звена осуществлялась неравномерно: в то время как в Горно-геологическом институте за 1950–1955 г. защитилось 6 докторов наук, в Институте физики металлов и Институте металлургии – ни одного (9). В Институте физики металлов имелись сложности и с подготовкой научных кадров среднего звена. Зачастую не было конкурса при поступлении

в аспирантуру по причине недостаточного количества физиков с высшим образованием (по негласной статистике до пятого курса соответствующих факультетов «доходило» до 10 человек, естественно, что их не хватало на нужды физической науки) (10). «В аспирантуру мы берем людей далеких от нашей специальности, – отмечал М.В. Якутович на одном из общих партсобраний УФАИ, – и переквалифицируем их» (11). Существовала и другая проблема, тормозящая качественный рост сотрудников Филиала. Не смотря на то, что аспирантура УФАИ была самой крупной на Урале, у Филиала не было собственного диссертационного совета. Готовые диссертации ученых УФАИ по 6–10 месяцев лежали в других научных и учебных учреждениях и не могли защититься в установленные сроки (12).

С конца 1940-х гг. в стране складывалась крайне неблагоприятная ситуация для самостоятельной творческой научной деятельности, и взаимоотношения властных структур и науки в первые десять лет после Великой отечественной войны были не однозначны. С одной стороны, моральное поощрение ученых дополнялось материальным стимулированием. Например, принятое в марте 1946 г. постановление правительства «О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий», преследовало цель превратить научную интеллигенцию в одну из наиболее обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества. Высокие должностные оклады усиливались широко развитой системой премирования. Реализация постановления «О повышении окладов...» дошла на Урал с некоторым опозданием (к 1949 г.) (13), и положение уральских ученых было улучшено. С другой стороны, имелись многочисленные примеры неадекватной оценки тех или иных научных направлений, вмешательства в творческий процесс. Среди послевоенных идеологических кампаний, охвативших страну, видное место заняли «дискуссии» в научной сфере. Они коснулись биологии, философии, лингвистики, политэкономии, астрономии, физики. Официально «дискуссии» проводились для защиты марксистской методологии исследований, «искоренения» буржуазного влияния, на деле они были средством подчинения научного сообщества. В результате научные учреждения УФАИ были подвергнуты «чистке», более всех пострадал Институт биологии, штат которого был сокращен на 15 человек, отчислены все аспиранты, уволен директор (14).

С середины 1950-х гг. начался новый этап в развитии отечественной научно-технической политики, стратегические цели которой были подвергнуты определенной корректировке. Ряд специальных партийно-правительственных решений (среди которых известное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной науки и техники» 1955 г.) были посвящены проблемам науки и техники. В них шла речь о стимулировании научно-технического прогресса в народном хозяйстве, ста-

вилась задача внедрения в производство новейших технических средств во всех отраслях экономики, выделялись дополнительные ресурсы на развитие науки. Важное значение для периферийных научных центров имела реализация установки хрущевского руководства по перестройке территориальной структуры научного потенциала страны. Существовавшая концентрация научных сил (прежде всего, в столичных центрах) была признана неоправданной, создающей неблагоприятные условия на пути сближения науки и производства, на пути научно-технического прогресса и дальнейшего промышленного развития регионов. В итоге, заметно усилилась региональная составляющая научно-технической политики, зазвучали идеи о необходимости территориального перераспределения научного потенциала в пользу восточных регионов страны.

Обсуждение практических шагов по перестройке территориальной организации Академии наук состоялось на собраниях актива работников академических учреждений, проведенных в Новосибирске, Москва и Ленинграде в течение второй половины 1956 г. Собрания признали настоятельную необходимость усиления академической науки на востоке страны, укрепления существующих научных направлений в материальном и кадровом отношении, ставили вопрос о возможном переводе туда некоторых институтов. Однако на практике вплоть до 1957 г. (до реализации реформы совнархозов, переломившей ситуацию) руководство Академии главное внимание уделяло развитию столичных академических комплексов, опасаясь распыления имеющихся ресурсов при организации новых научных учреждений на местах (15). Для филиалов предлагались другие, менее масштабные, чем создание крупных периферийных научных центров, решения.

Сами филиалы, в том числе и Уральский, в этот период пытаются искать пути укрепления своих позиций, наращивания собственного потенциала. В частности академик И.П. Бардин предлагал сосредоточить внимание на установлении тесных связей научных учреждений и ученых филиалов с центральными институтами. «В этом деле не должно быть шаблонов. – писал он, – В одном случае нужно выделять научного руководителя той или другой темы, разрабатываемой в Филиале, если последняя имеет квалифицированных исполнителей, но пока лишена хорошего руководителя. В другом случае [...] брать работу по теме под наблюдение ученого совета центрального института [...]. Можно привлекать лаборатории или отдельных работников филиалов к участию в разработке тем, предусмотренных планом центрального института» (16). Н.В. Деменев, возглавлявший Филиал в 1957–1961 гг., на 25-летнем юбилее УФАИ предлагал сосредоточить внимание, прежде всего, на усилении экспериментально-опытной базы Филиала через строительство опытных заводов – аппаратуры и для производственной проверки новых технологий по металлургическим и химическим процессам (идея была поддержана в Свердловском совнархозе) (17).

Двойственное воздействие на развитие научных учреждений, в том числе и в регионах, имела так называемая совнархозовская реформа. С одной стороны она способствовала укреплению научного потенциала периферийных районов: увеличилось количество исследовательских организаций, упорочилась сложившаяся специализация региональных научных центров. В частности, Уральскому филиалу предлагалось сосредоточить усилия в области физики металлов, металлургии, металловедения. С другой стороны, реформа нарушила научно-производственные связи, создала организационную разобщенность институтов в результате всевозможных переподчинений, и, в конечном счете, стала прямой причиной, препятствовавшей внедрению научно-технических достижений (18).

Тем не менее, к началу 1960-х гг. уральской академической наукой успешно развивались оригинальные научные направления, результаты ряда крупных исследований получили признание в стране и за рубежом. Об этом свидетельствовали участвовавшие приглашения уральских физиков, металлургов, биологов на зарубежные конференции, симпозиумы, а также предложения членства в различных международных научных обществах. Однако, вклад Урала в научный потенциал страны не соответствовал его возможностям. Если судить по кадровой составляющей, то на 100 тыс. жителей Урала приходился 1 доктор наук и 2 кандидата, что являлось самым низким показателем по сравнению с союзными республиками (19). Но дело было не только в кадрах. Отсутствие единого координационного центра, имеющего более высокий академический статус, чем филиал, затрудняло развитие материально-технической базы. «Что касается отрицательных сторон условий нашей работы, – писал, например, Н.В. Тимофеев-Ресовский в докладе «О состоянии исследований в Уральском филиале», – то они обычны и тривиальны. Не хватает помещения; это, мне кажется, основной недостаток в научной работе наших учреждений. Все остальное приложилось бы, если бы в нашем распоряжении была достаточная площадь. В связи с теснотой нам крайне не хватает специализированных помещений: для рентгеновской установки, расфасовки радиоактивных препаратов, счетных установок и т.д.» (20). Если недостаточность производственных площадей затрудняла применение новых методов и привлечение кадров, то почти полное отсутствие жилых помещений вело к потере научных сотрудников. На 1962 г. в Филиале нуждалось в квартирах 300 семей, 60 из них жили в подвалах, банях, землянках и бараках (21). Увеличившийся отток сотрудников был практически полностью связан с предоставлением квартир на новых рабочих местах.

Конечно, положение в Уральском филиале нельзя называть катастрофическим, но, тем не менее, оно требовало определенных решений. Поэтому направляемая на Урал в 1962 г. специальная комиссия Госкомитета по координации научно-исследовательских работ была призвана сформулировать предложения по укреплению научного потенциала в регионе, по поддержа-

нию достаточно высокого уровня исследований, достигнутого по сложившимся научным направлениям. “Уральский район, – констатировала комиссия по окончании работы, – относится к числу важнейших экономических районов СССР, призванных сыграть решающую роль в построении материальной базы коммунизма. По своей огромной промышленной мощи он превосходит многие крупные западноевропейские страны. Поэтому первый научный центр должен быть организован в этом районе” (22). На стадии обсуждения дальнейшей судьбы организационной структуры академической науки Урала существовали различные проекты: от регионального центра до отделения. Последний должен был объединить не только институты, подчиненные на тот момент соответствующим отделениям Академии, но и крупные отраслевые институты (как Институт черных металлов, Унихим и др.) и даже ряд уральских вузов (УПИ, УрГУ, Горный институт) (23). Однако эти планы не были осуществлены. В ходе многочисленных «согласований» предстоящей реорганизации Уральский филиал так и не получил статуса регионального отделения. Отчасти, потому что значительные финансовые средства и кадровые ресурсы были уже распределены в пользу созданного в 1958 г. Сибирского отделения АН, отчасти, из-за прочности ведомственных барьеров. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1969 г. «О развитии научных учреждений в отдельных экономических районах РСФСР» Уральский филиал АН СССР был преобразован в Уральский научный центр (24). Новый центр создавался на базе научных учреждений Филиала (6 институтов, 2 стационара, заповедник, 2 отдела), Института физики металлов и Института математики и механики АН СССР. Фактически он начал функционировать с 1971 г. (если быть точнее – с 1 марта, согласно распоряжению Президиума АН СССР). Центр не располагал организационными и финансовыми возможностями отделения (в частности, не имел «отдельной строки» в бюджете Российской Федерации), ему не выделялась квота при избрании действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР. И все же это был новый академический статус, следующая ступень в иерархической академической лестнице, которая открывала новые горизонты для молодого Уральского научного центра.

1. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1878. Л. 45.

2. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1878. Л. 45-47.

3. История социалистической экономики. М., 1980. т. 6. С. 182; Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 223.

4. Личман Б.В. Региональная индустрия в СССР. Екатеринбург, 1992. С. 7.

5. Дементьев Б.П. Экономика Урала в годы Великой отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 91.

6. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 65.

7. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1878. Л. 51.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 278. Л. 43.
9. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 2, 3.
10. ЦДООСО. Ф. 413. Оп. 3. Д. 30. Л. 19.
11. ЦДООСО. Ф. 413. Оп. 3. Д. 4. Л. 59.
12. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 7; ЦДООСО. Ф. 413. Оп. 3. Д. 30. Л. 19.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 168. Л. 36, 38, 39.
14. ЦДООСО. Ф. 413. Оп. 3. Д. 4. Л. 196, Д. 10. Л. 14.
15. Артемов Е.Т. Указ. соч. С. 227–228.
16. Из статьи академика И.П. Бардина «Двадцать пять лет развития научных учреждений академии наук СССР на периферии» // Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002 гг. Екатеринбург, 2002. С. 175–176.
17. Деменов В.Н. К 25-летию Уральского филиала Академии наук СССР // Ученые Урала в борьбе за технический прогресс. Свердловск, 1959. С. 32–33.
18. Лебедев В.Э. Научно-техническая политика региона: опыт формирования и реализации (1956–1985). Свердловск, 1991. С. 44–47.
19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 65. Д. 118. Л. 20.
20. АРАН. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 126. Л. 9–10.
21. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 435. Л. 76–80.
22. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 433. Л. 1.
23. Справка Комиссии по вопросу разработки предложений об организации объединенных научных учреждений в крупном Уральском экономическом районе «Научные кадры в Уральском крупном экономическом районе» // Рубежи созидания. С. 214–215.
24. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1969 г. «О развитии научных учреждений в отдельных экономических районах РСФСР» // Рубежи созидания. С. 241.

Мирошкин М.А.
(Екатеринбург)

Налогообложение крестьянства в похозяйственных книгах Урала 1930-х годов

Одной из центральных методологических проблем источниковедения является установление адекватности отражения источником действительности. В соответствии с этим мы попытаемся выяснить круг вопросов, связанных с эволюцией базового источника, его функциональным назначением, методами получения и степенью объективности зафиксированной в нем информации.

Похозяйственные книги основных производственных показателей колхозников, единоличников, рабочих и служащих, постоянно проживавших на

территории сельсовета, а также похозяйственные книги учета выполнения населением обязательств перед государством были введены в 1934 г. с целью упорядочения похозяйственной отчетности и сокращения ее масштабов. Все формы первичного учета являлись официальной документацией сельсоветов, которая должна была храниться на местах наравне с денежными документами и ценными бумагами, а по истечении срока ведомственного хранения передаваться в районные архивы. Ответственность за сохранность, правильную и своевременную запись в похозяйственных книгах персонально нес секретарь сельсовета, который был обязан окончить двухнедельные курсы по изучению новой системы отчетности, учета и делопроизводства и выдержать испытание перед районной квалификационной комиссией. СНК СССР обязал исполкомы райсоветов и районных инспекторов народно-хозяйственного учета систематически инструктировать сельсоветы и осуществлять контроль за правильным ведением похозяйственных книг. Совнаркомы союзных и автономных республик, областные и краевые исполнительные комитеты должны были ввести похозяйственные книги основных производственных показателей хозяйств с 1 апреля 1934 г., а похозяйственные книги учета выполнения населением обязательств перед государством - с 1 июля 1934 г. (1).

В 1933 - 34 гг. на селе была проведена налоговая реформа, что и послужило толчком для перестройки системы народнохозяйственного учета. Новая система налогообложения отличалась от предыдущей большей дифференцированностью колхозных и единоличных хозяйств и стала строиться по сложившимся группам сельского населения.

Это свидетельствовало о процессах размежевания общественного и единоличного секторов, что и потребовало дифференцированного подхода к исчислению денежных налогов с хозяйств колхозников и единоличников, взимавшихся на основе данных первичного похозяйственного учета. Таким образом, системы народно-хозяйственного и налогового учета на селе были тесно связаны между собой, а изменение методов проведения налоговых кампаний автоматически отражалось на состоянии учетной документации сельсоветов.

До середины 1935 г. похозяйственный и налоговый учет находился в ведении различных организаций. Сельсоветы и налоговые комиссии, действовавшие при них, производили первичный похозяйственный учет объектов обложения, составляли поселенные списки плательщиков по социальным группам населения и предварительные списки семей, освобождаемых от налога и облагаемых им в индивидуальном порядке. Вся же наиболее ответственная низовая работа была сосредоточена в районном финансовом отделе, подотчетном райисполкому и областному финансовому отделу. Районные финансовые работники на базе сведений народно-хозяйственного учета и информации о размерах и видах доходов единоличников, собиравшейся ими

по справкам от организаций, где были заняты единоличники, исчисляли объем облагаемого дохода хозяйств, начисляли налоги, заполняли окладные листы, предоставляли льготы, составляли районные сводки объектов обложения. Действовавшие районные налоговые комиссии по сельхозналогу имели право исчислять размеры неземледельческих доходов единоличников, освобождать семьи от обложения по маломощности, определять размеры ущерба дворов от стихийных бедствий, разбирать жалобы плательщиков, относить их к кулацкой группе.

Большую роль в организационно-политической укреплении сельсоветов сыграло постановление СНК СССР от 3 августа 1935 г. "О мерах улучшения финансовой работы на селе", введение которого было вызвано необходимостью усиления финансовой дисциплины на местах, создания заинтересованности сельских органов власти в выполнении решений партии и правительства. Постановление значительно расширило бюджетные и налоговые права низовой администрации, ставшей основным проводником налоговой политики партии в деревне. Постановлением отменялся прежний порядок исчисления налогов в районном финансовом отделе и упразднялся специальный институт сборщиков налогов. Все функции по исчислению и сбору налогов передавались сельским налоговым комиссиям в составе председателя сельсовета, председателя колхоза и представителей финансовой секции сельсовета (2).

В итоге районный финансовый отдел стал осуществлять лишь общее руководство и наблюдение за проведением налогового обложения населения на местах. За ним оставалось право утверждать списки хозяйств для полного или частичного освобождения от налога, а также списки семей, привлекаемых к налогу в двойном размере и в индивидуальном порядке. Районные налоговые комиссии по сельхозналогу сохранили за собой функцию утверждать размеры неземледельческих и рыночных доходов единоличников и разрешать жалобы плательщиков. В постановлении указывалось на необходимость обеспечить исчисление налога с граждан непосредственно в сельсовете, что было связано с ростом колхозного сектора, который в 1936 г. был переведен на новую систему налогообложения: сельскохозяйственный налог был заменен подоходным.

Сельсоветы продолжали вести похозяйственный учет объектов обложения. Контроль же за проведением учетных кампаний на местах и качеством заполнения похозяйственных книг осуществляли районные инспекторы народно-хозяйственного учета и работники районного финансового отдела (3). Секретарь сельсовета ежегодно составлял похозяйственные книги колхозников, единоличников, рабочих и служащих, фиксируя прошлый социальный статус семьи, год ее вступления в колхоз (для колхозников), количество членов двора, их возраст, пол, грамотность, отношение к домохозяйину, место работы, специальность, размер посевной площади, количество скота,

инвентаря, страховую оценку строений, год возведения дома. Сведения заносились им в похозяйственные книги при подворном обходе, совершавшемся два раза в год, 1 января и 1 июля. Причем летний обход был призван особо тщательно регистрировать в налоговых целях наличный скот двора, а также уточнять прочие записи похозяйственных книг. На каждое хозяйство в такой книге открывался лицевой счет, а запись их производилась в порядке размещения дворов в населенном пункте.

Семьей считались совместно проживавшие родственники, ведшие общее хозяйство. Одиночки считались отдельным хозяйством. Семьи, где несколько человек работали в колхозе, а один или несколько являлись единоличниками, записывались как два разных хозяйства. Если же в составе семьи несколько человек работало на производстве, отдельного счета на них не заводилось. Все дворы, находившиеся на территории сельсовета, должны были быть учтены независимо от того, имели они сельское хозяйство или нет. Семьи, члены которых временно отсутствовали, должны были быть также учтены в книгах. Если в доме проживало несколько семей, то каждое учитывалось как отдельное хозяйство (4).

Все данные о членах двора фиксировались со слов домохозяйина, являвшегося лицом, на имя которого записывались денежные и натуральные обязательства семьи, занимавшейся сельским хозяйством. Во всех прочих семьях главой считалось лицо, дававшее основные средства к ее существованию. Сведения об общей площади земли хозяйства и распределении ее по угодьям брались из материалов последнего обмера усадеб, занесенных в шнуровую книгу колхозов, и сопоставлялись с показаниями домохозяйина на 1 января. Секретарь сельсовета также вносил в лицевые счета плановые задания по различным видам посевов единоличных хозяйств, но лишь после утверждения планов сева по сельсовету. Количество скота фиксировалось им по состоянию на 1 января, сверялось с материалами ежегодной январской переписи скота и уточнялось при июльском обходе со слов домохозяйина. Количество и состояние инвентаря фиксировалось в книгах при подворном обходе единоличников.

Единоличные дворы в 1930-е годы подразделялись на четыре группы: первую составляли семьи, имевшие доход только от сельского хозяйства, вторую - семьи с доходом от сельского хозяйства и рыночной продажи продуктов своего производства, третью - дворы с доходами от сельского хозяйства и неземледельческих заработков, и четвертую - хозяйства со всеми видами источников доходов.

Величины доходов единоличников от занятия сельским хозяйством исчислялись нормативно и напрямую зависели от размеров площадей и категорий посевов, от количества и видов скота. Сведения о величине рыночных и неземледельческих доходов собирались районным финансовым отделом по справкам и документам от предприятий, учреждений и организаций,

где были заняты единоличники. При этом в лицевые счета секретарем сельсовета в обязательном порядке заносились как утвержденные районной налоговой комиссией по сельхозналогу фактические размеры этих доходов, так и исчисленные сельской налоговой комиссией суммы включения рыночных и неземледельческих заработков в общий объем облагаемого дохода двора, на основании которых уже исчислялся сельхозналог (5).

К моменту налогового учета (осуществлялся в июле) каждое хозяйство должно было быть занесено в похозяйственную книгу и иметь свой номер, который проставлялся здесь на основании списка хозяйств, объединявшихся сельсоветом. При проведении налогового учета домохозяева опрашивались сельской налоговой комиссией по той же программе, что и при похозяйственном учете, но основной акцент ставился на фиксации источников доходов и скота. Результаты учета по каждому хозяйству выносились на обсуждение пленума сельсовета, после заседания которого на место прибывала проверочная бригада районного финансового отдела, проводившая выборочные контрольные обходы. В случае, если обнаруживался значительный недоучет скота, производился всеобщий переучет по сельсовету и лишь после этого скорректированные сведения по скоту переносились в похозяйственные книги, а ложные данные могли зачеркиваться. Если же неправильностей не обнаруживалось, сельские налоговые комиссии имели право начать исчисление обязательных налоговых платежей на вспомогательных списках, составлять итоговые похозяйственные и налоговые сводки по сельсовету (6).

Таким образом, в компетенцию сельских налоговых комиссий в середине 30-х гг. входило: учет источников доходов, определение предварительных размеров неземледельческих и рыночных заработков единоличников, составление для районного финансового отдела списков хозяйств с этими доходами и списков семей, подлежащих полному или частичному освобождению от сельхозналога, исчисление размера облагаемого дохода семьи, начисление налогов, заполнение и вручение платежных извещений, осуществление приема денег от населения и сдача их в госбанки, применение принудительных мер к неплательщикам, разбор жалоб, ведение налогового делопроизводства, счетоводства и отчетности.

Но данная налоговая политика в последствии способствовала чрезмерному укреплению власти местной администрации, что в итоге привело к ее злоупотреблениям. В ряде сельсоветов власть для покрытия налоговых недоимок и растрат проводила у некоторых категорий плательщиков незаконное изъятие их имущества. Похозяйственные книги в ряде сельсоветов находились в полном беспорядке.

В силу этого возникает острая необходимость нормализации налоговой политики в государстве и в 1937 г. постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 21 марта 1937 г. сельсоветы были освобождены от обязанностей по

исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок. Отныне вся работа по денежным платежам в сельской местности возлагалась на налоговые и страховые инспекции районного финансового отдела, а по натуральным - на районных уполномоченных Комитета по заготовкам при СНК СССР (7).

Сельская администрация теперь проводила только похозяйственный учет. Всю же налоговую работу в сельсовете осуществлял участковый инспектор, который составлял списки облагаемых и освобождаемых хозяйств по группам сельского населения на основе похозяйственных книг. С этого же времени похозяйственные книги начали заполняться на период в 2-3 года и одновременно учитывать все группы сельского населения. Связано это было с тем, что численность единоличников упала до минимума, а финансовая часть формуляра похозяйственных книг, фиксировавшая размеры доходов и налоговых платежей, и похозяйственные книги учета в преддверии подготовки к налоговой реформе 1939 г. были упразднены, а налоговое делопроизводство стало приоритетом районного финансового отдела.

Таким образом, наиболее полные данные из похозяйственных книг мы получаем в период 1934 - 1936 гг., где можно проследить финансовое состояние различных социальных категорий сельского населения.

1. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1934. № 6. Ст. 43.
2. Там же. 1935. № 42. Ст. 358.
3. Там же.
4. Указание районному инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистических работ районе. М., 1946. С. 7.
5. Сельскохозяйственный налог на 1935 г. М., 1935. §32, 33.
6. Там же.
7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. № 22. Ст. 85.

Михалев Н.А.
(Екатеринбург)

Население Ямала в начале XX в.: некоторые особенности демографических процессов*

Несмотря на значительное повышение в последнее время исследовательского интереса к различным аспектам истории Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа), проблемы демографического развития края как оставались, так и продолжают оставаться на некоторой периферии исторических исследований. Особенно это заметно по отношению к первой половине XX

в., когда территория округа неоднократно передавалась в подчинение разным административным центрам.

Что касается более узкого хронологического отрезка, охватывающего самое начало XX в., то в этот период большая часть современной территории региона входила в состав Куноватской и Обдорской волостей Березовского уезда Тобольской губернии. Именно из этих волостей впоследствии будет образован сначала Обдорский район, а затем и Ямальский округ. Учетом движения населения в рамках Тобольской губернии занимался Губернский статистический комитет. Документы, отложившиеся в результате деятельности последнего, дополненные документами церковных властей, предоставляют возможность изучить особенности естественного движения населения Ямала в первые десятилетия XX столетия. В данном же случае остановимся на рассмотрении некоторых аспектов брачности населения.

Используемые источники имеют свою специфику, заключающуюся, прежде всего, в том, что население в них учитывалось в разрезе двух основных категорий: «православные» и «идолопоклонники». А поскольку регистрация браков находилась в руках церкви, то, следовательно, последняя категория автоматически выпадает из сферы анализа. Учет же православного населения велся в соответствующих приходах. На территории Куноватской и Обдорской волостей в рассматриваемый период располагалось четыре православных прихода: Кушеватский, Мужевской, Обдорский Петро-Павловский и Обдорский миссионерский. Какие же этнические группы относились к ним? Под категорию «православных», прежде всего, попадали русские и зыряне. «По своему экономическому положению и быту, – писал В.В. Бартенев, – русские и зыряне до известной степени сливаются в одну общую массу. Русификация зырян и смешанные браки все более и более действуют этому слиянию» (1). Сюда относилась и определенная часть туземного населения, обращенного в православие. Удельный вес последнего, а также общее число жителей, относившихся к указанным приходам по состоянию на 1907-1908 гг. представлены в табл. 1, составленной на основании данных «Ведомостей» соответствующих церквей. Для сравнения приведем также данные об общей численности населения на тот же период (табл. 2).

Таблица 1

Численность и этнический состав православного населения приходов Куноватской и Обдорской волостей (1907-1908 гг.)*

Год	Название приходов	Волости, в которых находился приход	Общее количество прихожан			В том числе		
						ханты	ненцы	прочие (русские и зыряне)
			М.	Ж.	О.п.	Всего	Всего	Всего
1908	Кушеватский	Куноватская	627	626	1253	1162	–	91

1907	Мужевской	Куноват- ская	890	870	1760	898	44	818
1908	Обдорский Петро-Пав- ловский	Обдор- ская	364	416	780	–	–	780

*Составлено по: Государственный архив в г. Тобольске (далее: ГУТО ГАТ) Ф. 156. Оп. 19. Д. 57. Л. 20 об., 66 об., 72 об.

Таблица 2

**Численность и этнический состав населения
Обдорского Севера (1907 г.)***

Названия волостей	Зыряне		Ханты		Ненцы		Русские	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Куноватская	370	387	1105	990	–	–	68	82
Обдорская	520	490	2106	1580	2345	2370	698	584
Итого	890	877	3211	2570	2345	2370	766	665

(продолжение)

Названия волостей	Прочие		Всего	
	М.	Ж.	М.	Ж.
Куноватская	–	–	1543	1459
Обдорская	5	5	5674	5029
Итого	5	5	7217	6488

*Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 587. Л. 9об.-10.

Как видно из сопоставления данных табл. 1 и табл. 2, суммарные показатели численности групп русских и зырян по Куноватской волости почти точно совпадают с численностью населения, отнесенного нами к графе «Прочие» (в источнике такое распределение отсутствует); совпадают и показатели общей численности населения волости и двух составлявших ее приходо-в. Видно также, что значительную часть прихожан соответствующих церквей (68%) составляло хантыйское населения волости, большая часть которого (98%) относилась к категории «православных». По Обдорской волости за неимением данных такого сравнения провести нельзя. Известно, однако, что всего за 56-летний период с 1854 по 1910 гг. Обдорской миссией было обращено «великовозрастных инородцев» 2896 чел. обоюго пола, а за время с 1897 по 1910 гг. – 485 чел. (2) И хотя эти данные не говорят об удельном весе принявших православие в общем количестве туземного населения волости, ясно, что их доля все же была невелика.

Исходным показателем для анализа любого демографического явления выступает абсолютный. Однако абсолютные показатели как таковые обладают чрезвычайно низким информационным потенциалом и требуют перехода к относительным показателям брачности. Определить последние возможно только для трех приходо-в. Причем, располагая соответствующими данными о рождаемости и смертности по указанным приходо-в, численность

населения за 1909-1914 гг. при их расчете была вычислена на основе уравнения демографического баланса, в котором сальдо миграции условно приравнено нулю. А поскольку следующий из этого вывод о том, что население указанных приходов носило статус закрытого не является корректным, то и полученные таким образом общие коэффициенты брачности (табл. 3), за исключением показателей для 1908 г., носят приближенный, вероятностный характер. Тем не менее, из-за отсутствия иных сведений это допущение является вынужденным.

Таблица 3

Динамика абсолютных чисел браков и общих коэффициентов брачности (ОКБр.) в двух волостях Обдорского Севера, 1908-1914 гг.*

Год	Куноватская волость				Обдорская волость	
	Кушеватский приход		Мужевской приход		Петро-Павловский приход	
	Число браков	ОКБр. (‰)	Число браков	ОКБр. (‰)	Число браков	ОКБр. (‰)
1908	1	0,8	16	8,7	11	14,1
1909	—	0	7	3,7	15	18,7
1910	2	1,6	11	5,7	20	24,8
1911	—	0	13	6,6	11	13,1
1912	—	0	9	4,4	12	13,8
1913	2	1,5	11	5,3	14	16,4
1914	1	0,8	19	8,9	15	16,9
Итого	6		86		98	

(продолжение)

Год	Обдорская волость		Всего по двум волостям	
	Миссионерский приход		Число браков	ОКБр. (‰) ¹
	Число браков	ОКБр. (‰)		
1908	9	Нет сведений	37	7,2
1909	12		34	5,6
1910	11		44	8,2
1911	21		45	5,8
1912	26		47	5,0
1913	11		38	6,3
1914	8		43	8,0
Итого	98		288	

1. За исключением Миссионерского прихода Обдорской волости.

*Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. Д. 203. Л. 1; Д. 211. Л. 8; Д. 222. Л. 1; Д. 238. Л. 1; Д. 255. Л. 7; Д. 273. Л. 53 об., 41 об., 61 об., 57 об.; Д. 297. Л. 37, 37 об.

Как показывает табл. 3., общие коэффициенты брачности в каждом из приходов демонстрировали в целом ряде случаев явно выраженную тенденцию к вариации. Интервал, внутри которого варьировали их значения вокруг

среднеарифметической (среднее квадратичное отклонение), для Кушеватского прихода составлял 0,6, для Мужевского 1,9 и для Петро-Павловского прихода 3,7‰. Обращает на себя внимание и то, что интенсивность брачных процессов в разных приходах заметно отличалась. Так, наименьшее значение общий коэффициент брачности имел в Кушеватском приходе, где он колебался от 0 (в 1911-1912 гг.) до 1,6‰ (1910 г.), в Мужевском его крайние значения равнялись 3,7 (1909 г.) и 8,9‰ (1914 г.), наибольшие значения коэффициента и наибольший их размах фиксировались по Петро-Павловскому приходу (от 13,1 в 1911 г. до 24,8‰ в 1910 г.), в связи с чем и среднее квадратичное отклонение здесь также было самым значительным.

Как показал Б.Н. Миронов, начиная с последней трети XIX в. в стране наметилась тенденция к повсеместному снижению уровня брачности, который в 1911-1913 гг. упал до 8,2, в том числе в деревне – до 8,4, а в городе – до 6,7 браков на тысячу (3). Аналогичные тенденции фиксируются исследователями и по отношению к населению городов Западной Сибири (4). На Обдорском Севере, однако, как свидетельствуют приведенные выше данные, такого снижения не наблюдалось. Обладая склонностью к вариации, общие коэффициенты брачности в целом не формировали какой-либо ярко выраженной тенденции ни к своему увеличению, ни к снижению. По отдельным приходам, если сравнивать начальную и конечную точку отсчета (т.е. 1908 и 1914 гг.), данный коэффициент или увеличился (что вообще может объясняться не совсем корректными показателями численности населения, использованными для его расчета), или остался примерно на том же уровне.

Одной из важнейших характеристик процессов брачности является сезонность браков. В.А. Зверев, подробно изучивший семейный демографический календарь сибирского крестьянства второй половины XIX – начала XX в., пришел к выводу о наличии двух всплесков матримониальной активности в году: зимнего в январе-феврале, когда заключали 50-60% всех браков, и осеннего в октябре-ноябре, на который приходилось почти 20% свадеб. В марте и декабре брачная активность населения практически замирала совсем, в августе она была крайне низкой и в остальные месяцы количество свадеб было относительно невелико. Причем, автор подчеркивает, что эти закономерности были присущи селениям всей Сибири (5). В табл. 4. показано помесечное распределение браков православного населения Обдорского Севера по суммарным данным за 1908-1914 гг. (6)

Таблица 4

Распределение браков православного населения Обдорского Севера по месяцам года*

Месяцы	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	Итого	
								Абс.	%
I	12	11	6	9	17	7	20	82	28,5
II	10	0	12	8	0	11	6	47	16,3
III	0	0	0	0	0	0	0	0	0

IV	2	3	3	5	4	1	2	20	6,9
V	2	4	1	1	2	6	2	18	6,2
VI	0	0	1	0	5	2	1	9	3,1
VII	0	1	1	0	0	0	0	2	0,7
VIII	0	1	0	0	2	3	0	6	2,1
IX	1	2	5	3	3	1	2	17	5,9
X	1	4	10	4	5	1	2	27	9,4
XI	8	5	5	15	9	6	5	53	18,4
XII	1	3	0	0	0	0	3	7	2,4
Итого	37	34	44	45	47	38	43	288	100
Средняя месячная за год	3,1	2,8	3,7	3,8	3,9	3,2	3,6	3,4	

(продолжение)

Месяцы	Средняя помесеч- ная	Индекс сезонности
I	11,7	344,1
II	6,7	197,0
III	0	0
IV	2,8	82,3
V	2,6	76,5
VI	1,3	38,2
VII	0,3	8,8
VIII	0,8	23,5
IX	2,4	70,6
X	3,8	111,8
XI	7,6	223,5
XII	1	29,4
Итого	41	1205,5
Средняя месячная за год	3,4	100

*Составлено по и подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 203. Л. 38 об., 36 об., 34 об., 35 об.; Д. 211. Л. 42 об., 41 об., 39 об., 40 об.; Д. 222. Л. 39 об., 38 об., 36 об., 37 об.; Д. 238. Л. 40 об., 39 об., 37 об., 38 об.; Д. 255. Л. 32 об., 31 об., 41 об., 42 об.; Д. 273. Л. 53 об., 41 об., 57 об., 61 об., Д. 297. Л. 73 об., 75 об., 79 об., 77 об.

Приведенные данные также свидетельствуют о наличии зимнего и осеннего пиков брачной активности. На январь и февраль приходилось почти 45% заключенных браков, чем и были обусловлены высокие индексы сезонности этих месяцев: у января – 344,1%, у февраля – 197,0%. В ходе осеннего всплеска было заключено почти 30% браков в рамках исследуемого семилетнего периода (9,4% в октябре и 18,4% в ноябре), индекс сезонности этих осенних месяцев составил 111,8 и 223,5% соответственно. Март был отмечен абсолютным минимумом брачной активности, на протяжении семи лет в марте не было заключено ни одного брака. Следующий спад, как и у

В.А. Зверева, приходился на летние месяцы, доля браков в течение которых равнялась примерно 6%, правда наименьшее количество браков фиксируется не в августе, а в июле (0,7%, индекс сезонности 8,8%). Несколько большая, чем по данным В.А. Зверева, доля браков наблюдалась в апреле (6,9%), мае (6,2%) и сентябре (5,9%), индекс сезонности которых 82,4, 76,5 и 70,6% соответственно. Наконец, декабрьские данные не позволяют сделать вывод о почти полном замирании брачной активности в этот месяц, хотя значение его индекса сезонности было все же невысоким (29,4%).

Говоря о сезонной волне браков, нельзя не отметить, что в значительной степени ход последней определялся действием культурно-религиозного фактора. Православная церковь не венчала браки во время четырех многодневных постов: Великого (он длился 48 дней перед Пасхой и почти всегда включал в себя март), Петрова (20 дней в мае-июне), Успенского (1-14 августа) и Рождественского (15 ноября-24 декабря). Действовал религиозный запрет на браки между Рождеством и Крещением (25 декабря-6 января), а также во все дни масленицы – недели перед Великим постом и в пасхальную неделю. Именно указанные церковные запреты и предопределяли резкое снижение брачной активности православного населения в марте, августе и декабре. Однако определенную часть населения, относившегося к рассматриваемым приходам, составляли представители коренных народов, обращенных в православие. Эта часть требовала к себе особо гибкого подхода. Так, И.С. Шемановский в частности отмечал: «Остяки ... венчаются во время летних приездов к ним пастырей с походной церковью; самоеды, за редкими исключениями, обыкновенно венчаются при просвещении св[ятой] верою...». При этом, дабы не было препятствий к повенчанию последних, Священный Синод специальным указом от 29 апреля 1900 г. за № 2636 разрешил венчать кочевников Обдорского Севера между 25 декабря и 6 января, когда были нередки случаи обращения самоедов, подкочевывавших к Обдорску, к миссионерам с просьбами о крещении (7).

Следующей немаловажной характеристикой брачности является возраст вступления в брак. Распределение населения по возрасту вступления в брак показано в табл. 5.

Таблица 5
Распределение православного населения Обдорского Севера по полу и возрасту вступления в брак*

Возрастные группы, лет	Год									
	1908		1909		1910		1911		1912	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 20	5	15	4	13	4	24	3	15	3	20
21-25	8	11	10	13	19	11	12	14	20	15
26-30	12	7	10	3	10	5	13	7	15	6
31-35	7	1	3	2	8	3	11	5	6	3
36-40	3	1	0	2	2	1	3	2	1	2
41-45	2	2	1	1	1	0	0	1	0	0

46-50	0	0	2	0	0	0	1	1	0	0
50 и выше	0	0	4	0	0	0	2	0	2	1
Итого	37	37	34	34	44	44	45	45	47	47

(продолжение)

Возрастные группы, лет	Год			
	1913		1914	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 20	3	15	2	14
20-25	15	16	13	19
25-30	11	2	16	6
30-35	5	3	6	0
35-40	2	1	1	2
40-45	1	0	3	1
45-50	0	0	0	0
50 и выше	1	1	2	1
Итого	38	38	43	43

*Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 4.

Исходя из этих данных можно определить такие структурные показатели при анализе брачности по данному основанию, каковыми являются коэффициент склонности к ранним бракам, коэффициент потенциально продуктивных браков и коэффициент поздних браков, значения которых применительно к православному населению рассматриваемых северных волостей приведены в табл. 6.

Таблица 6

**Структурные характеристики браков населения
Обдорского Севера***

Показатель, %	1908		1909		1910		1911		1912	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Коэффициент склонности к ранним бракам	13,5	40,5	11,8	38,2	9,1	54,5	6,7	33,3	6,4	42,6
Доля потенциально-продуктивных браков	100	100	88,2	100	100	100	95,6	100	95,7	97,9
Доля поздних браков	—	—	11,8	—	—	—	4,4	—	4,2	2,1

(продолжение)

Показатель, %	1913		1914	
	М.	Ж.	М.	Ж.
Коэффициент склонности к ранним бракам	7,9	39,5	4,6	32,6
Доля потенциально-продуктивных браков	97,4	97,4	95,3	97,7
Доля поздних браков	2,6	2,6	4,6	2,3

*Составлено по данным табл. 5.

Данные табл. 5 и 6 наглядно свидетельствуют о том, что подавляющее большинство браков как мужчинами, так и женщинами заключалось в возрасте до 50 лет. Отсюда коэффициент потенциально продуктивных браков, т.е. браков заключенных в детородном возрасте, у мужчин колебался от 88,2 до 100%, составляя в среднем за семь лет 96%, у женщин этот показатель находился в пределах от 95,3 до 100% и в среднем составлял 99%. Значения же коэффициента склонности к ранним бракам у мужчин и женщин расходились гораздо заметнее. Доля браков, заключенных женщинами в возрасте до 20 лет составляла в разные годы от 32,6 до 54,5%, равняясь в среднем 40%. Количество мужчин, заключивших подобные браки, было намного меньшим, в результате чего коэффициент склонности к ранним бракам в данном случае колебался всего от 4,6 до 13,5% (в среднем – 8,5%). Доля поздних браков, т.е. заключенных в возрасте, превышающем границу детородного, и у мужчин, и у женщин была невелика, причем мужчины вступали в такие браки чаще, для них соответствующий коэффициент в среднем за период 1908-1914 гг. имел величину 4% (у женщин – всего 1%).

Наряду с рассмотренными выше показателями возраст вступления в брак характеризует также средний, медианный и модальный возраст брачующихся женщин и мужчин.

Таблица 7

Средние характеристики возраста вступления в брак православного населения Обдорского Севера, 1908-1914 гг.*

Возраст	1908		1909		1910		1911		1912	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Средний	28,1	23,7	30,2	23,6	26,6	21,9	29,4	24,9	27,1	23,4
Медианный	27,8	22,3	27,2	22,2	24,8	19,7	28,3	23,1	26,1	21,9
Модальный	27,8	19,2	25,0	20,0	23,5	18,6	27,3	19,8	24,1	19,2

(продолжение)

Возраст	1913		1914	
	М.	Ж.	М.	Ж.
Средний	27,0	22,8	28,7	23,4
Медианный	25,4	21,2	27,0	22,0
Модальный	23,8	20,3	26,1	21,4

*Расчитано по данным табл. 5.

Имеющиеся данные показывают, что средний возраст вступления в брак у мужчин в разные годы рассматриваемого семилетнего отрезка колебался от 26,6 до 30,2 лет (среднее квадратичное отклонение – 1,2 года, коэффициент вариации – 4,4%), рассчитанный же для всего периода 1908-1914 гг. он составил 28,1 года. У женщин этот показатель варьировал от 21,9 до 24,9 лет (среднее квадратичное отклонение при этом 0,8 лет, коэффициент вариации – 3,6%), а для семилетнего периода был равен 23,3 лет. В силу этого обстоятельства разность между средним возрастом вступления в брак мужчин и женщин хотя и доходила в 1909 г. до 6,6 лет, в среднем все же составляла 4,8 года. Медианный возраст брачующихся, т.е. возраст, до и после которого

браком вступает половина людей изучаемой совокупности, у мужчин изменялся в течение 1908-1914 гг. от 24,8 до 28,3 лет (его среднее квадратичное отклонение составило 1,2 года, а коэффициент вариации – 4,4%), в среднем за семь лет он был равен 26,6 лет. Колебания медианного возраста у женщин были также незначительны, находясь в границах от 19,7 до 23,1 года (среднее квадратичное отклонение в этом случае 1 год, коэффициент вариации – 4,5%), в среднем он составлял 21,8 года. Модальный возраст брачующихся, т.е. возраст, в котором число вступивших в брак достигает своего максимального значения, наиболее распространенный возраст вступления в брак, также неизбежно сохранял различия между возрастом мужчин и женщин. Значение этого показателя для мужчин отклонялось в сторону от своего среднего уровня на 1,6 года (коэффициент вариации – 6,3%) и в среднем за период 1908-1914 гг. достигло 25 лет. У женщин модальный возраст вступления в брак, обладая еще меньшей тенденцией к какой-либо флуктуации (среднее квадратичное отклонение – 0,8 года, коэффициент вариации – 4,3%), за семь лет оказался равен 20 годам.

Методологической основой большей части историко-демографических работ сегодня выступает теория модернизации, применительно к демографической сфере общества выражающаяся, главным образом, в концепции демографического перехода. В соответствии с этой концепцией в процессе трансформации, перехода от традиционного общества к современному происходят качественные изменения типа воспроизводства населения.

Что касается брака, то его объективный смысл всегда заключался в том, что он создавал социальные рамки отношений мужчины и женщины в той части этих отношений, которая касалась сексуальной жизни и воспроизводства потомства. Эта система отношений между супругами с необходимостью предписывалась всеми условиями, в которых жил человек, но прежде всего – условиями демографическими. Высокая смертность, свойственная традиционному типу воспроизводства населения, делала необходимой устойчиво высокую рождаемость, обеспечить которую можно было, только подчинив связанное с производством потомства массовое поведение людей жестким правилам (8). Именно отсюда, в частности, вытекала традиция ранних браков, обуславливавшая то, что в начале XX столетия более половины всех невест и около трети женихов в Европейской России были не старше 20 лет. Для Сибири и Севера Европейской части России традиционная модель брачности предусматривала несколько более высокий возраст вступления в брак, но и там 80 и более процентов девушек вступали в брак до 25 лет (9).

Таким образом, рассмотренные выше характеристики брачности православного населения Обдорского Севера свидетельствовали о существовании в регионе в начале XX в. традиционного типа воспроизводства. Доля женщин, вступавших в брак до 20 лет, составляла здесь 40%. До 25 лет в брак вступало 42% мужчин и 75% женщин. В силу этого модальный, т.е. наибо-

лее распространенный возраст вступления в брак в рассматриваемый период 1908-1914 гг. у мужчин составил 25, у женщин – 20 лет, а медианный, т.е. характерный для половины брачующихся, – 26,6 и 21,8 лет соответственно. Традиционная модель брачности проявляла себя также в сезонности браков, особенности которой определялись, прежде всего, религиозным фактором.

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-7455.2006.6.

1. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / Сост. Рощевская Л.П., Белобородов В.К. Екатеринбург, 1998. С. 145.
2. Иринарх (И.С. Шемановский) История Обдорской духовной миссии. 1854-1904 гг. М., 1906. С. 168-169; Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Шемановский И.С. Избранные труды / Составитель Л.Ф. Липатова. М., 2005. С. С. 277, 279, 282, 284, 286, 289.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 173.
4. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика. Барнаул, 2003. С. 123-124.
5. Зверев В.А. Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья в ракурсе социального знания: сб. ст. Барнаул, 2001. С. 131; см. также Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 169-171; Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 182-183.
6. Использованная методика анализа сезонности демографических явлений подробно описана в: Венецкий И.Г. Статистические методы в демографии. М., 1977. С. 14-16; а также в многочисленных учебниках по общей теории статистики, см, например: Статистика населения с основами демографии. М., 1990. С. 161-163; Теория статистики / Под ред. Р.А. Шмойловой. М., 2005. С. 453-460; Октябрьский П.Я. Статистика. М., 2005. С. 71-72; и др.
7. Иринарх (И.С. Шемановский). Указ. соч. С. 153.
8. См. подробнее: Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. Гл. 4.
9. Там же. С. 50-51.

**Мишенин С.Е.
(Кемерово)**

**Советская пресса как фактор формирования и поддержки
«Смуты» в сознании граждан в годы «Перестройки»
(1985 – 1991 гг.) (по материалам многотиражной газеты
«Железнодорожник Кузбасса»)**

Формирование современного исторического сознания граждан России – сложный и неоднозначный процесс. Понимание его может существенно облегчить поиски путей к управлению им.

У теоретических его истоков стоит процесс распада тоталитарного сознания. Исследователями уже выработана схема этого процесса (1). Это – продукт социологического исследования. Для применения в области исторической науки она нуждается в наполнении конкретно историческим материалом. И один из путей к этому является анализ многотиражных газет. Важное преимущество их в том, что они, как имеющие сравнительно узкую читательскую аудиторию, по отдельным сюжетам могут быть откровеннее, чем более публичные издания. Вот одно из них – газета «Железнодорожник Кузбасса» – орган управления дороги, комитета организации КПСС и профсоюзной организации дороги. Издание такой газета было обычной практикой руководства тех лет. Типичность ситуации, связанной с этим, позволяет типизировать частный процесс. Наблюдение над формами, характером и содержанием публикаций в этой газете позволяют сделать некоторые выводы.

Вступая в процесс последнего советского реформирования, советскому руководству потребовалась корректировка устоявшихся представлений: старый подход не позволил бы принять новые реалии. Поэтому уже XXVII съезд КПСС провозгласил курс на «правду истории». Тут же «заработала» историческая память. Она была далеко не однородна, ей было что помнить. Она ждала сигнал, и он пришел. Но профессионалы оказались не готовы к той «правде». «Нишу» заняли публицисты. Средства массовой информации заполнили как хорошие, так и дилетантские материалы. Последние были ярче: они оказались более отзывчивыми на запрос и отражали смутное желание отказаться от прошлого, но куда идти – оказалось не ясно. Очередная «смута» пускалась в советское сознание. Как и всего советского народа, это коснулось и железнодорожников Кемеровской области.

Секретарь комитета КПСС Управления Кемеровской железной дороги С.П. Железнов как-то сказал: «Горькая правда истории подорвала веру в партию [т. е. КПСС. – С. М.]» (2).

Процесс ускорился после того, как постановлением ЦК КПСС от 6 января 1989 г. и Указом Верховного Суда СССР от 16 января этого же года

ЦК КПСС предложил всем своим структурам и через коммунистов, работающих в местных Советах, активизировать работу по увековечению памяти жертв репрессий, в том числе умерших в местах ссылки (3).

Уже в середине июня 1989 г. областная газета «Кузбасс» опубликовала списки репрессированных граждан, подпадающих под действие ст. 1 Указа Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов». Среди полностью реабилитированных были работники и железнодорожного транспорта. Это – Г.В. Горбатов, И.Ф. Иванов, И.Н. Колмаков, Г.В. Шахворостов. Это были лица рабочих профессий: (соответственно) укладчик путей, составитель поездов, плотник-стекольщик, стрелочник (4). Процедура конкретной реабилитации не раскрывалась. Это не стимулировало формирование подлинной критичности мировосприятия и сносило дополнительную «смуту» в сознание.

Пресса позволяет проследить эволюцию сознания рядовых советских граждан. Вот что об этом (о себе, по сути дела, самоанализ) писал тогда мастер контейнерного цеха вагонного депо Прокопьевск П. Евтушенко. Вслед за сменами руководства в КПСС за 1952 – 1990 г. он добросовестно менял свои позиции. Характерен итог его самоанализа: посчитал свое пребывание в КПСС невозможным, но оставил партбилет у себя. Сам же подумал о вступлении в Демократическую партию (5). И никакого комментария редакции! Это – пример неустойчивости позднего советского мировосприятия. Он во многом помогает понять духовные перемены того периода.

Быстрое формирование многопартийной политической системы оказалось настолько необычным для советской системы и сознания советского человека, что привело к положению, когда не только рядовые граждане, но и многие руководители-коммунисты оказались неготовыми к адекватной реакции. Статьи-рекламы видных функционеров новых организаций помещались и в газете «Железнодорожник Кузбасса». Среди них были член Правления СДПР Э. Ибрагимов (6), член исполкома СП Е. Островский (7), второй секретарь ХДС Т. Карагодина (8), делегат учредительной конференции ДПР И. Гальперин (9). И снова - никаких комментариев редакции! Аналогичная ситуация оказалась при публикации материалов критического характера по отношению к политике официального советского руководства.

Косвенно о чертах массового мировоззрения кузбассовцев в целом и железнодорожников, в частности, может сказать предвыборная программа кандидата в Президенты России, за которого проголосовало большинство избирателей. Для избирательных округов на территории Кемеровской области – это программа кандидата в Президенты А.Г. Тулеева. Почему? Голосуя за того или иного кандидата, человек невольно солидаризируется с его программой. Поэтому предвыборную программу с определенными оговорками можно считать программой части электората. Итак, какова ее общая харак-

теристика? В кратком выражении ее можно свести к следующему: парламентаризация Советов, либерализация общества, сравнительно широкие социальные гарантии населению, участие РСФСР во внешнеполитической деятельности (10).

Но насколько устойчивы были эти позиции? Насколько последовательно была существующая тогда власть, система власти, в том числе и система средств массовой информации, в частности, печать? Вот, например, та же газета «Железнодорожник Кузбасса» как типичный ее представитель. К концу «перестройки», когда в основном определились силы, их расстановка, номер газеты за 15 марта 1990 г. на одной странице содержала две статьи, которые ориентировали читателей за поддержку каждая своего героя. Одна статья называлась «Нам нужен Тулеев», другая – «Доверьтесь Кислюку» (11). Эти два исторических персонажа конфликтовали друг с другом уже в тот период, стали непримиримыми врагами в последующем. Этот конфликт газета не раскрывала. Все это свидетельствовало о смятении не только читателей и газеты, но и самой власти. «Смута» – так довольно определенно можно охарактеризовать состояние сознания. И это – не единственный пример, отражающий эту опасную тенденцию.

О «смуте» в сознании разных слоев общества свидетельствовали материалы о таинствах и чудесах, «шествие» которых прошло по практически всем средствам массовой информации. Притом малотиражные издания, чтобы не отстать от своих «старших братьев» перепечатывали наиболее «жареные» материалы. В частности, газета «Железнодорожник Кузбасса» опубликовала материал о таинственных крысах в подземельях Москвы (12).

Такое положение свидетельствовало о прогрессирующем распаде тоталитарного сознания, о деформации его советской основы образца 1930-1940-х гг. Здесь соединялись элементы социал-демократизма, либерализма, марксизма.

Но это в целом нельзя считать только негативным процессом. Он – негативен для конкретной советской системы. А для сохранения и развития широкого социально-исторического пространства это – конструктивный момент. Позитивность его состояла в том, что это свидетельствовало о свершившемся перевороте в сознании основной массы советских людей. Она отвернулась от прошлой системы. А новую систему еще предстояло сформировать.

Так, к началу 1990-х гг. можно констатировать существенный поворот в сознании активной части железнодорожников (как и большинства активной части советских людей) от признания прошлых ценностей к новым. Но каким? В повестку дня встала задача определить историческую цель движения. Поэтому трудный период реформ (точнее, трансформации) 1990-х гг. основная часть населения области и страны выдержала трудности трансформации

1990-х гг. Конкретизация цели исторического движения стала главной задачей следующего этапа исторического развития.

1. Есть мнение: Итоги социологического опроса / Общ. ред. Ю. А. Левада. М., 1990. С. 197.
2. Королев К. Наедине с парторгом // Железнодорожник Кузбасса. 1991. 1 июня. С. 2.
3. Об увековечении памяти жертв репрессий периода 30-40-х и начала 50-х годов // Железнодорожник Кузбасса. 1989. 8 июля.
4. Полностью реабилитированы // Железнодорожник Кузбасса. 1989. 8 июля.
5. Евтушенко П. Почему я выхожу из КПСС? // Железнодорожник Кузбасса. 1991. 17 сентября.
6. Ибрагимов Э. Мы – в центре // Железнодорожник Кузбасса. 1990. 25 сентября.
7. Островский Е. Новые социалисты // Железнодорожник Кузбасса. 1990. 25 сентября.
8. Карагодина Т. Мы похожи, но только внешне // Железнодорожник Кузбасса. 1990. 25 сентября.
9. Гальперин И. «Вперед к победе...» // Железнодорожник Кузбасса. 1990. 25 сентября.
10. Защитить человека от преступников [предвыборная программа кандидата в Президенты РСФСР А. Г. Тулеева] // Железнодорожник Кузбасса. 1991. 30 мая.
11. Нам нужен Тулеев // Железнодорожник Кузбасса. 1990. 15 марта; Доверьтесь Кислюку // Железнодорожник Кузбасса. 1990. 15 марта.
12. Кузнецов А. Сошествие в ад. Тайны подземелья Москвы // Железнодорожник Кузбасса. 1990. 21 июня.

**Мосунова Т.Г.
(Екатеринбург)**

Потенциал Свердловской области в осуществлении этнической политики: исторический опыт и современная практика*

Из опыта мировой истории известно, что недооценка этнических проблем на государственном уровне оборачивалась социальными потрясениями и деструктивными процессами. Не является исключением и современность. Мировую общественность тревожат рост экстремизма, агрессивности, расширение зон конфликтов и конфликтных ситуаций.

Межэтнические отношения относятся к числу проблем, которые требуют к себе постоянного внимания, энергичных и своевременных действий со стороны государственных структур и общественности.

На примере Свердловской области можно проследить, как накапливался опыт решения «национального вопроса» в начальный период истории

советского государства и как на новом этапе становления российской государственности реализуется этническая политика, в результате чего существует относительное благополучие отношений между группами автохтонных жителей края, высокий уровень их толерантности.

Как отметил историк Н.И. Хмара: «в сфере национальной политики 12 лет, разделяющие первую Конституцию СССР и «Сталинскую Конституцию», ознаменовались бурными процессами... Всплеск внимания к национальным проблемам, стремление преодолеть недоверие к советской власти, к партии большевиков послужили стимулом для ряда позитивных процессов, направленных на национальное возрождение и развитие, особенно национальных меньшинств, на сближение и сотрудничество всех народов страны.» (1).

Свердловская область – одна из многих в России, в которой особенности исторического развития и территориально-географического положения обусловили этническое многообразие населения. В 1924-1934 гг. она входила в состав Уральской области, которая по количеству нерусского этноса являлась самым большим регионом РСФСР, за исключением автономных республик.

Чрезвычайное многообразие культурно- хозяйственного уровня народов, проживающих в крае – от кочевников Севера до пролетариата промышленных центров и новостроек - требовало особого подхода к каждому из них. Изучение условий жизни, культуры, быта, традиций и языка этнических групп возглавила Уральская областная партийная организация. С этой целью в национальные районы посылались специальные бригады, а также использовались материалы обследований, проведенных советскими, хозяйственными и общественными организациями. Особенно широко метод обследования использовался в период национального районирования в 1924-1929 гг. в рамках общего процесса административного деления Урала.

В целях реализации курса на выравнивание уровня всех народов, организации решения этнических проблем, руководства культурно-хозяйственным строительством в Уральской области было создано 14 национальных районов и 228 сельских советов. Для сравнения: в РСФСР (без автономных республик и областей) насчитывалось 107 районов, в СССР-250, а национальных сельсоветов на территории страны более 5300 (2). В 1932 г. в Уральской области уже насчитывалось 318 национальных сельсоветов. Административной сетью было охвачено 70% нерусского населения (3).

Возможность вести административное управление и судопроизводство, обучение в школах и культурно-просветительную работу на родном языке появилась в связи с политикой коренизации, т.е. подготовкой и выдвижением кадров, знающих язык, быт, традиции конкретного этноса.

Решение Челябинского обкома ВКП(б) и облисполкома об организации Аргаяшского национального района в марте 1934 г. было одним из последних (4). Вскоре были ликвидированы такие формы административного деления, как национальные районы и сельсоветы, что отражало стремление Сталина к «упрощению» национальной структуры страны, означало рост унитаристских тенденций.

В своей повседневной работе партийно-советские органы учитывали, что основная масса национальных меньшинств края относилась к числу тех народов, которые в силу отсталости не могли полностью реализовать свои права и добиться решения проблем без действенной помощи. Такая помощь была оказана и выражалась она, прежде всего, в создании в партийно-советском аппарате специальных органов, непосредственно занимавшихся этническими проблемами. Так, с 1921 г. при агитпропотделах Уралбюро РКП(б), затем Уралобкома и окружкомов ВКП(б) существовали подотделы национальных меньшинств. Уральская парторганизация рассматривала работу среди нерусских народов как часть общепартийной работы, стараясь гибко применять общепартийную тактику в конкретных национально-исторических условиях. Поэтому подотделы регулярно участвовали в работе общих областных, окружных совещаний и в работе отделов обкома и окружкомов партии и таким образом отражали вопросы национальной политики в общих директивах. В случае необходимости принимались и специальные решения (5).

В 1930 г. произошла реорганизация аппарата обкома ВКП(б) и для работы среди нерусских народов при отделе культуры и пропаганды был создан специальный сектор. Заведующим сектором был утвержден т. Сарабский. В этот период на руководящей работе было уже немало представителей народов Урала – М.Г. Усманов, С. Хасанкаев, Б. Кадыров, А.Ибрагимов, Т. Сабитов и другие (6).

В целях наиболее полного обслуживания этнических групп при облисполкоме и ряде окрисполкомов с 1926 г. существовал институт уполномоченных по работе среди нерусского населения, а с 1932 г. – отдел национальных меньшинств при Уральском областном исполнительном комитете. Организационным и руководящим центром, осуществляющим непосредственное руководство и управление просвещением, являлся Совет (с 1929 г. Комитет) по просвещению национальных меньшинств при областном отделе народного образования. Этот орган следил за тем, чтобы система просвещения строилась с учетом культурно-экономического уровня, языка, бытовых условий, наличия кадров, национальных обычаев и традиций народов. Также при облисполкоме существовал Комитет содействия народностям северных окраин (7). Деятельность всех органов государственной власти и управления, а также общественных организаций координировали партийные комитеты.

Характеризуя в целом партийное руководство решением национального вопроса в крае в 20-е годы, следует подчеркнуть его неформальный характер. Оно было оперативным и инициативным, разнообразным по формам и методам. Минусы состояли в недостаточной проверке исполнения принятых решений. С конца 20-х годов стал делаться упор на проведение ударных кампаний вместо систематического руководства национальным строительством, усиливался формализм в работе. Кампанейский стиль являлся элементом складывавшейся командно-административной системы руководства. Борьба против «национал-уклонизма», развернувшаяся после XVI съезда ВКП(б) в 1930 г., усилила межэтническую напряженность.

С середины 30-х годов в партийных комитетах были упразднены национальные секторы, не стали проводиться совещания работников нерусской национальности. Ликвидация организационных форм работы с национальными меньшинствами обусловила постепенное сокращение, а затем и исчезновение сюжетов этнической жизни из практики партийно-государственной работы на последующих этапах советской истории. Динамизм, присущий начальному этапу формирования многонационального государства Советов, был существенно утрачен и подорван нарушениями законности в период культа личности.

Смена курса была связана с общей установкой о «решенности» национального вопроса в СССР и форсированием межнационального сближения. После этого любое заявление о существовании каких-либо национальных проблем расценивалось как буржуазный национализм, а тот, кто говорил о них, подвергался преследованиям. Этот тезис господствовал многие годы и нанес большой вред советскому государству.

Начавшаяся в 1990-е гг. новая эпоха в становлении российской государственности поставила вопрос о стратегии этнической консолидации России, о концепции национальной политики и осмыслении в связи с этим всего предшествующего опыта.

Примером активной деятельности в сфере этнической политики является Свердловская область, в которой накоплен позитивный опыт межнационального сотрудничества и возродилась традиция внимательно, в постоянном режиме решать этнические проблемы.

Во властных структурах и в общественном сознании имеется понимание того, что этнический фактор присутствует в нашей жизни постоянно, что социальное самочувствие переносится на самочувствие этническое, что просчеты в данной сфере могут стать катализатором деструктивных процессов. Вот почему этническое многообразие не позволяет благоустраивать. На территории области проживает более 160 носителей разных этнических культур. Активные миграционные процессы создают сегодня новую, более сложную этнополитическую ситуацию в регионе. С одной стороны, область нуждается в притоке рабочей силы (40 тыс. рабочих мест являются

вакантными). С другой стороны, углубляющееся этническое многообразие области, рост численности беженцев и переселенцев приводят к появлению специфических проблем (8).

Например, по данным управления образования г. Екатеринбурга, на 1 сентября 2006 г. в городе насчитывалось около 1,5 тыс. детей школьного возраста из других регионов, которые не знают русского языка, что затрудняет их вхождение в образовательное пространство области. Поэтому требуется корректировка образовательного и воспитательного процесса, создание толерантной образовательной среды.

Характерная черта этнической и общественно-политической структуры Свердловской области - высокая развитость общественного сектора. В ней работают более ста общественных объединений: национально-культурные автономии (НКА), национально-культурные общества (НКО), центры национальной культуры, землячества и общины. В целях повышения эффективности этнополитики, установления диалога между исполнительными органами государственной власти и народами, проживающими на территории области, создан Консультативный совет по делам национальностей Свердловской области под председательством губернатора. По инициативе НКО создано государственное унитарное предприятие «Миграционно-трудоустройственный центр». Развиваются национальные СМИ.

Ключевыми органами исполнительной власти во взаимодействии с НКО выступают Министерство культуры и Министерство общего и профессионального образования Свердловской области. Деятельность последнего по реализации государственной национальной политики осуществляется в соответствии с концепцией о национальной политике Свердловской области, предусматривающей изучение языка, культуры и традиций в рамках общего образования и системы дополнительного образования. Разработанные для Свердловской области нормативные документы и программы образования в период детства, основного общего и среднего (полного) общего образования содержат тщательно прорабатываемый национально-региональный компонент. Однако для профессионального образования всех уровней подобный единый концептуальный подход отсутствует, что препятствует формированию целостного образовательного пространства с позиций достижения этно-толерантной образовательной среды.

Рассмотрим в качестве примера одну из принципиальных проблем, которую предстоит решить – это воспитание этнотолерантности. В международных актах ООН признано, что важнейшим условием социальной стабильности является принцип толерантности. Он возник как реакция на многообразие жизненных форм, которое потенциально конфликтно.

«Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, ... означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другим. Это означает признание того, что люди

по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» (9).

Этническая толерантность, как и всякая иная толерантность, не безусловна. Ее необходимо культивировать, специально воспитывать, формировать, причем с детства. Особого внимания требует молодежь, которая в силу возрастных особенностей в большей степени подвержена проявлениям экстремизма и агрессивности. Согласно социологическим данным по РФ молодежь демонстрирует сегодня в отличие от 1990-х годов более высокий уровень нетерпимости, чем пожилые люди.

Большая роль в формировании толерантности отводится образованию, в том числе профессиональному образованию всех уровней, как составной части государственной политики в области межкультурных взаимоотношений. Это означает – читаем в Декларации принципов толерантности – необходимость уделить особое внимание вопросам повышения уровня педагогической подготовки, учебных планов, содержания учебников и занятий, совершенствования других учебных материалов с целью воспитания чутких и ответственных граждан, открытых восприятию других культур, способных ценить свободу, уважать человеческое достоинство и индивидуальность, предупреждать конфликты или разрешать их ненасильственными средствами.

Свердловская область является территорией с развитой системой профессионального образования, включающей учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования (НПО, СПО, ВПО). На ее территории функционирует более 300 профессиональных образовательных учреждений, которые могут сыграть ведущую роль в гармонизации межэтнических отношений, повышении этнической толерантности учащейся молодежи, в том числе как одного из условий развития гражданского общества в России.

Результатом работы по реализации в Свердловской области Концепции государственной национальной политики - важнейшей составляющей политики современной России - является то, что область была и останется регионом со стабильной обстановкой в сфере этносоциальных отношений при условии дальнейшего неослабного внимания государственных структур и общественности к этой сфере.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Профессиональное образование как фактор гармонизации межэтнических отношений в Свердловской области», РГ-06-28, № 06-06-83602 а/У.

1. Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е-1930-е годы) // Отечественная история. 2006. №3. С.137.

2. Уральский коммунист. 1930. № 5-6. С.14-15; ГАНИОПДПО. Ф.200. Оп.1. Д.376. С.97.
3. Ибрагимов А., Садыков С. Успехи ленинской национальной политики на Урале. Свердловск, 1932. С.8.
4. ЦДНИЧО. Ф.288. Оп.1.Д.19.Л.10.
5. ЦДООСО. Ф.4.Оп.3.Д.18.Л.134; Оп.5.Д.462.Л.30; Оп.6.Д.465.Л.25-26.
6. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8.Д.25.Л.5
7. ГАРФ.Ф.296.Оп.1.Д.403.Л.30-31.
8. Этнический фактор в процессе социальных трансформаций: Материалы международной науч.-практической конференции. Екатеринбург, 2004. С.51-56; Государственная национальная политика: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2005.
9. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.

Мошкин В.В.
(Нижевартговск)

Становление подсобных хозяйств спецпереселенцев на Обь – Иртышском Севере в начале 1930 – х годов

Целью советского руководства, проводившего политику раскулачивания и принудительного переселения крестьян в начале 1930 –х годов, было не только использование рабочей силы спецпереселенцев и членов их семей, но и закрепление их на местах поселений, а особенно для создания постоянных рабочих кадров в производственной сфере Сибири, Урала, Северного края и других районов. С этой целью уже в 1931 г. СНК СССР постановил выделить спецпереселенцам в соответствующих районах для огородов и посевов участки. Весной 1932 г. выделили 240 тыс. га, из них: под полевые (1).

Для выполнения этого плана НКЗему СССР вменялось в 2–х месячный срок завезти в места расселения спецпереселенцев лошадей 20 тыс. голов, коров – 33 тыс. голов, свиней - 8,3 тыс. голов и птицу (2). Согласно постановлению СНК СССР от 16 июля 1931г. НКЗем СССР и ВСНХ обязаны были провести работы по улучшению земельных фондов на сумму 9499000 рублей, причем на создание подсобных хозяйств спецпереселенцев планировалось выделить 40 миллионов рублей (3).

Для развития личного подворья спецпереселенцам, объединенным в неуставные артели, органами Наркомзема планировалось выдавать ссуды “по согласованию с органами ОГПУ, которые оформлялись письменными обязательствами под круговую поруку и за подписями всех членов артелей, заверяемыми комендатурами спецпоселков”. Погашение ссуд ссыльными

предусматривалось в течение двух лет, начиная с конца 1932 г. Но в феврале 1934 г., учитывая крайне тяжелое положение спецпереселенцев в бывшей Уральской области и Западной и Восточной Сибири, СНК СССР продлил освобождение спецпереселенцев от налогов и сборов на 2 года, до 1 января 1936 г. (4).

Все спецпереселенцы, как правило, в течении двух лет должны были освобождаться от всех налогов и сборов и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Отменялись также решения местных органов? за-прещающих организацию огородных хозяйств спецпереселенцами, занятыми в промышленности.

Спецпереселенцам разрешалось приобретать за собственный счет или из специально отпущенных кредитов лошадь, корову, овец, свиней, коз, птицу, а если хозяйство велось на артельных началах то: "...весь прибывающий из районов выселения продуктивный и рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, а также скот и инвентарь, забрасываемый в порядке дополнительного снабжения спецпереселенцев, передается на договорных началах или в личное пользование спецпереселенцев" (5). Согласно постановлению СНК СССР НКСнабу было предложено уже к концу 1931 г. выделить 2500 тонн озимой семенной ржи для спецпереселенцев Западной Сибири: "...Отпуск произвести в 3-х дневный срок из имеющихся в наличии запасов на месте, либо путем отгрузки с Урала. Отгрузку с Урала производить маршрутами по указанию Управления Лагерями ОГПУ" (6).

Тяжелые экономические условия, в которых оказались ссыльные, заставили их уже в 1931 г. заняться огородничеством даже в самом северном - Ямало-Ненецком округе. В постановлении заседания секретариата Уральского обкома ВКП(б) от 23 марта 1932 г. «О развитии огородничества и животноводства в Северных национальных округах Уралобласти» подчеркивалось: "В целях удовлетворения потребности в овощах за счет выращивания их в Остяко-Вогульском и Ямальском округах и максимального развития животноводства в социалистическом секторе, Уралобком ВКП(б) постановляет: Установить размер посевных площадей на 1932 г. для Остяко-Вогульского округа – 4 460 гектар, против 1880 га в 1931 г. и для Ямальского округа 46 га против 172 га в 1931 г." (7).

Из данных о дислокации мест расселения и использования спецпереселенцев в Уральской области на 1931 г. следует, что наиболее благоприятным районом для развития огородничества, полеводства и животноводства в рассматриваемый период являлся Остяко-Вогульский округ: "Район огородного хозяйства очень большой - это весь Березовский Самаровский и Сургутский районы. Культивировать можно картофель, репу, морковь, кормовую свеклу, турнепс, огурцы. Опыты, сделанные спецпереселенцами очень удачны, а по спецпереселенцам мной поставлена задача перед трестом - заготов-

ка семян и снабжение ими спецпереселенцев. Скотоводство распространяется верст на 100 ниже Обдорска. Сеном можно обеспечить на месте какое угодно стадо. В данный момент трестом закуплено до 400 коров. Часть на них отправлена в Обдорск (40 штук), 160 в Сургутский район и 200 предназначены в Березовский, но в связи с поздним разрешением на закупку и отсутствие транспорта, до весны в Березовский район отправить скот не удастся” (8).

Размеры посевных площадей на 1932 г. для Остяко–Вогульского округа были даны с порайонной разбивкой по секторам, что можно увидеть в таблице.

Таблица

**Размеры посевных площадей
Остяко-Вогульского округа в 1932 г.**

Шурьш-карский	Березовский	Ларьякский	Сургутский	Самаровский	Кондинский	Название района	КОЛХОЗЫ				СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ				ЕДИНОЛИЧНИКИ				
							Всего	Зерновых	Овощей	Каргофель 4	1	2	3	4	1	2	3	4	
12	106,5	16	155	526	426														
8	44,5		32	230	157														
4	28		43	133	100														
4	34	10	80	160	165														
4	122		99	1185	632														
-	98		32	57	420														
4	24		43	200	69														
-	-		-	928	142														
10	90	14	161	417,5	478														
-	40	-	32	177,5	280														
7	30	4	49	92	95														
3	20	10	80	148	100														

Из сведений, приведенных в таблице следует, что наибольшее количество посевных площадей 2042 га было закреплено за спецпереселенцами. Колхозам отводилось 1313 га и единоличникам 1170 га.

В округе планировалось установить 2000 парников по районам: Самарово – 600; Сургут – 300; Конда – 500; Березово – 300; Шурышкары – 200; Ларьяк – 100 (9). Следует отметить, что в 1932 г. капитальные вложения в сельское хозяйство составили 150 тыс. руб., в 1933 г. - 1 млн. руб. Эти средства шли на приобретение скота, сельхозинвентаря, предоставление ссуд спецпереселенцам. Удельный вес спецпереселенцев в сельском хозяйстве Остяко-Вогульского округа составлял в 1932 г. - 55,5 проц. (10).

Партийными органами области и округа была поставлена задача - во второй пятилетке добиться того, чтобы Остяко-Вогульский округ сам себя обеспечивал картофелем и овощами. Показатель в округе остался тот же: в 1933 г. - 57,7 %, 1934 г. - 56,98 %, 1935 г. - 59,21 %, 1936 г. - 54,23 % (11), т.е. поставленная задача оказалась невыполнимой.

Политотделы, приступившие к работе в начале 1933 г., повсеместно столкнулись с серьезной недооценкой со стороны руководящих работников районов и колхозов личного подсобного хозяйства спецпереселенцев как в теории, так и на практике. В будущем развитию личного подсобного хозяйства спецпереселенцев уделялось более пристальное внимание, что сказалось на его развитии и обеспечении населения продуктами питания.

1. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.2. Л.26.

2. Там же.

3. Там же. Л.27.

4. ГАТО.Ф.1785.Оп.5. Д.58. Л. 45 - 46.

5. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.2. Л.27.

6. Там же.

7. ГАСО. Ф. Р – 88. Оп.21. Д.51.

8. ЦДООСО. Ф.4. Оп.9. Д.218. Л.266.

9. ГАСО. Ф. Р – 88. Оп.21. Д.51.

10. Кондрашова Л. Влияние ссыльных крестьян на хозяйственное развитие округа // Югра. 1994. № 5.

11. Югра. 1994. №5. С.36.

**Огоновская А.С.
(Нижний Тагил)**

Роль музейной педагогики в формировании исторического сознания и самоактуализации личности обучающихся

Музейная педагогика имеет огромный потенциал, реализация которого создает необходимые и достаточные условия для актуализации и самоактуализации личности обучающихся. «Человекообразующая» сила музея заключается в том, что ценностное музейное пространство культуры воздействует на личность целостно, системно. Вместе с тем возможна и попытка расчлнить эту целостность на различного рода составляющие в виде отдельных функций музея, взаимосвязанных и взаимообусловленных.

Гносеологическая функция музея заключается в том, что он бережно и заботливо хранит прошлое человечества, продолжает жить и воспроизводить себя в неизменной форме в настоящем и в будущем. Б.М. Бим-Бад отмечает, что в научном плане, с точки зрения научной абстракции, прошлое как бы застыло и благодаря этому оно является экспериментальным полем для исторического и культурного познания. Ничья воля, никакой новый поворот событий не изменяет результаты, причины, механизмы и ход законченного исторического процесса. Поэтому их можно познавать точнее и доказательнее, чем при изучении незавершенных. Понимание настоящего с помощью прошлого и прошлого с помощью настоящего, а затем – понимание будущего, его смысла и назначения важно для человечества в целом и для каждого отдельного человека (1), в том числе растущего, становящегося. Музей позволяет заново осмыслить волнующие проблемы человечества, своей страны, региона, связанные с вопросами толкования и исследования конкретных исторических событий, в том числе из истории воспитания и образования, из педагогической жизни и творчества известных российских писателей, ученых, педагогов. Музейная среда – это среда диалога культур, цивилизаций, между прошлым, настоящим и будущим.

Психотерапевтическая функция музея связана с тем, что он дает особый способ восприятия, он «воскрешает» предков через общее дело всех людей и отношения к прошлому. Так преодолевается смерть, забвение, история и культура связывают поколения, открывая прошлое через «воскрешение» в настоящем, которое позволяет конструировать будущее. Значит, речь идет об особенностях восприятия в процессе познания через развитие исторической памяти, формирование исторического сознания.

Образование в музее можно рассматривать в качестве арт – терапии. Музей обладает большими компенсаторными возможностями, поэтому в основу музейной педагогики должны быть положены идеи самостоятельного осмысления экспонатов истории, а с ним и мира, индивидуальной жизни

человека и целого народа, решения вопроса – каким был и какому быть человеку в современном мире.

Диалоговая (со-бытийная) функция музея связана с реализацией субъектности участников образовательного процесса. Субъектом культуры в музее становится тот, кто за предметами, «мертвыми вещами», «лавкой древности» учится видеть определенные связи и отношения человека и природы, культуры, этноса, семьи в историческом пространстве времени. Для этого надо научиться видению, развить способность смотреть на предметы в экспозиционных залах не только как на предметы прошлого, но как на символы культуры, душу народа, способные раскрыть его психологию в прошлом. Для этого надо научиться вступать с ними в диалог (полилог).

Согласно М.М. Бахтину, диалог в музее осуществляется с авторами текстов, документов, с историческими персоналиями, а также между участниками образовательного процесса. Познавательная ценность диалога состоит в том, что он позволяет создать свою ценностную систему, которая способна обогащать и обогащаться от ценностной системы другого. Этическая ценность в том, что диалог позволяет видеть себя со стороны в контексте с другими, что недоступно зрению из себя. Эстетическая ценность состоит в ситуации вживания, вчувствования в другого с последующим возвращением «в себя» (2).

Аксиологическая функция музея связан с тем, что музей как феномен культуры позволяет человеку всмотреться в самого себя, прожить историю (судьбу) «лицом к лицу», попытаться осознать себя, свою сущность, самоидентифицироваться, определить свое место и роль в мире. Понимание человеком себя, мира осуществляется посредством музейных предметов через погружение в историко-культурный контекст предмета, что и способствует переживанию. Интерпретируя музейные предметы (орудия труда, предметы быта, костюмы и т.д.), человек включается в систему ценностей общества, которые стимулируют жизненную активность и задают принципиально иной уровень жизненному пути, когда человек берет не только ответственность за свою судьбу, но и за судьбу всего общества.

Мировоззренческая функция музея связан с витагенным опытом, приобретая который, человек переживает и осознает факты, события гармоничного и дисгармоничного существования, взлетов и падений, побед и поражений прошлых поколений, «присваивает» себе этот опыт.

Так как человек выступает главным интерпретатором прошлого и происходящего, то интерпретация придает смысл всему в мире в целом и его составляющим. Через это придание смысла собственному существованию человек накапливает витагенный опыт. Согласно А.С. Белкину, жизненный опыт становится витагенным через различные способы переживания и проживания событий и поэтому своеобразно, неповторимо, индивидуально, персонифицировано влияет, в конечном счете, на судьбу человека. Являясь базой для переосмысления жизни, поиска и открытий новых сторон, вита-

генный опыт выступает фактором, порождающим новое социокультурное содержание. Результат переживания и проживания может и не иметь своей объективации в предметах или деятельности, он может быть выражен как установка, жизненная позиция или идея человека по отношению к чему-либо. Позиция, влияющая на его социальное действие или бездействие в дальнейшем (3).

Рефлексивная функция музея связан с таким показателем личностного развития, как рефлексия. В диалоге это легко диагностируемо: насколько растущий человек осознает себя, мыслит о себе, задает самому себе вопросы о себе (диалог самим с собой), как оценивает себя, каковы критерии оценивания. Развитая рефлексия является индикатором личностного развития. Она свидетельствует об уровне развитости тех или иных качеств человека. Так в процессе общения, освоения диалоговых форм обучения постепенно складывается образ себя, Я – концепция.

Антропологическая функция музея состоит в возможности ребенка идентифицировать себя в музейной среде с реальными или воображаемыми людьми, идеями, ситуациями и осуществить выбор в пользу созидания или разрушения.

Воспитательная функция музея реализуется через идею актуализации толерантных свойств личности, терпимости, прощения и понимания, что особенно важно для растущей личности в современных условиях. Согласно Н.Ф. Федорову, «музей – есть...храм поминовения, а не осуждения, в отличие от современной критики и журналистики, занятых несравненно более разрушением, нежели созиданием...Он летописец и историк, и, как таковой, он выше страстей и увлечений минуты; современной «злобе дня» он противопоставляет жалость и кротость истории, узаконивающей не рознь, а родственность, не вражду, а единение, даже провинившиеся не столько преступники, сколько несчастные, блудные сыны, которых надо не отталкивать, а спасать. Вот почему музей беспристрастный, но не бесстрастный, может принять участие в хвале, но к хуле он непричастен. Музей и возникает именно из противодействия духу обличения, безжалостной критике, суда и пессимизма, готовых облечь чуть ли не все прошлое на уничтожение, на нирвану, он рождается именно на защиту, на оборону веры, надежды и любви» (4).

Вчитываясь в слова Н.Ф. Федорова, мы отмечаем их созвучность идее гуманистической психологии К. Роджерса о безоценочном, позитивном принятии другого. Более того, в мыслях Федорова мы видим актуальную программу современного воспитания.

Образовательная функция музея заключается в возможности человека осуществлять взаимодействие в самых разнообразных проявлениях, постольку благодаря пространственным перемещениям, неповторимому музейному духу, этикету, его эстетике открывается посетителю возможность включения в ходе экскурсий в творческую деятельность. Через интерактив-

ные методы - пение, танец, рисование лепка, игровые методики, которые позволяют достигать эффект новизны, неожиданности, спонтанности не только собственного восприятия, но и поведения.

Герменевтическая функция музея открывает необозримую перспективу использования нетрадиционных методов. Работая с документальными источниками прошлого, студент осмысливает его, высказывает предположения, строит гипотезы относительно причин появления того или иного документа, он герменевт (герменевтика – от греч. «разъясняющий, истолковывающий»). Герменевтический метод обучения позволяет развивать у студентов герменевтическое сознание для достижения «чуда понимания» (Г. Гадамер). М.Н. Дудина называет следующие составляющие герменевтического метода: наличие *пред - понимания* как предпосылки суждения и осознания (*пред - рассудок* как интуитивное, неосознанное понимание; вопрошание, постановка вопроса (*пред - суждение* приобретает вопросную форму, вопросную структуру); истолкование (грамматическое, стилистическое, историческое, психологическое); герменевтический круг понимания: часть – целое. Движение по герменевтическому кругу путем «набрасывания смысла» (5).

Освоение герменевтического метода в музейной педагогике позволяет понимать культуру и ведет к накоплению герменевтического опыта. Его значимость состоит в приобретении творческих умений в работе с текстом.

Приведенные выше функции музея позволяют увидеть особенности музея как феномена культуры и образования, изначально диалогизирующего, требующего такой организации образовательной среды музея, которая позволяет поставить посетителей в условия развития самостоятельности и самоорганизации.

-
1. Бим-Бад Б.М. Педагогические течения в начале 20 века: Лекции по педагогической антропологии и философии образования. М., 1998. С. 7.
 2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 318.
 3. Белкин А.С. Ситуация успеха. Как ее создать: Книга для учителя. М., 1991. С. 96.
 4. Федоров Н.С. Сочинения. М., 1982. С. 512.
 5. Дудина М.Н. Зачем изучать историю? Или как я понимаю методику преподавания истории. Екатеринбург, 2002. С. 163.

**Пименов К.А.
(Екатеринбург)**

Труд заключенных в сфере реализации исправительной политики советского государства 1917 – начала 1930-х годов

Со времени установления советской власти пенитенциарная политика государства изменилась. Устанавливалось, что цель деятельности исправительных учреждений состоит не в каре преступного элемента, а в достижении исправления преступника, которое достигалось в первую очередь с помощью труда заключенных.

В частности, в Екатеринбургской губернии (наряду с общей реорганизацией исправительной системы) преимущественно развивались те исправительные рабочие дома, при которых была возможность развивать хоть какое-то производство. Все срочно заключенные из закрытых в губернии тюрем были переведены в г. Екатеринбург и на Нижне-Туринский завод (1).

Не соответствующие этим требованиям учреждения ликвидировались. К примеру, Красноуфимский и Шадринский Исправительные Дома были закрыты, соответственно 1 и 15 декабря 1918 года, «как дорого стоящие, помещения которых не приспособлены для мастерских, не имеющие для обработки земли» (2). Подобные Исправдома считались не пригодными с воспитательно-трудовой точки зрения, считались экономически невыгодными.

Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1 был организован в июле 1920 г., когда в губернии не было ни одного лагеря», и располагался он при кирпичном заводе близ станции Екатеринбург I. Изначально предполагалось использование труда заключенных, хотя условия содержания людей ужасали: помещения для проживания заключенных «были совершенно не оборудованы и состояли лишь из сараев, которые служили для просушки кирпича, и лишь к зиме было малость оборудовано одно помещение» (3). Позже в лагере (ставшем Исправительным рабочим домом) были образованы и производили работы следующие мастерские: 1) кузнечно-слесарная, осуществлявшая все работы по обслуживанию Исправдома, принимавшая военные и частные заказы (включая «прием в ковку лошадей»); 2) столярная, исполнявшая военные заказы для Уральской Красной Дивизии; 3) сапожная мастерская, производившая работы для частных лиц и выполнившая военный заказ на «поправку 1700 пар валенной обуви»; 4) портновская мастерская, осуществлявшая выполнение военного заказа на пошив шинелей; 5) переплетная мастерская, принимавшая мелкие заказы от советских учреждений на работы по переплету (4). Однако сразу после их создания основу их деятельности составляло удовлетворение нужд самого места заключения.

Следует отметить, что предполагалось не только использование рабочей силы заключенных, но и самообеспечение исправительных учреждений. Так, при Екатеринбургском Исправдоме № 1 был огород, где силами заключенных производилась посадка овощей, картофеля исключительно для продовольствия лишенных свободы (5).

В Нижне-Туринском Исправительном Рабочем Доме (бывшее Николаевское арестантское Отделение, расположенное в 3 верстах от станции Нижняя Тура), организованном в сентябре 1919 года, содержались «преимущественно долгосрочные» заключенные, порядка 300 человек. В 7 верстах от Исправдома имелось 45 десятин пахотной земли. Сразу с момента образования данного места заключения организовать сельскохозяйственные работы «за поздним временем на широких началах не удалось» (6), препятствием было также отсутствие инвентаря и общая разруха. Восстанавливать все приходилось снова. Выращивались картофель, капуста, горох, овес, рожь, лук, морковь и др. Смета расходов на посев, обсеменение и уборку представлялась на утверждение в сельскохозяйственный отдел Центрального Карательного отдела.

Обозначенная исправительная политика во многом определяла и изменение структуры пенитенциарной системы региона. Созданный в Екатеринбургской губернии Подотдел принудительных работ без содержания под стражей 22 сентября 1922 г. был ликвидирован (постановление Президиума Екатеринбургского Губисполкома (7) с передачей его в ведение Команданта концентрационного лагеря № 1. Объяснялась такая необходимость наличием в ведении Главного Управления принудительных работ в губернии только одного предприятия – кирпичного завода при Концлагере № 1 – и недостатка на нем рабочей силы.

Согласно Циркуляра ГУМЗ НКВД РСФСР от 20 ноября 1922 г. лагеря, «по своему устройству и состоянию помещений» не удовлетворявшие условиям, предъявляемым к местам заключения (прежде всего это наличие производства), подлежали закрытию с санкции ГУМЗ. Так, находившаяся в Ирбите бывшая тюрьма (арестный дом) не могла быть преобразована в исправительно-рабочий дом, так как при последнем было «необходимо существование мастерских», а у названной тюрьмы не было подходящих помещений. Вследствие этого и произошло ее преобразование в Ирбитский домзак № 4 (8).

Использование труда лиц, находящихся под стражей, предполагалось даже в отношении несовершеннолетних. 13 июля 1923 г. Екатеринбургским ГУМЗ было направлено отношение (9) всем начальникам исправдомов и домзаков с требованием срочно сообщить возможность организации в уездах Реформатории («дома для преступников несовершеннолетних»), предположительно на 700 мест, причем место для нее «должно удовлетворять всем потребностям, как то: возможность хлебопашества, садоводства, пче-

ловодства, огородничества, ремесленных мастерских и т.п.» на основе данных требований был создан Верхотурский реформаториум.

Производственный план деятельности Подотдела принудительных работ Отдела управления Екатеринбургской губернии разрабатывался с участием соответствующих специалистов и представителей ведомств: эксплуатация леса производилась по плану, разработанному лескомом, и по его заданиям; сельскохозяйственный план согласовывался с Земотделом; производственный – с соответствующим отделом Совнархоза (ими же утверждались производственные сметы) (10). План проводился через Губернское экономическое совещание, затем со сметами и пояснительными записками направлялся в Производственно-технический отдел Главного Управления принудработ, «дабы последний смог по одобрении оказать местам свое содействие в деле более рационального использования труда заключенных».

Ввиду снятия лагерей принудработ с государственного снабжения, во исполнение ст. 35 Постановления ВЦИК о «самоокупании» лагерей (11) и в соответствии с Наказом СНК об изменении курса экономической политики (12) при Главном Управлении Принудительных работ образовывалось Центральное Хозяйственное Управление «для эксплуатации и заведывания производственными предприятиями при лагерях» под названием «Объединенный Куст Предприятий Принудработ (Принкуст)» (13), устав которого утвердил замнаркомвнудел А. Белобородов 4 марта 1922 г. Цели деятельности Принкуста составляли объединение и руководство местными предприятиями при лагерях на всем пространстве Республики, рациональная постановка в них производства, целесообразное использование труда заключенных, наибольшее извлечение материальных выгод, обеспечивающее поступление средств на содержание лагерей и дальнейшее развитие производства.

В конце 1920-х годов значительное влияние на организацию и деятельность исправительных учреждений оказало постановление Правительства от 10 июля 1929 г. о выводе заключенных из городских мест заключения в колонии. В Уральской области во второй половине 1930 г. при исполнении постановления было открыто пять новых мест заключения: три исправительно-трудовых лесозаготовительных колонии (Чусовская, Алапаевская и Пашинская) и две сельскохозяйственных колонии (Курганская и Еманжельинская), реорганизованных из сельскохозяйственных отделений Курганского и Челябинского домов заключения (14). Всего по области на конец 1930 г. было пять исправительно-трудовых лесозаготовительных колоний, две исправительно-трудовых сельскохозяйственных колонии, одна фабрично-трудовая колония с лесозаготовительным отделением, один труддом для несовершеннолетних правонарушителей.

Таким образом, принятый советской властью новый курс пенитенциарной политики был повсеместно реализован на местах, труд заключенных лег в основу деятельности всех мест лишения свободы и развития промышлен-

185

ности Советского государства, а также стал основным средством исправления осужденных в 1917 – начале 1930 годов.

1. Государственный архив Свердловской Области (ГАСО). Ф. р-8. Оп. 1. Д. 10. Л. 41.
2. Там же.
3. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 11. Л. 149.
4. ГАСО. Ф. р-8. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.
5. Там же. Л. 43.
6. Там же.
7. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.
8. ГАСО. Ф. р-8. Оп. 1. Д. 1. Л. 101.
9. ГАСО. Ф. р-149. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.
10. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.
11. Собрание Узаконений Рабочего и Крестьянского Правительства (СУ). 1919 г. № 20. Ст. 235.
12. СУ. 1921 г. № 39. Ст. 403.
13. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.
14. ГАСО. Ф. р-258. Оп. 1. Д. 320. Л. 2.

**Побережников И.В.
(Екатеринбург)**

Пространственные аспекты российских модернизаций

Модернизационный подход применяется с целью объяснения российского исторического процесса. Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель» (1), модели «консервативной» (2), «рецидивирующей» (3) модернизации, «псевдомодернизации» (4), «контрмодернизации», «деархаизации» (5) и т.д.).

Широкое распространение получили оценки российской модернизации как не органичной, преследующей цель догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивирующей природой, прочной связью с традицией. Существенное внимание уделяется роли государства, которое обычно трактуется как инициатор, наиболее активная и сильная общественная структура (6). Получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздействия политики модернизации на отдельные периоды российской истории и т.д. (7).

Поскольку классический модернизационный анализ был сфокусирован на национально-страновой уровень, постольку именно страна выступала в качестве основной аналитической единицы в большинстве модернизацион-

ных исследований, в частности, в работах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Гораздо меньшее внимание уделялось суб-страновым аспектам модернизации, недостаточно исследованными оставались пространственно-региональные аспекты модернизации.

В определенной степени данная оценка может быть отнесена и к современным отечественным исследованиям российских модернизаций. Немногочисленные, зачастую постановочные, работы по данной проблематике лишь подтверждают указанный историографический (8).

Между тем, применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Как подчеркивает историк В.Э. Лебедев, положение России между Европой и Азией превращало страну в цивилизационный «котел», переваривавший в различной мере и формах многообразное, противоречивое воздействие Запада и Востока (9).

Еще одно важное измерение месторасположения страны – соседство, пограничность Леса и Степи. Со времен раннего средневековья больших усилий от страны требовало противостояние «степной» угрозе. По мере расширения территории страны возрастала потребность в обороне преимущественно открытых границ, в организации контроля над обширными пространствами. Находясь во враждебном окружении, страна постоянно вынуждена была доказывать свое право на существование, на суверенитет. В связи с этим политические процессы обгоняли экономические – достаточно сильное централизованное государство, необходимое в условиях низкой плотности населения, особенно на окраинах, и небольшого по объему прибавочного продукта для обеспечения обороны от внешней агрессии, независимости, сложилось относительно рано, не имея адекватной экономической основы. Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного бюрократического управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений.

Раннее складывание сильного государства обусловило высокую степень централизации государственной администрации, в том числе институтов, отвечавших за разработку и проведение хозяйственной политики. Догоняющая природа российской модернизации, ее мобилизационный характер лишь усиливали роль централизованного государственного аппарата, осуществ-

лявшего контроль за трудовыми отношениями, проведение политики таможенного протекционизма, занимавшегося созданием корпораций и ряда монополий (10).

Неизменное доминирование политических целей над хозяйственно-экономическими как следствие специфического пути развития, обусловленного в конечном счете географическими факторами, сохраняло силу и в контексте российских модернизаций. Показательно, что в ежегодном всеподданнейшем докладе министра финансов в 1903 г. С.Ю. Витте, касаясь распределения ограниченных бюджетных средств, ставил вопрос о том, какая же потребность всего настоятельнее для государства: «Очевидно та, удовлетворение которой обеспечивает самое существование государства, его внешнюю неприкосновенность. Для этой цели население несет личную повинность и уплачивает большую часть налогов, получая взамен неоценимое и несоизмеримое ни с какими материальными благами сознание того, что под державным руководством своего Верховного Вождя каждый из верноподданных Вашего Величества, его семья, имущество и вся родная земля находятся в безопасности от внешнего врага... Мы состоим под действием железного закона — обращать на удовлетворение культурных потребностей лишь то, что остается после покрытия расходов на оборону страны» (11).

Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее секторов.

Указанные обстоятельства, способствовавшие складыванию обширного внутреннего рынка, объективно создавали предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. Россия по существу представляла собой, по терминологии Ф. Броделя, мир-экономику, т.е. самодовлеющую структуру, которая «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» (12). Вследствие того, что Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреватые для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, поскольку транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение про-

странства, постольку для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен.

Низкая плотность населения и наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавали предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах (13). Еще В.О. Ключевский заметил: «История России есть история страны, которая колонизируется. ... Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты» (14).

Освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сблизило Россию с переселенческими странами, расширяло поле регионализма за счет разнообразия территорий и взаимодействий и, в то же время, замедляло рост регионализма в силу своей незавершенности и подвижности (15). Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д.

Необходимо также учитывать то, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда (16).

Определенное воздействие на экономику и динамику социальных отношений оказывали суровые природно-климатические условия страны (холодный, засушливый континентальный климат), мало благоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний. Так, по мнению Л.В. Милова, следствием низкого естественного плодородия почвы и недостатка в силу климатических условий рабочего времени являлись невысокий уровень производительности труда и агротехнической культуры, что повлекло учреждение крепостнического режима как механизма распределения и перераспределения небольшого по объему прибавочного продукта, укрепление государства – гаранта крепостнической системы, а также длительное сохранение общинных форм жизнедеятельности среди крестьян, обеспечивавших солидарное поведение последних в хозяйственной, социокультурной и прочих сферах (17).

Впрочем, недостаточно благоприятные природно-климатические условия могут стимулировать и интенсификацию труда, создавая, таким образом, предпосылки для социального и экономического прогресса. В литературе уже обращалось внимание на отсутствие жесткой зависимости между природно-климатическими условиями и уровнем социально-экономического

развития, что ярко иллюстрируется хозяйственным и социальным прогрессом, достигаемым в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнацией или регрессом в экологических нишах, вроде бы запрограммированных на противоположный результат (18).

В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. С одной стороны, Россия характеризовалась меньшим разнообразием природно-климатических условий по сравнению с Западной Европой (мозаично-дробная структура которой создавала материальные предпосылки для существования относительно небольших государств, обладающих большой хозяйственной вариативностью на малых площадях), четкой, широко скроенной сферой «флагообразного» расположения географических зон, «континентальностью», т.е. целостностью и неразбросанностью приобретенной территории. С другой же стороны, колоссальная территория России, ее природная вариативность, сложный исторический характер формирования странового пространства, существенная роль миграций, колонизации, смещения и чересполосного расселения народов в складывании этносоциальной структуры предопределили становление достаточно сложного территориального каркаса (19). Исторически складывавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения, наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный, регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Это означает, что процессы модернизации нельзя исследовать абстрагируясь от пространственных характеристик, исходя из гипотетического представления о гомогенности пространства. Напротив, следует учитывать территориальную неравномерность распространения волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных subprocessов, таких как индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация, складывание своеобразной региональной структуры модернизации, включающей пространственные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакциями периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы.

Процессы модернизации имели не только временное, но и пространственное измерение. Они приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста, специфики национального менталитета и т.д.

Уделив существенное внимание пространственному измерению исторического процесса, мы не склонны при этом абсолютизировать влияния природно-географических условий на человека и общество, трактовать в духе географического детерминизма акты человеческого поведения как элементарные реакции на раздражители, источником которых выступали климат, почвы, рельеф, растительность и тому подобное и стремиться к выведению глубинных корней любого компонента человеческой деятельности по цепочке причинно-следственных связей из условий природного окружения.

Мы рассматриваем человека в качестве активного элемента исторического процесса, а окружающую среду — в качестве арены, предоставляющей различные варианты для его деятельности. Данную мысль, обоснованную сторонниками географического posibilизма, можно подкрепить ссылкой на мнение историка А.К. Соколова по поводу исторического характера сложившихся в стране к началу XX в. экономических районов: «каждый экономический район одновременно был понятием историческим, уходящим в глубину веков и вбирающим в себя опыт предшествующих поколений, связанный со способами расселения людей, природопользованием, организацией хозяйства, разделением труда, социальными отношениями, формами административного устройства, самоуправления жителей и т.д. Существует историческая преемственность и взаимосвязь между районами, которая позволяет рассматривать историко-географический процесс в единстве и целостности составляющих его частей» (20).

1. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 36—40; Он же. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С.Ахизера) // Вопросы философии. 1993. № 5; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 68; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 47.
2. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
3. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.
4. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997. P. 12—13.
5. Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3; Он же. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998.
6. См.: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М.: Наука, 2000; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1—2; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модерни-

- зация. М., 1999; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153—165; Она же. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. М., 2005. С. 151—158; Она же. Экономическая модернизация России XIX – начала XX в. (теоретико-методологический аспект) // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции, г. Гусь-Хрустальный, 26—27 июня 2006 г. Саранск, 2006. С. 4—8.
7. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; Алексеев В.В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 27—33; Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.
8. Опыт российских модернизаций XVIII—XX века; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург—Лувен, 1997; Соколов А.К. Природно-демографические факторы в российской истории и вызовы современности // Этот противоречивый век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М., 2001. С. 31—53; Наумова Г.Р. Вся Россия (региональный подход к истории народного хозяйства) // Россия на рубеже XIX—XX веков. Материалы научных чтений памяти проф. В.И. Бовыкина. М., 1999. С. 186—197; Власов А.В. Проблема индустриального развития регионов и роль государства в этом процессе (на примере русского севера) // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». № 2. М., 1997; Керов В.В. Региональный аспект в изучении истории российской промышленности // Там же; Наумова Г.Р., Никонов А.В. Национальный фактор в индустриализации регионов // Там же.
9. См.: Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005. С. 442; Также см.: Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003; Мир России – Евразия: Антология. М., 1995; Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. М., 1993; История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. СПб., 2002.
10. См.: Алексеев В.В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII—XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 6—14.
11. Цит. по: Дроздова Н.П. Неинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI века – 2. М., 1998. С. 694.
12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1922. Т. 3: Время мира. С. 14.
13. Впрочем, в современной литературе предложен и другой подход, согласно которому ход российской истории подчинялся циклическому механизму нарастания демографического давления, неоднократно прерывавшегося экосоциальными катастрофа-

- ми. См.: Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.
14. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. М., 1987. Т. I: Курс русской истории. Ч. 1. С. 50—51.
15. См.: Трейвиш А.И. Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 40.
16. См.: Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 593.
17. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 39—41.
18. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. С. 53—65; Также см.: Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Российская история... С. 555—571.
19. См.: Соколов А.К. Природно-демографические факторы в российской истории... С. 37; Горичева Л.Г. К вопросу о целостности и типе национального хозяйства России и Запада // Экономическая теория на пороге XXI века – 2. М., 1998. С. 643; Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России. С. 10—38; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века. М.: Наука, 2004; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997; Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 163—194; Sumner В.Н. Survey of Russian History. L., 1966. P. 1—46; Роуни Д. Региональные различия эпохи индустриализации в России // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 125—144.
20. См.: Соколов А.К. Природно-демографические факторы в российской истории... С. 36—37.

Попп И.А.
(Екатеринбург)

Становление мировой юстиции в Пермской губернии (1873–1893 гг.): организационный аспект

В конце 1872 г. Государственный совет утвердил положения о введении мировой юстиции в Пермской губернии (1). При этом Министерство юстиции пришло к заключению о необходимости предварительного введения одних лишь мировых судебных установлений (2). К их введению в Пермской губернии приступили уже в течение первой половины 1873 г. (3). При этом прежние уездные суды упразднились в короткий срок.

Каждый уезд представлял собой судебную мировую округ, который делился на мировые участки. Их число определялось особым расписанием (4).

В 1873 г. Сенат, по представлению Пермского губернского земского собрания, разрешил разделить все уезды губернии на определенное число мировых участков: Екатеринбургский на 9, Пермский и Верхотурский – 7, Шадринский, Осинский, Красноуфимский и Соликамский – 6, Оханский – 5, Чердынский, Камышловский и Кунгурский – 4, Ирбитский – 3 (5).

В Пермской губернии на первое трехлетие (1873–1876) мировых судей утвердило Пермское губернское земское собрание. После этого по закону выборы мировых судей проходили на очередных сессиях уездных земских собраниях. При недостаточном числе гласных (менее 12 человек) их избрание передавалось в губернское земское собрание (6).

В 1873 г. в Пермской губернии было избрано 65 участковых и 34 почетных мировых судей. Причем в некоторых уездах (Шадринский, Камышловский, Ирбитский, Верхотурский, Красноуфимский и Чердынский) почетных мировых либо не выбрали совсем, либо всего по 1–2 человека (7). Это, безусловно, отражалось на съезде мировых судей, чья работа зависела от кворума.

В Пермской губернии сразу возникли острые проблемы, тормозившие мировое судопроизводство, которое, по словам министра юстиции Д.И. Замятина, должно было стать «краеугольным камнем гласного, скорого, правого и милостивого суда» (8). Так, не был четко решен вопрос о размерах судебно-мировых участков.

Например, площадь 2 участка Верхотурского уезда, в котором работал всего один участковый мировой судья, была около 30000 квадратных верст с населением 17543 человека (9). Возникает закономерный вопрос: как при неразвитой системе транспортных средств он мог эффективно вершить правосудие? Уже современники понимали, что 100–200 км являются непреодолимым расстоянием для бедных людей (10), поэтому для отдаленных деревень мировой суд практически не существовал. Представители общественности постоянно требовали увеличение числа мировых судей и судебно-мировых участков (11).

Уездные земские собрания, по согласованию с министром юстиции, делили территорию уездов на судебно-мировые участки весьма странным образом. В некоторых участках количество дел постоянно было намного больше, чем в других. Так, в Ирбитском уезде в 1889 г. у судьи 3 участка было заведено 759 дел, 2 участка – 1396 дел, 1 участка – 1285 дел. Причем каждый из них в отчете за год написал: «видно, что количество обвиняемых по всем родам преступлений в отчетном 1889 г. не представляет особенной разницы с предшествующим 1888 г., то в виду этого нельзя сделать вывода, как об упадке, так и о возвышении нравственности» (12).

По Красноуфимскому уезду за 1886–1888 гг. мировые судьи решили следующее количество дел: судья 1 участка – 3070 дел, 2 участка – 4075 дел, 3 участка – 3195 дел, 4 участка – 6225 дел, 5 участка – 4204 дел (13). Еще

более интересную картину показывает отчет, составленный мировыми судьями Екатеринбургского мирового округа: в 1883 г. у судьи 1 участка «возникло» 1297 дел, 2 участка – 1334 дела, 3 участка – 745 дел, 4 участка – 431 дело, 5 участка – 5275 дел (!), 6 участка – 1838 дел, 7 участка – 971 дело, 8 участка – 803 дела, 9 участка – 1207 дел. Больше всех дел решил судья 5 участка – 4196, но у него же больше других осталось и нерешенных дел – 1295.

В то же время некоторые судьи не перетружались на своей работе. Например, у мирового 4 участка с 1882 г. оставалось нерешенным 171 дело, в 1883 г. «возникло» 431 дело, а к 1884 г. осталось 309 дел (14). То есть он решил за год всего 293 уголовных и гражданских дел, т.е. менее 1 дела в день! При этом все мировые судьи уезда получали одинаковую зарплату.

На этапе становления мировой юстиции в Пермской губернии не была отработана система замещения мировых судей, которые временно не могли исполнять свои прямые обязанности. Даже когда дела в участке запускались по уважительной причине, ни съезд мировых судей, ни уездное земское собрание не могли предпринять серьезных шагов. Так, в 1878 г. судья 8 участка Екатеринбургского судебного-мирового округа в течение года не мог выйти на работу по болезни. Судья 9 участка, замещавший больного, запустил судебные дела в обоих участках. Съезд мировых судей не смог обязать почетных мировых судей временно исполнять обязанности заболевшего, как того требовал закон (15), а уездное земское собрание забаллотировало подходящего кандидата в добавочные мировые судьи (16).

Существовали проблемы и с почетными мировыми судьями. Они должны были вместе с участковыми присутствовать на собраниях съезда мировых судей, выполнять обязанности участковых мировых судей в случае их устранения, отсутствия, болезни или смерти, заниматься судебным разбирательством в тех случаях, когда обе стороны обратятся к их посредничеству. То есть, спектр деятельности почетных судей был широк и четко не определен. Зачастую они старались избегать исполнения должностных обязательств, которые не оплачивались. В итоге современники замечали, что «в участковые судьи много желающих, в почетные же весьма немногих» (17).

Некоторые просто отказывались от этой «почетной» должности. В частности, из 25 почетных мировых судей, выбранных Пермским уездным собранием на третье трехлетие, семеро «отказались от принятия оной... вследствие чего в представленный список внесены только 18 лиц, изъявивших желание на принятие должности почетного мирового судьи» (18).

Поэтому кандидатов в почетные судьи приходилось «усиленно» просить (19), но и те, кто соглашался быть выбранным, впоследствии, занимая различные общественные должности, постепенно уклонялись от исполнения своих обязанностей и редко посещали заседания съезда (20). Даже в безвы-

ходной ситуации они нередко отказывались от замещения участкового судьи, поэтому население так и оставалась «без судьи» (21).

Так как от почетных судей добиться какой-либо помощи было невозможно, то возникала насущная необходимость в добавочных мировых судьях, чья компетенция не была четко определена. Формально их выбирали для «исполнения обязанностей участковых мировых судей... для облегчения тех, которые чрезмерно обременены участковыми делами» (22). Но тогда зачем почетные мировые судьи?

Многие участковые мировые не справлялись со своими обязанностями, а почетные не хотели или не могли им помочь. Например, Ирбитскому уездному земскому собранию приходилось ходатайствовать о должности добавочного мирового судьи, так как «одному судье (участковому) приходится заведовать двумя участками», а «из почетных судей наиболее деятельным является только один врач А.М. Зенков, исполняющий обязанности и председателя съезда мировых судей» (23). Поэтому помощи, кроме как от нового добавочного судьи, ждать было неоткуда. Такое было и в других мировых округах. В Екатеринбургском уезде в 1886 г. ввели две должности добавочных мировых судей (24).

Негативную реакцию у населения вызывали т.н. «арестные дома», в которые помещали заключенных по приговорам мировых судей на небольшой срок (до 1 года). Эти помещения, обзываемые «клоповники», не отвечали санитарным нормам и были «чрезвычайно тесны, сыры, холодны и грязны; не имели даже отделений для мужчин и женщин...» (25). Иногда земские собрания посылали специальные комиссии осматривать данные «объекты». Однако на членов комиссий эти помещения производили неприятное впечатление. Они приходили к выводу: «окошки первого этажа, выходящие на улицу, очень низки, отхожих мест нет, и вообще все помещение не приспособлено для предназначенной цели» (26).

Апелляционный орган – съезд мировых судей, в котором должны были ежемесячно собираться участковые и почетные мировые, иногда просто бездействовал. Происходило это по вине мировых судей. Они могли не посетить заседание съезда – найти более срочные дела. Однако истцы, ответчики и свидетели приезжали в ранее назначенное время. Они хотели быстрее решить дело, поданное на апелляцию. Не трудно представить какие возгласы негодования сыпались в адрес всей судебной системы, если приезжим издалека говорили, что съезд из-за недостатка мировых судей не может быть собран. Поэтому Сенат решил контролировать съезды мировых судей (27).

Двадцатилетний период деятельности мировых судов в Пермской губернии (1873–1893 гг.) стал временем их становления. Он показал много острых организационных проблем в их деятельности. В результате в 1889 г. последовала существенная корректировка в судебной сфере.

Новую судебную-административную реформу в Пермской губернии начали проводить с 1 августа 1893 г. Мировых судей сменили земские начальники. При этом число участковых земских начальников было существенно больше, чем участковых мировых судей: в Пермской губернии 106 против 65 (28).

Современный исследователь О.Н. Богатырева призывает пересмотреть традиционно негативную оценку деятельности земских начальников в отечественной историографии (29). Автор в целом согласен с подобной оценкой по судебной сфере.

Так, отчеты земских начальников по Ирбитскому уезду за 1902 г. показывают их ответственное отношение к судебной деятельности. Причем количество судебных дел у 5 земских начальников уезда было несколько раз меньше, чем у их предшественников – трех мировых судей этого уезда. В среднем за 1902 г. земские начальники разобрали по 50–60 уголовных и гражданских дел и по 200–300 административных (30).

Таким образом, двадцатилетний период деятельности мировых судов в Пермской губернии (1873–1893 гг.) показал много острых организационных проблем. Так, раздел мировых округов на судебно-мировые участки по численности населения привел к крайне неравномерному распределению судей по территории губернии. В ряде слабонаселенных уездов они должны были осуществлять свою деятельность на непомерно большой территории.

Кроме того, совершенно не учитывалась различная криминагенность территорий. При одинаковой зарплате существенно различалось количество дел, рассматривавшихся мировыми судьями.

Не существовало четкой технологии, по которой быстро бы замещались должности мировых судей, по различным причинам не выполнявшим свои обязанности. Отсутствовал достаточный контроль со стороны центральной власти за мировыми судьями и их съездами.

Причины многих нерешенных проблем лежали в отсутствии необходимой материально-технической базы, предварительной подготовки достойного кадрового состава и опыта введения основ западной судебной системы в российской провинции. Поэтому простые обыватели нередко негативно смотрели на всю мировую юстицию, переставали доверять мировым судьям.

Этим воспользовалось самодержавие, которое не устраивали многие демократические основы в юридической сфере. Правительство заменило институт выборных участковых мировых судей назначаемыми земскими начальниками.

1. Полянский Н. Мировой суд // Судебная реформа. М., 1915. С. 194.

2. Министерство юстиции за сто лет 1802–1902. Исторический очерк. М. 2001. С. 142.

3. Высочайшее повеление о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. в губернии Пермской и Вологодской // Сборник Пермского земства. Пермь. 1873. январь–февраль. С. 3.
4. Общее учреждение судебных установлений // Судебные уставы императора Александра II, изданные по повелению императора Александра Александровича. СПб., 1883. С. 3.
5. Об утверждении мировых судей, избранных Пермским IV чрезвычайным губернским земским собранием, по уездам: Пермскому, Оханскому, Осинскому, Кунгурскому, Екатеринбургскому, Ирбитскому, Шадринскому, Верхотурскому, Соликамскому и Чердынскому; Об утверждении мировых судей, избранных IV чрезвычайным Губернским земским собранием по Камышловскому уезду // Сборник Пермского земства. Пермь. 1874. январь – апрель. С. 68, 72.
6. Общее учреждение судебных установлений... С. 6.
7. Список почетных и участковых мировых судей Пермской губернии // Сборник Пермского земства. Пермь. 1873. ноябрь – декабрь. С. 1054 – 1057.
8. Джаншиев Гр. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. Гл. XII. С. 459.
9. Кронеберг А. Доклад о результатах деятельности мировых судей и съезда верхотурского округа за 1874 и 1875 гг. Пермь. 1877. С. 2.
10. Екатеринбургская неделя. 1881. № 35. С. 476.
11. Екатеринбургская неделя. 1881. № 12. С. 172, 173.
12. ГАСО. Оп. 633. Д. 435. Л. 28 об., 29 об., 30 об., 33, 34.
13. Екатеринбургская неделя. 1888. № 41. С. 871.
14. Ведомость о движении дел в судебно-мировых участках Екатеринбургского уезда за 1882/1883 год // Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XIV очередной сессии (1883 года) и приложения к ним. Екатеринбург. 1884. С. 208.
15. Общее учреждение судебных установлений... С. 12.
16. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии (1878 г.) и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1879. С. 141–142.
17. Екатеринбургская неделя. 1880. № 5. С. 76.
18. О выборах мировых судей по Пермскому уезду на 3-е трехлетие // Сборник Пермского земства. 1881. Т. II. С. 9.
19. Екатеринбургская неделя. 1886. № 45. С. 739.
20. Екатеринбургская неделя. 1880. № 29. С. 467.
21. Екатеринбургская неделя. 1882. № 13. С. 200.
22. Указ Его Императорского Величества, самодержца всероссийского, из правительствующего сената, пермскому губернатору. О предоставлении уездным земским собраниям избирать добавочных мировых судей // Сборник Пермского земства. 1886. № 14 – 16. С. 345 – 346.
23. Ирбитское уездное земское собрание XVIII очередной сессии // Сборник Пермского земства. 1888. № 4. С. 141.
24. Пермские губернские ведомости. Часть официальная. 1886. № 99.
25. Екатеринбургская неделя. 1881. № 12. С. 173.
26. Доклад ревизионной комиссии об осмотре Каслинского помещения для арестуемых // Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XVII очередной сессии (1886 года). Екатеринбург. 1887. С. 406.
27. Пермские губернские ведомости. Официальная часть. 1886. 1 октября. № 79. С. 329–330.

**Прохорова Г.А.
(Курган)**

Роль историографического знания в формировании исторического сознания старшекласников

Обращение к теме вызвано тем, что историческое сознание людей в современной России претерпевает серьезные изменения, складывается с большими внутренними противоречиями, наблюдается очередной всплеск его напряжения.

Возникает непростой вопрос: «Как преподавание истории в школе может помочь в формировании исторического сознания молодых людей, способных жить и трудиться в сложном современном мире?»

В своей статье автор исходит из того, что историческое сознание – это система отношений человека к прошлому, настоящему и будущему, это совокупность мировоззренческих идей, установок, ценностей, духовных идеалов, накопленных предшествующими поколениями, помогающих личности сориентироваться в современном мире, самоопределиваться в обществе без ущерба для него. Историческое сознание есть «часть фиксированного исторического опыта, без которой непосредственного практического опыта быть не может» (1). Учащийся должен быть приобщен к этому опыту.

Большое значение в процессе формирования исторического сознания имеет ознакомление школьников с размышлениями отечественных (и иногда зарубежных) историков об исторических путях и судьбах России, о трудовых, культурных, национальных, религиозных, духовных традициях людей, социальных установках, менталитете. Ученый - профессионал выступает при этом в роли компетентного интерпретатора исторических событий между их участниками и учеником, помогая ему постигнуть смысл событий, приблизиться к истине.

При определении задач школьного исторического образования государственные стандарты среднего (полного) общего образования по истории ориентируют учителя на формирование у учащихся «мировоззренческих убеждений, расширение социального опыта при анализе и обсуждении форм человеческого взаимодействия в истории», способности «сопоставлять различные версии и оценки исторических событий и личностей, определять их собственное отношение к дискуссионным проблемам прошлого и современности» (2).

Еще более серьезные задачи поставлены на профильном уровне изучения истории. Учащиеся не только должны «освоить систематизированные знания по истории человечества», но и «элементы философско-исторических и методологических знаний об историческом процессе» (3). Школьники должны быть ознакомлены с дискуссиями историков о прародине славян, об

уровне социально – экономического развития Руси, о характере опричнины, о причинах смуты, о характере социальных движений в России во второй половине XVII века, о новом периоде русской истории и предпосылках преобразования общественного строя, о месте и роли петровских реформ в истории России, об оценке движения декабристов в российской исторической науке, о роли и месте России в мировой экономике начала XX века, о причинах, характере и хронологических рамках гражданской войны. В стандарте обозначены также такие темы, как: «Новая экономическая политика в оценках историков и современников», «Холодная война, споры о ее причинах и характере», «Политика Н.С. Хрущева в оценках современников и историков» (4).

В этом длинном и думается, слишком «загруженном» списке дискуссий нет тем, связанных с Октябрем 1917 года, с Великой Отечественной войной, тем, которые в формировании исторического сознания школьников имеют большое значение.

В интересах справедливости следует сказать, что все историографические сюжеты обозначены в стандарте курсивом, т.е. этот материал подлежит изучению, но не включается в «Требования к уровню подготовки выпускников». Вопрос о целесообразности изучения в школе всего объема этих сюжетов нуждается в серьезном обсуждении и, безусловно, в экспериментальной проверке. Сама идея изучения историографических сюжетов «из темы в тему» учителями истории воспринимается неоднозначно, если не сказать, отрицательно.

Смысл использования историографических знаний мы видим в том, чтобы учащиеся старших классов поняли роль истории в системе гуманитарных наук; соприкоснулись с «ремеслом» историка «изнутри»; приблизились к пониманию исторической обусловленности разных версий и оценок исторических событий; осознали, что постижение истины при изучении истории процесс сложный и противоречивый, что на выявление смысла истории влияют многие факторы, в том числе позиция историка – интерпретатора.

В контексте темы особое внимание обращалось на выбор историографических сюжетов, наиболее значимых для формирования исторического сознания учащихся, его ценностно-смыслового компонента: проблема насилия в истории, понимание государственных интересов России, любовь к отечеству, стремление к независимости, нетерпимость к деспотии, к различным формам авторитарных режимов, отрицание национализма, религиозной нетерпимости, социального неравенства, понимание долга, чести и т.д., то есть тех составляющих, которые могут быть заимствованы молодыми людьми из предшествующего исторического опыта. В практике нашей работы со студентами в курганских школах использовались прежде всего такие историографические сюжеты, как «дискуссия о характере опричнины, о роли и месте

петровских реформ, о значении Октября 1917, о гражданской войне, НЭПе, Великой Отечественной войне, «перестройке».

В работе использовались различные методические приемы, направленные на выявление разных оценок исторических событий у историков – профессионалов, на анализ системы аргументов, предлагаемых авторами в подтверждение своих версий, на формирование личных оценочных суждений у учащихся, построение их собственных версий исторических событий прошлого. Это творческая работа, связанная с выполнением познавательных заданий, с организацией групповой работы школьников с фрагментами работ историков, а также документами, статистическими данными, фотодокументами и другими источниками знаний.

Большие возможности для формирования исторического сознания школьников имеют моделирующие, имитационные игры («научный диспут», «круглый стол» и др.). На этих занятиях учащиеся «примеряют» на себя роли «ученых - историков», «экспертов», «аналитиков», «работников архивов» и др. Необходимость «вживаться» в роль ставит перед учащимися проблему более глубокого проникновения в эпоху, обогащает исторический опыт школьника.

Заметим, что в работах исследователей, как и в источниках вообще, всегда есть скрытые смыслы. В своих инструкциях, «памятках», заданиях учитель должен помочь учащимся выявить эти мысли, дать им возможность двигаться «в потоке сознания» автора, «рядом с историками», удержать школьников в диалоге с ними, услышать мнение «другого» более компетентного человека.

Приведем примеры.

При изучении темы «Октябрь 1917 года в России» возник вопрос о том, как оценивалось это событие его современниками, как оно оценивается сейчас, как помочь учащимся в становлении у них объективного видения этого события, какое место оно займет в исторической памяти молодого поколения современной России.

Учащимся были предложены фрагменты из разных источников (В.И. Ленин «О нашей революции, А.Ф. Керенский «О значении Октябрьского переворота», А.И. Деникин «Очерки русской смуты», Л.Д. Троцкий «История русской революции». Д. Рид «10 дней, которые потрясли мир»), а также современные школьные учебники по отечественной истории XX века (В.П. Островский и А.И. Уткин; А.А. Левандовский и Ю.А. Щетинов; В.А. Шестаков; М.М. Горинов, Е.Е. Вяземский).

Для анализа источников учащимся были даны следующие задания:

1. Обратите внимание на название статей (работ) разных авторов. Можно ли по их тональности судить об оценке событий Октября 1917 года, об отношении автора к этому событию?

2. Познакомьтесь с фрагментами текстов этих авторов. Как они оценивают события Октября 1917 года? Чем, вы думаете, объясняется такой «разброс» в отношении к Октябрю 1917? Убедительны ли аргументы, приводимые авторами? Какая оценка этого события вам ближе? Почему? Свой ответ аргументируйте, опираясь на материалы, имеющиеся в школьных учебниках.

3. Обратите внимание на название параграфов, подзаголовков учебников, рассказывающих о первых шагах советской власти:

- «Первые итоги правления большевиков»; «Большевики «подбирают» власть»; «Переход к однопартийному государству»;

- «Становление советской власти» (общее название параграфа и название подзаголовков: «II съезд Советов. Первые декреты». «Судьба Учредительного собрания». «Формирование советской государственности». «Экономическая политика советской власти»).

Какие заголовки дают возможность судить о более взвешенном освещении первых шагов советской власти, первых ее декретов, экономической политики и т.д.? К какому учебнику вы бы обратились в первую очередь?

4. Можно ли сказать, что осмысление событий Октября 1917 года в истории закончено? Каким Октябрь 1917 года, по вашему мнению, сохранится в исторической памяти людей? Событие мирового масштаба? Октябрьский переворот? «10 дней, которые потрясли мир»?

Перед проведением урока учащимся может быть предложено задание: побеседовать с людьми старшего поколения. Каково их отношение Октябрьским событиям 1917 года?

Приведем еще один пример.

На повторительно – обобщающем уроке, «Споры вокруг Петра» десятиклассникам были предложены фрагменты из сочинений Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Павленко (5). В инструктивных материалах содержались краткие сведения об историках, об их общественно – политических взглядах, вопросы и задания, над которыми школьники должны работать. Работая в гетерогенных группах, они сопоставляли позиции историков, оценивали их аргументацию, «выстраивали» свою точку зрения.

В своем вводном слове учитель создал проблемную ситуацию, которую учащиеся должны были разрешить. Он сказал: «Три века не стихают споры вокруг личности Петра I и его реформ. В нем приняли участие современники и сподвижники Петра, поэты и писатели, крупные историки XIX и XX веков. Одни считали и считают, что реформы привели к полному разрыву с прошлым, что Петр I своими жестокими, грубыми, нередко насильственными «варварскими» действиями нарушил органическое, эволюционное развитие России, нарушил связь времен. Другие, наоборот, убеждены в том, что Петр Великий реализовал то, что было подготовлено XVII веком, и что с

неизбежностью надо было делать. Они говорят, что Петр совершил великие преобразования, отразившиеся на дальнейшей судьбе России.

В своей лекции, прочитанной в одном из московских лицеев в 1989 году, известный историк Н.Я. Эйдельман сказал: «Я думаю, что споры о Петре будут продолжаться всегда – всегда пока будет Россия...» (6).

Давайте попытаемся разобраться в чем суть этого спора? Почему он не затихает до сих пор? Почему Н.Я. Эйдельман и другие историки считают его актуальным?

Вопросы, которые были предложены учащимися, настраивали их на диалог с учеными – историками, фрагменты работ которых они анализировали:

1. Какие точки зрения на личность Петра и результаты его преобразований вы увидели, анализируя фрагменты источников? Какие аргументы в защиту своих оценок и суждений о петровских преобразованиях выдвигают разные историки? Какая из приведенных оценок петровских реформ вам кажется наиболее убедительной?

2. Были ли петровские реформы «революцией сверху», а Петр I «революционером на троне»? Была ли какая – то альтернатива реформам Петра?

3. Чем объяснить неизменный интерес историков к этой эпохе? Каковы уроки петровских преобразований? «Размышляя о Петре, мы размышляем о наших днях», - говорил Н.Я. Эйдельман. Прав ли он?

Опыт использования историографических сюжетов в формировании исторического сознания учащихся был, в целом, положительным. Учащиеся старших в том числе профильных классов, курганских школ (43 человека), отвечая на вопросы анкеты о значении историографических сведений в изучении истории, отмечали, что они не только узнали имена таких отечественных историков как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Е.В. Тарле, Н.И. Павленко и др., но и познакомились с их оценками крупнейших событий отечественной истории. Это помогало им определить свою позицию, глубже понять и критически осмыслить исторические факты, рождало чувство сопричастности к событиям прошлого, уважение к делам тех, кто жил до них, желание учиться у истории и не повторять ее ошибок, помогало становлению исторической памяти, осознанию явлений современности. Один из учащихся писал: «Я услышал «перекличку» времен». Большинство учащихся увидели значение обращения к историографическим сюжетам в формировании ценностных ориентаций. Они писали, что историки помогли им увидеть нравственные нормы, которыми руководствовались те или иные исторические деятели, социальные группы, рядовые участники событий, их представления о государственных интересах, гражданских ценностях, идеалах, способах достижения целей.

В заключении отметим, что привлечение сюжетов при изучении истории в старших классах средней школы, особенно в профильных классах, необхо-

димо. Но при этом надо ограничить и более тщательно продумать в стандарте список дискуссионных тем. Он должен быть сопряжен с возможностями учащихся. со временем, отводимом на изучение истории в школе.

Для организации серьезной, продуктивной работы по формированию исторического сознания школьников на основе исторического материала необходимо в учебниках для старших классов расширить объем дополнительных текстов за счет фрагментов работы крупных отечественных и зарубежных историков по наиболее значимым темам под рубриками, которые уже есть в некоторых школьных учебниках (чаще всего для основной школы): «Историки спорят», «Мнения ученого историка», «Разногласица мнений: или кто прав»? Необходимых также и краткий справочный материал об историках, из трудов которых даны фрагменты. Можно пойти и по другому пути: создать специальные хрестоматии для учащихся (к примеру, «Отечественная история глазами историков и современников»).

Следует сказать, что эффективность работы во многом зависит от эрудиции учителя, его методологической, историографической и источниковедческой подготовки.

1. Словарь философских терминов. Под ред. В.Г. Кузнецова. М., 2005. С 527.
2. Стандарт среднего (полного общего образования по истории // Преподавание истории в школе. 2004. №8. С. 24.
3. Стандарт среднего (полного) общего образования. Профильный уровень // Преподавание истории в школе. 2005. №1. С. 20.
4. Там же. С. 24-29.
5. Карамзин Н.М. Записки о новой и древней России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 31-37; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. IX, Т. 18. С. 202-204; Павленко Н.И. Петр I и его время. М., 1983. С. 89-91, 113, 128-129.
6. Эйдельман Н.Я. Споры вокруг Петра // История. Приложение к газете «Первое сентября». 1996. № 44.

**Ряпусова Д.Н.
(Екатеринбург)**

Свердловская киностудия в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы

Культура советского народа в годы Великой Отечественной войны оказалась одним из факторов, обеспечивших победу над гитлеровской Германией. Будучи мощным идеологическим оружием, она несла людям надежду, веру, сплочение, мобилизовала их на подвиг как на фронте, так и в тылу. Выдающуюся роль в мобилизации всех сил и средств на отпор врагу сыграв

ло кино (1). В связи с этим, не случайным было событие, нарушившее распространённое мнение - «когда пушки гремят, музы молчат», а именно: в 1943 г. вопреки логике, в обстановке массовой гибели предприятий в зоне оккупации, эвакуации московских и ленинградских киностудий, хаоса и значительных людских и материальных потерь возникла Свердловская киностудия.

Еще в 1922 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР В.И. Ленин в беседе с народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским так определил значение киноискусства для жизни Советского государства: «Из искусств для нас важнейшим является кино» (2). Представление о кино как о мощном средстве идеологического воздействия на массы определило особое отношение партийно-государственного руководства к данной отрасли культуры. Процесс привлечения киноискусства на службу идеологической работе и установления государственного контроля в области кинематографии достиг апогея в годы Великой Отечественной войны. В условиях тяжелейших испытаний для укрепления морального духа населения в первую очередь на вооружение было взято киноискусство. Оценивая роль кино как средства колоссального влияния на сознание народа, И.В. Сталин писал: «Кино обладает исключительными возможностями воздействия на массы, оно мобилизует советских людей: рабочих, крестьян, интеллигенцию на еще более эффективную помощь фронту в борьбе с фашистскими варварами. Полностью и до конца использовать эту огромную силу – кино, в интересах нашего дела – завоевания победы над врагом – вот задача, которую должны разрешить работники кинофикации и проката» (3).

Учитывая действенность и наибольшую доступность кино широким массам населения, партийно-государственные органы держали его развитие в поле своего зрения, направляли деятельность кинематографистов в необходимое идеологическое русло, ставили перед ними задачи, отвечающие требованиям сурового времени. Руководство кинематографом в годы войны осуществлялось на основании постановлений и приказов центральных органов власти, которые дублировались и принимались к исполнению всеми местными управленческими структурами. В соответствии с этим, на всех уровнях руководства Свердловской области (от исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся до областного комитета ВКП(б)) поднимались вопросы использования киноискусства в целях мобилизации масс, решались задачи как организационного характера (изменение структуры, штата, управленческого аппарата киносети и т.п.), так и идеологического (анализ и утверждение кинорепертуара) (4).

Кинематография страны в годы войны понесла большие потери. Оккупанты разрушили киностудии в Киеве, Одессе, Ялте, киноплёночную фабрику в Шестке, заводы киноаппаратуры. В результате даже в первые послевоенные годы количество выпускаемых фильмов составляло не более полови-

ны от довоенного уровня, не говоря уже о военном лихолетье. Волей обстоятельств Урал – крупнейший промышленный арсенал страны превратился в масштабный культурный центр. Сюда в 1942 г. были эвакуированы Киевская, Одесская, Ленинградская и Московская студии вместе с людьми и сохранившимися материальными ценностями. На повестку дня встал вопрос о создании в Свердловске киностудии. Необходимо было на месте изучить материальные возможности открытия предприятия. С этой целью в декабре 1942 г. И.Г. Большаков – председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР приехал в Свердловск. С представителями советских и партийных органов были рассмотрены все вопросы, касающиеся материальной, организационной, технической и кадровой стороны. Вместе с заместителем председателя исполкома Свердловского горсовета П.Г. Пановым они объездили почти все дворцы культуры и клубы, и когда побывали в клубе строителей на улице Ленина, 50, решили, что это «конструктивистское» здание, построенное в 1929-1933 гг. по проекту архитектора Я.А. Корифельда, наилучшим образом подойдет под киностудию (5). Бюро Свердловского обкома ВКП(б) обсудило вопрос на заседании 11 января 1943 г. и приняло решение в двухмесячный срок укомплектовать киностудию административно-хозяйственным и обслуживающим персоналом по утвержденному комитетом штатному расписанию. Дело было направлено в СНК СССР. 4 февраля 1943 г. За подписью Э. Землячка было издано распоряжение № 2369-р – разрешение Комитету по делам кинематографии при Совнаркоме СССР организовать в Свердловске киностудию художественных фильмов. В нем же утверждено предложение свердловских областных организаций о передаче здания клуба строителей новому предприятию. Главному управлению тыла Красной Армии предлагалось переселить военные организации, находящиеся в клубе, в помещения, предоставляемые облисполкомом. Наконец, 9 февраля 1943 г. И.Г. Большаков подписал Приказ № 59 об организации Свердловской киностудии художественных фильмов (6), а 3 марта произошла регистрация в народном комиссариате финансов. Сложнейшая процедура принятия решения и оформления документации завершилась созданием самой молодой в стране и единственной на Урале кинофабрики (7).

С первых дней строительства киностудии глубокую заинтересованность в быстрейшем ее вводе в эксплуатацию проявили городские власти столицы Среднего Урала. На основе постановления «О строительстве Свердловской киностудии», принятом бюро Свердловского ГК ВКП(б) в январе 1943 г. строительству этого важного объекта была оказана значительная помощь. В условиях военного времени, когда оборонная промышленность требовала львиную долю материальных и людских ресурсов, решать хозяйственные вопросы, связанные со строительством киностудии было очень сложно. В частности, необходимо было обеспечить рабочим персоналом развернувшиеся строительные и хозяйственные работы студии. Руководство было вы-

нуждено постоянно направлять на эти работы творческих деятелей. Относительно небольшому коллективу (административно-управленческого персонала Свердловской киностудии художественных фильмов по штатному расписанию числилось 107 единиц с месячным фондом заработной платы 43 тыс. 5 руб., а в фактическом наличии на 25.05.1944 г. всего 53 человека с месячным фондом заработной платы 22 тыс. 315 руб.) (8) приходилось на практике «осваивать» множество профессий, в том числе и строительную.

В результате строгого административного и партийного* контроля за соблюдением графика работ, конкретной помощи, студия начала функционировать уже к концу 1943 г. (9) и добилась определенного производственного успеха, сняв под руководством режиссера А.В. Ивановского музыкальную комедию «Сильва» (1944 г.) в сжатый четырехмесячный срок. Первая сложная постановочная картина имела хорошие качественные показатели и получила широкое общественное признание.

В период становления предприятия наиболее остро стояла кадровая проблема, так как на первом этапе организационно-производственное формирование студии шло параллельно со строительством, промышленным и техническим оснащением. Четко было разработано штатное расписание административно-управленческих кадров студии, утвержденное Госштатной комиссией при СНК СССР 20-го марта 1943 г. за №7 / 835. Первым директором был назначен А.С. Шитов, бывший конструктор Уральского машиностроительного завода. Главным инженером утвердили Б.Н. Коноплева – известного советского кинорежиссера, автора капитальных трудов по кинотехнике (позже он стал главным инженером киностудии «Мосфильм»), художественным руководителем – заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Сталинской премии, кинорежиссера А.В. Ивановского. Новая студия планомерно, с расчетом на будущее, укреплялась перспективными, квалифицированными кадрами (10).

Осознание необходимости подготовки актерских кадров привело к созданию в 1944 г. при Свердловской киностудии художественных фильмов первой в стране школы киноактера. На 20 вакантных мест было подано 500 заявлений (многие участники Великой Отечественной войны). Первый набор состоялся победоносной весной 1945-го. Художественным руководителем стал заслуженный деятель искусств РСФСР режиссер А.В. Мачерет. После трех отсеивающих туров осталось только 12 человек. Институтская программа обучения была рассчитана на 3 года. Были привлечены педагоги Московского киноинститута, преподаватели Уральского государственного университета, консерватории, артисты театра оперы и балета и даже цирка. В учебном расписании были предметы от акробатики до всеобщей истории. На первом плане – спецпредметы. Актерское мастерство вел только что сошедший со студенческой скамьи Ярополк Лапшин. Уже через год ученики школы выезжали в Москву для участия в постановках в театре киноактера, про-

бовались на киностудии в эпизодических и групповых сценах. В 1948г. выпускникам выдали дипломы, и свердловская школа киноактера закрылась. Причина – перепрофилирование деятельности самой студии: прекращалось производство художественных картин, и разворачивалась работа над научно-популярными фильмами (11). Творческий состав студии пополнился группой режиссеров и операторов бывшей Новосибирской киностудии «Сибтехфильм». 21 августа 1948 г. министр кинематографии СССР И.Г. Большаков подписал приказ о назначении М.Л. Мордоховича директором Свердловской киностудии научно-популярных фильмов с освобождением от должности директора Новосибирской студии учебных фильмов. С приездом 1 октября 1948 г. из Новосибирска режиссера А. Литвинова, В. Волянской, Л. Рымаренко и др. был сделан первый шаг к превращению Свердловской киностудии в кинокомбинат (12).

Таким образом, деятельность Свердловской киностудии художественных фильмов на начальном этапе протекала в условиях организационно-производственного формирования студии параллельно с окончанием строительства, производственного и технического оснащения и подготовки кадров рабочих, решения жилищно-бытовых проблем студийцев.

С огромным трудом коллектив справлялся со своими основными задачами в условиях военного времени. Был закончен монтаж основных цехов, освоено и бесперебойно эксплуатировалось все техническое оборудование, подготовлены квалифицированные рабочие по всем основным специальностям производственно-технического процесса, что в основном решило кадровую проблему.

Творческий процесс завершился выпуском на экраны художественного фильма «Сильва», а молодые актеры, подготовленные в школе киноактера, успешно продолжили традиции советского киноискусства.

* Партийная организация киностудии была создана 12 мая 1943 г.

1. Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Екатеринбург, 1996. с. 234.
2. Кабанов П.И. История культурной революции в СССР. Краткий очерк. М., 1971. С. 139.
3. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза (доклады, речи, выступления и приказы). М., 1953. с. 63.
4. Сперанский А.В. Указ. соч. С. 234, 235.
5. Вечерний Свердловск. 1976. 10 июля.
6. Вечерний Свердловск. 1976. 10 июля.
7. Уральский рабочий. 2001. 13 февраля.
8. ГАСО. Ф. 2258. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
9. Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Екатеринбург, 2005. С. 159.
10. ГАСО. Ф. 2258. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2-3.
11. Там же. Ф. 2258. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

**Сапожникова Т.В.
(Оса)**

Краеведы-исследователи Осинского Прикамья

Осинское краеведение занимает одно из первых мест в Пермском крае и по количеству краеведов-исследователей, и по качеству их исследований. Сборник «Краеведы Пермской области» будет включать информацию о восемнадцати осинских краеведах-исследователях (больше только у древнейшего города Прикамья – Чердыни и крупнейшего промышленного центра – г. Березники).

Первые работы по истории края были написаны исследователями, приехавшими в Осинский уезд из других регионов. Н.Н. Блинов (1839 - 1917) - педагог, священник, этнограф, литератор, общественный деятель, действительный член Императорского русского географического общества, один из первых удмуртских просветителей - был нанят Осинским земством в 1880 г. для оценки имуществ в Осинском уезде (4,77). Приглашенный как статистик он изучил и историю края, часть его трудов были напечатаны в «Сборнике Пермского земства» (2). Народолюбец И.С. Сигов (1862 -1942) был выслан в Осу под надзор полиции в 1889 г. и работал в уездном земстве почти два года (3). Им составлен ценный для краеведов труд «Очерки 20-летней деятельности Осинского земства по главным предметам его ведения, в связи с общими сведениями об Осинском уезде», изданный в 1891 г.

Н.Н. Блинов и И.С.Сигов не были жителями Осинского края, но способствовали становлению местного краеведения, были катализаторами включения в исследовательский процесс местных жителей. Так, предположительно в 1886 г., осинским священником П.А. Шиловым была написана статья «Описание Осы в историческом и археологическом отношении», хранящаяся в виде рукописи в Осинском музее.

Научное изучение истории Осинского края местными жителями начинается в 20-40 годы XX века и связано с именами Ф.И. Петровых (1884-1969), С.А. Шестакова (1984-1972), В.П. Шилова (1897-1992), которые более половины столетия изучали край практически втроем, а после смерти старейших из них Ф.И. Петровых и С.А. Шестакова, В.П. Шилов оставался единственным признанным краеведом. Благодаря усилиям В.П. Шилова был открыт народный музей в Осе, ставший основой для современного музея.

В середине 80-х гг. XX в. в краеведческом движении Осы происходит всплеск, связанный с началом подготовки к 400-летию Осы. В районной газете печатается большая подборка статей, которая вылилась в уникальный сборник по истории края «Отчий край». В создании этого сборника приняли участие А.Ф. Кобелев (р.1933), Ю.Н. Литвинова (р.1941), Ю.П. Нефедов

(р.1940), В.Н. Русанов (1939-2003), Н.К. Треногина (1935-2006), Н.П. Устинов (р.1930) и др.

Современный этап Осинского краеведения начинается с середины 90-х годов XX века и связан с изданием в 1993г. первого краеведческого сборника «Осинский ежегодник» под редакцией краеведа В.А. Алексеева (р.1954). Именно в этом сборнике печатаются статьи уже названных краеведов и появляются новые имена - Г.И. Клыкова (р.1951) и Ю.В. Соколов (р.1957). Также в это время начинают заниматься изучением края А.Г. Умпелев (р.1926), В.В. Плясунов (1915-2001), Н.Н. Окулов (р.1926), Н. А. Кобелев (р.1948), Ф.Г. Устинова (р.1950), Н.К. Шестакова (р.1954).

Большинство Осинских краеведов имеют высшее образование (14 чел.), В.А. Алексеев - кандидат педагогических наук. Среднее и среднее специальное образование у троих краеведов. С.А. Шестаков о своем образовании пишет: «Самообразование в объеме семилетки» (6).

Из восемнадцати краеведов только Ф.Г. Устинова целенаправленно занимается географическим краеведением, все остальные – изучают историю края, литературным же краеведением не занимался и не занимается ни один краевед.

Интересно, что базовое образование краеведов часто не совпадает с тем, что они исследуют: так физико–математический факультет закончил В.Н. Русанов, агрономом по образованию является В.П. Шилов, музыкантом - В.А. Алексеев, юристом - Ю.П. Нефедов, геологом - А.Ф. Кобелев, библиотекарем - Н.К. Треногина, врачом - Ю.В. Соколов, бухгалтером - В.В. Плясунов, лесничим - Н.Н. Окулов, журналистом - Н.А. Кобелев, военным - А.Г. Умпелев. При этом все они занимались и занимаются в основном историческим краеведением. С педагогической деятельностью были связаны или сейчас работают педагогами девять краеведов. Должностная инструкция всех этих профессий не включает обязанность изучать свой край, эти люди не по приказу, не по производственной необходимости, а по «зову сердца» занимаются краеведением.

Тематика краеведческих исследований очень разнообразна: вопросы происхождения города, Крестьянская война 1773-1775 гг. под предводительством Е. Пугачева в Прикамье, жизнь и быт старой Осы, осинское купечество, деятельность осинского земства, установление Советской власти и Гражданская война, репрессии 30-х годов в крае, Осинский район в годы Великой Отечественной войны, развитие образования и медицины в крае, история районной газеты, Павленковских библиотек, почты, аптеки, отдельных семей, история сел и деревень Осинского уезда и района, памятники истории и культуры края, история осинских промышленных предприятий и колхозов, историческая ономастика края, природа Осинского Прикамья и др.

Много рукописных работ осинских краеведов хранится в архивах и музеях области. Результаты краеведческих исследований в основном публиковались и публикуются в районной, областной периодической печати, в «Осинском ежегоднике». Часть исследований была напечатана в виде книг и брошюр в Осинском издательстве «Росстани-на-Каме», главный редактор и владелец которого краевед В.А. Алексеев, а также в Пермском книжном издательстве. Для Осинского краеведения характерна тесная связь с наукой. Постоянно вели переписку с учеными историками и археологами, печатали свои статьи в научных изданиях Ф.И. Петровых, С.А. Шестаков, В.Н. Русанов. Так, например, по заданию археолога О.Н. Бадера в 50-х гг. Ф.И. Петровых собрал и проанализировал материал по топонимике Осинского Прикамья (1; 7). Консультируются и рецензируют свои работы у ученых краеведы А.Ф. Кобелев, Ю.Н. Литвинова, В.А. Алексеев, Г.И. Клыкова и др. С каждым годом совершенствуется методика, растет источниковая база краеведческих исследований.

В последнее время чаще стали проводиться научные конференции, и осинские краеведы активно принимают в них участие: так в 2006 г. они были участниками «Емельяновских чтений» в г. Кургане (5;8). С целью создания условий для публичного представления результатов краеведческих исследований, проведенных нашими земляками, Осинским филиалом ПГПУ (директор – автор статьи) было организовано проведение региональных общественно-исторических чтений имени В.Н. Русанова – «Русановские чтения» и издание их сборников. Чтения проходят в здании Осинского педагогического училища, что можно считать символичным, т.к. училище со дня своего формирования, наравне с районным музеем, было центром краеведческих исследований в крае. Большинство краеведов связано с училищем. Учились в училище С.А. Шестаков, А.Г. Умпелев, Н.К. Шестакова, преподавателями были или являются В.А. Алексеев, Ф.И. Петровых, В.П. Шилов, Ю.Н. Литвинова, В.Н. Русанов, Ф.Г. Устинова, Г.И. Клыкова.

В осинском районе ценят краеведов – звание Почетного гражданина города и района присвоено семи краеведам - А.Ф. Кобелеву, Ф.И. Петровых, В.П. Шилову, В.Н. Русанову, Н.К. Треногиной, В.П. Устинову, Н.Н. Окулову. В 2006 г. на рассмотрение о присвоении данного звания были представлены В.А. Алексеев и Ю.Н. Литвинова.

Краеведение в Осинском районе продолжает развиваться, печатаются новые краеведческие издания, пишутся научно-исследовательские работы студентами ОФ ПГПУ и ОПУ, учащимися школ, проводятся конференции, семинары и круглые столы. С 2001 г. при Осинском краеведческом музее работает Совет краеведов, который организует участие краеведов в различных мероприятиях, проводит презентации новых краеведческих изданий. Последней, можно сказать грандиозной работой Совета, стало издание Осинской краеведческой энциклопедии, единственной в Пермской крае на

сегодняшний день. Участниками этих мероприятий являются и уже названные, и новые многообещающие краеведы В.Д. Смирнова, Л.Р. Гимазетдинова, Л. Г. Бояршинова, В.В. Козлов и др.

1. Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1958 г. // КСИИМК. 1961. Вып. 85. С.73-84.
2. Блинов Н. Земледелие и землепользование в Осинском уезде // Сб. Перм. земства. Пермь, 1898. Отд.3, Кн. 3-4. Блинов Н.Н. Исторический очерк заселения Осинского уезда // Сб. Перм. земства.- Пермь, 1898. Отд.3, Кн. 3-4.
3. ГАПО ф. р-790. Оп.1.Д. 41144. Л.3.
4. Доклад о необходимости продолжения работ по приведению в известность имуществ в Осинском уезде, с целью улучшения земских раскладок // Журналы Осинского уездного земского собрания XII чрезвычайной сессии 1886 года и доклады Осинской уездной управы Пермской губернии 1886года. Оса, Типография И.А. Кузнецова, 1886.
5. Литвинова Ю.Н. Проблемы Осинского краеведения // Емельяновские чтения. – Курганский государственный университет. Курган. 2006. С.186-188.
6. Личный листок по учету кадров С.А. Шестакова 24.12.1936 // ОФ ПОКМ.Ф. С.А. Шестакова.
7. Петровых Ф.И. Угорская топонимика Среднего Прикамья (с примечаниями Лыткина В.И.) // Ученые записки Пермского государственного университета. 1960. XII т. Вып.1 С. 275-277.
8. Сапожникова Т.В. К вопросу об истоках Осинского краеведения // Емельяновские чтения. Курган. 2006. С.188-190.

**Семячкова В.В.
(Екатеринбург)**

Ученичество и Русско-японская война (1904-1905 гг.)

Уже спустя сутки после начала Русско-японской войны, 28 января 1904 года в периодической печати как всероссийского, так и местного уровня последовал отклик на события. И уже в течение первого месяца появляются сообщения в местных газетах о сборе пожертвований на благотворительные нужды как для оказания помощи раненым и больным военнослужащим на фронтах и в госпиталях, а также членам их семей мобилизованных в военное время или же на постройку военных кораблей.

Первое направление связано со сбором пожертвований со стороны ученичества, как во время войны, так и после окончания (по нескольким направлениям).

Одной из форм благотворительности был отказ от увеселительных мероприятий: вечеров, балов, концертов, спектаклей, в основном в среде учащейся молодежи – в мужской и женской гимназии, реальном училище с пе-

редачей средств в пользу общества Красного Креста (1).

Об этом также можно прочитать в воспоминаниях краеведа Владимира Бирюкова (2): «...Вечера у нас в семинарии, пожалуй, не будет. Деньги, собранные на угощение, будут посланы нашим солдатам на Дальний Восток. Я слышал, что в мужской гимназии в котором-то классе хотели тоже устроить вечер и собрали на угощение рублей 70, но когда объявили войну, послали эти деньги туда же. У нас в семинарии собрано на вечер не как раз рублей 30 – большая часть у нас народ бедный, помногу-то жертвовать не раскошелится...на газету «Пермские губернские ведомости» подписалось огромное число, и все благодаря японской войне» (3).

18 февраля 1904 года отыграл концерт в Екатеринбурге слепой скрипач и пианист, 15-летний Володя Беляев. Часть сборов с концерта пошла в кассы Красного Креста (4).

Особое место в сборе пожертвований со стороны уральцев, занимали сборы на строительство морских судов и оборону. Уже в начальный период войны выделился ряд общественных групп, жертвовавших на военные нужды, среди которых учащиеся всех городских (г. Екатеринбурга – авт.) учебных заведений произвели пожертвований от 25 руб., до 20-10 и даже 5 коп. (5).

Ученики Екатеринбургской мужской гимназии на 5 февраля 1904 года «собрали на приобретение крейсера 171 руб. 97 коп. в ссудосберегательную канцелярию Гос. Банка по книжке №27161» (6).

Основная часть средств на благотворительные нужды была собрана в течение 1904-05 гг. Однако средства продолжали собирать и после войны. В Чердынское Казначейство в сентябре 1905 года от чинов Чердынской низшей ремесленной школы из содержания за сентябрь месяц поступило – 2 руб. 50 коп. на усиление военного флота. Благочинным III округа Чердынского уезда от причтов и церковей за сентябрь месяц поступило – 3 руб., итого в сентябре – 5 руб. 50 коп., всего с прежде поступившими суммами – 2796 руб. 92 коп. Они переведены в Санкт-Петербургскую контору Государственного банка на условный счет Высочайше утвержденного особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (7).

Кроме того, благотворительные учреждения и заведения занимались организацией и проведением «культурно-воспитательных мероприятий, таких как народные чтения, библиотечное дело, продажа книг, театральные представления, организация хоров и оркестров, проведение народных гуляний, танцевальных вечеров и концертов» (8). Доходы, полученные от данных мероприятий, шли на благотворительные нужды, часть уходила в городскую казну, а часть в виде пожертвований для благотворительных организаций.

Второе направление благотворительной деятельности связано с организацией и оказанием помощи учащимся из неимущих и малоимущих семей.

Помощь могла быть: вещественной, материальной деньгами или продовольственным пайком, устройством в учебные заведения, а также в выплате именной или специальной стипендии.

На начало XX века в структуре системы благотворительных учреждений особое место занимали заведения для призрения и воспитания детей и подростков, а также учреждения дешевого и бесплатного обучения профессиональной подготовки. В губерниях Уральского региона насчитывалось всего 533, в том числе 256 - в Пермской губернии, в ведении которых находилось 434 заведения для детей и взрослых. Среди них было 54% учреждений для призрения взрослых и 20,4 % для призрения, обучения и лечения детей. Для детей было организовано 64 учреждения призрения и воспитания, в т. ч. - 32 в Пермской губернии. Было открыто 20 школ бесплатного обучения (9).

Небезучастным в деле оказания помощи военнослужащим и их семьям, в основном материальной, были высшие круги общества – предприниматели их семьи. Например, из воспоминаний Софьи Германовны Грум-Гржимайло: «С 1902 по 1907 г. жила в Алапаевском заводе. По моей инициативе было устроено благотворительное общество, открыт приют на детей, круглых сирот обоего пола и богадельня на 15 человек престарелых. Воспитательницей была назначена Александра Григорьевна Коростелева. При приюте устроены были опытные агрономические поля, огород и сапожная мастерская, скотный двор, также театр» (10).

Среди государственных актов благотворительности стало издание 19 августа 1904 года «Манифеста, возвещавшим государству о рождении Алексея, были дарованы некоторые свободы, и в числе прочего взяты на государственное обеспечение сироты, чьи родители погибли в войне с Японией» (11). Так был создан «Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией». Комитет состоял под покровительством императрицы Марии Федоровны и являлся внутриправительственной, межведомственной организацией.

Алексеевский комитет также занимался определением сирот в учебные заведения, в том числе с постановкой данных лиц на вакансии и стипендии, при этом содержание было из казны – за счет Комитета. Дети-сироты поступали в учебные заведения вне конкурса, по состязанию между собой, в случае превышения их числа.

Уже в конце войны, летом 1905 года Совет Каслинской женской второклассной школы сообщил, что «в общежитии при школе имеется 4 стипендии для детей воинов, убитых или умерших от ран полученных на войне с Японией. Две из этих стипендий с полным содержанием и две с половинчатым» (12).

В период с 1905 по 1914 годы, уже после окончания войны с Японией усиливается деятельность уральской общественности. Одним государственным

ным благотворительным учреждением являлось «Общество попечения о сиротах-детях врачей», оказывавшее помощь семьям медиков, пострадавшим на войне. Общество заботилось о сиротах-детях врачей вплоть до получения ими полного образования, для чего устраивались учебно-воспитательные учреждения, оплачивалось обучение сирот в средних и высших учебных заведениях. К 1912 году в общество входило 2900 врачей и 14 врачебных организаций (13).

Особо стоит выделить деятельность Екатеринбургского епархиального комитета Миссионерского общества, которое с 1907 г. начало заниматься благоустройством и упрочением школьно-воспитательного дела, распространением православия между язычниками, а также содержанием учебных и благотворительно-просветительных учреждений и приютов. Часть расходов данного комитета шла на призрение детей убитых и раненых офицеров, а также на выдачу пособий пострадавшим воинам и их семьям. Главный комитет располагался в Санкт-Петербурге, откуда и куда шли поступления на призрение (14).

Екатеринбургская городская дума заботилась об учащих, отцы, которых погибли на войне, в частности освобождались от платы за учебу. Попечительский совет субсидировал городские средние учебные заведения (реальное училище, женскую гимназию и прогимназию) и оказывал материальную помощь осиротевшим учащимся (15).

Среди благотворительных заведений после Русско-японской войны большое распространение получили детские приюты. В 1907 году на территории Пермской губернии действовало 43 детских приюта, в которых призревалось 1738 детей. Наибольшее количество приютов (17) находилось в городах, 14 были расположены в заводских поселках и 12 были на селе. Наиболее крупным среди сельских приютов являлся приют в селе Турьинские рудники Верхотурского уезда, в котором призревалось 50 мальчиков и девочек. Приют этого села носил промежуточный характер между сельским и заводским, так как располагался в селе, а содержался на средства Богословского горнозаводского общества (16).

Среди наиболее известных благотворительных заведений были Пермский губернский детский приют на 90 девочек и Екатеринбургский детский приют почетного гражданина М.А. Нурова (17), а также Сиротско-воспитательный дом С.А. Петрова. Также продолжали деятельность детские приюты в г. Камышлов, Красноуфимске, на Каменском заводе.

В крупных городах по инициативе Управ были организованы ночлежные приюты – общежития для бедных учеников, зачастую большинство из которых были сиротами. Верхотурская управа держала 2 ночлежника при Красногорской и Салдинской школах, а также при Дерябинской. На содержание общежития бедных учеников Верхотурского городского мужского училища в 1906 году было отпущено 500 рублей (18).

Благотворительность и сбор пожертвований в регионе охватывал практически все слои населения, практически каждого жителя Урала: кто-то оказывал благотворительную помощь, а кто-то получал пенсию или пособие за увечие на фронте. В данные мероприятия включились как государственные структуры – Городская Дума и Городская Управа, так и почти все общественные организации, институт церкви – всю общественность городов и губерний. Также откликнулись и отдельные представители общественности. Среди активных как получателей, так и жертвователей в годы Русско-японской войны выступило ученичество, как особая прослойка российского общества начала XX века.

1. Урал. 1904. 4 февраля. С. 4.
2. Бирюков Владимир Павлович (10.07.1888 -18.06.1971) – известный уральский краевед, фольклорист, писатель. После окончания Камышловского духовного училища, в годы Русско-японской войны был семинаристом, с 1902 года, Пермской духовной семинарии и постоянно вел дневник.
3. Бухаркина О.А. «И все благодаря японской войне...». Дневники Владимира Бирюкова // Веси. 2006. №3. С. 36-37.
4. Урал. 1904. 20 февраля. С. 4.
5. Урал. 1904. 11 февраля. С. 4.
6. Урал. 1904. 12 февраля. С. 4.
7. Пермские губернские ведомости. 1905. 15 октября. С. 3.
8. Сутьрин Б.А. Из истории благотворительства на Урале в конце XIX – нач. XX века // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 238-239.
9. Учебник для сестер милосердия и пастырей, несущих службу в больницах. СПб., 2001. С. 32-34, 60.
10. Грум-Гржимайло Владимир и Софья. Секрет счастливой жизни. Книга для семейного чтения / Под ред. проф. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 2001. С. 142, 239-241.
11. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 18. Екатеринбургская уездная земская управа воинской мобилизации Пермской губернии. Оп. 1. Д. 551. Л. 56, 68-69.
12. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1905. №14. С. 331.
13. Будко А.А., Селиванов Е.Ф. Чигарева Н.Г. «Веди слепого, дай кровлю неимеющему, напои жаждущего...» // Военно-исторический журнал. 2004. №12. С. 64.
14. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. №34. С. 443-445.
15. Урал. 1906. 19 мая. С. 3.
16. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. Пермь, 1907. С. 226-237.
17. ГАСО. Ф. 48. Делопроизводство Екатеринбургского Горного Попечительства над детским приютом Нурова. Оп. 1. Д. 17.
18. Верхотурское уездное земство и его деятельность с 1870-1907 гг. Верхотурье, 1907. С. 112-114.

Сибгатов С.Ф.
(Екатеринбург)

Особенности русского религиозного сектантства на Среднем Урале в конце XIX – начале XX вв.

Реформы 60-70-х гг. XIX в. явились причиной кардинальных изменений в экономической, социальной, политической сферах – во всей жизни общества, что не могло не отразиться на развитии культуры и самого быта. С падением крепостничества произошло не только социальное, но и духовное раскрепощение народа, у которого появились новые культурные запросы, а также возможности их удовлетворения.

Второй этап модернизации, связанный с реформами Александра II, ускорила процесс все большей рационализации сектантства. Два пореформенных десятилетия были переломными, по мнению некоторых исследователей, когда происходила ломка феодальных отношений в сфере сельского хозяйства, завершался процесс технического перевооружения промышленности, создавался механизированный транспорт и складывались новые социальные слои населения – пролетариат и промышленная буржуазия.

Важным процессом в социально-экономическом развитии пореформенной России было увеличение численности и удельного веса городского населения. Города росли преимущественно за счет притока пришлого населения. Население городов имело большую духовную и религиозную свободу, чем жители деревни, так как каждая деревня контролировалась священниками прихода.

Рационалистические и мистические секты видоизменяются. К старым сектам (хлыстовство, скопчество, духоборство, молоканство) присоединяются новые секты. Так называемые «евангелические» секты штундистов и штундобаптистов возникли под влиянием меннонитов и баптистов, которые распространились в России с конца XIX в. и особенно после 1905 г. Кроме того, появляются секты иеговистов и иоаннитов. Старые секты также трансформируются: появляются новохлыстовство, новомолоканство, меняется идеология скопчества. Новохлыстовство, возникшее в конце XIX в., представляет собой смесь рационализма с мистицизмом. Единственным источником своего верования они признают только человеческий разум. Бог разлит по неравным частям во всем животном мире, но сознает себя, как бога, только в человеке. Новоскопчество, возникшее также во второй половине XIX в., учит о духовном оскотлении. Новоскопцы утверждают, что нет нужды непременно принимать оскотление при самом вступлении в секту, что можно принять его, по усмотрению, и после, даже перед смертью, что можно, следовательно, быть членом скопческой секты без физического оскотления и толь-

ко оскопив себя духовно, то есть не допуская себя до осуществления плотских пожеланий.

На Среднем Урале в конце XIX – начале XX вв. существовали следующие секты: иеговисты (субботники, ильинцы или братство десных), штундисты, немоляки, скопцы, хлысты и иоанниты.

Секта иеговистов зародилась в Баранчинских заводах Верхотурского уезда в 50-х гг. XIX в. Из этих заводов секта проникла в заводы: Нижнетагильский, Верхнетуринский, Кушвинский, Висимо-Шайтанский (2).

Из «Дела по вопросу о состоянии сектантства «яговистов» в Верхотурском уезде», находившегося под грифом «секретно», проходившего с 1 июня 1899 г. по 30 ноября 1900 г. следует, что за 1898 г. иеговистов в Верхотурском уезде числилось 396 человек (3).

Из «Отчета екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г.» следует, что численность иеговистов Верхотурского уезда составляла 450 человек обоего пола (8). Из отчета за 1903 г. иеговистов в Верхотурском уезде было 275 человек (9). Причины столь резкого снижения числа иеговистов связаны с многочисленными арестами, уголовными делами и судебными приговорами сектантов, обвиненных в оскорблении веры и попытке устройства террористических актов.

До 1905 г. появление штундистов в Екатеринбургской епархии быстро пресекались властями. Но после введения закона о свободе вероисповедания 17 апреля 1905 г. штундисты вновь появляются в Екатеринбургской епархии, о чем пишет епархиальный миссионер священник А. Здравомыслов: «Часто штундизм приносят отставные солдаты и, как все дурное, быстро прививают к окружающему населению» (5).

В 1913 г. епархиальный миссионер А. Здравомыслов вновь бьет тревогу по поводу распространения штундобаптизма в Камышловской уезде Екатеринбургской епархии: «...открыто держатся сектантского учения 5 семей с грамотными мужчинами, сочувствующие им – неграмотные. Сектанты в частных разговорах толкуют не только о вере, а и о государственных делах, говорят, что земля для всех должна быть разделена поровну, казна государственная должна быть в наших руках и тому подобное» (6).

По данным екатеринбургского епархиального миссионера в ноябре 1895 г. скопцы были открыты гражданским начальством в следующих приходах: Прокопьевском, Кашинском и Филатовском Камышловского уезда (10).

Из отчета епархиального миссионера Романовского за 1895 г. в Екатеринбургской епархии хлыстовщина распространена в горах Далматова. Кроме того хлысты были замечены в селах Катайском Камышловского уезда и Коневском Екатеринбургского уезда (2).

Из «Переписки с благочинными, священниками и др. о появлении в Екатеринбургской епархии сектантов-иоаннитов» под грифом «секретно» в период с 7 марта 1908 г. по 17 июня 1913 г. следует, что в 1908 г. в Екатеринбургской епархии появились сектанты-иоанниты. В рапорте благочинного 1

округа Камышловского уезда говорится, что 1 марта 1908 г. иоанниты продавали портреты Иоанна Кронштадского и другие предметы и распространяли слух о близости страшного суда и другие несчастья. Это насторожило Духовную консисторию, и незамедлительно было предписано «иметь наблюдение о появлении последователей упоминаемой секты и в случае обнаружения их сообщать своевременно консистории, а также и о деятельности их» (4).

Уже в сентябре этого же года в некоторых приходах Екатеринбургского уезда, например, в Полевском, также появились женщины-иоаннитки. Они продавали книги духовно-нравственного содержания, разрешенные духовной цензурой, и издание «Кронштадтский маяк», собирали деньги на свой приют, не называя его по имени, проповедовали о близости страшного суда и о кончине мира. Так как их деятельность заключалась в сборе денег, то полевской народ отнесся к ним недружелюбно, считая их обменщиками. Эти 4 женщины были высланы полицией 23 или 24 сентября 1908 г., «как не имеющие надлежащих документов, да и народ их встретил недружелюбно, т.к. они более заботились о сборах денег на свой приют, но не называя его по имени» (4).

Сравнение русского религиозного сектантства на Среднем Урале с сектами других регионов России привело к выявлению следующих региональных особенностей. Во-первых, религиозное сектантство на Урале носит пришлый характер – все рационалистические и мистические секты были занесены на Урал извне. Скопцы появились в Екатеринбургской епархии в результате деятельности прибывших сюда из Сибири, а точнее из Томска, членов этой секты. Факты раскрытия такой тайной секты как хлыстовство в Екатеринбургской епархии носило единичные случаи. Эта древнейшая мистическая секта зародилась в Центрально-черноземном регионе России и была распространена, главным образом, на Юге России. На Урале же распространение этой секты пресекалось церковью и государством, поэтому достаточно крупной общины хлыстов создать не удалось. Иоанниты, возникшие из почитателей Кронштадтского протоиерея И. Сергиева, вообще не имели целью закрепиться в Екатеринбургской епархии и создать здесь свою общину. Их деятельность носила больше меркантильный характер: они требовали, чтобы их сторонники продавали все свое имущество и отправлялись в Кронштадт, где должны были заниматься распространением славы об Иоанне Кронштадтском. Происхождение же секты немояков рассматривается исследователями неоднозначно. Никольский Н. М. считает, что эта секта возникла на Урале, а именно в Сарапульском уезде Вятской губернии, после отмены крепостного права (7). С.В. Булгаков выводит происхождение секты немояков из старообрядчества юга России и датирует ее зарождение 1838 г. (1). На основании исследования отчетов екатеринбургского епархиального миссионера и анализа их идеологии мы пришли к выводу, что немоя-

ляки, проживающие в Шадринском уезде, являлись последователями секты немоляков, зародившейся на Дону и основанной донским казаком Гавриилом Зиминым (11). Штундизм появился на Урале в результате возвращения с военной службы солдат на родную землю. Примечательно то, что солдаты служили в южных районах России, где вели активную агитацию деятели штундизма. Сходное происхождение имеет и иеговизм (ильинцы), основатель которого штабс-капитан в отставке Н.С. Ильин также служил в разных регионах страны, где, возможно, и познакомился с рационалистическими идеями сектантов, скорее всего, духоборческого направления (12). Но в отличие от других сект иеговизм как секта возник именно на Урале и наиболее полно выражает специфику религиозного сектантства данного региона.

Второй особенностью религиозного сектантства на Урале является то, что в его идеологии большое место уделяется общественному, политическому и нравственному устройству общества. Они проповедовали идеи всеобщего равенства, общинности, трудолюбия, благотворительности, строгости нравов, взаимопомощи, а также ненасилия и всеобщей любви.

Третьей характерной особенностью религиозного сектантства на Урале является равнодушие местного населения к мистическому сектантству, интерес же к рационалистическим идеям, напротив, очень высок. Это связано с тем, что горнозаводское население Урала отличалось достаточно высоким процентом грамотных людей, что позволяло им самостоятельно изучать книги святого писания и интерпретировать их с точки зрения разума. Они перестают буквально понимать все, что содержится в книгах святого писания и о чем рассказывают священники. Кроме того, познакомившись с новыми достижениями научно-технического прогресса, горнозаводские рабочие достаточно скептически относились к мистике и магическим ритуалам. Горнозаводской люд непосредственно взаимодействовал с результатами научно-технических открытий. В его картине мира паровозы и теплоходы – это не чудо, а результат умственного и физического труда простого народа. Отсюда в сознании населения происходит обращение к роли человека в обществе, интерес к его возможностям и способностям, появляется желание открыть тайну человеческой личности.

Четвертая особенность религиозного сектантства на Урале связана с тем, что церковная миссия Екатеринбургской епархии ведет свою противосектантскую деятельность в условиях, затрудненных спецификой расселения сектантов. Из отчетов епархиального миссионера известно, что сектанты проживали как в городах и деревнях, так и на заводах. Сектанты были обнаружены в наиболее крупных административных единицах и заводах: Екатеринбург, Шадринск, Невьянск, Нижний Тагил, Верхнейвинск (2). В городах и на заводах сложнее поддерживать контроль над религиозным состоянием населения, чем в деревнях.

Религиозное сектантство – загадочное общемировое явление; русское религиозное сектантство – результат модернизации общества, шаг к склады-

ванию современного понимания картины мира. В этом аспекте русское религиозное сектанство позволяет проследить эволюцию духовных взглядов человека, изменение его мировосприятия. Это важнейшие изменения в сознании человека, которые являются неперенным компонентом модернизации.

1. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991.
2. ГАСО. Ф.6. Оп. 4. Д. 85. Л. 27., 34.
3. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д.172. Л. 30.
4. ГАСО. Ф.6. Оп. 4. Д.244. Л. 1, 2, 4.
5. Здравомыслов А. Штундисты в Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. Особое приложение к №28. Отдел неоф. С. 509.
6. Здравомыслов А. Штундо-баптисты в Беляковском приходе Камышловского уезда // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 28. Отдел неоф.
7. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. С. 671.
8. Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. №16. Отдел неоф. С. 344.
9. Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1903 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 21. Отдел неоф. С. 603.
10. Отчет екатеринбургского епархиального миссионера о состоянии раскола и о деятельности противораскольнической миссии Екатеринбургской епархии за 1895 г. // ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 85. Л. 31.
11. Отчет Екатеринбургского Епархиального Миссионера за 1901 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. №15. Отдел офиц. С. 327.
12. Смолич К. И. История русской церкви. 1700-1917. Ч. 1. М., 1996. С. 179.

**Сперанский А.В.
(Екатеринбург)**

Системный кризис в СССР начала 1980-х: нарастание негативных тенденций в советской экономике*

Предшествовавший горбачевской перестройке период брежневского правления, закончившийся в начале 1980-х гг. системным кризисом, имеет очень неоднозначные и противоречивые оценки в советской и постсоветской исторической литературе. Начиная с 1970-х гг., еще в условиях существования Советского Союза и неограниченной власти КПСС, коммунистические иллюзии стали постепенно рассеиваться. На смену оптимизму хрущевской «оттепели», базировавшейся на идее «развернутого строительства коммунизма» и в политических заявлениях государственных лидеров, и в исторической литературе стали утверждаться довольно сдержанные сентенции, не

выходящие за рамки необходимости совершенствования «развитого социализма».

В исторической науке и в других областях гуманитарных знаний по-прежнему безраздельно господствовал историко-материалистический подход, на основе которого делались крайне политизированные выводы о том, что социализм в СССР активно развивается на собственной основе, а генеральная линия КПСС, направленная на совершенствование социалистической системы, успешно реализуется на практике.

Однако теоретические догмы все явственнее не совпадали с реалиями жизни, поэтому уже с конца 1970-х гг. в научной литературе стали появляться суждения об особенностях построенной в СССР модели социализма, приспособленной к экстремальным условиям конфронтации с «капиталистическим миром», чреватой постоянными военными угрозами. По мнению ряда специалистов, эта модель плохо адаптировалась в ситуации разрядки напряженности, и лишившись экстремальной основы своего существования стала давать серьезные сбои, выражавшиеся в замедлении экономического роста и отставании от ведущих стран Запада. Этот «застой на пути к коммунизму» предлагалась преодолеть, ликвидировав объективно возникшие неантагонистические противоречия на основе максимального использования достижений научно-технического прогресса. Именно эта точка зрения, проявившаяся в научной, в том числе и исторической, литературе на рубеже 1970-х – 1980-х гг., по нашему мнению, стала впоследствии отправной для начала перестроечных процессов. Она сохраняла иллюзию возможности совершенствования и сохранения социалистической системы в СССР. Подобного рода рассуждения можно встретить и в работах постсоветского периода, написанных в рамках марксистского понимания истории (1).

Однако, утвердившаяся в российской историографии после распада Советского Союза и крушения коммунистической идеологии, либерально-историческая интерпретация в осмыслении социально-экономических и общественно-политических процессов, проходивших в предперестроечный период, не разделяет историко-материалистического оптимизма. И в трудах западных советологов, таких как Н. Верг, Д. Боффа (2), и в российских работах либерального направления: учебных пособиях (3), коллективных монографиях (4), индивидуальных исследованиях (5), проводится мысль о всеобъемлющем характере системного кризиса социализма в СССР, не дававшем никаких шансов на спасение. Хрущевские преобразования не разрушили тоталитаризм, а лишь затушевали некоторые, самые уродливые его проявления. Продолжившая свое господство в стране партийно-государственная номенклатура, соблюдая свои корыстные интересы, подавляла любые либеральные проявления, как в экономической, так и в политической сфере. В период правления Л.И. Брежнева и его приемников, в СССР утвердился «неосталинизм», проявлявшийся в идеологическом диктате, усилении роли КГБ, подавлении любого инакомыслия. На этом фоне в стране царил соци-

альная апатия, лишавшая все надежды на реформирование социализма каких-либо реальных перспектив.

Системный кризис мобилизационной социалистической модели, проявившийся в СССР на рубеже 1970-х – 1980-х гг., отмечают и сторонники модернизационной интерпретации. В частности, А.Г. Вишнеvский, в целом положительно оценивая советские реформы, позволившие России сделать в XX веке мощный рывок и стать вполне конкурентноспособной по отношению к ведущим странам Запада, подчеркивает, что в конечном итоге инструментальные цели преобразований вступили в конфликт с консервативными методами их осуществления. Это обусловило, по мнению автора, к концу «брежневского» периода некую имитацию позднеиндустриальной модернизации, характеризовавшуюся экстенсивными формами экономического развития, социокультурным разрывом между городом и деревней, распылением капиталовложений и крайней нехваткой материальных ресурсов (6).

Нам представляется, что оценки социально-экономической и общественно-политической ситуации, сложившейся в стране накануне перестройки, данные в исторической литературе, как с марксистских, так и с либеральных позиций, вполне соответствуют имевшимся тогда реалиям и в определенной степени дополняют друг друга.

Действительно, в начале 1980-х гг. СССР оказался в тяжелейшем кризисе, который охватил практически все основные сферы государственной жизнедеятельности. Сущность кризиса определялась:

- низкими темпами прироста производства;
- понижением уровня жизни населения;
- дискредитацией в общественном сознании коммунистической идеологии.

Кризисная ситуация в стране складывалась постепенно начиная с провала так называемой «широкой» экономической реформы, предпринятой в СССР с 1965 года по инициативе председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. Реформа предполагала развитие советской экономики в двух основных направлениях:

- перевода промышленных предприятий на хозяйственный расчет (хозрасчет), предусматривавший предоставление им значительной самостоятельности в управлении, производстве и реализации продукции, получение прибыли и использование ее для расширения общественных фондов потребления (строительство жилья, социальных объектов, повышение заработной платы, премиальных и т.п.). Иными словами работники предприятий получали материальный стимул для увеличения количества и совершенствования качества результатов своего труда;
- интенсификации производственных процессов, которая должна была базироваться на реконструкции имевшихся предприятий, на совершенствовании всех звеньев управления производством, на повышении производственной квалификации трудящихся.

Первоначально реформа развивалась успешно и за годы 8-й пятилетки (1965-1970 гг.) прирост национального дохода страны составил 41%, что значительно превышало достижения всех предыдущих пятилетних планов. Однако постепенно экономические рычаги преобразований стали блокироваться бюрократической системой, господствовавшей в стране. Хозрасчет и интенсификация производства объективно подрывали монопольную власть партийно-государственной номенклатуры, вели к ее резкому количественному сокращению, что не могло не вызвать ожесточенное сопротивление. К сожалению, не желавшая расставаться со своими привилегиями партократия получила поддержку, как «снизу», так и «сверху». Основная часть рабочих, поставленная в условия реконструкции и необходимости совершенствования трудовых навыков, высказывала явное недовольство по отношению к «косыгинским преобразованиям», ломавшим годами отлаженные производственные процессы, заставлявшим переучиваться, да к тому же приводившим к материальным потерям. Достаточно прохладно к идеям «умника» Косыгина относился и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, ревновавший к авторитету главы Правительства, утвердившемуся еще со сталинских времен. К тому же лидер правящей партии считал командно-административные методы управления наиболее правильными, доказавшими свою эффективность еще в годы предвоенных пятилеток, а экономические инновации Косыгина рассматривал, если не как отступление перед капитализмом, то по крайней мере, как уступки «частнособственнической психологии» не соответствующей поступательному движению советского народа к коммунизму.

К сожалению, А.Н. Косыгин не проявил твердости в отстаивании своих позиций, пошел на известные компромиссы с номенклатурой и консервативной частью населения, что в конечном итоге логично привело его к потере «премьерского поста», а страну к отказу от прогрессивных либеральных преобразований. В итоге в СССР полностью сохранились командно-административные методы управления экономикой, оставшейся в рамках экстенсивного развития. Усилился субъективизм в планировании, базировавшийся на идеологической конъюнктуре определявший реализацию дорогостоящих и малоэффективных проектов. К классическим примерам политизированного решения экономических проблем «брежневской эпохи» относятся строительство Байкало-Амурской магистрали, возведение Чебоксарской ГРЭС, разработка плана «поворота сибирских рек» и т.п.

Провал «широкой» экономической реформы стал началом деградации всей советской экономики, которая, лишившись материального стимула, стала медленно и верно сползать к неминуемой гибели. По оценкам российских и зарубежных ученых во второй половине 1970-х годов советская экономика оказалась в предкризисном состоянии, в первой половине 1980-х годов – вступила в полосу всеобъемлющего кризиса, во второй половине 1980-х годов – оказалась в трагической ситуации экономического хаоса, а в начале 1990-х – зависла над бездной экономической катастрофы.

Безысходное движение к логической развязке явственно демонстрируют цифры падения прироста национального дохода СССР за четыре последние пятилетки:

- по итогам 8-й пятилетки (1966-1970 гг.) прирост национального дохода, как уже отмечалось выше, составил 41%;
- к концу 9-й пятилетки (1971-1975 гг.) – 27%;
- за 10-ую пятилетку (1976-1980 гг.) – 21%;
- за 11-ую пятилетку (1981-1985 гг.) – 17%.

Таким образом, за 20 лет (из них 18 лет брежневского правления), предшествующих перестройке, прирост национального дохода СССР сократился более чем в 2 раза!

Кризис в экономическом развитии страны имел нарастающий характер и постепенно охватывал все сферы производства, даже те, которые находились в зоне особого правительственного внимания и считались основой могущества коммунистической сверхдержавы. СССР начал стремительно терять свои экономические позиции на международной арене, негативные явления стали проявляться даже в «святая святых» советской индустрии – военно-промышленном комплексе.

Однако господствующая в стране геронтократия была не способна коренным образом повлиять на плачевное положение и изменить его в лучшую сторону. Консерватизм и косность мышления, инертность практической деятельности определяли сущность этой дряхлеющей власти, заставляли ее действовать по принципу «после нас хоть потоп».

Конечно, время от времени предпринимались попытки стабилизировать ситуацию и как-то воздействовать на выходящий из под контроля процесс развала экономики. Однако все эти потуги не выходили за рамки командно-административных мер и в итоге не давали нужного эффекта.

К таким попыткам, направленным на наведения порядка в стране, относятся энергичные действия Ю.В. Андропова, сменившего на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, скончавшегося «верного ленинца», «теоретика марксизма-ленинизма» и «пламенного борца за мир», четырежды Героя Советского Союза Л.И. Брежнева. Андропов первый из коммунистических лидеров взял на себя смелость открыто заявить о наличии «некоторых негативных явлениях в советской экономике». Сначала в ряде устных выступлений, а затем и в теоретической статье, опубликованной в журнале «Коммунист», новый Генеральный секретарь попытался проанализировать экономическую ситуацию, сложившуюся в стране к началу 1980-х гг., определить допущенные ошибки и найти пути решения возникших проблем.

Практическим выражением теоретических выкладок, сделанных Ю.В. Андроповым, стал ноябрьский Пленум ЦК КПСС 1982 года и последующая вслед за его решениями кампания по наведению порядка в стране. Главной причиной негативных явлений возникших в советской экономике Пленум

определил нарушения трудовой дисциплины на производстве. Поэтому все мероприятия, осуществляемые в рамках развернутой кампании, носили традиционный для СССР директивный и командно-административный характер. «Закручивание гаек» выразилось в жестких мерах направленных на борьбу с простоями, прогулами, пьянством на производстве. Нарушавших трудовую дисциплину исключали из различного рода очередей (на квартиру, на машину, на мебель), лишали «тринадцатой зарплаты», путевки в дом отдыха и других дефицитных социальных благ. На предприятиях создавались специальные комиссии, контролирующие соблюдение режима работы, на улицах действовали специальные бригады, выявлявшие людей покинувших производство в рабочее время. Первоначально меры подобного характера имели временный эффект и способствовали укреплению трудовой дисциплины на советском производстве. Однако эпоха «командования и администрирования» уже давно прошла, а усиления материального стимула к качественному и производительному труду «реформы» Андропова не предусматривали. Они носили поверхностный характер и никак не влияли на устранение главных тормозов в развитии советской экономики: командно-административной системы управления, плановости в осуществлении народно-хозяйственных задач, экстенсивности производственных процессов.

В результате все оставалось по прежнему, а административный ресурс воздействия на экономику быстро иссяк, чему способствовала и скорая кончина Ю.В. Андропова. Попытки выполнить задачи 11-й пятилетки закончились полным провалом. Вместо запланированных 20% прироста национального дохода, достигли лишь цифры в 17%. Не выполнили плановые задания ведущие отрасли советской индустрии: металлургия, машиностроение, химическая промышленность. Во весь рост встала проблема качества выпускаемой продукции. Основной показатель советской экономики – валовый продукт, активно способствовал тому, что в погоне за количественными данными, руководители предприятий практически игнорировали качественные характеристики выпускаемой продукции, что способствовало формированию удивительного экономического феномена, когда при видимом изобилии товарной массы существовал острый потребительский дефицит. На рубеже 1970-х – 1980-х гг. металлургия СССР выпускала металла вдвое больше, чем американская, однако более 50% этого стратегически важного продукта из-за низкого качества уходило в стружку при металлообработке. Советский Союз в 6 раз превосходил США по выпуску сельскохозяйственных машин (тракторов, комбайнов и т.д.), но несовершенство этих изделий обуславливало ситуацию, когда в разгар уборочных или посевных работ более 60% машинно-тракторного парка нуждалось в частичном или капитальном ремонте. Не лучше дела обстояли и в легкой промышленности. К примеру, обувные фабрики СССР производили обуви в 3 раза больше, чем их американские визави, однако и по внешнему виду, и по эксплуатационным харак-

теристикам значительно уступали им, что отпугивало покупателя, приводило к затовариванию не реализованной продукции.

Такое положение дел наносило тройной удар по советской экономике, а значит, расшатывало и устои всей социалистической системы, оказавшейся не способной обеспечить населению страны высокий уровень потребления. Первый удар заключался в том, что на производство товарной массы тратились огромные деньги, обеспечивавшие добычу необходимого сырья, изготовление продукции, ее складирование и наконец реализацию через систему государственных магазинов. Однако низкое качество предлагаемой потребителю продукции не могло обеспечить необходимого уровня продаж, в результате чего не только не достигалась рентабельность, но и не окупались расходы затраченные на ее производство. К концу правления Л.И. Брежнева на складах готовой продукции покоилось залежалого и никому не нужного товара на 60 млрд. руб. Острый потребительский дефицит порождал и второй удар по социалистической системе – социальный. Сущность его заключалась в том, что проявляя неспособность к насыщению потребительского рынка качественными товарами, советское государство оказалось бессильно и в плане выполнения контрольных функций. Тотальный дефицит качественных товаров порождал «черный» рынок, где по спекулятивным ценам реализовывалась главным образом импортная продукция. В стране формировалась разветвленная сеть подпольных цехов, производивших «имитацию» изделий ведущих западных фирм и реализовывавших их через «черный» рынок, в обход действующих тогда законов, успешно избегая контактов с контрольно-карательными органами. По оценкам некоторых экономистов так называемая «теневая» экономика СССР давала не менее 25% от всей выпускаемой в стране продукции.

Не менее серьезным по своим последствиям был и третий удар – идеологический. В сознании большинства населения исподволь утверждалась понимание того, что любой произведенный на западе товар значительно конкурентноспособнее отечественного аналога, а вслед за этим объективно формировались представления о более эффективном функционировании западных социально-экономических и общественно-политических моделей. Эти стереотипы, подтверждающиеся реалиями жизни, было уже невозможно разрушить никакими идеологическими догмами и штампами.

В рамках 11-й пятилетки не была до конца выполнена ни одна социальная программа. В стране остро стояли жилищная и продовольственная проблемы, много нерешенных задач имелось в сферах образования и здравоохранения, не удовлетворяла потребностей населения работа общественного транспорта.

Провал всех попыток предотвратить или хотя бы замедлить системный кризис социалистической государственной модели, обуславливался еще и рядом объективных моментов, негативно влиявших на экономические про-

цессы. Начиная с 1970-х гг. в СССР наблюдался демографический кризис. Резкое снижение рождаемости приводило к тому, что за 9-ю, 10-ю, 11-ю пятилетки разница между людьми вновь пополнявшими производство и уходившими на пенсию в среднем составляла 8 млн. человек. Это создавало резкую нехватку рабочих рук, что в условиях экстенсивного развития экономики грозило непредсказуемыми последствиями.

С середины 1970-х годов обозначился и так называемый «сырьевой голод» советской экономики. Старая промышленная политика, основанная на функционировании предприятий в непосредственной близости от сырьевого источника, стала давать серьезные сбои в силу истощения близлежащих природных богатств. Возникла необходимость поиска и разработки новых месторождений, а также транспортировки вновь найденных полезных ископаемых на очень длительные расстояния, что приводило к тройному удорожанию сырья и крайне негативно сказывалось на ритмичности производственных процессов в советской промышленности.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. «холодная» война СССР с Западом вступила в новую фазу своего развития. Изматывающая гонка вооружений требовала от советской супердержавы на удовлетворении военных нужд только по официальным данным не менее 17% от всего государственного бюджета ежегодно. Если же учитывать все отрасли советской индустрии скрыто или полускрыто работавшие на укрепление обороноспособности СССР, то цифра будет несравненно выше. Политическое, экономическое и идеологическое противостояние с Западом заставляло советское руководство лелеять главным образом военно-промышленный комплекс, сосредотачивать здесь основные финансовые средства, лучшие научные, инженерно-технические и рабочие ресурсы силы. В то же время другие индустриальные отрасли, аграрный сектор, социальная сфера и область культурного развития, поставленные в условия остаточного принципа финансирования, деградировали и постепенно приходили в состояние полного упадка.

Ю.В. Андропов, будучи «плоть от плоти» порождением командно-административной системы не понял и объективно не желал понимать глубину системного кризиса разразившегося в стране, поэтому все его директивные реформы были обречены на провал. Однако исторической заслугой этого человека является то, что он первым из коммунистических вождей обратил пристальное внимание на наличие негативных явлений в советском социуме и публично заявил об этом. Вопрос был поставлен «ребром», по этому новому руководству Советского Союза, пришедшему к власти весной 1985 года, уже нельзя было отмахнуться от назревших проблем. Их нужно было решать на основе «нового мышления», кардинально реформируя и перестраивая все структуры громоздкого механизма, отжившей свой век социалистической системы.

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-7455. 2006.

1. История СССР. Эпоха социализма / Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1985; Сталин – Хрущев – Брежнев: Проблема политического лидерства в советском обществе // Общественные науки. 1989. № 1; На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990; Мунчаев Ш.М., Устинов В.В. История России. М., 2000; Маркова А.Н., Скворцова Е.М., Андреева И.А. История России. М., 2001.
2. Верт Н. История советского государства. 1900-1990 гг. М., 1992; Боффа Д. История Советского Союза. Т. 1-2. М., 1995.
3. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. М., 1995; Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия. XX век. М., 2000; Выбор пути. История России. 1939-2000 / Под ред. А.Т. Тертышного. Екатеринбург, 2001.
4. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю. Афанасьева. М., 1997.
5. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991 гг. М., 1998; Земцов В. Крах эпохи. М., 1999.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Суржикова Н.В.
(Екатеринбург)

**Реалии плена 1914-1917 гг. в контексте
трансформаций власти и общества
(на материалах Уральского региона)**

Вплоть до конца XX в. иностранные военнопленные, поневоле оказавшиеся на территории России в результате Первой мировой войны, в качестве самостоятельного объекта исследования практически не изучались, равно как и институции, порожденные практикой плена. Концентрация научного интереса вокруг героических страниц революционной борьбы пленных породила обширную историографию о воинах-интернационалистах (1), в которой реалии плена обозначены весьма избирательно.

Представления советской исторической науки о роли пленных иностранцев в революционном движении в России, изрядно «заболоченные» атаквистическими идеологизмами, подверглись в последние годы серьезной корректировке (2). Современные авторы, по сути, наполнили эту проблему иным содержанием, показав, что русский плен во многом был отражением системного кризиса империи, отчетливо обозначившегося на фоне затянувшейся войны.

Интегрирующим фактором для специальных исследований ретроспективной проблематики стало позиционирование плена как некой динамики

конкретно-исторических феноменов и как сегмента универсального опыта человечества одновременно. Внушительность территориальных пределов страны априори исключала однородность реалий военного плена на местах. Думается, именно по этой причине отечественные историки пошли по пути «провинциализации» научного поиска (3). Множественность пространственного контекста, создающая иллюзию замыкания исследовательских усилий в узких регионально ориентированных рамках, на самом деле более или менее успешно препятствует схематизации картины прошлого. Одной из ее вариатив стала уральская составляющая плена Первой мировой войны, отличная от прочих в силу специфики местного хозяйственного организма.

По подсчетам М.А. Фельдмана, с началом войны уральская промышленность лишилась $\frac{1}{3}$ рабочих кадров (4). Уже в августе — октябре 1914 г. «о желании принять ... на работы» порядка 2,6 тыс. военнопленных заявило управление Богословского горного округа, 2,5 тыс. — Западно-Екатеринбургский горный округ, 2-х тыс. — Гороблагодатский горный округ, 1,5 тыс. — Камское акционерное общество, 1,04 тыс. — Чердынский горный округ, 0,8 тыс. — горный начальник Златоустовских заводов, 0,75 тыс. — администрация Северо-Екатеринбургского округа, более 0,8 тыс. — Южно-Екатеринбургский округ (5).

К концу 1915 г., по данным Центрального военно-промышленного комитета, на предприятиях края работало не менее 24 тыс. пленных иностранцев, по данным Совета Съездов горнопромышленников Урала — около 25 тыс., или 17,4 % общей численности рабочих региона (6).

С началом 1916 г. статистика обращения военнопленных на работы продолжала прогрессировать. Выборочный анализ трудового фонда уральских предприятий показал, что на 1 января 1916 г. 50 хозяйствующих субъектов края использовали труд 16879 военнослужащих неприятельских армий. К 1 апреля того же года сопоставимую цифру в 15029 чел. давали уже всего 15 производств (7).

К лету 1916 г. статистика уральского плена значительно выросла, достигнув более чем 50-тысячного показателя (8). Удельный вес пленных в экономически активном населении Урала приблизился к 30-процентной отметке, а в отдельных производствах превысил долю отечественных рабочих. К таковым, например, относились «владения» Богословского горного округа, где из 33 тыс. рабочих русских было 12 тыс. при 17 тыс. пленных и 4 тыс. китайцев и корейцев (9).

То, что главным «потребителем» пленных на Урале была промышленность, конфигурации которой определялись в основном горно-металлургической отраслью, серьезно отличало местную ситуацию с распределением рабочих рук от общероссийской тенденции. Последняя заключалась в более высокой концентрации отвоёванных солдат противника в аграрном секторе, который в 1916 г. поглотил свыше 640 тыс.

пленных, или 57,4 % от общего числа распределявшихся, тогда как Министерству торговли и промышленности было выделено 200 тыс. чел. (17,9 %), а Министерству путей сообщения — около 140 тыс. чел. (12,6 %) (10).

В 1917 г. численность пленных вражеских армий на Урале снова возросла. По архивным данным, к 9 сентября 1917 г. только негосударственные заведения Пермской губернии использовали труд 62,1 тыс. военнопленных (11). Тенденция рутинизации обращения вражеских военнопленных на работы стала реальностью, что предотвратило сокращение производства и его возможное замораживание.

Формирование в регионе заметной «армии» поверженных неприятельских военнопленных потребовало дополнительной регламентации условий их содержания. 27 и 28 июля 1915 г. были подписаны обязательные постановления о пленных, занятых в частных промышленных предприятиях и крестьянских хозяйствах Пермской губернии. Принятые в развитие норм общероссийского законодательства, эти документы обязывали пленных добросовестно трудиться и беспрекословно подчиняться всем требованиям властей. Ограничивались «не вызываемые деловой надобностью и житейским обиходом» контакты иностранцев с русскими. Ответственность за материально-бытовое положение вражеских военнопленных возлагалась на использующие их организации, и оговаривалось, что пленные не в праве предъявлять администрации каких-либо претензий (12).

В период массового поступления военнопленных на Урал обнаружилось, что к их приему край был готов лишь относительно. Актуальнейшей проблемой стала нехватка помещений, что заставило спешно приспособлять под жилье имевшиеся строения и возводить новые. Так, в Екатеринбурге пленных временно поселили в Харитоновском саду, в зданиях Вознесенской и Гоголевской школ, на территории нового Гостиного двора, а позже — в Верх-Исетском народном доме-театре. Безусловно, больше повезло пленным, переданным в заводские предприятия, где быт рабочих был более или менее организован. В частности, в Златоустовском горном округе условия проживания военнопленных и местных рабочих сразу определялись как аналогичные: в куренях тем и другим отводились бараки, при углевыжигательных печах — казармы (13).

Практически нерешаемой была задача изоляции пленных иностранцев от обывателей, что порождало новые трудности. С начала 1915 г. местная печать буквально запестрила — и небезосновательно — сообщениями об опасности распространения в регионе эпидемических заболеваний, завозимых вместе с пленными. 17 января в Пермь прибыло 523 турка, в числе которых 100 чел. болело, а 10 умерло в дороге от тифа. Всю партию отправили в село Верхние Муллы, где к 20 марта заболел 221 пленный и 54 скончалось. При ликвидации эпидемии заразилось 30 чел. медицинского персонала и 11 служителей казачьей сотни, охранявшей пленных, из них 7 чел. погибло (14). Другой инфекционный взрыв разразился в Камышлове, где вскоре по-

сле доставки в город за медицинской помощью обратилось 47 турецких пленнх, четверо из которых умерло за сутки после госпитализации. К 6 февраля 1915 г. число скончавшихся достигло 46 чел. (15).

По статистике губернской земской управы, в 1915 г. инфекционными заболеваниями переболело 664 пленнх. В следующем 1916 г. настоящей напастью стала цинга. В Невьянске ее перенесли 200 чел., трое скончалось. В Верхотурье заболело 449 пленнх, из них 315 страдало цингой, от которой 60 чел. погибло (16).

Опасное соседство военнопленнх с местными жителями вынуждало военные и гражданские власти лихорадочно искать способы предотвращения эпидемий в регионе. По пути следования эшелонов с пленными создавались обсервационные и изоляционные пункты. В начале апреля 1915 г. начальник Пермской железной дороги приказом по линии распорядился пресекать любыми способами попытки покупки у военнопленнх каких-либо вещей во избежание распространения заразных болезней. К тому времени на ст. Екатеринбург-I уже соорудили три «заразных барака» для пленнх на 300 кроватей. В Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском, Оханском, Пермском и Соликамском уездах бараки устраивались за счет губернского земства, в Ирбите на его средства оборудовался специальный госпиталь на 210 коек (17).

На производствах, где были заняты военнопленные, их физические кондиции систематически отслеживались. Неспособные к работе выявлялись сразу по прибытии и возвращались местным военным властям. Так, летом 1916 г. администрация Богословской каменноугольной копи после медосмотра двух последних партий пленнх отказалась от 61-го чел. (18). Заболевшие или получившие увечье уже на месте пользовались общей больницей, которая специально для обслуживания пленнх дополнительно «истребовала» 2 австрийских врача и 5 фельдшеров. Позже сюда прибыли еще 2 доктора и 5 фельдшеров, работавшие на постоянной основе (19). Источники недвусмысленно указывают, что заинтересованность уральских промышленников в сбережении дефицитных людских ресурсов оказалась тем фактором, который фактически исключил вспышки эпидемических заболеваний среди отданных на предприятия региона военнопленнх, а также продемонстрировал преимущества медицины, основанной на производственном принципе, над медициной территориальной.

Что касается питания пленнх, то оно осуществлялось по специальным нормам, установленным централизованно. При этом на местах рацион питания мог значительно варьироваться. В Лысьвенском лесничестве одноименного горного округа пленный ежедневно получал хлеба черного и белого пополам — 3–4 фунта, мяса — 0,5–0,75 фунта, крупы — 24 зол., масла и сала — 2,5 зол., картофеля — 0,5 фунта, капусты — около 0,25 фунта, чая — 1 зол., сахару — 8 зол. На рудниках Кусье-Александровского завода

Лысьвенского горного округа суточная норма питания пленного составляла: хлеба белого — 0,75 фунта, хлеба черного — 2,25–2,75 фунта, мяса — 0,5–0,75 фунта, чая — 0,4 зол., крупы — 32 зол., гороху — 16 зол., крупчатки — 64 зол., масла — 2–3,25 зол., муки — 13 зол., картофеля — 3 зол., капусты — 0,5 фунта, сахара — 6,95 зол. (20).

В октябре 1916 г. в связи с назреванием экономического кризиса нормы питания пленным в России были уменьшены. Была узаконена практика устроительства дважды в неделю постных дней, равно как и замены мяса другими продуктами в остальное время (21). Во избежание неувязок в распределении провианта между населением и вражескими военнослужащими в июле 1916 г. пермский губернатор принял постановление, воспрещавшее пленным «производить покупку всякого рода съестных припасов в иные дни и часы, кроме установленных местным Обывательским Комитетом или заменяющим его учреждением, а равно покупать таковые припасы в количестве, превышающем устанавливаемые тем же порядком предельные нормы их отпуска неприятельским подданным» (22). В феврале 1917 г. запрет на бесконтрольное приобретение пленными продуктов на окрестных рынках наложил и командующий Казанского военного округа.

К концу 1916 — началу 1917 гг. практически на всех предприятиях Урала, где были заняты военнопленные, начались перебои в поставках провианта и предметов первой необходимости. В марте 1917 г. «хлебная» проблема стала причиной серьезного конфликта между пленными и заводоуправлением в Каслях. 300 чел., недовольные выдачей черного хлеба вместо белого, отказались от работ. Положение усугубили дошедшие до уральской глубинки известия о свершившейся в Петрограде революции. Полиция оказалась разоруженной, и прекратить забастовку удалось только с вмешательством уездного воинского начальника (23).

Осенью 1916 — весной 1917 г. на Урале было зафиксировано несколько аналогичных инцидентов. Стихийные по своему характеру, они в большинстве своем были следствием напряженной ситуации с материально-бытовым обеспечением пленным. В условиях стремительно нарастающей архаизации социально-экономических структур закономерным явлением становится радикализация настроений пленным, вылившаяся в падение трудовой дисциплины, увеличение числа побегов, требования свободы собраний, профессиональных и религиозно-просветительских союзов и пр. В январе 1917 г. заведующий Усть-Сылвицкого (Коноваловского) завода в рапорте на имя горного начальника Гороблагодатского округа писал: «Военнопленные — это самый большой и трудный вопрос Усть-Сылвицкого завода. При посещении барачных бросаются в глаза признаки какой-то военной организации: имеются коменданты барачных и коменданты партий, раздается команда “встать”, но это только показная сторона. При выходе на работу военнопленные теряют связь со своими комендантами и превращаются в беспорядоч-

дочную толпу — избалованную и своевольную. К этому присоединяется полное недоверие пленных к администрации, укоренившееся благодаря нарушению даваемых обещаний...» (24).

Таким образом, военнопленные, вовлечение которых в хозяйственную жизнь края должно было иммунизировать местные социально-экономические институты от тенденций дестабилизации, постепенно превратились в фактор, способствовавший деградации материальной и социальной жизни российской провинции. В этой связи участие пленных в беспрецедентных турбуленциях российского социума 1917–1920-х гг. оказалось неизбежным.

1. См. об этом, напр.: Валхар Ф., Форст Л. Организация военнопленных в Симбирске // 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936; Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. К истории советско-венгерских интернациональных связей: Сб. статей. М., 1980; Гирченко Вл. П. Революционная деятельность иностранных интернационалистов-военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеуединск, 1933; Данилов В.А. Великий Октябрь и иностранные военнопленные на Урале и в Сибири // Ученые зап. Свердл. и Тюмен. пед. ин-тов. Сб. 151: Историч. Вып. 3(8). Свердловск, 1970; Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967; Клеванский А.Х. Военнопленные Центральных держав в царской и революционной России (1914–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965; Колмогоров Н.С. Красные мадьяры. Новосибирск, 1970; Комарова Ф.А. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М., 1958; Краснов В.Г. Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М., 1989; Кривогуз И.М. Германские военнопленные-интернационалисты в России в 1917–1920 гг. // Ноябрьская революция в Германии. М., 1960; Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917. М., 1965; Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1963. № 2; Хильченко М. Интернационалисты на Урале в период Великой Октябрьской социалистической революции // Осуществление принципов пролетарского интернационализма в процессе социалистической революции. Свердловск, 1974; Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России. 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3; и др.

2. Полторак С.Н. «Красная» и «Белая» Россия: два взгляда на проблему российского гражданства бывших военнопленных Первой мировой войны // Новый часовой. СПб., 1996. № 4; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1; Субаев Н.А. Мусульманские общественные организации в России и турецкие военнопленные 1915–1918 годы // Языки, духовная культура и история тюрок: история и современность. Тр. Междунар. конф. В 3-х т. Т. 1; Целищев О.А. Немецкие пленные Первой мировой войны в Башкирии после Октябрьской революции (1918–1922 гг.) // Немцы на Урале и в Сибири. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2001; и др.

3. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Вглядываясь в прошлое. Дальневосточное общество в 1917–1940-е гг. XX в. Сб. науч. ст. Владивосток, 2002; Гордеев О.Ф. Ис-

пользование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны: аспекты международного права // Красноярский край: история в документах: Тез. док. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 2004; Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. Омск, 1997; Иванов Ю.А. Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. 2000. № 2; Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; Машкова Н.Н. Использование труда военнопленных в сельском хозяйстве Челябинского уезда Оренбургской губернии в 1916 году // Вестн. ОГПУ. Гуманитарные науки. 2001. № 5(26); Поликарпов В.В. Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2007. № 1; Рукосуев А.Е., Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на предприятиях Богословского горного округа: условия труда и содержания // Вооруженные конфликты на рубеже XIX–XX вв. Материалы межрегиональной науч. конф. Екатеринбург, 2004; Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны в экономике Среднего Урала в 1914–1917 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005; Она же. Организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг.: поиски и решения // Проблемы российской истории. Вып. VI. М.–Магнитогорск, 2006; Шкаревский Д. О привлечении немецких военнопленных в сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // «Aus Sibirien-2005»: научно-информационный сб. Тюмень, 2005; и др.

4. Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 88.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.24. Оп.20. Д.3174. Л.6, 12 об., 20, 22, 29, 43 об., 44, 55, 57.
6. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 445 об.; Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Б/м, б/г. С. 31.
7. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 85. Л. 103–113 об.
8. Уральская жизнь. 1916. 24 мая.
9. ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 446.
10. Подсчитано автором по: Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
11. ГАСО. Ф.50. Оп.2. Д.3184. Л.322–324.
12. Пермские Губернские Ведомости. 1915. 27, 28 июля.
13. ГАСО. Ф.24. Оп.26. Д.43. Л.32–33. Оп.14. Д.964. Л.183.
14. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013. 1915. № 1–2. С.71.
15. Уральская жизнь. 1915. 20 февр.
16. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 1–2. С. 8, 643.
17. Уральская жизнь. 1915. 31 янв., 7 февр., 5 апр.; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1915. № 3–4. С.120; 136, 659–661.
18. ГАСО. Ф.45. Оп.1. Д.275. Л.14–17.
19. Там же. Ф.24. Оп.26. Д.43. Л.32–33. Ф.45. Оп.1. Д.1041. Л.1–2.
20. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.146. Оп.1. Д.95. Л.265–265 об., 267–267 об. Один фунт — 409,5 грамма, золотник — 4,266 грамма.
21. Там же. Д.83. Л.153–153 об.
22. Пермские Губернские Ведомости. 1916. 28 июля.

Сурина М.В.
(Екатеринбург)

Состояние и перспективы исследования этнических процессов на Урале во второй половине XX века

В преддверии перестройки – в 1970-х – первой половине 1980-х гг. – происходит становление этнической демографии как промежуточной дисциплины между демографией и этнографией, изучающей особенности этнических процессов как в глобальном масштабе, так и на региональном уровне. В этот период, когда проблемы межнациональных отношений не считались актуальными для СССР, основной задачей науки считалось изучение методами демографии особенностей воспроизводства этносов. Только в конце 1980-х гг., когда происходит обострение межнациональных конфликтов в различных регионах СССР, рамки этнической демографии становятся шире: в задачу дисциплины входит также разработка методов определения численности этносов, анализ этнической структуры населения в ее статике и динамике, выявление относительной доли в динамике этнической структуры разных факторов (демографических, миграционных и этнических процессов) и другими проблемами, возникающими на пересечении этнографии и демографии.

Уральский регион длительное время не рассматривался в своем этническом единстве. Изучение этнических аспектов естественного и механического движений населения началось в национально-территориальных образованиях Урала – в республиках Башкортостан и Удмуртии, а также в южных областях Уральского региона – Челябинской и Оренбургской, т. е. в регионах, отличающихся многонациональным составом и относительно низкой удельной долей русского населения. Этнодемографические исследования были направлены преимущественно на изучение влияния демографических процессов на обострение межнациональных отношений.

Все исследования, посвященные этнодемографическому развитию региона, можно условно разделить на две группы.

Первую группу составляют чисто демографические исследования, посвященные анализу изменений этнического состава населения и связанным с этим процессом обострением межэтнических отношений. Детальное исследование всех аспектов этнодемографического развития началось с конца 1980-х гг., когда были ликвидированы все препятствия для изучения весьма сложных проблем межэтнического взаимодействия в многонациональном регионе. Начало нового этапа в этнодемографических исследованиях положил выход ряда сборников статей, посвященных современному состоянию межнациональных отношений и этнодемографической ситуации на территории Башкирской Республики (1). В течение последнего десятилетия появля-

ются исследования как общих этнодемографических и этносоциальных проблем, так и отдельных их аспектов. Данные проблемы приобрели особую актуальность в связи с обострением в республике так называемого «татаро-башкирского узла» и сепаратистских тенденций, негативно отразившихся на межнациональном взаимодействии. Общим вопросам этнодемографического развития региона и проблемам дестабилизации межнациональных отношений посвящены работы А.М. Аринина, В.В. Болтушкина, А.А. Ахмадеева, Р.Н. Кутушева, Н.В. Бикбулатова, Т.М. Гарипова, Р.Г. Кузеева, М.В. Мурзабулатова, З.Н. Нуртдиновой, Р.Н. Сулеймановой, Р.М. Тухватуллина, М.Ф. Хисматова (2). Большое внимание уделяется изучению проблем межнациональных семей как одного из важнейших факторов стабилизации межнациональных отношений в Башкортостане в исследованиях И.М. Габдрафикова, Г.А. Комарова, М.В. Мурзабулатова, З.Г. Уразбаевой (3). Проблеме языковой ситуации в Башкортостане посвящены исследования К.Гарифьянова, Т.М. Гарипова, Р.М. Тухватуллина (4). Развитию отдельных этнических групп посвящены диссертационные исследования М.Д. Киекбаева, А.М. Гафурова, З.М. Давлетшиной (5). Наряду с новыми направлениями в изучении этнических процессов, относящихся более к чисто демографическим исследованиям, продолжается разработка проблемы этнического и этносоциального развития региона в «историческом разрезе» с использованием демографических методов исследования. Таковы, например, исследования М.Д. Киекбаева, Г.А. Киньябаевой, Н.Н. Моисеевой-Томашевской, У.Х. Рахматуллина, М.И. Роднова, Ю.Н. Сергеева (6).

В Удмуртии этнодемографические исследования приняли несколько иной характер. Проблемы межнациональных «трений» и сепаратистских установок «титовых» наций не были свойственны для данного региона. Исследователей более волновали такие актуальные для республики проблемы, как сохранение национальной культуры и национального самосознания удмуртов в связи с активными ассимиляционными процессами, постепенное исчезновение сельских мест компактного проживания населения этой этнической группы (т. н. «землячеств») в результате урбанизации. Большое внимание в Удмуртской республике уделялось изучению этнодемографических аспектов развития сельского населения в связи с продолжающимся процессом урбанизации и оттока населения из сел в города, угрожающим существованию особых удмуртских «землячеств». Проблемы развития и сохранения национальных сельских поселений, изменения в социальном составе сельского населения рассматривались в работах Г.П. Белоруковой, А. Разина, Г.К. Шкляева (7).

Одной из важнейших проблем, актуальной для Удмуртской республики, является проблема этнокультурного развития. Существенным аспектом этого развития являются языковые процессы, зависящие, в свою очередь, от исторического и национального самосознания, а потому требующей сочета-

ния этнографических, этнодемографических и этносоциологических исследований. Исследование развития национального самосознания финно-угорских народов началось в 1970-1980-х гг., когда процесс быстрого «обрусения» коренных народов принял катастрофический характер. Быстрые темпы урбанизации, сопровождающиеся разрушением национальных сельских поселений, недостаточное внимание к национально-культурному развитию привели к снижению уровня этнического самосознания, особенно у молодых поколений, незнанию родного языка и т. д. Эта проблема рассматривалась этнодемографами и социологами еще в «доперестроечное» время (8), однако ее освещение отличалось «однобокостью», поскольку целью национальной политики ставилось повышение уровня грамотности населения, особенно старших поколений, а высокий уровень ассимиляции должен был свидетельствовать о «сплоченности наций». Более серьезно и всесторонне проблема национально-культурного развития и национального самосознания была изучена лишь в 1990-е гг. в работах Г. Белоруковой, Н.В. Ишмуратова, А.А. Разина и Л.С. Христолюбовой (9). В исследованиях поднимались важнейшие проблемы утраты молодыми поколениями основных составляющих национального самосознания: осознания принадлежности к своему этносу, низкий уровень знания своего национального языка и национальной культуры в целом. Изучение этого пагубного для национальных культур процесса в динамике проводилось при использовании целого комплекса этнодемографических и этносоциологических методов исследования.

Обострение межнациональных отношений, ставшее результатом политических потрясений рубежа 1980-х – 1990-х гг., не могло не задеть многонациональное Оренбуржье. Поэтому в 1990-е гг. одной и важнейших дискуссионных тем становится тема межнациональных отношений и межкультурного взаимодействия в регионе. Среди работ, посвященных этой тематике, выделяются исследования В.В. Амелина и В.Н. Рагузина (10).

Вторую группу исследований составляют историко-демографические работы, широко использовавшиеся при воссоздании картины этнодемографического развития региона в динамике и определении влияния национальной политики государства на этот процесс.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. вышел ряд исследований, посвященных проблеме развития отдельных этносов на территории Башкортостана, в разное время и по разным причинам попавших на Южный Урал. В работах В. Я. Бабенко, А.Я. Блинкены, Н.Ф. Бугая, Р.Г. Кузеева, У.Ф. Надергулова, И.Г. Петрова, А. Рыклина (11), рассматривающих данные проблемы, особое внимание отводится влиянию национальной политики государства в преддверии перестройки на национальные процессы в регионе.

В советский период фактически не было каких-либо серьезных исследований историко-демографического развития многонационального Оренбуржья, тем более что изменение национального состава происходило под

влиянием массовых переселений, в частности, депортаций. Лишь с 1990-х гг. этнодемографическое развитие Оренбургской области становится предметом изучения историков, этнографов и демографов. Применяя новые методологические подходы и современные методики исследования, ученые вновь воссоздают картину заселения региона, формирование национального состава населения, влияние внешних и внутренних факторов на этнодемографическое развитие. Данная тематика находит свое отражение в работах А.Н. Дубинина, А.В. Федоровой, Ю.С. Зобова, В.П. Торукало, Л.И. Фutoryянского (12). В центре внимания исследователей находится не только национальное развитие в целом, но и историко-демографические аспекты развития отдельных этнических групп. Особенно многочисленны исследования, касающиеся немецкой этнической группы. При поддержке Всероссийского союза немцев и ряда зарубежных организаций регулярно выходят сборники статей, посвященных немцам Оренбуржья, организуются конференции (13). Однако ввиду того, что проблема немцев в России ранее фактически не рассматривалась, интерес исследователей концентрируется прежде всего на воссоздании истории немецких поселений, изучении репрессивной политики государства по отношению к немцам в первой половине XX века, оценивается вклад немцев в развитие экономики, науки и культуры государства (14). Демографические аспекты развития немецкой нации в Уральском регионе на современном этапе, за редким исключением, не являются предметом специальных исследований.

Со второй половины 1980-х гг. проводятся исследования исторической этнодемографии тюркоязычных народов Оренбуржья: татар, башкир, казахов, составляющих существенную часть населения края. Историко-демографические аспекты развития этих народов освещены в работах Н.А. Халикова, Ю.Г. Мухаметшина, Г.М. Мендикулова, Г. Косач, Ю.С. Зобова (15), где не только представлено развитие этносов в динамике, но и сделана попытка определения места этих этносов в общей пестрой этнической картине Оренбуржья.

Этнодемографическое развитие Западного и Среднего Урала до сих пор остается неизученным. Пермская и Свердловская области отличаются от других уральских регионов высокой удельной долей русского населения (87-92 %), и, соответственно, отсутствием серьезных межнациональных трений. Многонациональный состав населения Пермского края и Свердловской области изредка становился темой ряда статей в областных и городских газетах (16), а также главы в учебном пособии для учителей (17). В последние годы появляются отдельные публикации, касающиеся историко-демографических аспектов развития отдельных этносов. Т.В. Проценко, Б.И. и А.М. Бурштейн исследовали процесс расселения еврейской диаспоры (18), Н.А. Дубова, О.Д. Комарова, А.Н. Ямсков дали историко-демографическую характеристику русским, башкирам и татарам юга Перм-

ской области (19). Е. В. Безбородова сделала анализ численности и этнического состава населения Свердловска, опираясь на материалы переписи 1939 г. (20), однако для выявления тенденций этнодемографического развития необходимо исследование изменения пропорционального соотношения этнических групп в динамике.

В последнее десятилетие осуществляются активные попытки создать общую картину этнодемографического развития Уральского региона. Если ранее Урал не рассматривался этнографами как единая этнографическая область, то на современном этапе Урал выступает как стратегически важный многонациональный регион, стабильность межнациональных отношений в котором во многом выступает гарантом стабильности во всем государстве. В рассматриваемый период наметились две тенденции в изучении этнодемографического развития Уральского региона:

1. Определение историко-демографических характеристик отдельных этносов Урала. В.П. Мотревич и Т.В. Прошенок исследуют демографические аспекты развития еврейского этноса. Основываясь преимущественно на материалах переписей населения, исследователи проводят анализ динамики численности евреев Урала и выявляют этносоциальные особенности хозяйствования (21). И.А. Халиков рассматривает территориальные и этносоциальные аспекты традиционного хозяйства уральских татар, также используя статистический материал (22). Не могла не привлечь внимание исследователей проблема развития самого многочисленного этноса Урала – русских. В этой связи следует упомянуть статью М.К. Тасоевой, в которой автор анализирует демографические изменения, происходившие в 1970-80-е гг. (23).

2. Этнодемографическая структура населения Урала и межнациональные отношения. Это направление исследований прежде всего представлено работами А.И. Кузьмина, Г.Е. Корнилова, А.Г. Оруджиевой, Т.Н. Лепоринской, которые представили картину этнодемографического развития всего Уральского региона в XX веке и исследовали проблемы межнациональных отношений в связи с изменениями этнодемографической обстановки в регионе (24). Заметным событием стал выход учебного пособия «Этнодемографическое развитие Урала в XIX-XX вв.», в котором авторы поставили цель рассмотреть основные проблемы развития этнодемографических структур Урала (25).

Однако слабая изученность этнодемографического развития Западного и Среднего Урала не позволяет создать полную картину этого развития в рамках всего Уральского региона. В исследованиях вышеперечисленных авторов этот регион как бы «выпадает» из общей картины, и внимание сосредоточивается прежде всего на исследовании Южного Урала, национальных республик, где этнодемографические исследования имеют более давние традиции.

Сегодня продолжается работа по созданию комплексной картины этнических процессов, протекавших в Уральском регионе. Свидетельством тому

выступают диссертации М.В. Суриной и Д.С. Глухарева, посвященные этнодемографическим процессам на Урале во второй половине XX века, в которых Средний Урал представлен более солидно, чем в предыдущих исследованиях (26). Авторы, опираясь преимущественно на результаты переписей населения, рассматривают динамику этнических процессов, проводя сравнительный анализ этих процессов по областям и республикам Урала, изучают воздействие национальной политики государства на этнические процессы в регионе. М.В. Сурина в качестве источников, наряду с данными переписей населения, использует и текущую статистику населения, содержащую богатый материал по этномиграционным процессам. Если Д.С. Глухарев большое внимание уделяет национальной политике государства, то М.В. Сурина более детально исследует этнические аспекты культурного развития, а также естественного и миграционного движения населения Урала во второй половине XX века.

Однако, ввиду того, что исследование этнодемографического развития Уральского региона в целом ведутся всего несколько лет, в научный оборот введены не все доступные источники. В частности, не привлечены материалы архивов ЗАГС, на основании которых можно было бы исследовать динамику межнациональной брачности населения, в областях Урала практически не проводится этносоциологический мониторинг, который дал бы возможность выявить особенности межэтнических контактов в регионе. Поэтому сегодня существует настоятельная потребность в создании научных трудов, в которых был бы привлечен максимально широкий спектр источников и которые могли бы заполнить пробелы, образовавшиеся в процессе изучения проблем этнодемографического развития Уральского региона.

1. Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987; Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992; Башкиры и Башкортостан. XX век: Этностатистика / Авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 1995; Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995.

2. Аринин А. М., Болтушкин В. В. Особенности современных национальных процессов в Башкирской АССР. Уфа, 1989; Ахмадеев А. А., Кутушев Р. Н. К вопросу о национальной структуре малого города в Башкирской АССР // Социально-территориальные различия в советском обществе и их преодоление. М., 1984; Бикбулатов Н. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирии // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVII-XX вв. Уфа, 1992. С. 36-62; Гарипов Т. М. Этнодемографическая и языковая характеристика современной Башкирии // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987; Кузеев Р. Г. Межнациональные отношения: История, теория, пути демократического обновления. Уфа, 1990; Он же. Национальная дифференциация и социальная интеграция. Роль средств малой информации в совершенствовании межнациональных отношений. Часть 1. М., 1989. С. 56-77; Он же. Национальные движения и федерализм в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С.46-59; Он же. Национальные процессы и социальное развитие. Уфа, 1989; Он же. Наше будущее – в консолидации. Уфа, 1990; Он же. Перестройка и межнациональные отно-

шения // Перестройка: человек, политика, экономика. Уфа, 1990. С. 32-67; Он же. Социальное и национальное в современных этнонациональных процессах. Уфа, 1990; Он же. Социальное и этническое в современных этнонациональных процессах. Уфа, 1988; Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я. Этнические процессы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 36-77; Мурзабулатов М. В. Современные этнодемографические процессы в Башкирской АССР (1917-1985 гг.). Уфа, 1989. С. 86-92; Он же. Этнические аспекты совершенствования национальных отношений в БАССР // Великий Октябрь и Башкирская АССР. Уфа, 1987; Нуртдинова З. Н. Этносоциальные процессы в современном Башкортостане: историография и методические приемы исследования // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 58-70; Сулейманова Р. Н. Женщины в составе населения Республики Башкортостан. Уфа, 1994; Тухватуллин Р. М. Влияние общественного мнения на ценностные ориентации личности в сфере национального развития и межнациональных отношений. Уфа, 1997; Хисматов М. Ф. Особенности современных демографических процессов в Башкирии // Территориальные социально-экономические системы Урала. Пермь, 1978.

3. Габдрафиков И. М. Хозяйственная жизнь и социально-культурные ориентации современной сельской семьи (на примере татар северо-западного Башкортостана): Автореф. дисс. ... к. и. н. Уфа, 1995; Комарова Г. А. Этнические установки при выборе брачного партнера (по материалам службы брачных объявлений в Уфе и Чебоксарах) // Советская этнография. 1987. № 3. С. 80-90; Мурзабулатов М. В. Города и районы Республики Башкортостан: (Опыт характеристики выборки для изучения брачно-семейных отношений). Уфа, 1995; Он же. Межнациональные браки как фактор сближения народов // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1989; Он же. Национально-смешанные браки среди сельского населения РБ (1939-1980 гг.) // Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 119-131; Он же. Проблемы брачно-семейных отношений // С. И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 120-129; Он же. Однонациональные и национально-смешанные браки в городах Республики Башкортостан. Уфа, 1994; Уразбаева З. Г. Межнациональные браки и их роль в языковых процессах // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987.

4. Гарифьянов К. Еще не поздно поправить ошибки // Советская Башкирия. 31 марта 1990 г.; Гарипов Т. М. Языковая жизнь в исторической и современной Башкирии // Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972; Тухватуллин Р. М. Язык как национальная ценность (по материалам РБ) // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 47-48.

5. Кийкбаев М. Д. Социально-этническое развитие башкир в современном городе. Дисс. ... к. и. н. Уфа, 2000; Гафуров А. М. Формирование этнической, конфессиональной и гражданской идентичности национальностей башкортостана в 90-е годы XX века. Дисс. ... к. и. н. М., 2000; Давлетшина З. М. Татарское население Башкортостана. Дисс. ... к. и. н. Уфа, 1998.

6. Кийкбаев М. Д. К истории формирования этнического состава населения башкирского Зауралья // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 78-84; Киньябаева Г. А. Влияние военных событий на демографическое развитие этноса (на примере башкир в первой половине XIX века) // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 161-162; Моисеева-Томашевская Н. Н.

Социально-этнические группы тюркского населения Южного Урала и Приуралья в конце XIX в. // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. М., 1988. С. 43-44; Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII-XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988; Роднов М. И. Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века // Этнографические обозрение. 1996. № 6. С. 121-131; Сергеев Ю. Н. Церковно-монастырское крестьянство Башкортостана: численность, структура, формы зависимости (конец XVI – 60-е гг. XVIII вв.) // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997. С. 83-90.

7. Белорукова Г. П. Социальные перемещения в национальных группах сельского населения Удмуртской АССР (межпоколенные) // Социально-этнические аспекты развития современного села. Ижевск, 1984. С. 57-78; Разин А. Место «гурт кенеша» (сельской общины) в гражданском обществе // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 1. С. 87-90; Статистико-этнографические исследования в Удмуртии: (Материалы к изучению образа жизни сельского населения). Устинов, 1985; Шкляев Г. К. Сельское население Удмуртии: (Историко-этнографический очерк): Автореф. дисс. ...к. и. н. М., 1981.

8. Рогачев М. Б. Билингвизм сельских коми // Взаимодействие финноугорских и русских языков. Сыктывкар, 1984. С. 12-14; Пименов В. В. Некоторые черты национального самосознания (По материалам Удмуртской АССР) // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 3-15.

9. Белорукова Г. Этнические ориентации учащихся-удмуртов средней и высшей школы (динамика изменений за 1989-1997 гг.) // Финноугроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 1. С. 135-137; Ишмуратов Н. В., Разин А. А. Основные направления этнического возрождения удмуртов // Национальная проблема: пути решения. Ижевск, 1997. С. 95-112; Христоробова Л. С. Этноязыковые процессы // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.

10. Амелин В. В. Межкультурные взаимодействия в условиях полиэтнической области: (Пример русских и татар в Оренбуржье) // Этнопанорама. Оренбург, 1999. № 1. С. 28-34; Он же. Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Оренбуржье. Оренбург, 1999; Рагузин В. Н. Межнациональные противоречия в религиозной среде // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1996. № 7. С. 27-31.

11. Бабенко В. Я. Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР (конец XIX-XX вв.) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С. 13-14; Он же. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии (конец XIX-XX вв.) // Исследование по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984; Блинкена А. Я. Латыши в Башкирской АССР // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 90-94; Бугай Н. Ф. «Настоящим докладываем, на основе указаний депортируются...»: О переселении народов в Башкирию в 40-50-е гг. // Страницы истории Башкирской Республики: Новые факты, взгляды, оценки. Уфа, 1991. С. 69-77; Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я. Немцы в Башкирии // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989; Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я., Моисеева Н. Н. Этнографические и этнические группы в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С.12-35; Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998; Надергулов У. Ф. Иргизо-каメリкские башкиры // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процес-

- сах. Уфа, 1989; Петров И. Г. Чуваши в Башкирии: Численность и расселение // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 85-89; Рыклин А. Башкирский фатерланд: (Немецкое население Башкирии) // Итоги. 1997. № 25. С. 58-61.
12. Дубинин А. Н., Федорова А. В. Многонациональное Оренбуржье. Оренбург, 1993; Зобов Ю. С. Формирование национального состава населения Оренбургского края // Национальные проблемы народов Оренбуржья. История и современность. Оренбург, 1993; Торукало В. П. Многонациональное Оренбуржье // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 13-24; Он же. Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность. Оренбург, 1993; Футорьянский Л. И. Дорогой дружбы // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 4-12; Многонациональное Оренбуржье в этнополитическом измерении / РАН. Центр по изучению межнациональных отношений ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1996.
13. Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург, 1997; Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. М., 1998; Немцы и Оренбургский край = Deutsche und das Orenburger Gebiet: Сб. материалов обл. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренб. Губернии и 60-летию Оренб. обл. (17 дек. 1994) / Под ред. А. В. Федоровой. Оренбург, 1995; Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Оренбург, 1998.
14. Бахарева О. Я. Динамика населения немцев Оренбуржья: (Прошлое и настоящее) // 11-я междунар. конф. «Интеркультурные коммуникации»: Сб. тез. Оренбург, 1996. С. 10-11; Воронович Б., Торукайло В. Многонациональное Оренбуржье в зеркале социологии // Жизнь национальностей Оренбуржья: Информ. Вестн. 1996. № 3. С. 31-35; Дубинин А. Н., Федорова А. В. Многонациональное Оренбуржье. Оренбург, 1993. С. 32-35.
15. Халиков Н. А., Мухаметшин Ю. Г. К истории формирования оренбургских татар // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984-1985 гг. Йошкар-Ола, 1986; Мендикулова Г. М. Демографические характеристики казахского населения Оренбургской губернии во второй половине XIX в. // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 268-270; Косач Г. Российский регион в постсоветское время: тюрко-мусульманские меньшинства Оренбургской области // Вестник Евразии = Аста Euragica. М., 1999. № 1-2. С. 169-193; Зобов Ю. С. Башкиры в составе Оренбургского края // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 100-115.
16. См., напр., Коньшин Ю. Единой семьей: (О многонациональном составе населения Нижнесергинского района) // Уральский рабочий. 1977. 1 мая; Певцов В. Они говорят: «Прощай, Урал! Скажет ли кто: «Здравствуй, Родина!»?: [Эмиграция немецкого и еврейского населения их Екатеринбурга] // Областная газета. 1995. 12 июля; Шангареев Ф., Надыров С. Растерянные традиции: [Проблемы культурно-национального развития различных групп населения области] // Уральский рабочий. 1988. 25 мая.
17. Корнев И. Н. Население Свердловской области: Пособие для учителей. Екатеринбург, 1992. С. 59-63.
18. Прощенок Т. В. Еврейское население Среднего Урала в XIX – начале XX вв. // Татищевские чтения, первые. Екатеринбург, 1997. С. 196-199; Он же. Еврейское население Екатеринбурга в XIX – начале XX вв. // Екатеринбург – вчера, сегодня, зав-

тра. Ч. 1 Екатеринбург, 1998. С. 54-57; Он же. Еврейская диаспора горнозаводского Урала XIX – начала XX вв. (проблема государственной регламентации правового и социально-экономического статуса) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 145-152.

19. Дубова Н. А., Комарова О. Д., Ямсков А. Н. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. М., 1998. С. 227-293.

20. Безбородова Е. В. Численность и национальный состав населения Свердловска (по материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.) // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 135-136.

21. Мотревич В. П., Прошенок Т. В. Еврейское население Урала по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. // Урал индустриальный: 3-я региональная науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 62-65; Прошенок Т. В. Еврейское население Урала в XIX-XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие). Дисс. ... к. и. н. Екатеринбург, 2000.

22. Халиков И. А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья // Приуральские татары. Казань, 1990. С. 21-28.

23. Тасоева М. К. Русские на Урале // Программа Отделения философии и права АН СССР «Социальные процессы в условиях перестройки». М., 1990. Вып. 5. С. 78-83.

24. Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Этнодемографическая структура населения Урала: проблемы эволюции и перспектив развития // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 135-138; Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Алферова Е. Ю. Этнодемографическая структура населения Урала в XX веке // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 165-172; Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Демографические факторы межнациональных отношений в Уральском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993. С. 184-208; Корнилов Г. Е. Русские в этнодемографической структуре Урала (XX век) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, Омск, 2000. С. 247-248; Лепоринская Т. Н. Некоторые проблемы межнационального общения в истории народов Урала // «Экватор» 90-х. Пермь, 1995. С. 75-78, и др.

25. Этнодемографическое развитие Урала в XIX-XX вв. (Историко-социологический подход). Екатеринбург, 2000.

26. Сурина М. В. Этнодемографическое развитие Уральского региона во второй половине XX века: Дисс. ... к. и. н. Екатеринбург, 2004; Глухарев Д. С. Этнодемографическое развитие Урала в 1960-1980-х гг.: Дисс. ... к. и. н. Челябинск, 2006.

**Сухоносова С. В.
(Екатеринбург)**

Проблема сохранения Екатеринбургской городской лесной дачи в конце XIX — начале XX вв.

В жизни большинства российских городов второй половины XIX — начала XX века лесные дачи играли довольно значительную роль, составляли

245

важную часть системы городского хозяйства. Екатеринбург в этом отношении не был исключением. Лесная дача, расположенная на территории городского выгона, по сравнению с окружающими казенными горнозаводскими дачами (Нижне-Исетской, Березовской и др.), была небольшой, но, тем не менее, имела большое значение для системы обеспечения Екатеринбурга.

Во-первых, лес был основным материалом для строительства и ремонта городских зданий, мостов, тротуаров и других сооружений. Даже в 1910 году, несмотря на проведение ряда мер по развитию каменного строительства, 90,3% городских домов в Екатеринбурге оставались деревянными (1).

Во-вторых, с состоянием лесного хозяйства была непосредственно связана система отопления городских зданий, так как дрова в то время были основным, а часто и единственным видом топлива. В городской лесной даче производилась заготовка дров для отопления зданий, «лежащих на обязанности города» (городской тюрьмы, полиции, казарм, общественного городского дома, общественной богадельни, ночлежного дома и пр.). Кроме того, городская дача часто использовалась как «резервный фонд» для предотвращения роста цен на дрова. Стремясь «прийти на помощь обывателям», городская управа проводила заготовку и продажу дров жителям (2).

В-третьих, лес на территории городского выгона имел для Екатеринбурга большое эстетическое и экологическое значение. Это было связано с тем, что работы по искусственному озеленению городских улиц проводились очень медленно, в незначительных объемах. По словам гласного Екатеринбургской городской думы К.М. Брагина, если в городе и была «свежая струя воздуха, то лишь благодаря лесной даче» (3).

Быстрый рост населения города, интенсивное развитие промышленности, железнодорожное строительство, привели к тому, что за четыре пореформенных десятилетия объем потребления лесных материалов населением Екатеринбурга вырос более чем в 5 раз (4). Появилась угроза полного уничтожения леса в черте города в ходе массовой вырубki.

В ходе реформ 1860-1870-х гг. масштабы лесоистребления в Российской империи, особенно в частных лесах, достигли невиданных размеров. По замечанию Э.Г. Истоминой, проблема сохранения лесного фонда переросла ведомственные рамки и превратилась в общегосударственную (5).

Нужно отметить, что важность этого вопроса хорошо осознавалась и деятелями нового городского самоуправления Екатеринбурга: городская управа вела работу по нескольким направлениям.

Одной из самых сложных проблем, стоящих пред городской властью, была борьба с «хищническим истреблением леса» и «самовольными порубками», достигшими большого размаха. В марте 1874 г. Екатеринбургская городская дума постановила усилить охрану городской лесной дачи. Для уничтожения повода к «самовольным порубкам» в Екатеринбурге была запрещена выделка кирпича частными лицами (6).

Однако эти меры не смогли исправить положения. Количество случаев незаконной вырубki леса уменьшилось, но «порубки» все равно продолжались. В докладе Городской управы от 14 апреля 1877 г. сообщалось, что «незначительные городские сторожа» не в силах удерживать «организованные шайки лесокрадов» (7). За зиму 1878-79 гг. из городской дачи было самовольно вырублено и вывезено около 100 саж. дров (8).

Причина усиленных «порубок» заключалась в системе штрафов, разработанной Пермским губернским земством, которые по сравнению с дороговизной лесоматериалов были очень низкими. Члены Екатеринбургской городской управы считали, что единственной эффективной мерой по борьбе с хищническим истреблением леса могло служить тюремное заключение. Но эта мера применялась только при задержании за нарушение в третий раз, а такие случаи были очень редки. Применение карательных мер было не в компетенции городской управы, решения по этим делам принимались мировыми судьями (9).

Единственное, что удалось сделать силами городского самоуправления, — привлечь нарушителей к работам по благоустройству города. Так, в ноябре 1879 года мещане Ульянов и Клементьев были «отданы в работы» городской управе (10).

Другим важным направлением в решении вопроса о сохранении городской лесной дачи было внедрение рациональных систем заготовки леса и лесовосстановления.

Лесозаготовки осуществлялись городской управой (каждый раз на это требовалось особое разрешение городской думы) через систему рациональных, так называемых «выборочных и проходных» вырубок (11), способствующих быстрому восстановлению леса. В первую очередь вырубке подвергался сухостойный, горелый, буреломный лес; «проряжались молодняки»; выкорчевывались пни, вырубались «перестойные и кривые деревья» (12). Комиссия Екатеринбургской городской думы по эксплуатации городской лесной дачи и ее доходности, действовавшая в сентябре-ноябре 1900 года, признала проходные рубки мерой необходимой для роста леса и охранения от сплошных «напольных» пожаров (13).

Комиссия лесоводов, осмотрев городскую лесную дачу в 1917 г., одобрила действия городской управы и пришла к выводу, что поскольку дача небольшая — ее можно было разрабатывать только «французским способом» (редкие вырубki), но ни в коем случае не по лесосечной системе. Иначе дача могла превратиться в пустырь.

Принимались меры по охране «малой поросли». Так, постановлением городской думы в апреле 1889 г. был запрещен выпас скота на территории лесной дачи (14). Ежегодно, начиная с 1874 года, благодаря активной деятельности лесничего В.С. Тучемского, проводились искусственные лесонасаждения (15).

В 1880-1890-е гг. по мере возможности Екатеринбургская городская управа старалась проводить лесозаготовки в соседних горнозаводских дачах — Монетной, Нижне-Исетской, Березовской (16).

Еще чаще эту возможность городское самоуправление стало использовать в годы первой мировой войны, пытаясь одновременно решить проблемы «урегулирования цен на дрова» и «сохранения резервов запаса леса в городской даче» (17). В августе-сентябре 1815 г. городской голова А.Е. Обухов во время поездки в Петроград добился разрешения Министра торговли и промышленности об отпуске из Монетной и других казенных дач 20 тыс. куб. саж дров (18). В августе 1916 г. для покупки дров в казенных дачах городская управа возбудила ходатайство перед Пермским губернатором о выдаче ссуды до 500 тыс. руб. на заготовку дров в казенных дачах (19).

Особенно сложным было добиться сохранения городской лесной дачи в условиях «дровяного голода» 1917 года. На заседании Городской продовольственной управы и Комитета по заготовке дров в мае 1917 г. было принято решение начать усиленную вырубку в городской даче, так как «об эстетическом значении городского леса уже думать не приходится» (20).

Но большинство гласных Городской думы (К.М. Брагин, И.Н. Меленцов и др.) выступили против усиленных вырубок, так как эти меры, по их мнению, «совершенно бы оголили дачу». Решено было разрешить интенсивную вырубку только в восточной части дачи, уже предназначенной к застройке (21).

Таким образом, благодаря комплексу мер, предпринятых городским самоуправлением; активной работе городских лесничих в конце XIX – начале XX вв., лесной массив на территории городского выгона в Екатеринбурге удалось сохранить.

В последнее время в периодической печати нередко отмечается, что система лесного хозяйства в дореволюционной России была достаточно эффективной: при постоянном росте доходов от продажи древесины удавалось сохранять и пополнять лесные резервы. В годы советской власти к лесным богатствам относились уже не так бережно. В 1930-е гг., когда стране требовались средства на индустриализацию, началось внедрение «сплошных концентрированных рубок» (22), под топор шло практически все, в том числе заповедники и леса вокруг крупных городов (23).

В настоящее время экологи высказывают опасения, что в связи с быстрым развитием коттеджного строительства, леса вокруг крупных городов будут истреблены. Для Екатеринбурга проблема сохранения лесопарков в черте города стоит сейчас достаточно остро. Полемика вокруг принятия Думой предложений о введении частной собственности на лесные угодья, свидетельствуют о том, что обращение к опыту лесоохранения в дореволюционной России может представлять значительный интерес.

1. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1988. Л. 349-350.
2. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Екатеринбург, 1875. С. 174-175; Город Екатеринбург (1889-1998). Екатеринбург, 1998. С. 130-131, 865; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1984. Л. 14.
3. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 400.
4. Там же. Л. 402 об.
5. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 43.
6. Протоколы Екатеринбургской городской думы за март 1874. Екатеринбург 1874. С. 42-44, 46, 105.
7. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1877. Екатеринбург, 1877. С. 60-61.
8. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1879. Екатеринбург. 1880. С. 134.
9. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877. Указ изд. С. 69-70.
10. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1879. Екатеринбург, 1880. С. 68-69.
11. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1977. Л. 20 об.
12. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1978. Л. 47 об.; Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Указ изд. С. 174-175.
13. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 58 об.
14. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1978. Л. 47 об.; Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 613. Л. 15-15 об.; Там же. Д. 620. Л. 42 об.
15. Протоколы Екатеринбургской городской думы за март 1874 г. Указ. изд. С. 61.
16. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 526. Л. 214 об.; Там же. Д. 620. Л. 403.
17. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 об., 8 об., 11 об.
18. ГАСО. Д. 526. Оп. 1. Л. 22-22 об.
19. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 526. Л. 129.
20. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 402 об.
21. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 402 об.
22. Книзе А.А. «Рубили все, кто мог и хотел...». Из истории ведения российского лесного хозяйства // <http://www.drevesina.com/materials.htm/a6/b63/>
23. Горбачев А. Лесной кодекс. О лесных проблемах и частной собственности на лесные угодья // http://www.dm-realty.ru/doc/articles/id_1553/print.aspx

Сушков А.В.
(Екатеринбург)

**Первая интрига Л.И. Брежнева в высшем руководстве СССР:
смещение Н.И. Беляева с поста первого секретаря
ЦК компартии Казахстана в 1960 г.**

В 1959–1960 гг. Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев произвел первые кадровые перестановки в высшем руководстве СССР в отношении своих же выдвиженцев, пришедших на ключевые партийно-государственные посты на волне борьбы с «антипартийной группой» в июне 1957 г. Одним из первых, кто попал в опалу у Хрущева, стал член Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК компартии Казахстана Николай Ильич Беляев, чему в немалой степени способствовал Л.И. Брежнев, также как и Беляев входивший в состав членов Президиума ЦК КПСС и одновременно являвшийся Секретарем ЦК партии.

Возглавив в декабре 1957 г. Казахскую ССР, Н.И. Беляев не считал нужным укреплять свой авторитет в руководстве республики и налаживать хорошие взаимоотношения с местными руководителями, часто вел себя грубо и высокомерно, причем не только с работниками среднего и низового эшелонов партийно-государственного аппарата, но и с членами бюро ЦК компартии Казахстана, не считался с мнением других, всем своим поведением постоянно подчеркивая свое высокое положение полноправного члена Президиума ЦК КПСС и члена Президиума Верховного Совета СССР. Будучи человеком грубоватым, что и сам признавал в частных разговорах, Беляев обладал также вспыльчивостью, в некоторых ситуациях приводившей к потере самообладания. Его постоянные угрозы применения взысканий вплоть до исключения из партии, шокировавшие местное национальное руководство, а также практиковавшиеся им смещения с должности за любые, даже незначительные провинности, породили в республиканском партийно-государственном аппарате неуверенность в своем положении. В то же время, любое, даже слабое возражение Беляев воспринимал весьма болезненно. Поэтому, сосредоточив в своих руках все рычаги управления, замкнув на себя решение многих ключевых вопросов, прежде всего в области сельского хозяйства, и обладая вышперечисленными личными качествами, Н.И. Беляев сковал инициативу не только местных руководителей, но и работников центрального республиканского аппарата, включая бюро ЦК нацкомпартии (1).

Главным объектом внимания Н.И. Беляева в Казахстане была целина, которая представлялась Н.С. Хрущеву как немедленное изобилие, стабильные ежегодные миллиарды пудов хлеба. На деле же целина полностью зависела от погодных условий, отрицательное воздействие на нее оказывали

нарушения в технологии обработки земли. Мнения ученых Н.С. Хрущев сопоставлял с собственным видением проблемы и потому чаще всего их не воспринимал, считая себя специалистом в области сельского хозяйства. А причины всех неудач и отставания ему виделись в том, что со стороны партийно-государственных работников осуществляется слабое или неверное руководство.

1959 г. оказался для целины неудачным – свыше полутора миллионов гектаров зерновых накрыл снег, в результате чего Казахская ССР не выполнила не только принятые обязательства, но и даже государственный план закупок зерна (2).

Недовольство Хрущева вызвали и произошедшие в республике волнения: в начале августа 1959 г. в г. Темиртау прокатилась волна массовых беспорядков молодых рабочих на строительстве Карагандинского металлургического завода. Н.И. Беляев, находившийся в отпуске за пределами республики, узнав о масштабах волнений, поручил председателю Совета Министров Казахстана Д.А. Кунаеву немедленно выехать на место и принять соответствующие меры, что, однако, выполнено не было. 17 октября 1959 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О положении дел на строительстве Карагандинского металлургического завода», в котором указывались ошибки бюро ЦК КП Казахстана, но фамилия Беляева в постановлении не фигурировала (3).

На декабрьском (1959 г.) пленуме ЦК КПСС по сельскому хозяйству Н.И. Беляев выступил с докладом, основные положения которого Н.С. Хрущев расценил, как попытку уйти от ответственности за невыполнение плана хлебозаготовок и скрыть реальное положение дел. Поэтому в своем выступлении Первый секретарь ЦК КПСС подверг резкой критике руководство Казахстана, и персонально – Н.И. Беляева и предсовмина республики Д.А. Кунаева, пригрозив им оргвыводами: «Русская пословица гласит: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Тяни. Если чувствуешь, что не тянешь, скажи об этом прямо. Кадры у нас замечательные, есть, кем заменить. Это не угроза, товарищи. Вполне нормально, когда работника, не справляющегося с порученным делом, заменяет более способный человек, опытный организатор» (4).

Говоря о возможных организационных выводах, Н.С. Хрущев имел целью припугнуть руководителей регионов, и Н.И. Беляева, в частности. И хотя его критика руководства Казахстана нашла свое отражение в постановлении Пленума ЦК «О дальнейшем развитии сельского хозяйства» (5), Хрущев не собирался снимать Беляева с должности и выводить из Президиума ЦК КПСС. На самом пленуме ЦК партии и сразу после него никакие внешние признаки опалы Беляева не проявлялись. Если бы Н.С. Хрущев решил на тот момент произвести оргвыводы, то сделал бы это сразу. Спустя всего пять дней после окончания работы декабрьского (1959 г.) пленума ЦК

КПСС, 30 декабря 1959 г., «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении, в том числе и Н.И. Беляева медалью «За трудовую доблесть» (6). Однако уже в начале января 1960 г. на Секретариате ЦК КПСС, а затем на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен вопрос о сложившемся положении в руководстве республики, главным итогом чего стало смещение Н.И. Беляева с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана и назначение вместо него Д.А. Кунаева.

Партийно-государственному аппарату страны в качестве причины смещения Беляева были названы его ошибки в руководстве сельским хозяйством Казахстана (7). Данная версия не должна была вызвать сомнений, так как все имели возможность ознакомиться с опубликованной в «Правде» стенограммой выступления Н.С. Хрущева на последнем Пленуме ЦК КПСС и его критикой руководства республики.

Д.А. Кунаев в своих воспоминаниях назвал причиной смещения Н.И. Беляева события в Темиртау. По версии Кунаева, Беляев не придавал значения поступившей ему информации о массовых беспорядках, а затем выразил свое несогласие с решением Президиума ЦК КПСС от 17 октября 1959 г., в котором, как считает автор, Беляеву было «указано» на ошибки. Протест Н.И. Беляева привел к повторному рассмотрению Президиумом ЦК КПСС вопроса о Темиртау и освобождению его от должности (8).

Однако свидетельства Д.А. Кунаева идут вразрез с известными на данный момент фактами. Необходимо сразу отметить, что отдельно вопрос о событиях в Темиртау после принятого 17 октября 1959 г. постановления, Президиумом ЦК КПСС не рассматривался, а в принятых решениях не упоминались ни фамилия, ни должность Беляева. Вряд ли Кунаев и на склоне лет, когда работал над своими мемуарами, мог забыть события, в результате которых пришел к власти и два с половиной десятилетия возглавлял республику...

У руководившего республиканским правительством с апреля 1955 г. Д.А. Кунаева сложились не только хорошие деловые, но и дружественные отношения с Л.И. Брежневым, работавшим в то время вторым, а затем первым секретарем ЦК компартии Казахстана. Сохранились они и в последующем, когда к руководству в республике пришел Н.И. Беляев, тем более что характер и поведение нового руководителя не способствовали сближению. Именно они – Л.И. Брежнев и Д.А. Кунаев, больше других были заинтересованы в смещении Н.И. Беляева: Брежнев получал возможность поставить близкого ему человека на руководство крупным, экономически значимым регионом и резко ослабить позиции в высшем руководстве СССР как минимум не симпатизировавшего ему руководителя, а перед Кунаевым открывались вполне реальные перспективы занять место Беляева во главе республики. Именно им, а не Н.С. Хрущеву, принадлежала инициатива постановки вопроса о Н.И. Беляеве.

Уникальная возможность нанести удар по Н.И. Беляеву представилась Л.И. Брежневу и Д.А. Кунаеву в самом начале 1960 г. Дело в том, что согласно установленной в ноябре 1959 г. очередности председательствования на заседаниях Секретариата ЦК КПСС, с конца декабря обязанности председательствующего стал исполнять Л.И. Брежнев. Председательствование, предполагавшее и формирование повестки дня заседаний Секретариата ЦК, давало Брежневу возможность, во-первых, инициировать рассмотрение Секретариатом ЦК вопроса о партийном руководстве любого региона страны, включая Казахстан, во-вторых, оказать решающее влияние как на ход обсуждения, направив его в нужное русло, так и на формулировку принимаемого решения.

Вторым немаловажным фактором было то обстоятельство, что Хрущев еще не «остыл» от Декабрьского пленума ЦК КПСС и событий в Темиртау, и этим во многом определялась уязвимость позиций Беляева. Хрущева необходимо было лишь подтолкнуть к решению организационного вопроса, и Брежнев с Кунаевым нашли способ, как это сделать.

Время работало не в пользу Брежнева и Кунаева, так как настроение Хрущева было весьма изменчивым, а руководство Секретариатом ЦК было закреплено за Брежневым лишь на месяц (первое заседание он провел 29 декабря 1959 г.), и потому они должны были действовать быстро и решительно. На заседании Секретариата ЦК КПСС, состоявшемся под председательством Л.И. Брежнева 6 января 1960 г., был рассмотрен вопрос об обстановке, сложившейся в руководстве Казахстана. Специально прибывшие на заседание в Москву члены бюро ЦК компартии Казахстана и заместители председателя республиканского правительства, до этого боявшиеся даже слабо в чем-либо возразить своему первому секретарю, дружно и явно организовано выступили против Н.И. Беляева (9).

Секретариат ЦК КПСС был неправомочен самостоятельно произвести кадровые перестановки в руководстве республики, и потому по итогам обсуждения не было принято какого-либо постановления. Но, кроме того, даже само обсуждение данного вопроса не было запротоколировано, что объясняется стремлением Брежнева в случае неудачи сохранить пути к отступлению. Тем не менее, данное заседание явилось репетицией и проверкой сил перед решающим выступлением противников Н.И. Беляева уже в присутствии Н.С. Хрущева.

Непредсказуемый Хрущев, которого Брежнев, как и полагалось, поставил в известность об обсуждавшемся на Секретариате ЦК вопросе, сделал нестандартный шаг: он захотел сам выслушать мнение руководящих работников Казахстана, для чего 7 января 1960 г. перед намеченным на этот день заседанием Президиума ЦК КПСС созвал специальное совещание с участием Беляева и Брежнева.

Выступивший с докладом о результатах рассмотрения на Секретариате ЦК вопроса о руководстве Казахстана, Л.И. Брежнев раскритиковал создавшуюся в нем обстановку, акцентировав внимание на недостатках в работе Беляева. Своим выступлением Брежневу предстояло решить трудную задачу – убедить Хрущева не только в необходимости смещения Беляева, но и в том, что наилучшей кандидатурой вместо него является Кунаев. Поэтому акцент был сделан на имевшихся ошибках и недостатках Н.И. Беляева в руководстве хозяйством Казахстана, а Д.А. Кунаев, не менее сильно критиковавшийся Н.С. Хрущевым на декабрьском (1959 г.) пленуме ЦК КПСС за провалы в сельском хозяйстве, и на пленумах республиканского ЦК за события в Темиртау, оставался в тени. Кунаев, как и остальные члены бюро ЦК компартии Казахстана, был представлен в качестве вынужденного исполнителя воли республиканского вождя.

Кроме того, Брежневу удалось найти и предъявить Беляеву такое обвинение, которое бы не смогло оставить Хрущева равнодушным, а именно – его стремление ввести высшее руководство страны, конкретно – Президиум ЦК в заблуждение о реальном состоянии дел в республике, создать видимость благополучия. Хрущев обязательно должен был нужным образом среагировать, так как сам критиковал за это Беляева лишь две недели назад на декабрьском (1959 г.) пленуме ЦК КПСС.

Беляев, выступивший после Брежнева, согласился с высказанными в его адрес замечаниями и даже самокритично заявил: «Я, видно, не дорос до деятеля большого плана». Но все же не смог или не захотел до конца придерживаться этой линии, попытался несколько сгладить обвинения и оправдаться, отметив, что «старался», «весь отдавался работе», и что у него складывалось впечатление, что «работа идет напряженно», а актив поддерживает. Затем Беляев и вовсе парировал Брежневу, сказав, что был искренен перед Президиумом ЦК КПСС: по всей видимости, он не осознавал, что вступает в полемику уже не столько с Брежневым, сколько с Хрущевым.

Следом высказались присутствовавшие члены бюро ЦК КП Казахстана и заместители председателя правительства республики, взвалившие на Н.И. Беляева основную вину за неудачи последнего года, и хором настаивавшие на невозможности его оставления на занимавшейся должности. Первый же выступивший после Беляева – Д.А. Кунаев отметил имевшиеся ошибки в руководстве, «недоразумения» в работе бюро ЦК республиканской компартии, приписав их Беляеву: «Товарищу Беляеву подсказывали, но он не прислушивался». Раскритиковал Кунаев и практиковавшиеся Беляевым методы руководства сельским хозяйством «по радио». Председатель президиума Верховного Совета Казахской ССР Ж.А. Ташенев указал на то, что Беляев не сплотил актив, не вникал в дела хозяйства, и даже назвал его инициативным. Второй секретарь республиканского ЦК Ф.К. Карибжанов назвал стиль работы Беляева высокомерным, пренебрежительным, и чтобы упро-

чить негативный образ Беляева в глазах Хрущева отметил схожесть в стилях работы Н.И. Беляева и бывшего первого секретаря ЦК компартии Казахстана П.К. Пономаренко, прекрасно зная о негативном отношении к последнему Хрущева. Председатель республиканского госплана Л.Г. Мельников констатировал, что Беляев «шаблонно, по бюрократически относился к выполнению указаний ЦК». На негативных личных качествах Беляева остановился в своем выступлении первый секретарь Алма-Атинского обкома КП Казахстана М.Б. Бейсембаев, отметив, что Беляев – «сухой человек», необщительный, не располагает к себе работников и не знает многих из них. Секретарь ЦК компартии Казахстана И.Ю. Юсупов сказал, что Беляев оторвался и от актива, и от Президиума ЦК КПСС.

Резче других в отношении Беляева высказался секретарь ЦК по пропаганде и агитации Н. Джандильдин. Указав, как и Юсупов, на оторванность Беляева «от масс» – людей не принимает, не проводит работу с аппаратом, Джандильдин отметил тяжелый характер Беляева, обвинив его в неумении выслушивать людей до конца, в пренебрежительном отношении к руководящим работникам – сам не позвонит и не поздоровается, а «за упущением всегда ищет какую-то каверзу». Несмотря на то, что в республиканском ЦК именно Джандильдин отвечал за идеологию, ответственность за неудовлетворительное состояние идеологической работы в республике он также возложил на Беляева, указав на его слабые познания в этой сфере.

С подведением итогов обсуждения выступил Н.С. Хрущев. Расчет Л.И. Брежнева оказался верным: Хрущев начал свою речь с того, что отметил единодушие в выступлениях членов руководства Казахстана, а затем указал Беляеву, что тот в своих выступлениях не говорил о недостатках и создавал «ложное представление» о положении дел в республике. Хрущев констатировал, что Беляев не оправдал возлагавшихся на него надежд, что его «переоценили», в работе имел «грубый подход», для такой работы «недостаточно подготовлен» и на этом посту нужен «более гибкий ум».

Тем не менее, Хрущев не сказал прямо о смещении Беляева, а начал игру в демократию, распорядившись, чтобы для рассмотрения обстановки в руководстве республики собрался пленум ЦК компартии Казахстана, а Президиум ЦК КПСС в свою очередь утвердит принятое пленумом решение. Остальную, большую часть времени, Н.С. Хрущев отвел на обучение присутствовавших республиканских руководителей «правильному руководству» сельским хозяйством (10).

В тот же день состоялось заседание Президиума ЦК КПСС. Н.И. Беляев, зная, что Хрущев поставит вопрос об обстановке в руководстве Казахстана и персонально о нем, на заседание не остался, избежав тем самым едких критических высказываний Хрущева и коллег по Президиуму ЦК КПСС. Никто из руководителей Казахстана не был приглашен на заседание.

Н.С. Хрущев играть в демократию с Президиумом ЦК КПСС не соби-рался и, указав на «неправдивый доклад» Н.И. Беляева на Декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС и неправильное поведение во время событий в Темиртау, прямо поставил вопрос о необходимости его смещения с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана и подборе вместо него новой кандидатуры. В этот момент жертвой своих же действий чуть не пал Л.И. Брежнев, так как наряду с членом Президиума ЦК КПСС, Секретарем ЦК по сельскому хозяйству Н.Г. Игнатовым и первым секретарем Воронежско-го обкома КПСС А.М. Школьниковым был назван кандидатом на место Беляева в руководстве республики. По всей видимости, Хрущев не рассматри-вал первые две кандидатуры всерьез, а хотел лишь в очередной раз дать понять, что судьба каждого из членов Президиума ЦК КПСС находится в его руках. Конечно, «второе пришествие» Брежнева на руководство Казахста-ном было маловероятным, в том числе и потому, что он уже давно не зани-мался вопросами сельского хозяйства. Кандидатура Игнатова отпала ввиду возраста (в следующем году Николаю Григорьевичу исполнялось 60 лет) и «неважного здоровья». Школьников же Хрущев нашел «грубоватым», а за это только что был подвергнут критике Беляев. В результате, Хрущев оста-новился на Д.А. Кунаеве, которого, по всей видимости, изначально и пред-лагал Брежнев. Таким образом, четко спланированная Л.И. Брежневым ак-ция завершилась успешно.

В принятом Президиумом ЦК КПСС постановлении в духе насаждав-шейся Хрущевым видимости партийной демократии, было признано необ-ходимым обсудить «выявившиеся недостатки в руководстве ЦК КП Казах-стана» на пленуме республиканского ЦК, принять участие в работе которого было поручено Л.И. Брежневу и заведующему сельскохозяйственным отде-лом ЦК КПСС по союзным республикам Г.А. Денисову (11).

На открывшемся 19 января 1960 г. XVII пленуме ЦК КП Казахстана на-правление и тональность обсуждения задал в своем докладе новый глава Казахстана Д.А. Кунаев, хоть и указавший на ошибки в руководстве всех членов бюро ЦК, но главным виновником представивший Н.И. Беляева (12). Пленум стал тяжелым испытанием для Беляева: партийно-государственный аппарат республики, получивший, наконец, возможность высказать в глаза присутствовавшему, но поверженному вождю, без страха за возможные по-следствия, максимально использовал долгожданный момент. Критика оши-бок и недостатков Н.И. Беляева в управлении хозяйством республики уто-нула в обвинениях в нарушении «ленинских принципов подбора, расстанов-ки и воспитания кадров», и навязанного им стиля организационно-партийной работы, а именно – в грубости, вспыльчивости, высокомерии, запугивании, недоверии и пренебрежительном отношении к местным кад-рам, игнорировании мнения других, и даже в отсутствии активности в рабо-те. Наиболее болезненными для самолюбия Беляева были неоднократные

сравнения стиля его работы со стилем Л.И. Брежнева, причем не в пользу первого. Из выступивших в прениях двадцати одного руководителя только двое призвали не сваливать всю вину на Беяева. В той ситуации, когда вопрос о Беяеве был уже предрешен, Л.И. Брежнев также решил продемонстрировать свою беспристрастность и проявить некоторую снисходительность к критикуемому, бросив реплику, что дело не только в одном Беяеве (13).

Закончивший в тот же день свою работу пленум произвел намеченные кадровые перестановки.

В конце января 1960 г. Н.С. Хрущев направил Н.И. Беяева первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, а на майском (1960 г.) пленуме ЦК вывел из состава членов Президиума ЦК КПСС. Н.И. Беяев тяжело переживал смещение с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана и, особенно, вывод из состава Президиума ЦК КПСС, в результате чего у него произошло резкое ухудшение состояния здоровья, непосредственным образом отразившееся на работоспособности. Поэтому уже в июне того же года состоялось решение высших органов власти о его освобождении от должности в Ставрополе и переводе на пенсию «в связи с болезнью» (14).

Констатируя достижение Л.И. Брежневым поставленных целей по смещению Н.И. Беяева с поста руководителя Казахстана, необходимо отметить, что реализация задуманной им, не столько сложной, сколько рискованной комбинации стала возможна лишь благодаря сформировавшемуся к тому времени у Н.С. Хрущева недовольству своим ставленником в Казахстане. Последовавшие затем вывод Беяева из Президиума ЦК КПСС и освобождение от обязанностей первого секретаря Ставропольского крайкома партии были инициированы самим Хрущевым, более не желавшим видеть его на каких-либо руководящих постах в партийно-государственной системе власти страны.

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 23, 29, 32, 33, 35, 40, 43, 65, 66–68, 73, 78, 85, 86, 93, 94, 100, 101, 104, 119–121, 129, 132, 133, 136, 138, 139, 141, 152, 155, 159–161.
2. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 22–25 декабря 1959 года. Стенографический отчет. М., 1960. С. 402, 427.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Перечень. 6. Д. 10. Л. 4–6; Лельчук В.С. 1959 год. Расстрел в Темиртау // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 289.
4. Пленум ЦК КПСС. 22–25 декабря 1959 года... С. 401–405.
5. Там же. С. 427.
6. Правда. 1959. 30 декабря.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 59. Л. 384–386; Д. 943. Л. 222; Д. 962. Л. 212; Д. 1181. Л. 197; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 60. Д. 4. Л. 95.
8. Кунаев Д. От Сталина до Горбачева (В аспекте истории Казахстана). Алматы, 1994. С. 125, 126.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 17, 18, 44, 69, 82, 83.
10. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 415–417; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 17, 18, 44, 69, 82, 83, 124.
11. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний... С. 417, 418, 1068.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 230. Л. 15–18.
13. Там же. Л. 58, 64, 69, 72, 97, 98, 111, 127.
14. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 452. Л. 3, 10–16; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 90. Д. 2543. Л. 21, 182, 183, 185, 191, 192.

**Тараканов М.Ю.
(Нижний Тагил)**

Миграционное движение населения города Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на демографические процессы в нашей стране, в том числе и на процессы миграционные.

Первые публикации отечественных авторов, так или иначе затрагивающие данную проблему, начали появляться с конца 40-х годов XX в. В основном это были работы, исследовавшие процесс перемещения производительных сил СССР на восток, в ходе которого «передвигались миллионы людей, перемещались сотни предприятий, десятки тысяч станков, прокатные станы, прессы, молоты, турбины и моторы» (1).

Более целенаправленное изучение миграционных процессов началось с 60-х годов XX в. Большим шагом в этом направлении была публикация сборника статей и воспоминаний «Эшелоны идут на восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941-1942 годах» (2).

Весомым вкладом в разработку проблемы эвакуационных миграций явилась монография Лихоманова М.И., Позиной Л.Т., Финогенова Е.И. «Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941-1942 гг.» (3). В ней был раскрыт механизм эвакуации населения, проанализирована специфика её проведения в различных районах страны, дана характеристика двух волн эвакуационного процесса, приведены цифровые данные по количеству эвакуированных, как в целом по стране, так и по отдельным её регионам.

Следующий этап в изучении миграционных процессов, происходивших в СССР в 1941-1945 годах, начался с 90-х годов XX века. Его началу, во

многим, способствовало рассекречивание статистических архивных материалов и снятие различных идеологических запретов.

В 1995 г. в сборнике «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне» была опубликована статья Г.А. Куманёва, посвящённая эвакуационным процессам. В ней он оценил общее количество эвакуированных по стране в 17 млн. человек, что было значительно меньше, чем считалось ранее, а также отметил, что «эвакуационная кампания 1941-1942 гг. прошла организованно и людские потери в ходе её составили сравнительно небольшой процент» (4).

В монографии В.А. Исупова, изданной в 2000 г., был рассмотрен вопрос о влиянии миграционных процессов на динамику численности населения страны и отдельных её регионов (5).

Значительное внимание принудительным миграциям, осуществлённым в годы Великой Отечественной войны, уделено в работе П. Поляна (6).

Крупным рубежным трудом стала коллективная монография «Население России в XX веке» (7). В ней приведены новые данные по эвакуационным волнам 1941-1942 гг., в частности, называется общая численность эвакуированных по стране в ходе второй из них, рассматриваются итоги и последствия двух эвакуаций. Затрагивается в монографии и вопрос о реэвакуации населения.

Важную роль в восстановлении общей картины миграционных процессов, происходивших в СССР в 1941-1945 гг., играют исследования, проводимые на региональном и местном уровнях. Эти исследования помогают и выявлению особенностей протекания данных процессов в различных регионах страны.

Специфика механического движения населения в годы войны в Уральском регионе рассматривается в трудах уральских исследователей. В 1993 году была опубликована монография Г.Е. Корнилова, посвящённая проблемам демографического развития уральской деревни (8). Данная работа содержит ценные данные по механическому движению не только сельского, но и городского населения областей и автономных республик Урала.

В коллективной монографии «Население Урала. XX век. История демографического развития» дана краткая характеристика основных потоков мигрантов, направлявшихся в Уральский регион в годы Великой Отечественной войны (9).

В последнее время стали появляться публикации, в которых исследуются миграционные процессы, наблюдавшиеся в годы войны, в отдельных городах Урала. Так, например, в 2005 году вышла работа коллектива авторов «Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.», посвящённая областному центру Свердловской области (10). В ней, среди прочих вопросов, рассматривается и вопрос о механическом движении населения города.

Миграционные процессы, наблюдавшиеся в годы войны во втором по величине городе Свердловской области – Нижнем Тагиле, так до настоящего времени и не исследованы. В данной статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел.

Восстановить полностью картину механического движения населения г. Нижнем Тагила в 1941 – 1945 гг. на данный момент, к сожалению, не представляется возможным. Главным образом это связано с тем, что сведения о мигрантах в годы войны фиксировались статистическими органами с очень большими погрешностями. Особенно это касалось эвакуированного населения.

В докладной записке о проверке обслуживания эвакуированного в Свердловскую область населения (февраль 1942 г.) отмечалось, что дело персонального учёта прибывавшего эвакуанселения находится в запущенном состоянии, ведётся самотёком, в результате количество учтённых эвакуированных граждан недопустимо отстаёт от количества прибывших или уже живущих в области (11).

Огромный недоучёт мигрантов, главным образом за счёт слабой регистрации эвакуированных, был допущен в хаосе первого военного полугодия паспортными столами милиции. И.Ю. Писарев в августе 1943 г. в письме начальнику Главного управления милиции НКВД СССР Галкину подчёркивал, что статистические органы не могут использовать итоги разработки адресных листов (оформление прописки и выписки), так как «распоряжением Главного управления милиции НКВД СССР за №310/к от 24/XI-1941 г. было отменено составление отрывных талонов при прописке прибывших по эвакуации и составление адресных листков на выбывших эвакуированных» (12).

О серьёзном недоучёте мигрантов в годы войны говорят и следующие косвенные данные. В «Справочнике экономики городов и районов Свердловской области на 1 января 1943 г.» указывалось, что численность населения г. Н.Тагила в то время составляла 419500 человек (13). Однако, в результате проведённых нами подсчётов, в ходе которых использовались опубликованные данные переписи 1939 г. о численности тагильчан, а также неопубликованные статистические данные о естественном и механическом движении населения города за 1939 – 1942 гг. получилось, что в Нижнем Тагиле к январю 1943 г. должно было проживать только 235340 человек (14). Таким образом, предполагаемый недоучёт населения мог составлять более 180 тыс. человек.

Исходя из выше изложенного, хочется отметить, что к приведённым в статье цифровым данным следует относиться не как к абсолютно точным, а как к указывающим на основные направления изменений, происходивших в механическом движении населения г. Нижнего Тагила в 1941 – 1945 гг.

При работе над статьёй были использованы неопубликованные статистические источники, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (Ф. р-1813. Оп. 1) и Нижнетагильском городском историческом архиве (Ф. 128. Оп. 1).

Материалы, находящиеся в ГАСО представлены годовыми статистическими таблицами: форма №1 «Сведения о передвижении населения по месту откуда прибыли и куда выбыли» и форма №2 «Сведения о распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту» (за 1941 год данная таблица отсутствует), утверждёнными ЦУНХУ Госплана СССР. Так как в центральные статистические органы СССР направлялись сведения, содержащиеся именно в них, то при написании статьи они и были взяты за основу.

Из материалов по миграции, хранящихся в НТГИА, в статье использованы данные по г. Нижнему Тагилу из «Карты учёта передвижения населения» за 1941 год. Общегодовые сведения по механическому движению населения, находящиеся в ней, расходятся с данными таблиц из ГАСО. За 1941 год разница в численности по прибывшим составляет 0,8%, а по выбывшим 0,04%. Такое расхождение не является особо существенным, поэтому при рассмотрении изменений в миграционной активности тагильчан, в первые месяцы войны, мы опирались на данные из НТГИА.

Кроме статистических источников при написании статьи использовалась делопроизводственная документация Свердловского обкома ВКП (б), хранящаяся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (Ф. 4. Оп. 31). Среди прочего, в ней содержатся сведения об эвакуации в Нижний Тагил предприятий и населения из западных регионов страны.

Великая Отечественная война привела к значительным изменениям в механическом движении населения г. Нижнего Тагила. В её первые месяцы миграционная активность населения резко увеличилась (см. рис. 1).

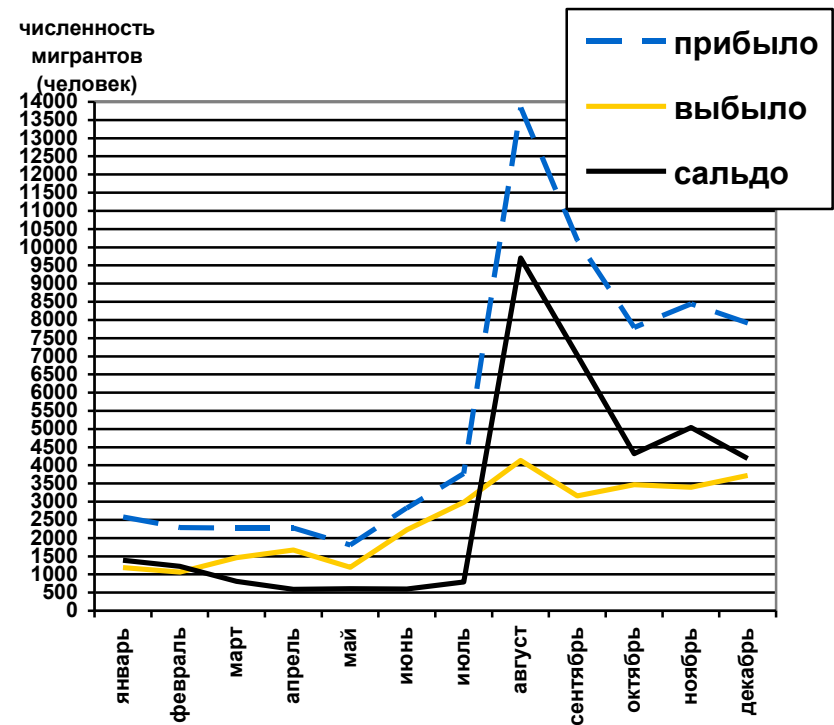

Рис. 1. Механическое движение населения г. Н. Тагила в 1941 г. [15]

Из приведённого графика видно, что уже с июня 1941 г. резко выросло количество, как прибывших в Н.Тагил, так и выехавших из него. По сравнению с предшествующим месяцем число первых увеличилось на 57,1%, а вторых – на 86,3%.

Продолжился рост миграционной активности и в последующие два месяца. Максимального уровня она достигла в августе 1941 г., когда в город приехало 13843 человека, выехало из него 4133 человека, а механический прирост составил 9710 человек.

В сентябре интенсивность механического движения снизилась. Количество прибывших в город сократилось по сравнению с августом на 26,4%, выбывших из него – на 23,6% (16). Тем не менее, даже при таком снижении абсолютные показатели миграционной подвижности населения в сентябре были значительно выше, чем в любом из предвоенных месяцев.

Аналогичная ситуация наблюдалась в октябре, ноябре и декабре 1941 г. Хотя по числу приехавших в Нижний Тагил (выехавших из него) каждый из

этих трёх месяцев уступал августу, но в то же время ощутимо превосходил по уровню миграционной активности не только май или июнь, но даже и июль 1941 г.

Всего во втором полугодии 1941 г. в Нижний Тагил прибыло 51452 человека, что составляло 78,6% от общего числа мигрантов, переместившихся в город за год (17). Значительная часть из них приехала вместе с эвакуированными из прифронтовых областей предприятиями и организациями.

Созданная в предвоенное время мощная индустриальная база Нижнего Тагила дала возможность принять и разместить большое число предприятий, вывезенных из прифронтовых областей. Так, например, Уральский Вагоностроительный завод имени Ф.Э. Дзержинского получил оборудование Харьковского тракторного завода, Харьковского завода №183 имени «Коминтерна», Мариупольского металлургического завода, Московского станкостроительного завода имени С.Орджоникидзе и некоторых других. Кроме того, на площадях Уралвагонзавода был организован авиационный завод №381 путём слияния двух заводов (№380 и №381), эвакуированных из г. Ленинграда (18). Причём, в Нижний Тагил было вывезено не только оборудование, но и значительная часть работников данных предприятий. К 30 июля 1941 г. их прибыло в город 7,5 тыс. человек. Однако, из-за отсутствия достаточного жилого фонда в Нижнем Тагиле, около 2,5 тыс. человек из них были расселены в 15, 20 и даже 30 километрах от него (19).

В III и IV кварталах 1941 г. эвакуационные поезда шли в город непрерывным потоком. Только за период с 16 августа по 4 сентября по железной дороге имени Л.М. Кагановича в Нижний Тагил проследовали эшелоны с эвакуированными людьми и оборудованием следующих предприятий: завода №156 НКАП из Москвы, электrozавода из Ленинграда, механического завода НК пищевой промышленности из Киева, металлургического и химического заводов из Кривого Рога (20).

Под влиянием начавшейся мобилизации в армию количество выбывших из города во втором полугодии 1941 г. увеличилось по сравнению с первым в 2,4 раза. За период с 1 июля по 31 декабря город покинуло 20910 человек, а их удельный вес составил 70,4% от общего числа мигрантов, выехавших из него за год.

Большая часть механического прироста (85,4%) также была зарегистрирована во втором полугодии 1941 г. Сальдо миграции за июль - декабрь выросло по отношению к сальдо за январь - июнь в 5,8 раза (21).

В целом, за 1941 г. в Н.Тагил прибыло 65463 мигранта, что было в 2 раза больше, чем в 1940 г. и соответственно выбыло 29691 человек - в 1,2 раза больше, чем в предшествующем году (22).

Абсолютные показатели механического движения населения, зафиксированные в Нижнем Тагиле в первый год войны, так и не были превышены в последующие военные годы. Уже в 1942 г. произошло заметное сокращение

объёмов перемещений населения, которое продолжилось и в последующие годы (см. табл. 1).

Таблица 1
Общие размеры миграции населения г. Н. Тагила в 1941 – 1945 гг., человек (23)

Год	Прибыло	Выбыло	Сальдо	Оборот
1941	65463	29691	+35772	95154
1942	53526	22044	+31482	75570
1943	31201	19841	+11360	51042
1944	16792	18507	-1715	35299
1945	16340	12309	+4031	28649

Из приведённых в таблице данных видно, что если в 1941 г. миграционный оборот в городе составил 95154 человека, то уже в 1942 г. он сократился до 75570 чел., в 1943 г. – до 51042 чел., в 1944 г. – 35299 чел., а в 1945 г. до 28649 чел.

Подобная ситуация наблюдалась в городе и с миграционным приростом. Хотя практически на протяжении всей войны, за исключением 1944 г., сальдо миграции было положительным, тем не менее, наибольший механический прирост населения в Нижнем Тагиле наблюдался в 1941 г., когда он составил 35772 человека.

В последующие три года миграционный прирост стабильно сокращался. За 1942 г. он уменьшился, по сравнению с первым годом войны, на 4290 человек или на 12%. Ещё более резкое его сокращение – в 3,1 раза, по сравнению с 1941 г., наблюдалось в городе в 1943 г. В 1944 г. сальдо миграции вообще стало отрицательным, то есть число выбывших превысило число прибывших.

В заключительный год войны механический прирост вновь стал положительным, достигнув отметки в 4031 человека, что, впрочем, было в 2,8 раза меньше, чем в 1943 г., и в 8,9 раза меньше, чем в 1941 г.

В целом за годы войны в Нижний Тагил прибыло 183322 человека, выбыло из города 102392 человека, а положительное сальдо миграции за 5 лет составило 80930 человек. При этом большая часть механического прироста – 83,1%, пришлась на 1941 – 1942 гг.

Во время Великой Отечественной войны заметно изменилась интенсивность миграционных потоков, связывавших Нижний Тагил с различными регионами страны.

В предвоенные годы наиболее активный обмен населением у г. Нижнего Тагила происходил с городами и сёлами Уральского региона (см. табл. 2).

Таблица 2

**Территориальные источники роста (сокращения) населения
г. Нижнего Тагила в 1939 – 1940 гг. (24)**

Откуда прибыли и куда выехали	Мигрирующее население, человек				Удельный вес, %			
	1939		1940		1939		1940	
	при- было	выбыло	при- было	вы- было	при- было	вы- было	при- было	вы- было
Север и Северо-Запад	472	462	314	268	1,4	1,3	1	1,1
Центр	1627	1520	1124	1000	4,9	4,3	3,5	4,05
Центр.-Черноз. район	1096	638	575	485	3,3	1,8	1,8	2
Волго-Вятский район	4143	2532	3996	2125	12,6	7,1	12,3	8,6
Поволжье	2451	1581	2999	1517	7,5	4,4	9,2	6,1
Северный Кавказ	279	299	557	243	0,9	0,83	1,7	1
Крым	54	51	39	26	0,2	0,14	0,1	0,1
Урал	16162	14005	14296	8219	49,1	39,3	43,9	33,3
В т.ч.	9891	9056	8624	5291	30,1	25,4	26,5	21,4
<i>Свердловская обл.</i>	2855	1702	2173	863	8,68	4,8	6,7	3,5
Сибирь и Дал. Восток	1433	1375	1608	1004	4,4	3,9	4,9	4,1
Украина	113	109	1811	152	0,3	0,3	5,6	0,6
Белоруссия	-	-	30	10	-	-	0,1	0,04
Прибалтика	-	-	81	4	-	-	0,2	0,01
Молдавия	69	30	36	16	0,2	0,1	0,1	0,1
Закавказье	398	326	432	284	1,2	0,92	1,3	1,1
Ср. Азия, Казахстан	1729	10967	2095	8443	5,3	30,8	6,4	34,2
СССР без указания областей и республик	6	6	407	28	0,02	0,01	1,2	0,1
Из-за границы (за границу)								
Всего	32887	35603	32573	24687	100	100	100	100

В 1939 г. доля уральцев в общей численности прибывших в город за год составляла 49,1%, в 1940 г. – почти 44%. Более 60% из них были жителями Свердловской области. Среди выехавших из г. Нижнего Тагила в эти годы свыше 30% выехали во внутренние районы Уральского региона (64% из них – в пределы Свердловской области) (25). В механическом приросте населения города в 1940 году доля уральцев составляла 77,1% (26).

Второй миграционный поток связывал Нижний Тагил с европейской частью страны. Он был менее интенсивным, чем первый. На его долю в 1939 г. пришлось 35,7%, а в 1940 г. – 40,5% от общего числа прибывших в город. Больше всего переселенцев в эти годы приезжало из Волго-Вятского района

и Поволжья. Удельный вес выбывших из Нижнего Тагила в европейскую часть страны в 1939 году составлял 24,2%, а в 1940 г. – 27,8%.

В 1941 г. под влиянием начавшейся Великой Отечественной войны ситуация существенно изменилась (см. табл. 3).

Таблица 3

Территориальные источники роста (сокращения) населения г. Н.Тагила в 1941 – 1945 гг., % (27)

Откуда прибыли и куда выбыли	1941		1942		1943		1944		1945	
	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло
Север и Северо-Запад	26,7	0,8	6,2	0,4	2,5	0,8	2	4,5	2,4	7,7
Центр	9,8	1,6	20,2	3,8	7,8	23,9	5,5	11,4	5,8	10,4
Центр.-Черноз. район	0,9	0,7	2,7	0,5	3	0,42	2,4	2,1	3,8	1,4
Волго-Вятский район	2,2	3,7	3,3	1,4	6,5	1,5	5,8	1,9	3,2	1,8
Поволжье	1,9	2,21	12,4	1,1	10,7	1,9	5	3,9	2,4	2,4
Северный Кавказ	0,7	0,5	1,9	0,3	1,4	0,42	1,3	2,45	2,5	2,8
Крым	0,92	0,1	0,9	0,02	0,04	0,01	0,06	0,3	0,1	0,3
Урал	19,6	28,1	24	22,7	36,5	16	36,9	17,8	38,6	28,6
В т.ч. Свердловская обл.	12,5	17,3	14,5	16,4	21,3	12,2	27,5	12,8	30,2	23,6
Сибирь и Дал. Восток	3,7	2,8	4,5	2,2	7,9	1,9	11	2,1	5,4	2,7
Украина	30,6	2,2	11,4	1,1	2,6	1,1	15,4	29,7	8,5	18,1
Белоруссия	0,7	0,7	0,62	0,13	0,2	0,02	1,2	0,5	3	1,6
Прибалтика	0,1	0,03	0,02	-	0,03	0,01	0,9	0,2	0,1	1,9
Молдавия	0,2	0,05	0,03	-	0,05	-	0,6	0,1	0,1	0,4
Закавказье	0,05	0,1	0,1	0,05	0,23	0,02	0,3	0,8	0,3	0,4
Ср. Азия, Казахстан	0,9	1,4	2,32	2,3	7,1	1,9	2,8	1,5	2,2	2,3
СССР без указания областей и республик	1,03	55	9,4	64	13,4	50,1	8,7	20,7	21,4	17
Из-за границы (за границу)	-	0,01	0,01	-	0,05	-	0,14	0,05	0,2	0,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

В условиях стремительного продвижения немецких войск по территории СССР на Урал в целом, и в Нижний Тагил, в частности, хлынул огромный людской поток из западных регионов страны. Именно из них теперь прибывала в город основная масса переселенцев.

Из Северного и Северо-Западного районов за 1941 г. прибыло в 55,7 раза больше мигрантов, чем в 1940 г., из Центра – в 5,7 раза, из Прибалтики – в 2,3 раза, из Молдавии – в 1,4 раза.

Резко вырос приток переселенцев из Украины и Крыма. Если в 1939 г. из УССР в Н.Тагил приехало 1433 человека, в 1940 г. – 1608 человек, то в

1941 г. уже более 20 тыс. человек. Из Крыма за 1941 г. в город прибыло в 11,2 раза больше мигрантов, чем в 1939 г. и в 15,5 раза, чем в 1940 г. (28).

Всего из европейской части СССР за 1941 год в Н.Тагил приехало 48949 человек, а их удельный вес составил 74,8%.

В то же время заметно сократилось прибытие переселенцев из Уральского региона. По сравнению с 1939 г. приток населения из населённых пунктов Урала уменьшился на 20,8%, а с 1940 г. на 10,5%. Удельный вес уральцев среди общего числа мигрантов, прибывавших в город в 1941 году составил 19,6%, что было на 24,3% меньше, чем в предшествующем. Интенсивность перемещения населения из пределов Свердловской области снизилась не так существенно, как из Уральского региона в целом. В 1941 г. она сократилась по сравнению с 1940 г. на 5%. Тем не менее, удельный вес мигрантов, прибывших в Нижний Тагил из Свердловской области за этот же период снизился более чем в 2 раза (до 12,5%).

В первый год войны заметно изменилась и интенсивность выбытия населения из г. Нижнего Тагила в основных территориальных направлениях.

Ощутимо снизилось миграционное движение тагильчан в западном направлении. В Центральный район в 1941 г. выехало в 2,1 раза меньше переселенцев, чем в 1940 г., в Центрально-Чернозёмный район – в 2,2 раза, в Волго-Вятский – в 1,9 раза, в Поволжье – в 2,3 раза, на Украину – в 1,6 раза. Общий удельный вес выбывших из города в европейскую часть страны уменьшился до 12,7% (29).

Во внутренние районы Уральского региона в 1941 г. выехало на 1,5% больше переселенцев, чем в 1940 г., но и их доля среди общего числа выбывших из города за год сократилась до 28,1%. Тем не менее, по удельному весу они, как и в 1940 г., занимали второе место, уступая только выбывшим в пределы «СССР без указания областей и республик», количество которых в 1941 г. резко выросло. Если в 1939 г. их удельный вес составлял 30,8%, в 1940 г. – 34,2%, то уже в следующем он увеличился до 55%. Столь резкий рост был связан, прежде всего, с призывом значительного числа тагильчан в ряды РККА.

В 1942 г. соотношение между основными миграционными потоками вновь изменилось. Хотя большая часть переселенцев, как и в 1941 г. прибыла в город из европейской части страны, что было связано главным образом с продолжавшейся эвакуацией, но их численность сократилась до 31992 человек, а удельный вес снизился до 59,8% (30).

Приток населения из Уральского региона остался почти на уровне 1941 г., тем не менее доля уральцев среди мигрантов увеличилась до 24%. Непосредственно из пределов Свердловской области в 1942 г. в Нижний Тагил приехало 7764 человека, что составило 14,5% от общего числа прибывших в город за год.

Среди выехавших из города, как и в 1941 г. большую часть составляли выбывшие в пределы «СССР без указания областей и республик». В 1942 г. их удельный вес достиг максимальной отметки за всю войну – 64%.

Доля переместившихся из Нижнего Тагила во внутренние районы Уральской области снизилась до 22,7%, но по удельному весу они продолжали занимать второе место.

Сократилась и численность выехавших из города в европейскую часть страны. По сравнению с 1941 г. она уменьшилась на 48,7%, а их удельный вес снизился до минимального уровня за весь рассматриваемый период – до 8,8%. Столь низкий показатель во многом был связан с оккупацией ряда районов страны немецкими войсками. Так, например, из-за неё в 1942 г. полностью прекратилось перемещение населения из Нижнего Тагила в Молдавию и Прибалтику, в 9,5 раза, по сравнению с 1941 г., уменьшилось количество выбывших в Крым, в 7,6 раза – в Белоруссию, в 2,6 раза – на Украину (31).

Новые изменения в интенсивности основных миграционных потоков произошли в 1943 г. Приток населения в Нижний Тагил в это время в абсолютных показателях сократился как из западных районов страны, так и из Уральского региона.

Наиболее резко – почти в 3 раза - уменьшилась, по сравнению с 1942 г. численность мигрантов, прибывших из европейской части СССР. В 1943 г. их приехало только 10950 человек, что составило 35,1% от общего числа прибывших в город за год. При этом особенно ощутимо снизился, по сравнению с предшествующим годом, приток переселенцев из Крыма – в 34,7 раза, Украины – в 7,5 раза, Белоруссии – в 5,2 раза, Центра – в 4,5 раза, а также из Северного и Северо-Западного районов – в 4,3 раза (32).

Уральцев в 1943 г. прибыло в Нижний Тагил на 11,6% меньше, чем в 1942 г., но их доля среди мигрантов увеличилась до 36,5%. Таким образом, впервые за годы войны жители Уральского региона опередили по удельному весу переселенцев из европейской части страны.

Из некоторых других регионов приток мигрантов в 1943 году не только не сократился, но даже увеличился. Так, например, количество прибывших из Средней Азии и Казахстана выросло, по сравнению с 1942 г. на 77,9%.

В 1943 г. заметно усилился отток мигрантов из Нижнего Тагила в европейские районы страны, что было связано с начинавшейся эвакуацией населения, разворачивающейся по мере освобождения территории СССР от немецко-фашистских войск. Всего в данном направлении из города выехало 5972 человека, что было в 3 раза больше, чем в 1942 г., а их удельный вес увеличился до 30,1%. Особенно резко выросло количество выбывших в центральные области. Если в 1942 г. их было только 843 человека, то в 1943 г. уже 4740 человек (33).

В то же время до 16% сократилась доля выбывших во внутренние районы Уральского региона. Основная часть из них – 76,4%, в 1943 г. выехала в пределы Свердловской области (34).

На 13,9% уменьшился по сравнению с 1942 г. и удельный вес выбывших в пределы «СССР без указания областей и республик». Однако, даже после столь значительного сокращения их доля среди мигрантов, как и в первые годы войны, оставалась самой весомой.

В 1944 г. вся территория страны была освобождена от фашистской оккупации. Благодаря этому у города восстановился миграционный обмен со всеми регионами страны, но он складывался не в его пользу. Из-за того, что основная масса ранее эвакуированных направилась в это время к местам прежнего проживания, отток населения из Нижнего Тагила оказался более мощным, чем приток в него.

В 1944 г. в город прибыло 16792 человека. Среди них больше всего было мигрантов из западных регионов страны – их насчитывалось 6802 человека, что составляло 40,5% от общего числа приехавших в город. Из уральских областей и республик прибыло 6200 человек, в том числе 4622 человека из Свердловской области. Доля уральцев среди переселенцев равнялась 36,7%. Мигрантов, приехавших в 1944 г. в Нижний Тагил из Средней Азии, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока, насчитывалось 2304 человека, а их общий удельный вес составлял 13,7% (35).

Однако, движение в обратном направлении было более интенсивным. В 1944 г. количество выбывших из города превысило число прибывших на 1715 человек, или на 10,2%.

Больше всего мигрантов направилось в 1944 г. из Нижнего Тагила на Украину – 5494 человека, что было в 24,3 раза больше, чем в предшествующем году. Численность выбывших на Северный Кавказ, по сравнению с 1943 г., увеличилась в 5,3 раза, в Северный и Северо-Западный районы – в 5 раз; в Центрально-Чернозёмный район – в 4,6 раза, в Поволжье – в 2 раза (36). Всего за 1944 г. в европейскую часть страны выехало 10685 человек, а их удельный вес составил 57,9% от общего числа выбывших.

Повысилась интенсивность перемещения населения из города и в пределы Уральского региона. В 1944 г. в данном направлении выехало 3302 человека, а их удельный вес составил 17,8% (37).

Количество выбывших в неизвестном направлении, по сравнению с 1943 г., сократилось в 2,6 раза. Тем не менее их численность продолжала оставаться довольно значительной. В 1944 г. выехавших из города в пределы «СССР без указания областей и республик» насчитывалось 3842 человека, а их удельный вес составлял 20,7%.

Довольно многочисленной, как и предшествующие годы, была и группа прибывших из пределов «СССР без указания областей и республик». В начале 1945 г. данную ситуацию прокомментировал заместитель уполномо-

ченного Госплана СССР по Свердловской области Латышев. В сопроводительной записке к данным о механическом движении населения Свердловской области за 1944 г. он писал: «Наличие значительного количества неизвестных по прибытию и выбытию идёт главным образом за счёт прибывших из рядов РККА и призванных в РККА, частично за счёт прибывших и выбывших в трудовые колонии» (38).

В 1945 г. интенсивность основных миграционных потоков вновь изменилась. На первое место по удельному весу среди прибывших вышли переселенцы из Уральского региона. По сравнению с 1944 г. их доля увеличилась на 1,7% и составила 38,6%. Из 6304 уральцев, приехавших в Н.Тагил в 1945 г., большую часть – 78,2% составляли жители Свердловской области (39).

Численность прибывших из западных регионов страны, по сравнению с 1944 г. сократилась на 22,6%, а их удельный вес снизился до 32,2% (40).

За счёт демобилизованных из армии значительно выросла доля прибывших в город из пределов «СССР без указания областей и республик». В 1945 г. она составила 21,4% от общего числа приехавших в Нижний Тагил за год.

Среди выбывших из города в 1945 г. почти каждый второй направился в европейскую часть страны. Большая часть из них выехала на Украину, в Центральный, Северный и Северо-Западный районы.

Доля выбывших в населённые пункты Уральского региона, по сравнению с 1944 г., увеличилась на 10,8% и составила 28,6%. Основная часть из них (82,7%) направилась в пределы Свердловской области.

Заметно сократилось, по сравнению с предшествующими годами, выбытие из города в неизвестном направлении. В 1945 г. удельный вес выехавших в пределы «СССР без указания областей и республик» снизился до минимального уровня за весь рассматриваемый период – до 17%, что видимо, было связано с завершением Великой Отечественной войны.

В целом за годы войны основная масса мигрантов приехала в Нижний Тагил из европейской части СССР (56,7% от всех прибывших). Уральцев среди прибывших в город было 27%.

В оттоке населения из Нижнего Тагила на первом месте было выбытие в не известном направлении (45,2% от всех выбывших), на втором – переезд в европейскую часть страны (27,8%). В пределы Уральского региона переместилось 22,8% мигрантов.

Великая Отечественная война повлияла и на соотношение между основными источниками пополнения населения г. Нижнего Тагила (см. табл. 4).

Таблица 4

**Состав мигрантов, прибывших в г. Нижний Тагил
в 1939 – 1945 гг., % (41)**

Откуда прибыли	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
----------------	------	------	------	------	------	------	------

Из городов	48,3	46,9	84	71,6	49,3	46,7	38,3
Из сельских местностей	40,8	42,5	12,6	6,7	26,3	42,9	40
Неизвестно	10,9	10,6	3,4	21,7	24,4	10,4	21,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Из приведённых в таблице данных видно, что в предвоенные годы приток мигрантов в Нижний Тагил из городов незначительно превосходил приток из сельской местности. Однако, уже в первый год войны ситуация резко изменилась.

В 1941 г. доля горожан по сравнению с предшествующим годом увеличилась в 1,8 раза и составила 84% от общего числа мигрантов, прибывших в Н.Тагил за год, а доля сельских жителей уменьшилась в 3,4 раза – до 12,6%.

Подобная ситуация наблюдалась в этот же период и в других уральских городах. Так, например, в Свердловске в 1941 г. среди прибывших доля переселенцев из городов увеличилась по сравнению с 1940 г. в 1,7 раза (до 79,2%), а выходцев из сельской местности сократилась в 2,6 раза (до 15,8%) (42).

Снижение доли селян в составе мигрантов, прибывавших в уральские города, было связано с процессами эвакуации, когда из прифронтовых районов вывозились в первую очередь рабочие и служащие промышленных предприятий и члены их семей, а также семьи ответственных партийных, комсомольских и советских работников, военнослужащих. К тому же, резко уменьшилась миграционная активность сельских жителей, проживавших в европейской части СССР и попавших в оккупацию (43).

С 1943 г., по мере освобождения территории страны от немецко-фашистских войск, доля селян в составе мигрантов, прибывавших в Нижний Тагил, вновь стала возрастать. Одновременно с этим, происходило сокращение притока в Нижний Тагил переселенцев из городов. К 1945 г. удельный вес горожан снизился, по сравнению с 1941 г. в 2,2 раза и составил 38,3% от общего числа мигрантов прибывших в город за год, в то время как удельный вес селян увеличился в 3,2 раза - до 40%. Таким образом, в 1945 г. впервые за семь лет сельских жителей прибыло в Нижний Тагил больше, чем горожан.

Вопрос о половозрастном составе мигрантов, прибывавших в г. Нижний Тагил и выбывавших из него в годы Великой Отечественной войны подробно рассмотреть, на данный момент, к сожалению, не представляется возможным, так как практически полностью отсутствуют данные за 1941 г. Поэтому, при изучении этой проблемы приходится ограничиться периодом с 1942 по 1945 год.

Таблица 5

Состав мигрирующего населения г. Н. Тагила по полу, % (44)

Год	Прибыло		Выбыло		Сальдо	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1942	66,2	33,8	62,5	37,5	68,8	31,2
1943	71,1	28,9	60,2	39,8	90,1	9,9
1944	55,5	44,5	41,2	58,8	98,4	-198,4
1945	58,6	41,4	52,9	47,1	75,9	24,1

Из данных, приведённых в табл. 5 видно, что основная роль в механическом движении населения города принадлежала лицам мужского пола. Из общего числа прибывших в Нижний Тагил в 1942 – 1945 гг. они составили 64,9%, а из числа выбывших – 54,8%. Преобладание женщин было отмечено только среди выбывших – в 1944 г., что было связано с начавшимся процессом реэвакуации населения.

Механический прирост населения г. Нижнего Тагила в 1942 – 1945 гг. также происходил за счёт лиц мужского пола. Их доля в 1942 г. составила 68,8%, в 1943 г. – 90,1%, в 1945 г. – 75,9%. В 1944 г. при отрицательном сальдо миграции мужчин в город прибыло больше, чем выбыло, а женщин – наоборот.

В таблице 6 представлена возрастная структура мигрантов, прибывавших в г. Н.Тагил и выбывавших из него в годы Великой Отечественной войны.

Таблица 6

Возрастной состав мигрантов г. Нижнего Тагила, % (45)

Возраст, лет	1941		1942		1943		1944		1945	
	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло
0 – 15	11,5	3,1	8,9	4,8	6	5,9	7,2	11,2	8,4	8
16 – 24	88,5	96,9	24,6	34,5	26,6	26,8	38	22,2	39,1	28,5
25 – 29			12,1	14,1	9,3	14	9,4	10,5	10,7	10,6
30 – 34			14	14,7	12,2	15,7	11,8	14	13,4	12
35 – 39			12,9	11,7	11,8	12,1	9,5	11,4	9,8	9,7
40 – 44			10,4	7,7	9,7	8,4	7	8,1	7,7	10,4
45 – 49			9,9	4,5	11	6,9	6,6	6,9	3,6	7,2
50 – 54			3,2	2,2	8,2	3,9	5,7	5,4	2,7	6,3
55 – 59			1,5	1,7	2,7	1,9	2	4,1	2,1	2,5
60 и старше			2,1	2,8	2	2,7	1,9	5,2	1,9	3,7
Не известны					0,4	1,3	0,5	1,7	0,9	1

Из приведённых данных видно, что среди прибывавших в город преобладали люди трудоспособного возраста (16 – 59 лет). В 1942 году они составляли 88,6%, в 1943 году – 91,5%, в 1944 году – 90%, в 1945 году – 89,1%. Первое место среди них занимала молодёжь в возрасте от 16 до 24 лет. Её удельный вес среди общего числа приезжавших в Нижний Тагил в 1942 – 1945 гг. увеличивался из года в год. Если в 1942 году он составлял 24,6%, то уже в 1943 г. он вырос до 26,6%, в 1944 г. до 38%, а в 1945 г. до 39,1%. Данная тенденция в значительной степени может быть объяснена активным привлечением представителей этой возрастной группы на работу на промышленных предприятиях города.

Доля лиц в возрасте от 60 лет и старше, среди приезжавших в Нижний Тагил в годы войны, была достаточно стабильной. В 1942 – 1945 гг. она колебалась от 1,9 до 2,1%.

Удельный вес другой возрастной группы – детей в возрасте от 0 до 15 лет, менялся более ощутимо. Максимальным он был в первый год войны, когда в город прибыло 7619 эвакуированных детей, что составило 11,5% от общего числа прибывших за год (46). В последующие годы доля этой возрастной группы сократилась и колебалась от 6 до 8,9%.

Среди выбывших в 1942 - 1945 гг. подавляющее большинство также составляло население трудоспособного возраста. Его удельный вес в этот период колебался от 82,6% до 91,1% (47).

Доля детей среди мигрантов, покидавших Нижний Тагил в 1941 – 1944 гг. стабильно увеличивалась. Максимальные темпы её роста наблюдались в 1944 г., когда она по сравнению с 1943 г. выросла в 1,9 раза (до 11,2%). Заметно повысился в 1944 г. и удельный вес лиц в возрасте от 60 лет и старше. Если в 1942 – 1943 гг. он составлял 2,7 – 2,8%, то в 1944 г. он вырос до 5,2%. Увеличение долей данных возрастных групп в составе мигрантов, выезжавших из города, было связано с широко развернувшейся к тому времени реэвакуацией населения. В 1945 г. произошло сокращение удельного веса детей и подростков до 8% от общего числа выбывших из города, а лиц в возрасте от 60 лет и старше до 3,7%.

В годы Великой Отечественной войны миграция была определяющим фактором, влиявшим на численность населения города (см. табл. 7).

Таблица 7

Вклад естественного прироста и миграций в динамику численности населения г. Нижнего Тагила (48)

Год	Прирост (убыль), тыс. человек	Доля в общем приросте (убыли)*	
		естественного движения	миграции
1941	38,0	2,2 (5,8)	35,8 (94,2)
1942	27,7	-3,8 (-13,7)	31,5 (113,7)

1943	8,1	-3,3 (- 40,7)	11,4 (140,7)
1944	-5,7	-4,0 (-70,2)	-1,7 (-29,8)
1945	6,2	2,2 (35,5)	4,0 (64,5)
1941 - 1945	74,3	-6,7 (-9,0)	81,0 (109)

* Доля исчисления в тыс. человек, в скобках процент.

Интенсивный приток мигрантов в город не только компенсировал естественную убыль тагильчан в 1942 и 1943 гг., но и способствовал тому, что в целом за годы войны население г. Нижнего Тагила не сократилось, а увеличилось.

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 41.
2. Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941-1942 гг. М., 1966.
3. Лихоманов М.И., Позина Л.Г., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941-1942 гг. Ленинград, 1985.
4. Куманёв Г.А. Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 144.
5. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
6. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
7. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940-1959. М., 2001.
8. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.
9. Население Урала. XX век. История демографического развития. / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов и др. – Екатеринбург, 1996.
10. Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Екатеринбург, 2005.
11. Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 96.
12. Исупов В.А. Указ. соч. С. 141.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 371. Л. 14.
14. Подсчитано по данным: Нижнетагильский городской исторический архив (далее - НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 51. Л. 34; Государственный архив Свердловской области (далее - ГАСО). Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 9 об.; Д. 773. Л. 78; Д. 774. Л. 62 об.; Д. 775. Л. 67; Д. 788. Л. 7 об., 11 об., 13 об.
15. Составлен по данным: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 59. Л. 7.
16. Подсчитано по тем же данным.
17. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 11 об., 13 об.
18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 195. Л. 174.
19. Там же, Л. 181.
20. Там же, Д. 187. Л. 11, 14, 19; Д. 188. Л. 195, 198, 208.
21. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 11 об., 13 об.
22. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 9 об., 11 об., 13 об.

23. Составлено и рассчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 11 об., 13 об., 29 об., 38 об., 54 об., 66 об.
24. Рассчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.; Д. 788. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.
25. Подсчитано по тем же данным, что и в таблице 2.
26. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.
27. Рассчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13, 13 об., 28, 28 об., 29, 29 об., 37, 37 об., 38, 38 об., 53, 53 об., 54, 54 об., 65, 65 об., 66, 66 об.
28. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.; Д. 788. Л. 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13, 13 об.
29. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13, 13 об.
30. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13, 13 об., 28, 28 об., 29, 29 об.
31. Подсчитано по тем же данным.
32. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 28, 28 об., 29, 29 об., 37, 37 об., 38, 38 об.
33. Подсчитано по тем же данным.
34. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 37, 37 об., 38, 38 об.
35. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 53, 53 об., 54, 54 об.
36. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 37, 37 об., 38, 38 об., 53, 53 об., 54, 54 об.
37. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 53, 53 об., 54, 54 об.
38. ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 48.
39. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 65, 65 об.
40. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 53, 53 об., 54, 54 об., 65, 65 об., 66, 66 об.
41. Составлено и рассчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 7; Д. 788. Л. 7, 11 об., 13 об., 24, 34, 50, 63.
42. Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 6 об., 16 об., 23.
43. Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 144.
44. Рассчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 24, 24 об., 34, 34 об., 50, 50 об., 63, 63 об.
45. Рассчитано по данным: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 59. Л. 7; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 788. Л. 24, 24 об., 34, 34 об., 50, 50 об., 63, 63 об.
46. НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 59. Л. 7.
47. Подсчитано по тем же данным, что и таблица 6.
48. Составлено и рассчитано по данным: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 62 об.; Д. 775. Л. 67; Д. 776. Л. 47 об.; Д. 778. Л. 64, 67 об.; Д. 788. Л. 11 об., 13 об., 29 об., 38 об., 54 об., 66 об.

**Филиппова О.С.
(Нижний Тагил)**

Реконструкция личности историка как компонент историографического исследования

Вектор исследовательского интереса в рамках современной исторической науки в последнее время справедливо направлен на изучение вопросов менталитета, психологии, внутреннего мира человека, его восприятия исторического процесса и участия в нем.

В этой связи актуальной является не только обобщение исследовательского опыта на уровне историографических работ, но и выявление тех объективных условий, которые оказали непосредственное влияние на формирование личности исследователей, работы которых попадают в круг научных интересов историографов.

Привнесение личностного момента «очеловечивает» исследуемую проблему, выводит ее на уровень человеческого измерения исторических процессов.

В основе методологии историографического исследования лежит работа с историографической моделью. Уже на первоначальном этапе выявления проблемной точки в изучении конкретного вопроса, исследователь сталкивается с необходимостью обращения к личности историка, научное наследие которого изучается в данный момент.

Определение проблематики напрямую связано с анализом тех объективных условий, в которых жил и работал историк. Непосредственный интерес представляют факты его личной биографии. Интерпретация фактов исторической действительности напрямую связана с личной позицией автора по исследуемому вопросу. Для научной интерпретации субъективизм недопустим, хотя человеческое начало присуще каждому исследовательскому труду, что обуславливает наличие в исследовании наряду с научной и общественной актуальностью, актуальность личностную.

На личность исследователя традиционно большое влияние оказывает его жизненный опыт. Так, формирование круга научных интересов и развитие творческой активности исследователя, как правило, напрямую связаны с интересами той социальной общности, к которой историк принадлежит. Данное положение абсолютизируется в условиях той или иной степени идеологизации общественной жизни. И здесь мы говорим не только о механизмах государственного воздействия, но и о ментальных структурах личности исследователя, человека, принадлежащего к конкретному историческому времени. Причем, говоря о ментальных представлениях историка, мы имеем в виду различные уровни этого понятия. В этой связи имеется в виду, во-первых, менталитет отдельно взятой личности исследователя, как совокуп-

ность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями (1), а во-вторых, устойчивые модели отношения к окружающей действительности, присущие историку, как участнику определенной профессиональной группы ученых.

Привнесение в историографические труды данного исследовательского аспекта выводит их за рамки описания, наполняет дополнительных содержанием, и во многом актуализирует. Историограф, таким образом, выступает не только как методолог и знаток фактологической стороны проблемы, но и как историософ и психолог.

В данном случае непосредственный интерес представляет степень воздействия на формирование личности историка двух ключевых модернизационных процессов XX века – сталинской модернизации и «перестройки» второй половины 1980-х гг. Модернизационные процессы, наряду с ключевыми моментами реконструкции общественной системы, наполнены достаточно мощным социокультурным содержанием, конечной целью которого является предоставление личности моделей поведения в обществе нового типа.

Современную историческую науку представляют сразу несколько поколений исследователей. Пласт советской исторической науки представлен работами историков, находившихся в различной степени личностной зависимости от идеологических направляющих своего времени. Второе поколение исследователей представлено деятелями науки, которые «пережили» культурный перелом начала 1990-х, получив, таким образом, возможность сохранить свои научные взгляды, либо открыто заявить о том, о чем раньше вынуждены были умалчивать. Особенностью поколения современных историков, является отсутствие у них страха репрессий, а также иные, чем у старшего поколения, представления о социально-политических правах, уровне и нормах жизни. Таким образом, духовный мир современного исследователя явление сложное и синтетическое.

В этой связи новыми объектами историографического анализа становятся корпоративная профессорская культура, неформальные научные сообщества, межличностные коммуникации, формы трансляции и восприятия научных идей и т.д.(2)

В классическом понимании для историографии источниками являются труды историков-исследователей – монографии, научные статьи, материалы различных конференций; рецензии; мемуары; художественная литература; материалы дискуссий; директивы руководящих органов науки и образования; а также материалы творческой лаборатории ученого.(3) Именно последняя группа источников открывает перед историографом богатейшие исследовательские возможности.

Если говорить об историках советского времени, нельзя забывать о тех условиях, в которых проходило их «взросление» и становление их научной судьбы. В рамках работы над интересовавшей их проблемой, многие вынуж-

ждены были, что называется, работать в стол. Поэтому интереснейшим этапом историографического исследования является изучение неопубликованного творческого наследия ученых, знакомство с их родственниками, коллегами, последователями.

Данные положения одинаково справедливы для историографических работ, посвященных изучению различных историографических проблем. Как пример можно привести исследование, посвященное вопросам истории Урала периода Великой Отечественной войны.

Проблема изучения различных аспектов Великой Отечественной войны на Урале остается достаточно актуальной. В условиях современной России не ослабевает потребность в рассмотрении моделей организации общества в кризисные периоды. Российская история XX века – яркий пример социальных, экономических, идеологических, культурных «перестроек», периодов высочайшего напряжения и концентрации человеческих сил в условиях общегосударственной опасности, одним из которых, вне всякого сомнения, является Великая Отечественная война.

За последние годы издано немало историографических сочинений, но сами историки, их творчество, человеческие судьбы мало известны за пределами местных научных и преподавательских коллективов (4).

Таким образом, актуальной проблемой историографии Великой Отечественной войны на Урале, остается не только освящение отдельных проблем и аспектов организации жизни общества, но и изучение личности историка, влияния различных объективных и субъективных факторов на процесс становления его исследовательской позиции. В этой связи непосредственный интерес представляет исследование творческого пути выдающихся представителей Уральской академической науки.

Новая глава российской истории пишется сегодня. В условиях разнообразия методологических подходов исследовательских тематик современный историк, в сравнении с предыдущими периодами, имеет больше возможностей для проявления научной активности, не ограниченной конъюнктурой. В этой связи метод реконструкции личности историка существенно обогащает потенциал историографических исследований.

-
1. Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 159.
 2. Мир историка: историографический сборник / Под ред. Г.К. Садретдинова, В.П. Корзун. Вып. 2. Омск, 2006. С. 3.
 3. Биск И. И. История исторической мысли в Новое время. Учебное пособие. Иваново, 1983. С. 11.
 4. Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 3.

Чаплыгин В. Ю.
(Екатеринбург)

**Отечественная историография развития
высшего педагогического образования в 1930-е гг. в СССР**

Степень развития общества определяется уровнем культурного развития его членов. Одним из необходимых условий для развития общества является эффективная система образования. Создание эффективной системы образования является одной из основных задач государства.

Отечественные исследования развития высшего педагогического образования в СССР появились еще в 1930-е гг. В этих работах изучались отдельные стороны в деятельности высших педагогических учебных заведений. В статье И.М. Духовного дана краткая история развития высшего педагогического образования в СССР, приводятся данные о количестве педагогических вузов (1). В работе М.Е. Дымента показаны изменения в учебных планах педагогических вузов (2). В статье В.В. Смигельского дается анализ материальной базы высших педагогических учебных заведений (3).

В целом, в исследованиях развития высшего педагогического образования вышедших в 1930-е гг., в основном, изучались отдельные элементы развития высших учебных педагогических заведений. Необходимо отметить, что в данных работах развитие высших педагогических учебных заведений в регионах практически не анализировалось.

Новый период изучения развития высшего педагогического образования начинается во второй половине 1950-х гг. Отличительной особенностью данного периода является то, что появляются работы, в которых подробно исследуются отдельные стороны развития педагогических вузов в регионах. Большое внимание уделяется роли партийных органов в развитии высшего педагогического образования. Можно отметить научные труды М.П. Кима (4), А.В. Кольцова (5), В.В. Украинцева (6), Е.В. Чуткерашвили (7), П.В. Гришанова (8), П.Н. Шимбирева (9).

В работах Ш.Х. Чанбарисова, Ю.А. Бутягина, Ю.А. Салтанова подробно исследуется университетская система образования в СССР (10), дается анализ учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы. Авторы изучают законодательные акты, которые регулировали деятельность университетов. Особо выделим работы К.И. Васильева, Ф.Г. Паначина, в которых сделана попытка дать целостную картину развития высшего педагогического образования в СССР (11). Авторы подробно изучают учебно-воспитательную и научно-исследовательскую работу в высших педагогических заведениях.

В монографии М.М. Дейнеко большое внимание уделяется реформам в области высшего педагогического образования (12). Автор выявил причины изменений в системе высшего педагогического образования.

Новый период в изучении развития высшего педагогического образования начинается в 1990-е гг.

В монографии А. П. Катровского исследованы изменения в территориальном размещении педвузов (13). В работе В.И. Добрынина, В.В. Добрынина, Т.Н. Кухтевича, О.В. Туманяна исследуется социальный состав студентов высших учебных заведений в 1930-е гг. (14). По-прежнему мало внимания уделялось изучению истории педагогических вузов в региональном разрезе.

Изучение развития высшего педагогического образования на Урале началось еще в 1930-е гг. В исследованиях основное внимание уделялось учебно-воспитательной работе в педагогических вузах (15), поскольку это была основная проблема вновь появившихся вузов. Ценность данных работ в том, что они, в основном, созданы непосредственно работниками народного образования.

Новый период в изучении развития высшего педагогического образования на Урале начался в 1950-е гг. Отличительной особенностью данного периода является то, что впервые дана общая характеристика формирования и развития педагогических вузов на Урале, подробно анализируется учебно-воспитательная и научно-исследовательская работа в отдельных высших педагогических учебных заведениях. Можно отметить работы М.Е. Главацкого (16), М.А. Горловского (17), В.Г. Чуфарова (18). Соответственно времени эти работы в значительной степени посвящены изучению роли партийных органов в развитии высшего педагогического образования.

В диссертации И.В. Кузовковой исследуется роль партийных органов в развитии высших учебных педагогических заведений на Урале (19). Автор впервые исследует развитие заочной формы обучения в педагогических вузах.

В 1990-е гг. начался новый этап в изучении развития высшего педагогического образования на Урале. В работе М.Е. Главацкого изучается организационное развитие Уральского университета (20). В статье А.В. Сперанского анализируется учебно-материальная база педагогических вузов на Урале накануне Великой Отечественной войны (21). В монографии В.П. Леднева исследуется учебно-воспитательная работа педагогических вузов и их учебно-материальная база (22).

Таким образом, в исследованиях по развитию высшего педагогического образования изучены лишь отдельные аспекты развития педагогических вузов в СССР. Практически не изучено становление и развитие педагогических вузов в регионах.

1. Духовный И.М. Высшая педагогическая школа РСФСР // Советская педагогика. 1937. №4.
2. Дымент М.Е. Государственные экзамены в педагогических институтах // Педагогическое образование. 1936. №3.
3. Смигельский В.В. Организация и содержание работы педагогического кабинета в педвузах // Педагогическое образование. 1933. №3.
4. Ким М.П. 40 лет советской культуры. М., 1957.
5. Кольцов А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928-1932). М., Л., 1960.
6. Украинцев В.В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963.
7. Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования. М., 1961.
8. Гришанов П.В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926-1937). Саратов, 1983.
9. Шимбирев П.Н. 30 лет советского высшего педагогического образования // Вестник высшей школы. 1947. №11.
10. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917-1938 гг.). Уфа, 1973; Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М., 1957.
11. Васильев К.И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918-1932 гг.). Воронеж, 1966; Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в СССР. Важнейшие этапы истории и современное состояние. М., 1975;
12. Дейнеко М.М. 40 лет народного образования в СССР. М., 1957.
13. Катровский А.П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования в России. М., 2003.
14. Добрынин В.И., Добрынин В.В., Кухтевич Т.Н., Туманян О.В. общество-высшая школа-молодежь. – М., 1995.
15. Проблема кадров и культурной революции (из отчетного доклада т. Кабакова на X партконференции) // Просвещение на Урале. 1930. № 6; Ципин Л. Повышение квалификации педкадров – повышение качества работы школы // Культфронт Урала. 1931. №9-10; Козлов Д. Улучшить работу педвузов и педтехникумов // Культфронт Урала. 1932. № 1-2.
16. Главацкий М. Уральский государственный университет. Свердловск, 1960.
17. Горловский М.А., Чуфаров В.Г. Уральский государственный университет (Краткий исторический очерк). Свердловск, 1956.
18. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937гг.). Свердловск, 1970.
19. Кузовкова И.В. Деятельность партийных организаций Урала по подготовке учительских кадров (1928-1937гг.). Автореф. дисс... канд. истор. наук. Свердловск, 1983.
20. Главацкий М.Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995.
21. Сперанский А.В. Система высшего образования накануне Великой Отечественной войны // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2004.
22. Леднев В.П. Профессионально-педагогическое образование на Урале: становление и развитие. Екатеринбург, 2004.

**Черноухов Э.А.
(Екатеринбург)**

Социальная инфраструктура Нижнетагильского горного округа накануне отмены крепостного права

В последние годы руководство страны вновь стало уделять больше внимания социальной сфере. Важная роль в ее совершенствовании отводится не только государству, но и частным структурам. Это предопределяет необходимость комплексного исследования исторического опыта в этой сфере, анализа того, как и почему некоторые дореволюционные предприниматели вкладывали существенные средства в развитие социальной инфраструктуры своих хозяйств.

Целью сообщения стала систематизация всех выявленных материалов по социальной инфраструктуре (учебные, медицинские и благотворительные заведения) Нижнетагильского горного округа накануне отмены крепостного права. Значительная их часть уже была введена автором в научный оборот.

По обоснованному мнению Е.Г. Неклюдова, в первой половине XIX в. в уральской горнозаводской промышленности, сформировалась «новая социальная среда». Это связывается с утверждением во многих казенных и частных горных округах региона патерналистской идеологии.

Обычно термин «патернализм» (или патронат) рассматривается для обозначения особого типа идеологии, в котором представления о работодателе связываются у рабочих с понятием покровителя. Согласно патерналистскому «мифу», хозяин предприятия принимает на себя функции попечителя, обязанного заботиться о благосостоянии и поведении работника и, соответственно, несет за него высшую моральную ответственность.

Утверждение патернализма было вызвано целым комплексом взаимосвязанных причин: определенной экономической целесообразностью, существенным «нажимом» государства на предпринимателей и распространением среди них новых идей, сформулированных в первой половине XIX в. видными теоретиками европейского и российского консерватизма. Важным результатом развития патерналистской практики стало наступление стадии «относительного социального мира» между работодателями и работниками. Одним из следствий стал определенный рост эффективности производства в ряде горных округах Урала (1).

Одними из самых последовательных сторонников патерналистской модели в первой половине XIX в. были нижнетагильские Демидовы. Следствием этого стало создание обширной социальной инфраструктуры (медицинские, учебные, духовные и благотворительные заведения) в Нижнетагильском горном округе. Здесь к 1861 г. на содержании Демидовым находилось

23 учебных и 6 благотворительных заведений, 7 госпиталей, главная аптека с 6 отделениями. Это была самая обширная социальная инфраструктура среди всех частных горных округов Урала.

Накануне отмены крепостного права сеть учебных заведений в Нижнетагильском округе, кроме Выйского заводского училища повышенного типа, включала в себя 8 приходских училищ, находящихся в ведении Министерства народного просвещения, и 14 (православных и единоверческих) училищ епархиального ведения. В этих 22 начальных учебных заведениях обучалось 558 мальчиков и 206 девочек.

Уровень обучения был существенно выше в приходских училищах. Ведь многие духовные лица, преподававшие все предметы в епархиальных учебных заведениях, либо не имели свободного времени для обучения, либо охоты к нему, либо соответствующего образования. К тому же большинство из них не получали за преподавание регулярной дополнительной платы (2).

Выйское училище приближалось к уровню среднеспециального учебного заведения, но естественно, не предоставляло своим выпускникам соответствующих прав. Такой высокий для горнозаводского Урала уровень обучения объяснялся более широким привлечением к преподаванию квалифицированных гражданских учителей, которым Демидовыми, не ограниченными штатными положениями, платили достойное жалование, и большим приспособлением его к тому практическому делу, для которого готовились его воспитанники.

Выйское училище сыграло важную роль в обеспечении разветвленного горнозаводского хозяйства Нижнетагильского округа квалифицированными кадрами. При существовавшем уровне производства именно его воспитанники к 1861 г. замещали большинство вакансий служащих среднего и низшего звена в округе (3).

Существенных успехов удалось добиться и в сфере медицинского обеспечения. В конце 1850-х гг. Нижнетагильский горный округ в этом отношении был разделен на три части: тагильскую, салдинскую и зауральскую. Ими руководили три квалифицированных врача, имевших высшее образование. Заводовладельцы осознали необходимость найма «главных» врачей из «посторонних» для заводов лиц, получивших соответствующее образование. Располагая значительными средствами, они обеспечивали их достаточно высоким жалованием, материальным обеспечением и социальным статусом. Именно это, по нашему мнению, служило ключевым условием для переезда квалифицированных медиков в отдаленный Нижнетагильский округ (4).

Под их началом находилось семь госпиталей, рассчитанных на более чем 200 мест, и главная аптека с шестью отделениями. В них работало до 50 человек среднего и младшего медицинского персонала, подразделявшихся на разряды: аптекарь, лекарские и аптекарские ученики, комиссары госпиталей, костоправ и повивальные бабки. В результате в Нижнетагильском гор-

ном округе к середине XIX в. удалось достичь существенных успехов по целому ряду направлений, в том числе акушерскому делу и оспопрививанию. При этом важная роль принадлежала именно среднему и младшему медицинскому персоналу, в подавляющем большинстве состоявшему из крепостных жителей округа.

Большая его часть была подготовлена традиционным для того периода времени способом: получение общего начального образование в Выйском училище и приобретение необходимых профессиональных навыков непосредственно в местных медицинских заведениях. В результате между вольными врачами и крепостным медицинским персоналом пролегла четкая грань. Абсолютное большинство представителей второго не могли рассчитывать на получение воли и высшее образование. Поэтому, не взирая на возраст и заслуги, пределом их карьеры было звание старшего лекарского ученика.

Вместе с тем в 1855 г. управляющий заводами округа в письме к владельцам отмечал, что проблема квалифицированной медицинской помощи практически разрешена только в Нижнетагильском поселке. Здесь находилось большинство врачей и старших лекарских учеников, имевших соответствующую квалификацию. Среди последних были лица, получившие неплохое образование в ходе практики при известных медицинских заведениях, в основном Москвы.

В госпиталях других заводов округа прием вело несколько, а нередко и один младший лекарский ученик. Они имели минимальные практические навыки, полученные непосредственно при медицинских заведениях округа. Заводские врачи, не смотря на условия контрактов, реально не желали заниматься с местными лекарскими учениками, опасаясь конкуренции с их стороны и считая, что они «не должны знать более фельдшерских обязанностей, относящихся к перевязке и присмотру за больными» (5).

К 1861 г. в Нижнетагильском горном округе относительно успешно действовала и целая сеть благотворительных заведений для призрения определенной категории детей и престарелых. К 1861 г. она включала в себя шесть заведений: воспитательный или приемный дом для подкидышей, четыре детских приюта (Авроринский, Павловский, Воскресенский и Никольский) и Авроринскую богадельню при Нижнетагильском госпитале.

Кроме того, сироты, престарелые и убогие жители округа получали бесплатный провиант от заводоуправления. Эта система призрения обеспечивала минимально прожиточный минимум для наиболее обездоленной части заводского населения (6).

В результате Нижнетагильский горнозаводской комплекс середины XIX в. стал представлять не только производственную, но и социально-экономическую единицу, обеспечивавшую жизнедеятельность зависимого от заводского хозяйства населения. Ему был присущ принцип максимально-

го самообеспечения, сбалансированность по всем параметрам: и техническим и социальным.

Вместе с тем, уже в конце 1850-х гг., когда близкая отмена крепостного права стала очевидной, заводовладельцы фактически отказались от дальнейшего расширения социальной инфраструктуры Нижнетагильского горного округа. По подсчетам Е.Г. Неклюдова, к 1861 г. «попечительские» расходы Демидовых достигли уже 57,6% от общей сумм непроизводственных расходов Нижнетагильского горного округа. Их увеличение, неизбежное при росте его населения, во многом становилось бы экономически бесперспективным (7).

Нижнетагильские Демидовы традиционно объясняли высокие цены на свою продукцию крупными «попечительскими» расходами. К тому же заводовладельцы вновь стали испытывать серьезные финансовые проблемы.

Поэтому в конце 1850-х гг. так и не были реализованы предложенные представителями Нижнетагильского заводууправления проекты расширения сети благотворительных заведений: создания нескольких новых детских приютов, Авроринского сиротского дома и Павловской богадельни.

Четко обозначилась тенденция экономии и в медицинской части. Так и не был реализован в полном объеме проект создания специального родильного дома, появившийся в 1857 г. Вместо первоначально предполагавшегося отдельного заведения в 1858 г. было создано лишь родильное отделение при Авроринской богадельне с существенно урезанным штатом (8).

По заданию заводовладельцев главный врач Нижнетагильского госпиталя П.В. Рудановский составил новый проект штата медицинской части округа, утвержденный в мае 1860 г. Он предусматривал существенное «экономии» в этой сфере (9).

Отмена крепостного права принципиально изменила взаимоотношения между государством, заводовладельцами и работниками. После 1861 г. социальная инфраструктура Нижнетагильского горного округа закономерно была подвергнута серьезному реформированию. Заводовладельцы резко сократили свои расходы в этой сфере, стремясь переложить большую часть из них на свободное население заводских поселков. Ведь, по обоснованному мнению П.А. Орлова, в сфере благотворительности заводовладельцы исходили не из своей христианской добродетели, некоего морального смысла или статусно-меркантильных интересов, а целесообразности того или иного социально значимого деяния (10).

К сожалению, новых стимулов для содержания социальной инфраструктуры у большинства частных предпринимателей так и не появилось. А социальные функции у государства в России появились существенно позже.

1. См.: Дашкевич Л.А. Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII – первой половины XIX века: Опыт социальной политики в промышленности // Развитие металлургического производства на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 64–69; Железкин В.Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX веке //

- Металлургические заводы и крестьянство: Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Екатеринбург, 1992. С. 95–99; Неклюдов Е.Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половины XIX века // Урал на пороге третьего тысячелетия: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 85–87; и др.
2. См.: Черноухов Э.А. Начальные горнозаводские учебные заведения Нижнетагильского горного округа в XIX в. // Проблемы социально-экономического и гуманитарного развития Урала. Вып. 3. Екатеринбург, 2005. С. 269–270.
3. См.: Черноухов Э.А. Выйское училище Демидовых в 1828–1862 гг. // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург, 2002. С. 29–30; Черноухов Э.А. Учителя Выйского училища Демидовых (1806–1862 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 95–97.
4. См.: Черноухов Э.А. Медицинские кадры Нижнетагильского горного округа в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 124–125.
5. См.: Черноухов Э.А. Средний и младший медицинский персонал Нижнетагильского горного округа в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 116–117.
6. См.: Черноухов Э.А. Благотворительные заведения Нижнетагильского горного округа в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: Вып. 2. Екатеринбург, 2007.
7. Неклюдов Е.Г. Идеи патернализма в социальной политике уральских заводчиков Демидовых в первой половине XIX в. // Тульский металл: четыре столетия истории. Тула, 1995. С. 19.
8. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1295. Л. 4–9, 20–36, 53–54.
9. Там же. Д. 1327; Д. 1396. Л. 14–15.
10. Орлов П.А. Целесообразность как принцип «хозяйского благопечения» на частных горных заводах Урала во второй половине XIX в. // Благотворительность в России. 2002. СПб., 2003. С. 146.

Чернышёва Е.В.
(Челябинск)

**К типологии мемуарных источников
(по материалам воспоминаний земских деятелей)**

Воспоминания играют особое значение для историков земского самоуправления и земского движения в России второй половины XIX – начала XX века. Чтобы понять особенности функционирования местных самоуправлений в различных регионах страны, разобраться в сложных перипети-

ях взаимоотношений властных структур и земских организаций, исследовать вопросы генезиса земского либерализма, необходимо обратиться к источникам личного происхождения и, прежде всего, к мемуарам земских деятелей. Ценность этих источников повышается, если учесть, что они занимают весьма небольшой удельный вес среди прочих видов исторических источников.

Воспоминания людей, соприкасавшихся с работой земских организаций, позволяют выявить не только незаметные для официальных документов особенности эпохи, но и характерные черты, отличавшие мировосприятие участников конкретных событий. Возникающая при этом информация отражает не ту оценку, которая формируется в процессе созерцания происходящего со стороны или на расстоянии, а своего рода «взгляд изнутри». Мемуарист стремился выплеснуть на страницы собственного сочинения эмоциональное отношение к происходящему, возникшее в момент творчества, он фиксировали при этом не столько окружающее, сколько свое отношение к нему, произвольно отбирая информацию в соответствии с собственными индивидуальными представлениями.

Создание в 1864 г. и более чем полувековая общественно-политическая и хозяйственно-культурная деятельность высословных органов земского самоуправления породила своеобразный корпус мемуарных произведений. Примечательность его состоит в том, что он был инициирован общественно значимым явлением. Такого рода «социальный заказ» неизбежно влиял и на содержание мемуаров: авторы, освещавшие одно и то же событие, не могли не учитывать уже высказанные другими авторами (не обязательно мемуаристами, но и публицистами) точки зрения, консолидируясь или полемизируя с ними. Именно поэтому содержание их часто зависело от субъективных факторов, будь то политическая конъюнктура или личностное мирозерцание (менталитет).

В ходе земской реформы не только создавалась новая система местных самоуправлений, но и формировался особый тип земского деятеля, который включал и выборных цензовых гласных и представителей «третьего элемента» - служилую земскую интеллигенцию. Объединяла всех идея общественного служения. И если первые были представителями, прежде всего дворянского сословия, для которых земская деятельность обеспечивала выход избыточной политической энергии и несла определенный альтруистический заряд. Социально значимым для них был отказ от сословных привилегий. Их идеология строилась на либеральных ценностях, сочетавшихся с патернализмом в отношении крестьянства. Теоретики из среды земцев претендовали на стратегическое видение перспектив развития местного самоуправления в России. Состав «третьего элемента» пополнялся за счет выходцев из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргиналов по своей социальной сущности. Для провинциального земского служа-

щего характерно сочетание интеллигентского превосходства и определенной социальной ущербности. Свидетельством осознания «третьим элементом» своей социальной значимости и той роли, которую они сыграли в развитии земского хозяйства и общественного движения являются их мемуары. Чувство превосходства над цензовыми гласными во многом основывалось на осознании силы народнического движения, близости разночинцев к крестьянству, понимание его забот и потребностей. В их мемуарах именно служила земская интеллигенция – врачи, учителя, агрономы, статистики были главной движущей силой всей земской жизни, благодаря их самоотверженности и энергии земское дело развивалось, они способствовали демократизации земского движения.

Если говорить об общих свойствах земской мемуаристики, то можно отметить следующие характерные черты: во-первых, значительная часть воспоминаний уже в момент создания предназначалась к немедленному изданию; во-вторых, мемуары выступали как фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения. В этой связи мемуаристика приобрела статус исторического свидетельства. Мемуарист по преимуществу писал не о себе на фоне эпохи, а о современных ему событиях, которые общество признавало историческими. Именно через отбор объектов описания проявлялось унифицирующее влияние среды на мемуариста.

Учитывая пестроту печатных источников, в которых земские деятели рассказывали о своем прошлом, приходится построить типологию таких текстов потому, что установление типа должно предшествовать их анализу. Как ни парадоксально, значение типологии лишь усиливается после того, как мы устанавливаем, что часто должны приписать один мемуарный текст к двум или трем типам.

1. Пространственное жизнеописание. Примером этого типа являются воспоминания Головина К.Ф., Кошелева А.И., Мещерского В.П. (1). Автобиографии этого типа отличаются от всех других тем, что мемуаристы выступали в них как писатели. В отличие от делового тона мемуаров других видов, эти произведения выделяет стремление к художественному стилю, поэтическое качество текста. Вот как, например, известный славянофил А.И. Кошелев объясняет причины, побудившие его взяться за перо: «Бывши свидетелем многих великих событий, совершавшихся в отечестве нашем; - ... принимавши более или менее деятельное участие в великих преобразованиях; - ... потрудившись посильно во вновь введенных земских и мировых учреждениях, которым горячо сочувствовал; - не чуждавшись никогда литературы и положивши в эту народную сокровищницу свою малую лепту; - бывши в коротких сношениях со многими замечательными людьми моего времени, и оставаясь из моих сверстников одним из последних; - считаю долгом писать мои записки» (2). В таких сочинениях повествование разворачивается на широком фоне, с многочисленными историческими, литера-

турными, географическими отступлениями. Авторы рассказывают о своем детстве, годах учения, служебной и общественной деятельности, литературном поприще. Они стремятся дать общую характеристику эпохи, обрисовать настроения в русском обществе, показать борьбу либеральных и охранительных идей в высших аристократических сферах и в провинции, сопоставляют нравы россиян до и после отмены крепостного права. Мемуаристы стараются разобраться и понять истоки революционизма части образованного общества и осуждают бюрократизацию государственной жизни. В мемуарах можно найти яркие характеристики видных государственных и общественных деятелей России XIX века. Консерватор князь В.П. Мещерский называет Земское Положение 1864 года «произведением Валуева сообща с кабинетными либералами-доктринерами», и упрекает министерских чиновников в легкомысленности и увлечении утопическими прожектами (3).

2. Публицистика, в которую входят воспоминания Анненского Н.Ф., Петрункевича И.И., Дементьева П.А., Алексеева С.А., Хижнякова В.М. (4). В таких сочинениях личность автора часто отходила на второй план, подчиня индивидуальность воле и интересам земского движения. Здесь масса эмоций, выпадов, прямых оскорблений политических оппонентов. Нередки были случаи фальсификации фактов. Мемуаристы гневно обличают все консервативное, «черносотенное», упрекают власть в пренебрежении к народным нуждам и превозносят хозяйственно-культурные и политические заслуги земства. Стержневая проблематика сочинений – общественно-политическая борьба и роль в ней земских либералов и земств как представительных органов. В своих сочинениях авторы обосновывают необходимость расширения компетенции и круга обязанностей земских учреждений, изображая их в роли главных выразителей и защитников народных интересов перед государственной властью, при этом подробно рассказывают о случаях стеснения земств со стороны бюрократии. Вот как подводит итоги работы Черниговского земства председатель губернской управы В.М. Хижняков: «Несмотря на противодействие консервативных гласных и на всевозможные тормозы со стороны администрации, создаваемые для земской деятельности местной администрацией и высшими правительственными учреждениями, деятельность земства развивалась довольно успешно» (5).

3. Хроника. В текстах этого типа автор выступает в качестве историка (используя разные документы), и в качестве мемуариста (рассказывая о своей жизни). Среди авторов: Шипов Д.Н., Родичев Ф.И., Петрункевич И.И., Маклаков В.А. Они подробно рассказывают о земских съездах и совещаниях, раскрывают суть земской программы преобразования России, стремятся определить место земского движения среди других общественных течений, раскрыть содержание деятельности правительственных учреждений по отношению к земским органам. Мемуаристы сходятся в мысли, что земства являлись важной опорой правового государства, поскольку противостояли как

бюрократической централизации, так и европейским формам парламентаризма. Примечательно, что эти «летописи» увидели свет уже после прихода к власти большевиков и ликвидации всей земской системы (6).

4. Некролог. Земцы публиковали небольшие очерки в память умершего товарища. Автобиографическое содержание таких статей сильно колеблется. Например, историк Корнилов А.А. написал небольшое вступление, посвященное обзору земской и публицистической деятельности Голубева В.С., а земский статистик Щербина Ф.А. об известном педагоге Бунакове Н.Ф., много сделавшем для развития земской школы (7).

5. Реплика. Когда воспоминания земских деятелей выходили из печати большим потоком, а другие лица, причастные к земской системе брались за перо, чтобы оспаривать ту или иную деталь. Так, большое количество мемуаров было опубликовано в период Думской монархии (1906-1917 гг.), чему способствовало цензурные и политические свободы. Определенным стимулом к написанию воспоминаний и подведению итогов «общественному служению» послужил полувековой юбилей земской реформы. Поколение 60-70-х годов XIX века стремилось запечатлеть себя на фоне эпохи и утвердить свою роль в общественном движении за политическую свободу (8).

6. Тамиздат. Некоторые известные русские общественные деятели издали свои воспоминания впервые за рубежом. Такие книги писались с целью разоблачить царский режим (немаловажная тема мемуаров, опубликованных и в России) и возбудить сочувствие к оппозиции. Авторы пользовались значительной вольностью по отношению к фактам. Таковы воспоминания Кошелева А.И. и Берви В.В. (9).

7. Технический материал. Воспоминания этого типа принадлежат перу представителей земской служилой интеллигенции. Они содержат много практических сведений об организации земской медицинской помощи, развитии народного образования, ветеринарном деле, статистике. Мемуаристы в большинстве разделяли народнические воззрения, а главное назначение деятельности земств видели в социальной помощи народу. Они акцентировали внимание на бедственном положении крестьянства, полном забвении его интересов, как со стороны власти, так и со стороны самого «помещичьего» земства. По их свидетельству, в управах царило воровство, нередко были случаи фальсификации выборов, земства слабо радели о народных нуждах, не стремились отстоять местные интересы перед высшей администрацией. Обязательным сюжетом в таких воспоминаниях является плохое отношение к «третьему элементу» со сторон большинства цензовых гласных: мизерные зарплаты, ужасные условия труда, постоянный страх перед увольнением демократически настроенных работников со стороны консервативных управ. Мемуаристы живописали о самодурстве, злоупотреблениях, неграмотности земского начальства. В то же время, этот вид источников содержит данные о деятельности революционно настроенных земских служащих по пропаганде

идей в среде крестьянства, о разжигании антиправительственных и антипомещичьих выступлений, об организации погромов помещичьих усадеб в годы Первой русской революции, раскрываются механизмы взаимодействия земских служащих с социалистическими партиями (10).

1. Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 1-II. СПб., 1910; Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева. 1812-1883 гг. Berlin, 1884; Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч.1-2. СПб., 1897; Ч.3. СПб, 1912.
2. Кошелев А.И. Записки. Berlin, 1884. С. 1.
3. Мещерский В.П. Воспоминания. Ч.II. (1865-1881 гг.) М., 2001. С. 202-203.
4. Анненский Н.Ф. Сорок лет назад // На славном посту /1860-1900/. СПб., 1900. С. 431-450; Дементьев П.А. Воспоминания старого земца // Вестник Европы. 1903. № 9. С. 144-206; № 10. С. 618-678; № 11. С. 236-286; [Найденев Н.А.] (Сергей Александрович Алексеев). Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. II. М. 1905; Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916; Петрункевич И.И. Ближайшие задачи земства (1879) // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С.429-437.
5. Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916. С. 159.
6. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания // Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. Т. 21-22: [Репринт. воспр. изд.: Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. XXI. Берлин, 1934]. М., 1993. С. 5-472; Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville: Oriental Research Partners, 1983; Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
7. Голубев В.С. По земским вопросам. Сборник статей. В 2 т. СПб., 1913 – 1914; Щербина Ф.А. Педагог Бунаков Н.Ф. // Южные записки. 1904 № 51.
8. Авеский В.А. Земство и жизнь (Записки председателя земской управы) // Исторический вестник. 1912. № 1. С. 156-186; № 2. С.581-614; Будберг Р.Ю. Из воспоминаний участника земских съездов // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 230-243; Будберг Р.Ю. Съезд земских деятелей 6-9 ноября 1904 г. в Петербурге // Былое. 1907. №3. С. 70-92; Линд В.Н. Воспоминания // Русская мысль. 1916. № 6. С.54-74; № 7. С.1-22.
9. Берви В.В. (Флеровский) Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. Воспоминания. Лондон, 1897; Кошелев А.И. Записки. Berlin, 1884.
10. Белоконский И.П. Деревенские впечатления (Из воспоминаний земского статистика). Т.1-2. СПб, 1900-1903; Белый Я.М. Из недавней старины. Воспоминания земского врача 70-х гг. Новгород, 1907; Блеклов С. За цифрами и фактами: Записки земского статистика. М., 1894. Варзар В.Е. Воспоминания старого статистика. Ростов-на-Дону, 1924. Василевский Л.М. Заметки земского врача // Вестник знания. 1904. № 3. С. 148-152; Рудинский Н. Записки земского врача. СПб., 1910; Максимов Е.Д. (М. Слободжанин). Школа жизни: (Из воспоминаний сельского учителя) // Наблюдатель. 1893. № 7. С. 75-101; № 8. С.227-246; № 10. С. 279-310; № 12. С. 119-153; Филатова А.В. Воспоминания учительницы. 1874-1907. М., 1929.

Шведов В.В.
(Екатеринбург)

**Становление и развитие научно-технических подразделений
в системе органов внутренних дел
Уральской области (1924 – 1931 гг.)**

Розыск и изобличение преступников - очень сложный и трудоемкий процесс. Не случайно во все времена расследованием и раскрытием преступлений занималась специальная служба – криминальная полиция, входившая в общую структуру силовых ведомств государства, но в то же время обладавшая своими, особыми формами и методами работы. Это было учтено при формировании правоохранительных органов советского государства: в структуре органов внутренних дел РСФСР создавались подразделения уголовного розыска, на которые возлагалось производство розыскных мероприятий по всем делам общеуголовной направленности.

В начале 1920-х гг., наряду с разработкой структуры и правовой базы уголовно-розыскных аппаратов, руководство НКВД РСФСР стало уделять самое серьезное внимание оперативной деятельности, внедрению новых методов и организационно-тактических направлений борьбы с преступностью.

В круг обязанностей сотрудников уголовного розыска вошло изучение основ и мотивов преступлений. Эта работа включала в себя сбор и обобщение сведений об объектах, представляющих оперативный интерес; систематический надзор за лицами, склонными к совершению преступлений; выявление и наблюдение за вероятными источниками преступлений; информированность об оперативной обстановке (1).

Эта деятельность была невозможна без ведения криминалистических учетов. К 1925 году в аппарате уголовного розыска Уралобласти применялось четыре регистрационных метода: дактилоскопический, по способу совершения преступления, по кличкам, графологический.

Наиболее эффективно в раскрытии преступлений использовался дактилоскопический метод. С его помощью удалось обезвредить множество опасных преступников. Дактилоскопические отпечатки сравнивались с отпечатками пальцев, обнаруженными на местах преступлений, по ним устанавливались скрывающие свои анкетные данные задержанные. На дактилоскопированных правонарушителей заводились регистрационные листки, составлявшие картотеки задержанных и подозреваемых (2). К середине 1920-х гг. дактилоскопическая система учета преступников-гастролеров подотдела уголовного розыска ЦАУ НКВД РСФСР была распространена на все республики СССР (3).

ЦАУ НКВД предписывало местным органам угрозыска направлять в Москву информацию с подробными фотоматериалами обо всех серьезных

преступлениях, в частности, кражах со взломом или расплавлением несгораемых касс, кражах из магазинов и складов, совершенных посредством проломов потолка, стен, а также подкопом (4). На основе этих материалов составлялись криминалистические учеты по видам преступлений.

К середине 1920-х гг. преступники-рецидивисты по роду совершаемых ими преступлений подразделялись на лиц, специализирующиеся на воровстве, грабежах и разбоях, мошенничестве, поджогах, убийствах («взломщики», «домушники по тихой», «клюквенники», «кукольники», «подкидчики», «шулера» и др.) (5).

Организационная связь оперативных подразделений угрозыска с ОГПУ в начале 1930-х гг. усилила роль учетов и регистрации преступного элемента в деятельности органов внутренних дел. Особое внимание уделялось оперативному учету рецидивистов-гастролеров следующих категорий: аферистов, наносящих своими действиями значительный ущерб социалистическому сектору («подделыватели», «ревизоры», «пенсионеры» и проч.); грабителей, совершающих ограбления с применением оружия («стопорщики», «штурмовщики»); воров, совершающих кражи ценностей посредством взлома несгораемых касс, а также посредством подкопа стен, полов или потолков («кассисты», «шнифферы»); крупных гастролирующих карманников («марвихеры», совершающие кражи путем прореза карманов, портфелей), а также воров, подменяющих портфели («портфелисты»); крупных гастролирующих мошенников («фармазончики» и «кувыркалы»)» (6).

В первой половине 1920-х гг. при подразделениях уголовного розыска начинают создаваться научно-технические подразделения. В их задачи входило применение регистрационных методов учета и опознания преступников, фиксирование и исследование вещественных доказательств, найденных на месте преступления или поступивших в процессе расследования.

В Уральской области экспертно-криминалистические подразделения создаются в 1924 году. В структуре уголовного розыска Административного отдела Уралобласти было организовано регистрационно-дактилоскопическое бюро в составе четырех сотрудников. Заведующим бюро стал Александр Васильевич Крысин.

Первые криминалисты проводили небольшое количество экспертиз, в основном по исследованию документов и веществ. Виды исследований со временем расширились, стали применяться химические ловушки, появился прибор для фотографирования развертки пуль и гильз, совершенствовались дактилоскопические методы.

В бюро были сосредоточены: алфавитная картотека лиц, зарегистрированных по дактилоскопической системе, алфавитная картотека разыскиваемых лиц и ведомости судимости за дореволюционный период времени.

Техническое оснащение сотрудников регистрационно-дактилоскопического бюро тех лет было не богатым: фотоаппараты «Бер-

тильон» и «Урбанс» с объективом «Апланат» и тремя двойными кассетами, лампа ультрафиолетовых лучей «Ганау», дактилоскопический прибор и самодельный набор химикатов для выявления следов, стационарная репродуктивная установка.

Но даже использование таких криминалистических средств позволило в 1925 году впервые на Урале раскрыть с помощью следов рук убийство двух женщин в г. Кыштым. В 1928 году впервые в Свердловске произведена идентификация револьвера по выстреленной пуле, а в 1931 г. в Нижнем Тагиле восстановлено содержание текста по вдавленным следам по делу об убийстве (7).

В 1925 году регистрационно-дактилоскопическое бюро было организовано при Свердловском городском уголовном розыске. Бюро подчинялся заведующий столом привода, он же заведующий камерой хранения вещественных доказательств. Все задержанные за сутки направлялись в стол привода, где производился тщательный осмотр их одежды и дактилоскопирование.

В середине 1920-х гг. разрабатываются инструкции по обнаружению и фиксации текстов, выполненных секретными чернилами (8). Правовое регулирование получил порядок хранения и приобщения к судебно-следственным и розыскным делам вещественных доказательств. Они должны были храниться в специальных помещениях, отдельно запечатанные в пакеты (9). Выдача вещдоков и работа камер их хранения осуществлялась по распоряжению начальника административной части или его помощника по угрозыску (10).

В 1927 году областное регистрационно-дактилоскопическое бюро было реорганизовано в кабинет научно-технической экспертизы. Экспертные подразделения начинают создаваться в Перми, Челябинске, Магнитогорске.

Но они не могли обслуживать всю территорию Уральской области. Процент уголовных дел, по которым проводились экспертизы, был крайне низок. Недостаток специалистов становился причиной того, что на местах для сравнения почерков привлекали учителей, каллиграфов и других лиц (11). Чтобы сфотографировать задержанных преступников, приходилось обращаться за помощью к частным фотографам. Руководство областной милиции и уголовного розыска даже высылало местным правоохранительным органам рекомендации на этот случай: «...фотографии должны быть с профилем и анфасом в 1/7 натуральной величины» (12).

Но уже к 1931 году экспертные группы появились практически во всех районных управлениях милиции Уральской области. Это позволило увеличить эффективность раскрытия преступлений. Стражи правопорядка получили возможность обращаться к экспертам за любой помощью при расследовании преступлений.

Научно-технические подразделения на местах производили простейшие графические, дактилоскопические и технические экспертизы. Исследования, представляющие трудности в научном или техническом отношении, необходимо было направлять в областной центр.

Экспертизы медицинского и биологического характера (исследования внутренностей, порошков, лекарств, мазей, ядов, крови, волос) производились судебно-медицинской лабораторией при Облздравотделе. Технические экспертизы (судебно-фотографические по следам, дактоотпечаткам, по почерку, химические исследования бумаги и чернил) проводились в кабинете научно-технической экспертизы оперативно-розыскного отдела Управления милиции и уголовного розыска области.

Научно-техническая лаборатория Пермского Управления милиции и уголовного розыска проводила простейшие экспертизы (за исключением химических) для районов бывшего Пермского округа; лаборатория Тагильского Управления милиции и уголовного розыска обслуживала районы бывшего Тагильского, Коми-Пермяцкого и Верхнекамского округов. Лаборатории научно-технической экспертизы Магнитогорского и Челябинского управлений милиции производили экспертизы только в пределах своих городов (13).

Помимо своей основной работы, большое внимание экспертами уделялось подготовке кадров для правоохранительных органов. В Уральской областной школе милиции был организован кабинет криминалистики, где велись занятия по основам дактилоскопии и судебной фотографии.

В конце 1931 года при Оперативном отделе Управления милиции и уголовного розыска Уральской области был создан криминалистический учебно-показательный музей. В него низовые оперативные подразделения присылали орудия преступлений, приборы для подделки печатей, куклы, фальшивые деньги, аппараты для варки спирта, фотографии с мест тяжких преступлений, снимки известных преступников, образцы татуировок. Подобные музеи были созданы в Пермском и Челябинском Управлениях рабоче-крестьянской милиции (14).

Таким образом, состояние преступности в 1920-х – начале 1930-х гг. требовало совершенствования приемов и методов борьбы с преступностью, внедрения в деятельность оперативных подразделений милиции и уголовного розыска современных научных разработок.

В период с 1924 по 1931 гг. на территории Уральской области была создана сеть научно-технических подразделений, способных проводить экспертизы по возникавшим уголовным делам, а также обучать работников уголовного розыска научным методам расследования преступлений, оказывать практическую помощь органам внутренних дел на местах. В раскрытии преступлений широкое применение получили криминалистические учеты.

Все это в конечном итоге привело к повышению эффективности работы правоохранительных органов и стало одним из основных факторов, определяющих уровень борьбы с преступностью.

1. Суслов В.М., Хоботов А.Н. Развитие форм и методов предупреждения преступлений аппаратами уголовного розыска (1918-1934 гг.) // История органов внутренних дел России. Вып. 2: Сборник научных трудов. М., 1999. С. 31.
2. Полубинский В.И. Становление советского уголовного розыска // История органов внутренних дел России. Вып. 5: Сборник научных трудов. М., 2002. С. 56.
3. Мулукаев Р.С., Хоботов А.Н. Организация взаимодействия уголовно-розыскных подразделений бывших союзных республик (1918-1934 гг.) // История органов внутренних дел России. Вып. 1: Сборник научных трудов. М., 1999. С. 100.
4. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3 Д. 13. Л. 11.
5. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 3. Л. 9-10 об.
6. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 76. Л. 335-338.
7. Музей истории ГУВД по Свердловской области. Коллекция документов. Д. 35. Л. 13-15.
8. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 3. Л. 16-17 об.
9. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.
10. Бюллетень областного административного управления, областного суда и областной прокуратуры Уральской области. 1930. № 4. С. 5.
11. ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 32. Л. 10, 10 об.
12. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 30. Л. 101-102.
13. ГАСО. Ф. Р-2259. Оп. 1. Д. 32. Л. 10, 10 об; Бюллетень областного административного управления, областного суда и областной прокуратуры Уральской области. 1930. № 12. С. 18.
14. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 30. Л. 158-159.

Шумкин Г.Н.
(Екатеринбург)

**К вопросу о роли казенных горных заводов в механизме
ценообразования на рынке вооружений России
в конце XIX – начале XX вв.**

Цена – фундаментальный институт рыночной экономики. На рынке свободной конкуренции цена является той объективной информацией, на основании которой производители определяют для себя какой товар, и в каком количестве производить, чтобы максимизировать свою прибыль, а потребители решают, что и сколько приобрести, чтобы удовлетворить свои потребности. Таким образом, цена формирует в обществе со свободной рыночной экономикой структуру производства и потребления.

С точки зрения рыночной экономики цены на предметы вооружения и металл, изготовленные казенными горными заводами для армии и флота, были фикцией. Как образно отметил К.Ф. Шацилло, *«на казенных заводах не знали, что такое цена»* (1). Поскольку продукт создавался и потреблялся в рамках одного хозяйства – государства, не происходило эквивалентного и возмездного обмена собственностью, осуществляемого двумя независимыми друг от друга хозяйствующими субъектами, преследующими разные цели; цена не была объективной. Казенный завод часто не мог отказаться от завешено невыгодного заказа, а заказчиков – Главное артиллерийское управление (далее – ГАУ) и Главное управление кораблестроения (далее – ГУК) – также часто вынуждали размещать на казенных заводах заказы по причинам, не связанным ни с хозяйственной целесообразностью, ни с нуждами государственной обороны, что со стороны выглядело как своеобразная «благодетельность». Не случайно, что сумма, уплачиваемая за продукцию заказывающим ведомством (ГАУ и ГУК) казенному заводу, называлась «условной ценой».

В процессе назначения «условных цен» чиновники горного ведомства должны были преследовать две противоречащие друг другу цели. Во-первых, заводы должны были «регулировать» (т.е. сбивать) цены частных производителей вооружения. Во-вторых, они должны были приносить государству доход. Первая цель достигалась снижением цены, вторая – ее повышением. В этом наиболее ярко проявилась двойственность позиции заводов в экономической политике государства: и субъект, и инструмент политики. В данной работе будет рассмотрена первая цель казенных заводов на рынке вооружений.

В одном учебном пособии по военному хозяйству, изданном в XIX в., отмечалось: *«Цель всякого заготовления заключается в том, чтобы при известном, точно определенном качестве предметов, – купить их как можно дешевле»* (2). Однако, *«система торгов, – как полагали военные чиновники, – имеет целью по возможности понизить цену на артиллерийские изделия, но она, в то же время, понижает их качество и с этой точки зрения вряд ли может быть названа рациональной»* (3). Чтобы обеспечить высокое качество продукции к торгам допускалось ограниченное число проверенных производителей. Административные барьеры, уставленные чиновниками для новых, потенциальных продавцов оружия, привели в конце XIX в. к монополизации рынка вооружений. Монополистические объединения частных фирм были хорошо известны чиновникам от армии и флота, но не настораживали их. Как писал старший артиллерийский приемщик ГАУ генерал-майор Матюнин, *«опасаться повышения цен и образования синдикатов нет основания, так как при имеющемся у нас... опыте, приблизительная стоимость заказываемых изделий может быть определена комисси-*

ей...; наконец, ... всегда будут служить остраской и нормировкой цены – казенные заводы» (4).

«Регулирующая» функция казенных заводов заключалась в назначении цен ниже, чем цены, предлагавшиеся частными монополиями. Для этого представители военного и морского ведомств должны были представлять «Комиссии по даче нарядов казенным горным заводам» сведения о размерах заказов и ценах частных предприятий. Но этот пункт «Временных правил о даче нарядов», несмотря на протесты горных инженеров и чиновников Государственного контроля, представители Военного и Морского министерств, со ссылкой на коммерческую тайну, часто не соблюдали ⁽⁵⁾. Так, в 1901 г. горный начальник Пермского завода настаивал на соблюдении параграфа №5 об обязательном информировании представителей горных заводов о ценах частных предприятий: *«Иначе возможно, что на казенных заводах цена будет больше – совершенно уродливое явление»*, так как *«даже и в тех случаях, когда частные заводы работают по одним и тем же ценам, как и казенные, деятельность последних все же остается направленною в пользу барышей частных заводов»* (6).

В литературе вопрос о роли казенных горных заводов в механизме ценообразования на вооружение рассматривался К.Ф. Шацилло. По его мнению, казенные горные заводы не только не выполняли регулирующей функции, но даже наоборот, их цены были выше цен частных предприятий: *«"Регулирование" цен капиталистических монополий выразилось в их еще большем подъеме, так как плохо оборудованные казенные заводы, руководимые к тому же "волевыми" методами чиновников различных рангов, строили всегда дороже, дольше, а чаще и хуже частных предприятий, владельцы которых хорошо умели "считать деньги"»* (7).

В подтверждение своей оценки он привел такой пример казенного «регулирования»: *«В 1910 г. Путиловский завод получил заказ на 180 6-дюймовых гаубиц ценою 21,7 тыс. руб. каждая. На следующий год при заказе еще 60 таких же орудий он сбавил цену, взявшись делать орудия уже по 19,2 тыс. Когда казна объявила, что отдаст заказ Пермскому заводу, Путиловский вновь понизил цену еще на тысячу рублей, но заказа не получил. Вскоре Военному министерству потребовалось заказать еще 154 гаубицы. Поскольку казенные заводы были до предела загружены, пришлось идти на поклон к частной промышленности. То же Путиловское общество отказалось брать заказ на предлагавшихся им ранее условиях и повысило цену до 21 тыс., получив на одном заказе полумиллионную сверхприбыль»* (8).

Не ясно, как исследователь получил 0,5 млн. руб. Несложные подсчеты по тем данным, которые приведены в цитате, показывают, что дополнительный доход от повышения цены составил 277,2 тыс. руб. (21 тыс. руб. - 19,2 тыс. руб. = 1,8 тыс. руб.; 154 * 1,8 = 277,2 тыс. руб.). Если принять во внимание, что каждая гаубица по первому заказу обошлась казне в 21,7 тыс. руб., а по третьему – на 700 руб. дешевле, то получается, что государство, передав

второй заказ Пермскому заводу, сэкономило на третьем: $0,7 * 154 = 107,8$ тыс. руб.

Следует, однако, отметить, что все эти расчеты – фикция, так как, в целом, пример некорректен. В первом (180 орудий Путиловскому) и втором (60 – Пермскому) случае заказывалась полевая гаубица обр. 1910 г., а в третьем (154 орудия Путиловскому) – крепостная гаубица обр. 1909 г. (9). Так что непонятно, как исследователь узнал о «*полумиллионной сверхприбыли*» (может быть – из делопроизводственной документации акционерного общества).

В работе Матюнина приводятся сведения о ценах на орудия и снаряды, заказанных ГАУ в период 1889 – 1906 гг. Из 22 типов стальных снарядов, поставлявшихся сухопутной артиллерии как казенными, так и частными заводами, по 17 типам снарядов цены казенных заводов были ниже цен частных заводов. Подобная картина наблюдается при сравнении цен на орудия и лафеты. В среднем, снаряды казенных заводов были дешевле на 14,3%, орудия – на 26,3%, лафеты – на 10,3% (10). (Хотя были и исключения. Например, на торгах 1895 г. горные заводы предложили за 6-дм шрапнель 13,5 руб., Путиловский завод – 9 руб. В 1896 г. горные заводы за 6-дм фугасную бомбу назначили цену 15 руб., а С.Петербургский металлический – 13,5 руб. (11).) Эти данные свидетельствуют в пользу «регулирующей функции» казенных горных заводов.

Они подтверждаются материалами делопроизводственной документации и периодики. Так, в 1904 г. снарядный синдикат считал рискованным называть на торгах цену ниже пермской: «*ибо демаскируем отчаянную цену*» (12). «Регулирование» вызывало раздражение со стороны частного капитала: «*Как бы ни была умерена предлагаемая частными промышленниками цена, всегда заказы остаются за казенными заводами*» (13). Особенно острым неприязненным отношением к казенному «регулированию» было в годы промышленной депрессии, когда государственные заказы обеспечивали более 3/4 загрузки производственных мощностей частных металлообрабатывающих предприятий Северного и Прибалтийского районов (14).

Таким образом, отрицать «регулирующую функцию казенных заводов» было бы не совсем верным. По мере консолидации частных производителей вооружения и превращения рынка вооружений из рынка монополии (одного продавца) в рынок двусторонней монополии (одного продавца и одного покупателя), «регулирующая» роль казенных горных заводов росла. Тем не менее, необходимо указать на границы возможности заводов «регулировать» цены.

Во-первых, частные заводы, в отличие казенных горных заводов обладали возможностью заниматься разработкой новых видов оружия. Если их модель принималась на вооружение ГАУ или ГУК, они могли выторговать для себя определенные льготы.

Во-вторых, крупнейшие частные поставщики вооружения вступали в сговор с иностранными военно-промышленными фирмами. Наиболее ярким примером такой политики является деятельность Путиловского завода. Благодаря соглашениям, которые были заключены им с фирмами Шнейдер-Крезо и Крупп, он стал, фактически, монопольным производителем артиллерийских систем, разработанных этими фирмами и принятых на вооружение российской армии.

В-третьих, организация нового производства на горных заводах оборачивалась высокими издержками. Так, в 1912 г. при обсуждении новой редакции «Временных правил» горный начальник Гороблагодатского округа, на Верхнетуруинском заводе которого в то время осваивалось производство стальных снарядов, просил исключить пункт, закреплявший за военным и морским министерствами право размещать заказы на вооружение там, где им выгоднее. Свое мнение он мотивировал тем, что *«во-первых, – достаточно, чтобы изделия совершенно удовлетворяли... техническим требованиям»*. *«Казенные заводы, как учреждения не коммерческого, а государственно-служебного характера совершенно не способны по своей организации делать изделие дешево»* (15).

И, в-четвертых, производственные мощности казенных заводов позволяли изготавливать им лишь часть вооружения, необходимого армии и флоту. Как справедливо отметил К.Ф. Шаццлло, казенные заводы могли набрать заказов по минимальной цене, а затем, из-за слабости производственных мощностей, либо по причине «убыточности» заказов, выполняли их с большими задержками или вообще не выполняли. Поэтому частные заводы могли назначать удобные для себя цены на заказы, оставшиеся невостребованными казенными заводами. Это особенно ярко проявлялось во время войн. Так, в годы Русско-японской войны иностранные заводы, пользуясь затруднениями российского правительства, устанавливали очень высокие цены. 3-дм шрапнель, стоившая до войны 6,2 руб., во время войны заказывалась за границей по 22,5 руб. (16).

Таким образом, несмотря на то, что цены на продукцию казенных горных заводов в большинстве случаев были ниже цен частных монополий, в силу целого ряда причин роль казенных заводов как «регуляторов» цен являлась формальностью. Для частных заводов *«казенные заказы были в некоторых случаях настолько выгодны, что позволяли заводам-поставщикам в целях загрузки своих мощностей приобретать заказы на частном рынке по пониженным ценам»* (17).

Тем не менее, «регулирование» цен было одним из важнейших аргументов чиновников в защиту государственного предпринимательства и, в частности, отдельных казенных предприятий. Причем это касалось не только рынка вооружений. Воткинский завод считался «регулятором» цен на локомотивы, доменные заводы – на чугун.

Накануне Первой мировой войны казенным горным заводам предоставилась прекрасная возможность продемонстрировать свои «регулирующие» возможности на рынке металла. Планы охватить «регулирующей» деятельностью не только рынок государственных подрядов на вооружение, но и частный рынок металлопродукции строились чиновниками министерства земледелия и государственных имуществ и государственного контроля еще в конце 1890-х гг., в период экономического подъема и роста цен. Но тогда, из-за противодействия министра финансов С.Ю. Витте и начавшегося в 1900 г. кризиса, эти планы остались только на бумаге. Во время предвоенного экономического подъема, вследствие резкого спроса на металл и монополизации, возник «металлический голод». Интервенции казенных заводов своим дешевым металлом не оказывали существенного влияния на рыночную конъюнктуру. Подобная ситуация повторилась во время Первой мировой войны, когда казенные заводы из-за своей невысокой производительности не смогли разрешить проблему «снарядного голода». В конце 1915 г. правительству пришлось мобилизовывать для военного производства практически все ресурсы российской промышленности, что, в конечном итоге, привело к перекосам в народном хозяйстве России и к росту социального недовольства в 1916 – начале 1917 гг.

1. Шацилло К.Ф. Корни военного коммунизма - в казенной промышленности дореволюционной России // «Военный коммунизм»: как это было. М., 1991. С. 19.
2. Газенкампф М. Военное хозяйство в нашей и иностранных армиях в мирное и военное время. СПб., 1880. Т. I. С. 16.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 2065. Л. 5.
4. Там же. Л. 5.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 71. Д. 34. Л. 8 об.; ГАСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1294. Л.47-49.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 436. Л. 4, 6.
7. Шацилло К.Ф. Указ. соч. С. 18.
8. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. - 1914 М., 1992. С. 248.
9. Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 671, 674.
10. ГАСО. Ф.24. Оп. 20. Д. 2065. Л. 85 - 96.
11. ГАСО. Ф. 627. Оп. 1 Д. 1813. Л. 26.
12. Материалы по истории СССР. Документы по истории монополистического капитализма. С. 330-331.
13. Цит. по: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. Л., 1987. С. 245.
14. Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 249.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 960. Л. 3-3 об.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 1988. Л. 19, 27.
17. Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 249.

Ярков Ю.М.
(Екатеринбург)

Актуальные проблемы современного развития многопартийной системы в России

Политическая партия – это организованная группа единомышленников, ставящая своей главной целью завоевание и удержание в своих руках государственной власти в стране.

Хорошо известно, что такое завоевание может осуществляться как насильственным путем, так и в рамках закона – через выборы. Партия может приходить к власти и удерживать её в своих руках как в одиночку, так и в коалиции с другими общественно-политическими силами.

В настоящее время мы видим, что наиболее влиятельные политические партии создаются легально, а не полулегально или подпольно, как в начале XX века. При этом, современная государственная власть приветствует (по крайней мере – на словах) их создание.

То есть партии государству как бы **нужны**, но эта «нужность», которая привязывает партии в малоподвижном состоянии к государственным органам управления, создает некоторые серьезные проблемы.

Как известно, «проблема» – это расхождение между желаемым и реальным положением вещей. Вот под этим углом и хотелось бы рассмотреть обозначенную выше тему.

Автор публикации совсем не претендует выдать свои суждения за истину в последней инстанции. И те пять проблем, которые будут обозначены здесь ниже, конечно же, далеко не исчерпывают собой все из реально существующих.

Итак, хотелось бы остановиться на следующем:

I. Происходит ущемление интересов маленьких по количеству членов партий, а вместе с ними – интересов миллионов россиян, которые голосуют за эти партии. Эти ущемления прослеживаются по двум направлениям.

Во-первых, таким ущемлением являются поправки, внесенные в декабре 2004 г. в федеральный закон «О политических партиях». А именно:

а) если раньше политическая партия обязана была иметь в своих рядах не менее 10 тысяч членов, то теперь – не менее 50 тысяч членов (1). То есть партии, которые не набирают этой численности – перестают быть партиями;

б) партия обязана иметь свои региональные отделения более, чем в половине субъектов РФ. Но если раньше в каждом таком региональном отделении должно было быть не менее 100 человек, то теперь – не менее 500 членов. В остальных регионах численность парторганизаций должна быть не менее 250 человек (раньше было – не менее 50-ти) (2).

Во-вторых, такое же ущемление присутствует в самом факте введения процентного ограничительного барьера при подведении итогов голосования в Государственную Думу РФ по партийным спискам. С 1993 г. такой барьер в РФ составлял 5%, а с 2006 г. – 7%.

Между тем, из 18 стран Европейского союза только в трех имеются оговорки о процентном барьере при выборах в парламент по партийным спискам. Это - Германия – 5%, Швеция – 4% и Испания – 3% (3).

Таким образом, в России от участия в политической жизни отсекаются государством маленькие партии, а значит и стоящие за ними избиратели. А ведь, судьей над партией должны быть избиратели (своим голосованием «за» или «против» неё)...

Сколько же граждан РФ, пришедших на избирательные участки при избрании депутатов Государственной Думы, проголосовали зря? Этот видно из таблицы, в которой указаны только те, кто преодолел ограничительный 5%-й барьер.

Итоги выборов в Государственную Думу РФ (4)

Избирательное объединение	1993 г. (8 блоков)	1995 г. (4 блока)	1999 г. (6 блоков)	2003 г. (4 блока)
Единая Россия	-	-	23,32% (Единство)	37,57%
КПРФ	12,2%	22,3%	24,29%	12,61%
ЛДПР	22,9%	11,2%	5,98% (Блок Жириновского)	11,45%
Выбор России	15,5%	-	-	-
Наш дом - Россия	-	10,1%	-	-
Родина	-	-	-	9,02%
Отечество-Вся Россия	-	-	13,33%	-
Союз правых сил	-	-	8,52%	-
Женщины России	8,1%	-	-	-
Аграрная партия России	8%	-	-	-
Яблоко	7,9%	6,9%	5,93%	-
ПРЕС	6,8%	-	-	-
Демократическая партия России	5,5%	-	-	-
ИТОГО (в %%)	86,9%	50,5%	81,37%	70,65%
Потеря в %% голосов избирателей	- 13,1%	- 49,5%	- 18,63%	- 29,35%

В совокупности, победители собирают от 50,5 до 86,9 %% голосов избирателей. А от 13,1 и до 49,5 %% избирателей за четыре избирательные кам-

пании наглядно убедились в своей ненужности присутствия в данной «демократической» системе. Если взять за пример только выборы (2003 г.), то мы увидим, что в 2003 г. голосовало 60 712 299 россиян (что составило только 55,75% от включенных в списки избирателей). Против всех голосовали 2 851 600 избирателей (4,70%) (5). Таким образом, около 15 млн. человек, проголосовавших за избирательные блоки, не прошедшие в Государственную Думу, голосовали зря.

Такая политика государства, направленная на игнорирование волеизъявления многих миллионов избирателей, приводит к тому, что:

а) развивается политическая апатия части законопослушных граждан. И мы это видим через снижение явки избирателей. Бороться с властью радикально-экстремистскими методами такие люди не хотят, а через голосование их никто слышать и видеть не хочет. Люди устраниются от власти, происходит противопоставление «мы» (лишний народ) и «они» (господа, хозяева, чужаки). Вряд ли такое противопоставление идет на пользу развития гражданского общества.

б) государственная власть РФ, провозглашая недопустимость экстремизма в обществе, сама же его и провоцирует! Где обозначать свои проблемы и интересы тем, кого не пустили в парламент, но кто обладает яркой политической энергией?! Только на улице и, возможно, радикальными методами борьбы, чтобы привлечь к себе внимание общества. Государство лишило их возможности заседать в залах, и поэтому они борются за власть внепарламентскими методами!

II. Политические партии в России зависят от исполнительной ветви власти, то есть в реальности не обладают собственной политической властью. На федеральном уровне партии представлены только в ГД. Но законодательная власть Государственной Думы значительно ограничена двойным вето – Совета Федерации (который формируется по непартийному принципу) и Президента РФ (тоже формально беспартийного). Государственная Дума (а значит и политические партии в ней) поставлены в зависимое положение от Президента РФ. Президент может объявить о роспуске Думы, а это неприемлемо для большинства депутатов (6). Значит – они послушны воле Президента и находятся в зависимом от него положении.

III. Сами выборы лишены основного: партии не могут сменить правительство (7). Политическая партия может победить, получив сколько угодно процентов избирателей на выборах, но, при этом, это не означает автоматической смены Правительства РФ в пользу победившей партии. Мы не видели никогда, чтобы, например, представители КПРФ получили в Правительстве РФ 22%, 24%, или хотя бы 12% министерских портфелей! Не было так и в отношении ЛДПР и иных «победителей» на федеральных парламентских выборах. И даже сейчас, когда «Единая Россия» выиграла партийные выборы 2003 г., Правительство РФ – по-прежнему формально почти беспартий-

ное. Перед кем же оно ответственно? Перед избирателями? Нет! Это ещё раз говорит о слабости политических партий. Зачем они тогда вообще нужны? Зачем голосовать за какую-либо партию, если у неё нет полномочий сформировать свое Правительство?!

IV. Стремительно растущая стоимость избирательных кампаний ставит выживание партий в зависимость от внешних источников финансирования (8). А это делает партии объектом коррупционной активности финансово-промышленных кланов. Лоббисты-спонсоры в обмен на подаренные партии свои деньги вполне могут требовать льгот для себя. Например, размещение спонсоров на «проходные» места в партийных избирательных списках, предоставление статуса «помощника депутата», голосование спонсируемой партии в парламенте за интересы спонсоров и так далее. А это может сделать партию продажной, не отстаивающей интересы своего электората.

V. В России наметилась тенденция создания фактически однопартийной (или квази-многопартийной) системы. «Единая Россия» ведет себя как некогда КПСС, монополю претендуя на власть. «Единая Россия» активно использует административный ресурс, и этим для неё создаются привилегии, которых нет у других политических партий.

У части руководителей «Единой России» (например, у Председателя Государственной Думы РФ г-на Грызлова) в выступлениях и высказываниях проступают следующие нотки: «Кто выступает против нашей партии – тот выступает против Президента, а кто против Президента – тот выступает против России и её народа».

Примерно такая же точка зрения победила в 30-х гг. XX века в СССР: «Кто выступает против товарища Сталина, то выступает против партии, а кто против партии и товарища Сталина – тот враг народа».

Это – опасная точка зрения. И тогда, и сегодня. Когда одна партия становится истиной в последней инстанции – это становится большой проблемой для всех остальных. Так не должно быть. Партии должны находиться в равных условиях, как того и требует закон «О политических партиях». В преамбуле этого закона четко записано: «В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность», а также «...государством гарантируется равенство политических партий перед законом...» (9).

В заключение хотелось бы отметить, что многопартийная система в России находится ещё в стадии своего формирования. Но уже имеются серьезные проблемы, которые желательно бы разрешить в пользу здравого смысла, народовластия и равенства перед законом.

1. Федеральный закон от 20 декабря 2004 года №168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»» (статья 1).

2. Федеральный закон от 20 декабря 2004 года №168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»» (статья 1).

3. Селезнев Л.И. Политические системы современности: сравнительный анализ. СПб., 1995. С.64; Политология: Учебник / Под ред. М.А. Василика. М., 2006. С. 290-291.
4. Таблица составлена по: Политология: Учебник / Под ред. М.А.Василика. М., 2006. С. 354, 358-359; Российская газета (Москва). 2003. 20 декабря.
5. Российская газета. 2003. 20 декабря.
6. Барабанов М.В. Роль и место политических партий современной России в формировании государственной власти // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 5. С. 331-332.
7. Там же. С. 331.
8. Там же. С. 332.
9. Федеральный закон от 11 июля 2001 года №95-ФЗ «О политических партиях» (преамбула).

Яркова Е.И.
(Екатеринбург)

**«Красный бандитизм» как фактор социально-политического кризиса общества «военного коммунизма»
(на материалах Екатеринбургской губернии)**

Социально-политический кризис «военного коммунизма» проявлялся, прежде всего, как кризис власти. Недавно сформированные советские и партийные органы демонстрировали свое полное бессилие в управлении регионом. Самоуправство и произвол представителей власти в период «военного коммунизма» часто принимали форму мародерства и грабежа местного населения, и это были не единичные случаи, а явления массового характера (1).

Одним из ярких проявлений кризиса власти на местном уровне являются факты «красного бандитизма», которые имели место в Екатеринбургской губернии в начале 1920-х годов. Причинами «красного бандитизма», по словам работников Екатеринбургского губкома РКП(б), являлись: «тяжелое материальное положение рабочих и полупролетарской части деревни, материальное неравенство, психология наиболее жестокого периода гражданской борьбы... большой элемент бывших белых, на которых переносится ненависть за тяготы материального положения за преступления колчаковской власти» (2).

Весной 1921 г. заместитель председателя Екатеринбургского губернского совета народных судей Лузин в своем докладе на имя заведующего Екатеринбургским губернским отделом юстиции сообщал, что население Каменского уезда «в буквальном смысле терроризировано местными комячейками»(3). Зафиксировано было более десяти случаев самочинного расстрела и даже зверского убийства граждан, заподозренных местными коммуниста-

ми в контрреволюции. Имел место случай одновременного расстрела семи человек. Решение «об изъятии нежелательных элементов» принимала уездная «тройка», состоящая из начальника уездной милиции Боровского, секретаря уездного комитета партии Зырянова, заведующего уездным отделом управления Баландина. Расстрелы происходили в Нижне-Ярской волости и главным их инициатором являлся секретарь волкома РКП(б) А.М. Коуров. У местного населения утвердилось убеждение, «что стоит только не понравиться кому-нибудь из коммунистов и участь будет решена». Были случаи, что крестьяне из боязни самосудов к ночи собирались группами до 7-8 человек в одну избу для сна (4).

В исторической литературе современного периода отражено «егоршинское дело», когда летом 1921 г. на Егоршинских копах, по приговору волостного комитета РКП(б) были убиты три техника-специалиста (5). Данное дело получило широкий резонанс. Организаторы и участники акции (всего 15 человек) были арестованы и отправлены в Москву. Местные и центральные партийные власти увидели в этом деле тенденцию к «спецедействию». Секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б) Н.И. Уфимцев заявил: «путем убийства техников-специалистов расчищается дорога для отдельных коммунистов к административно-хозяйственным должностям, а ячеек в целом, — к неограниченному управлению предприятием в духе старой послеоктябрьской партизанской практики» (6). Дело «егоршинских рабочих» даже рассматривалось на секретариате и политбюро ЦК РКП(б) в апреле 1922 г. (7)

Участники егоршинского расстрела специалистов были осуждены на различные сроки заключения – от 3 лет до высшей меры наказания (8). Однако уже в начале 1923 г. некоторые из них были амнистированы. В феврале 1923 г. Ирбитским укомом РКП(б) даже рассматривался вопрос о восстановлении их в партии и назначении на ответственные посты. Президиум Екатеринбургского губкома на заседании 13 февраля 1923 г. дал указание Ирбитскому укому о недопустимости «принятия вновь в партию амнистированных т.т. Агафонова и Пименова, обвиненных по «Егоршинскому процессу», но предложил «перебросить их по профсоюзной линии в другой район» (9). Подобное мягкое наказание убийц расходилось с заявлениями партийных органов о том, что участники самосудов «будут рассматриваться как враги Советской власти и строго преследоваться» (10).

Менее широкий резонанс, чем убийство инженеров имели факты расправ с крестьянами во время ликвидации дезертирских восстаний в Екатеринбургской губернии. Например, в Шемаханской волости Екатеринбургского уезда без суда и следствия отрядом кавалеристов Дрожкина «при колольном звоне ... у самой церкви» были расстреляны шестеро крестьян, «на которых донесли, что якобы они были дезертирами и воровали скот» (11).

Еще более кровавые преступления в Торговишской и Утинской волостях Красноуфимского уезда осенью и зимой 1920 г. совершал отряд под командованием председателя Торговишского волисполкома И.А. Антонова, который боролся не с «дезертирством, а с мирными гражданами, устраивая самоуправство, бесчинство, избиение граждан и даже убийства с издевательствами, не считая грабежей, производимых под видом конфискации» (12). Расстреливались крестьяне, не платившие своевременно продразверстку или не сдавшие хранившегося у них оружия. Находилось и много других причин для расстрелов, например, был расстрелян крестьянин, отказавшийся выдать замуж за Антонова свою дочь. Представители местной волостной власти не только не протестовали против таких действий, но участвовали в них лично, в том числе и председатель волостного комитета РКП(б) Сысолятин. Уездным партийным органам также было известно о творящихся безобразиях. Несмотря на это, деятельность Антонова не была пресечена и весной 1921 г. из Торговишской волости он был переброшен в Утинскую волость, где «под предлогом вылавливания дезертиров и бандитов, оставшихся после восстания 1920 г.» продолжил производить расстрелы (13).

По делу Антонова судебными органами было арестовано 33 человека (14) ответственных партийных и советских работников Красноуфимского уезда, Торговишской и Утинской волостей (15). Среди них были секретарь Красноуфимского укома РКП(б) Н.М. Семенов, председатель уисполкома Щербаков, начальник уездного политбюро милиции Иванов, заведующий отделом управления уисполкома Я.С. Анфалов (16). Выездной сессией Екатеринбургского губревтрибунала в г. Красноуфимске 1 февраля 1922 г. был вынесен приговор о расстреле семи человек, в том числе начальника уездного политбюро Иванова и предволисполкома Антонова. Однако верховным кассационным трибуналом этот приговор был приостановлен (17).

В «Меморандуме» Екатеринбургской ЧК о «красном бандитизме», составленном для ЦК РКП(б), перечисляются и другие кровавые факты преступлений ответственных работников Екатеринбургской губернии. Например, расстрел на почве личной неприязни двух человек в Нижнесалдинском заводе в марте 1921 г.; убийство членами РКП(б) сестры милосердия Новопышминской больницы (Камышловский уезд); расстрел рабочего Черемшанских каменно-угольных копей Исламова членами партии Ирбитско-Вершининской организации (Камышловский уезд) в июне 1921 г.; расстрел трех человек в селе Троицком Камышловского уезда начальником милиции и милиционерами в июне 1921 г.; убийство арестованного в Кочневской волости того же уезда в мае 1921 г. (18)

В Шадринском уезде в 1921 г. члены ячейки РКП(б) организовывали нападения на «кулаков» «с убийством их и дележкой между собой у них награбленного». Местные крестьяне сами обезвредили «красных бандитов»

«сделали обыск у них, и найдя поделенное, одели в него «коммунистов», и водили по деревням, показывая в назидание потомству» (19).

Центральные и губернские власти осознавали наличие проблемы «красного бандитизма» и по мере сил пытались бороться с ним. Устраивались показательные процессы, на которых виновные приговаривались к самым строгим наказаниям, вплоть до расстрела. Однако зачастую процессы, на самом деле, являлись «показательными» и проводились для того, чтобы убедить местное население в наличии элементов законности и порядка. Приговоренные по прошествии определенного времени амнистировались, восстанавливались в партии и перебрывались на руководящую работу в другой регион. Такие половинчатые меры не позволяли ликвидировать «красный бандитизм» и являлись показателем кризиса власти, охватившем властные структуры Екатеринбургской губернии в начале 1920-х годов.

1. Воробьев, С.В. Трудности становления системы управления на Урале: от военного коммунизма к НЭПу // Административно-территориальные реформы в России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества. Пермь, 2006. С. 91.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 41.
3. ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.
4. ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 9. Л. 12об.
5. Делицой А. И. От «Красного бандитизма» — к «спецедействию»: антиинтеллигентские настроения на Урале в первые годы НЭПа // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 18.
6. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 16.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 45 об.
9. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 254. Л. 7 об.
10. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 36. Л. 51; Делицой А.И. Указ. соч. С. 18.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 13.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 15.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 46 об. — 47.
14. По другим данным 27 человек (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л.46 об.).
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 14 об.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 46 об.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 47.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 13-14 об.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 45.

Научное издание

**РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА**

XI международные историко-педагогические чтения
Часть II

Рекомендовано к изданию Ученым советом
исторического факультета УрГПУ (протокол № 6 от 22.02.2007 г.)

Компьютерный набор Д.Н. Ряпусова
Верстка Г.А. Кругликова

Подписано в печать 14.03.2007 Формат 60x84/16
Бумага для множительных аппаратов. Усл. печ. л.
Уч.-изд. л. Тираж 150 Заказ

620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 59
Тел.: 251-65-93, 251-65-96, 251-66-04.

Отпечатано в типографии АМБ
620144, г. Екатеринбург, ул. Фрунзе, 96
Тел.: 269-55-74, 269-55-07

